

**Социологическая
наука
и
социальная
практика**

№ 4
ТОМ 13

ISSN 2413-6891

2025

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

S O C I O L O G I C H E S K A J A   N A U K A
I   S O C I A L ' N A J A   P R A K T I K A

Рецензируемый научный журнал

Основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год;
с 2023 г. в сетевом формате

2025. Том 13, № 4

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.4

EDN: SNMPPT

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Журнал включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1, белый список, уровень 1,
индексируется в WoS RSCI
Журнал открытого доступа

Все выпуски журнала размещаются на официальном сайте:
<https://www.socnp.ru>

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Редакция, редакционная коллегия журнала скорбят о кончине нашего главного редактора академика, члена президиума РАН Михаила Константиновича Горшкова, ушедшего из жизни 24 ноября 2025 года. Выдающийся учёный и талантливый организатор с 2005 года на протяжении 20 лет Михаил Константинович руководил Институтом социологии РАН (с 2017 года – ФНИСЦ РАН), был научным руководителем ФНИСЦ РАН, олицетворяя собой целую эпоху развития российской обществоведческой науки.

Особое внимание Михаил Константинович уделял продвижению научного социологического знания с переднего края науки, научной коммуникации учёных через профессиональные журналы, повышению степени востребованности результатов социологических исследований управленческими структурами. В 2013 году был учреждён журнал «Социологическая наука и социальная практика», публикационную политику которого он формировал как трибуну для представления достижений научного академического и педагогического социологического сообщества.

За годы существования журнала в нём публиковались материалы самого широкого дисциплинарного и междисциплинарного предметного профиля, из различных учреждений и организаций многих регионов нашей страны. Михаил Константинович понимал, что отбор и редакционная подготовка материалов журнала требуют огромного труда слаженной команды энтузиастов и специалистов, к которым он относился с уважением и пониманием, с интересом воспринимал предложения, откликался на проблемы и нужды коллектива. Рейтинг журнала подтверждает, что главный редактор вёл команду в нужном направлении.

Сейчас нам важно продолжить дело Михаила Константиновича, жить, развиваться, продвигаться в той деятельности, которую мы помогали ему осуществлять на протяжении многих лет. Мы искренне благодарны Михаилу Константиновичу за его труд, за мудрость и поддержку, которую он оказывал своим коллегам. Светлая память о нём останется в наших сердцах навсегда!

*Редакция журнала
«Социологическая наука и социальная практика»*

Редакционная коллегия

ГОРШКОВ Михаил Константинович	главный редактор, академик РАН, доктор философских наук, директор, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
АКТАМОВ Иннокентий Галималаевич	кандидат педагогических наук, доцент, директор Восточного института Бурятского государственного университета (Россия)
БАРАШ Раиса Эдуардовна	кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна	кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГОФМАН Александр Бенционович	доктор социологических наук, профессор, НИУ ВШЭ (Россия)
ГРИНБЕРГ Руслан Семёнович	член-корреспондент РАН, научный руководитель, Институт экономики РАН (Россия)
ДУАЙЕР Том	профессор, университет Кампинаса, член Исполкома Международной социологической ассоциации (Бразилия)
ЗУБОК Юлия Альбертовна	доктор социологических наук, профессор, и. о. директора ФНИСЦ РАН (Россия)
КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КРАВЧЕНКО Сергей Александрович	заместитель главного редактора, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО-Университет МИД РФ (Россия)
МОЗГОВАЯ Алла Викторовна	заместитель главного редактора, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
МОРГАН Джон	доктор философии, профессор, Председатель национальной комиссии ЮНЕСКО Соединенного Королевства, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Великобритания)
МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ЛИ Пейлин	академик, Китайская академия общественных наук (Китай)
СМИРНОВ Александр Ильич	доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна	доктор социологических наук, профессор-исследователь НИУ ВШЭ (Россия)

Editorial Board

GORSHKOV Mikhail

(Editor in Chief), Academician, Director, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)

AKTAMOV Innocentiy

Candidate in Pedagogy, Associate Professor, Director of the Oriental Institute of the Buryat State University (Russia)

BARASH Raisa

Candidate of Politology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)

DWYER Tom

Professor, University of Campinas, a Board member of the International Association of a sociological (Brazil)

GOFMAN Alexander

Doctor of Sociology, Professor of Department of General Sociology of the HSE University (Russia)

GRIGOR'EVA Ksenija

Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)

GRINBERG Ruslan

Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)

KONSTANTINOVSKY David

Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Head of the Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)

KRAVCHENKO Sergey

(Deputy Editor), Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Sociology MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry (Russia)

LI Pailin

Academician, Chinese Academy of Social Sciences, (China)

MORGAN John

Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK)

MOZGOVAYA Alla

(Deputy Editor), Doctor of Sociology, Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)

MUKOMEL Vladimir

Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)

SMIRNOV Alexander

Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)

TIKHONOVA Natalia

Doctor of Sociology, Professor, HSE University (Russia)

ZUBOK Julia

Doctor of Sociology, Acting Director of FCTAS RAS (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю: представление номера 10

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Шилова В. А.
Коммуникативная система регионального управления:
типовые и уникальные свойства 15

Ефимова Г. З.
Компетентностный профиль преподавателя в фокусе
социологии управления: дефициты и эффективность
программ академического развития 34

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

Колесникова Е. М., Черевкова А. И.
Значимость научного капитала школьных учителей для
реализации процесса профориентации в сфере предметов STEM 59

Шипунова Т. В.
Социальный контроль как риск девиантизации
повседневных практик 86

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

Нархов Д. Ю.
Поколенческие ресурсы вузовских образовательных общностей
и их влияние на развитие университетской науки 103

Радаев В. В.
Растущая вовлечённость в социальные сети и зависимость
их пользователей в молодых поколенческих группах 127

АДАПТАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Бессокирная Г. П., Большакова О. А., Караханова Т. М.
Режимы работы и недельный ритм повседневной деятельности
горожан в контексте их социальной адаптации 159

СОЦИОЛОГИЯ РИСКА

Шлыкова Е. В.
Социальное самочувствие взрослого населения России как
показатель адаптированности к рискогенному контексту среды
(по материалам общероссийского репрезентативного опроса) 195

СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ

Эндрюшко А. А.

Возможность, ресурс, бремя: роль времени в интеграции
мигрантов 212

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Зарубина Н. Н., Карпова Д. Н., Капитоненкова Т. Д.

Наука и высшая школа перед вызовами современности:
стратегии и перспективы развития (размышления по итогам
научно-практической конференции)..... 230

БЛАГОДАРНОСТИ РЕЦЕНЗЕНТАМ..... 238

CONTENT

To the reader: presentation of the issue	10
--	----

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

<i>Shilova V. A.</i> The communicative system of regional governance: typical and unique properties	15
<i>Efimova G. Z.</i> The faculty competency profile through the lens of management sociology: analyzing gaps and effectiveness of university academic development programs.	34

SOCIAL PROCESSES AND SOCIAL DYNAMICS

<i>Kolesnikova E. M., Cherevkova A. I.</i> The importance of school teachers' scientific capital for implementing the process of vocational guidance in stem subjects	59
<i>Shipunova T. V.</i> Social control as a risk of deviantization of everyday practices.	86

SOCIOLOGY OF SOCIAL GROUPS

<i>Narkhov D. Yu.</i> Generational resources of university educational communities and their impact on the development of university science.	103
<i>Radaev V. V.</i> Increasing engagement in social media and addiction of users from younger generational cohorts	127

ADAPTATION PROCESSES IN MODERN RUSSIA

<i>Bessokirnaya G. P., Bolshakova O. A., Karakhanova T. M.</i> Workweek modes and citizens' weekly rhythm of daily activities in the context of their social adaptation.	159
--	-----

SOCIOLOGY OF RISK

<i>Shlykova E. V.</i> The social well-being of the Russian adult population as an indicator of adaptability to the risk-generating context (on a representative nationwide survey)	195
---	-----

SOCIOLOGY OF MIGRATION

Endryushko A. A.

Opportunity, resource, burden: the role of time in migrant integration . . . 212

SCIENTIFIC LIFE

Zarubina N. N., Karpova D. N., Kapitonenkova T. D.

Science and higher school facing the challenges of modernity:
strategies and prospects for development (reflections on the results
of the scientific and practical conference) 230

ACKNOWLEDGMENTS TO THE REVIEWERS 238

К ЧИТАТЕЛЮ: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА

Уважаемый читатель!

Представляем Вашему вниманию очередной номер журнала «Социологическая наука и социальная практика». Редакция надеется, что тематика статей заинтересует представителей различных научных направлений современной российской социологической науки.

Рубрика **«СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ»** представлена двумя статьями. **Валентина Александровна Шилова** в статье «Коммуникативная система регионального управления: типовые и уникальные свойства», используя системный подход как теоретическое основание и системный анализ как методологическую платформу, моделирует универсальную коммуникативную систему регионального управления. Система вписана автором в три надсистемы (культурную, управленческую, коммуникативную) и имеет девять подсистем. Опираясь на функциональную схему AGIL Т. Парсонса (А-адаптация, G-достижение цели, I-интеграция, L-латентность), отражающую ключевые системные потребности, автор определяет функцию каждой подсистемы. На примере регионов РФ производится апробация предложенного подхода и описываются возможности формирования типовых и уникальных свойств коммуникативной системы регионального управления.

Вторая статья рубрики – «Компетентностный профиль преподавателя в фокусе социологии управления: дефициты и эффективность программ академического развития». Выводы автора статьи **Галины Зиновьевны Ефимовой** основаны на материалах эмпирического исследования, проведённого ею в октябре – ноябре 2024 г., среди преподавателей (анкетирование, n=2120) из 15 российских университетов. Выявлены дефициты компетенций, а также компетенции, формирование которых оказалось наиболее результативным в рамках реализации корпоративной программы академического развития. Результаты свидетельствуют о необходимости корректировки управленческих приоритетов в формировании компетенций преподавателей с акцентом на технологические и лидерские навыки, а также о значимости повышения эффективности управленческих решений в рамках программ развития компетенций.

Рубрика **«СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА»** также представлена двумя статьями. В статье **Елены Михайловны Колесниковой** и **Алёны Игоревны Черевковой** анализируется актуальная проблема научного капитала педагогов в связи с социальным процессом профориентирования учащихся, в частности по дисциплинам STEM. Авторы рассматривают эффективность этого процесса через оценку значимости научного капитала учителей

разных уровней сферы школьного образования. В предлагаемой читателю статье авторы акцентируют внимание на сходстве и различиях ряда составляющих научного капитала учителей-предметников точных наук, которые считаются основной целевой группой в сфере профориентации STEM, и педагогов начальных классов, которым обычно уделяется недостаточно внимания в такого рода исследованиях. Эмпирической базой являются данные исследования, проведённого в марте – апреле 2025 г. методом стратифицированного случайного выборочного анкетного опроса школьных учителей в крупных городах трёх регионов: Москве, Самаре, Ростове-на-Дону. Для решения исследовательских задач опрос был дополнен полуструктурированными экспертными интервью. Данные и выводы по результатам исследования позволяют обозначить проблемы происходящих процессов с точки зрения непосредственных деятелей, эти процессы реализующих.

Татьяна Владимировна Шипунова в статье «Социальный контроль как риск девиантизации повседневных практик» выдвигает тезис о том, что рассмотрение социального контроля в социологии и девиантологии преимущественно как универсального механизма борьбы с социальным злом сужает предмет анализа, а также не позволяет учитывать негативные социальные эффекты контроля, конкуренцию различных субъектов контроля. Автор показывает, что рассмотрение социального контроля в широкой перспективе позволяет очерчивать круг ответственности его агентов и применять оценки их деятельности в категориях репутационного вреда, злоупотребления доверием, долга, социальной справедливости и т. д.

Дмитрий Юрьевич Нархов в рубрике «СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП» рассматривает поколенческие ресурсы вузовских образовательных общностей и их влияние на развитие университетской науки. Методологическим основанием исследования автора являются поколенческий, общностный и ресурсный подходы. Эмпирические данные получены на основании анализа статистики Минобрнауки РФ и мониторинга системы высшего образования, двух волн экспертных интервью с сотрудниками вузов Уральского федерального округа. Сформулировано заключение об ограниченности условий межобщностного ресурсного обмена и конвертации ресурсов в процессах научно-исследовательского взаимодействия общностей, сдерживающих развитие университетской науки. Сделан вывод о ресурсном потенциале поколенческих общностей как характеристике стратегического порядка, ядром которого является потенциал научных школ. Последние являются пространством оптимального взаимодействия образовательных и поколенческих общностей, в результате которого достигается синергетический эффект от совместного использования ресурсов разных поколений в научной деятельности.

В статье «Растущая вовлечённость в социальные сети и зависимость их пользователей в молодых поколенческих группах» **Вадим Валерьевич Радаев** анализирует историю появления и распространения в России социальных сетей, а также их амбивалентное влияние на повседневную жизнь пользователей.

В эмпирической части через призму межпоколенческого анализа на основе репрезентативных количественных данных исследуется рост вовлечённости россиян в посещение социальных сетей (включая отдельные сети и мессенджеры), а также растущая зависимость россиян от социальных сетей. В качестве основного источника информации используются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ). Кроме сопоставления доли пользователей по поколениям и периодам, применяется логистический регрессионный анализ с показателями вовлечённости и зависимости от цифровых технологий в качестве зависимых переменных. В результате установлено, что межпоколенческие различия (за которыми во многих случаях скрывается эффект возраста) значимо влияют на основные показатели вовлечённости в социальные сети, включая интенсивную (ежедневную) вовлечённость.

Рубрика **«АДАПТАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»** представлена статьёй коллектива авторов «Режимы работы и недельный ритм повседневной деятельности горожан в контексте их социальной адаптации». **Галина Петровна Бессокирная, Ольга Александровна Большакова** и руководитель исследовательского коллектива **Татьяна Муртазаевна Караханова** анализируют влияние режимов работы и недельного ритма жизнедеятельности на социальную адаптацию занятого населения. С этой целью использованы данные мониторинга повседневной деятельности и бюджета времени городских жителей, который осуществляется в Институте социологии ФНИСЦ РАН. По результатам исследований (с 1970-х по 2020 гг.) рассмотрены применяемые режимы рабочей недели. Выявлено, что, несмотря на формирующееся разнообразие режимов рабочей недели, преобладающей для наёмных работников остаётся пятидневная рабочая неделя с двумя выходными днями («пятидневка»). Установлено, что показатели использования времени наёмными работниками в рабочие и нерабочие дни различаются в зависимости от режима рабочей недели («пятидневка» или «другие режимы рабочей недели») и гендерного статуса. Показатели удовлетворённости работающих горожан использованием времени в сферах труда, быта и отдыха также различаются в зависимости от режима работы и гендерного статуса. Высказано предположение, что выбор отличного от «пятидневки» режима рабочей недели для определённой части тружениц (даже при менее благоприятных условиях труда) является фактором, который позволяет им осуществлять баланс «работа – семья» в повседневной деятельности. Удовлетворённость работой и удовлетворённость жизнью выше в группе предпринимателей и самозанятых, что позволяет считать эти новые формы занятости потенциально эффективными способами адаптации горожан в новой социальной реальности.

Статьёй **Елены Викторовны Шлыковой** «Социальное самочувствие взрослого населения России как показатель адаптированности к рискогенному контексту среды (по материалам общероссийского репрезентативного опроса)» представлена рубрика **«СОЦИОЛОГИЯ РИСКА»**. Исходным для анализа

в статье является представление об уникальности переживаемой российским обществом адаптивной ситуации, вызванной необходимостью взаимодействовать с рискогенным контекстом среды, формируемым длительным воздействием витальных рисков. Автор исходит из положения, что в основе адаптивных механизмов в рискогенных средах лежит выбор способа взаимодействия с риском, а именно между принятием возможного ущерба в ожидании последующего успеха или избеганием ущерба из-за опасения неудачи. Эмпирической проверке подвергается гипотеза о «роли» выбора способа взаимодействия с риском как фактора успешности/неуспешности адаптации и способствующего/препятствующего адаптивной асимметрии в обществе. Показано, что выбор активного освоения неопределённости через поиск в рискогенной среде новых возможностей для роста собственного благополучия и личностного развития является фактором повышения адаптированности населения и снижения адаптивных асимметрий в обществе.

В рубрике «**СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ**» представлена статья **Анны Александровны Эндрюшко** «Возможность, ресурс, бремя: роль времени в интеграции мигрантов», которая продолжает предыдущий этап исследования, выполненный на количественных данных, и направлена на раскрытие механизмов влияния времени. На основе полуструктурированных глубинных интервью с мигрантами, имеющими различный миграционный «стаж» (от 5 до более 20 лет), анализируется то, как время связано с рядом аспектов интеграции: профессиональным статусом, межэтническим взаимодействием, языковыми навыками, качеством жизни, структурой идентичностей, транснационализмом. Анализ текстов интервью осуществлялся методом открытого кодирования с выделением подкатегорий, отражающих индивидуальные стратегии интеграции во времени. Результаты исследования демонстрируют, что влияние времени на интеграцию носит нелинейный и многомерный характер. Результаты позволяют переосмыслить значение времени не как внешнего детерминанта, а как социально конструируемой категории, в которой мигранты становятся активными субъектами, управляющими своими временными нарративами. Исследование подтверждает, что успешная интеграция – результат не автоматического эффекта времени, а взаимодействия длительного пребывания с системой личных и структурных условий.

В рубрике «**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**» размещена краткая научная информация, в которой представлен анализ и обобщение результатов обсуждения проблематики стратегий и перспектив развития науки и высшей школы перед вызовами современности. **Наталья Николаевна Зарубина, Дарья Николаевна Карпова** и **Татьяна Дмитриевна Капитоненкова** анализируют позиции представителей научного и педагогического сообщества относительно наличного контекста, в котором современная наука и высшее образование переживают глубокие трансформации под влиянием цифровизации, глобализации и геополитических вызовов. Эти процессы меняют структуру научной деятельности и формируют новый эпистемический ландшафт, в котором российская наука сталкивается

с вызовами неравного доступа к международным научным ресурсам. В этих условиях особенно актуальны поиски альтернативных моделей организации знания, основанных на междисциплинарном синтезе и учёте национального культурного контекста.

В рубрике «**БЛАГОДАРНОСТИ РЕЦЕНЗЕНТАМ**» размещён список учёных, которые выступали экспертами рукописей статей, поступивших в редакцию в 2025 году. Редакция выражает искреннюю признательность рецензентам за экспертный труд, который требует не только глубоких знаний, но и затрат интеллектуального потенциала и драгоценного времени.

Материалы четвёртого номера журнала за 2025 год содержат данные и выводы с переднего края науки, надеемся, что публикации найдут своего заинтересованного читателя и будут полезны для развития исследовательских направлений современной социологии.

Редакция журнала

КОММУНИКАТИВНАЯ СИСТЕМА РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ТИПОВЫЕ И УНИКАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА

Валентина Александровна Шилова

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия

vshilova@yandex.ru,

ORCID 0000-0002-8899-2707

Для цитирования: Шилова В. А. Коммуникативная система регионального управления: типовые и уникальные свойства // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 4. С. 15–34. DOI 10.19181/snsp.2025.13.4.1. EDN XBGIZT.

Аннотация. В статье применён системный подход как теоретическое основание и системный анализ как методологическая платформа, что даёт автору возможность смоделировать универсальную коммуникативную систему регионального управления. Представленная в статье коммуникативная система регионального управления вписана в три надсистемы (культурную, управленческую, коммуникативную) и имеет девять подсистем: 1) иерархическую; 2) управленческих целей; 3) интенциональную; 4) коммуникативных знаний и профессиональных навыков; 5) ценностно-нормативную; 6) правовую (законодательную); 7) информационно-пространственную; 8) технологических связей; 9) языковых средств, которые в свою очередь распадаются на составные части, из множеств отдельных однородных элементов. Далее, опираясь на функциональную схему AGIL Т. Парсонса (А-адаптация, G-достижение цели, I-интеграция, L-латентность), отражающую ключевые системные потребности, автор определяет функцию каждой подсистемы. Установлено, что функцию адаптации в системе выполняет иерархическая подсистема, достижение цели осуществляется при помощи подсистем управленческих целей и интенциональности, интеграция достигается при помощи подсистем коммуникативных знаний и профессиональных навыков, ценностно-нормативной, правовой (законодательной), информационно-пространственной подсистем, латентность поддерживается при помощи языковых средств и технологических связей. В заключительной части статьи на примере регионов РФ описываются возможности формирования типовых и уникальных свойств коммуникативной системы регионального управления.

Ключевые слова: системная теория, системный подход, системный анализ, коммуникативная система, региональное управление, функциональная схема AGIL, типовые и уникальные свойства системы

Введение

Системный подход как теоретическое основание (общая и специализированная теория систем) и как междисциплинарный исследовательский метод, зародившийся в начале XX века и на его протяжении получивший интенсивное

развитие, широкое распространение и признание [1], на наш взгляд, остаётся эффективной методологией, а системное мышление позволяет успешно анализировать процессы технологизации управления на всех его уровнях [2].

Корни современного системного подхода уходят к холистическим философским и религиозным теориям. Общеизвестным основоположником системного подхода считается австрийский биолог и философ Людвиг фон Берталанфи, который озвучил его основы на IX Международном философском конгрессе в 1937 году. Несмотря на то, что выступление преимущественно осталось без комментариев, однако, в 1958 году на XII Международном философском конгрессе доклад учёного, в котором были представлены итоги разработки «общей теории систем», привлёк широкое внимание и имел успех [3].

Отмечая важность значения информации и методики её измерения и передачи, Н. Винер в предисловии ко второму изданию своей работы «Кибернетика» (опубликована в 1948 году) призывает в 1961 году применять кибернетику к новым областям знания и идеям, ссылаясь на то, что она вызвала широкий интерес у исследователей и при рассмотрении линейных обратных связей, были получены далеко нетривиальные результаты [4, с. 29–30].

На школу «социальных систем», по мнению Д. М. Гвишиани, сильное воздействие оказал американский структурный функционализм Т. Парсонса и Р. Мертона [5].

По Т. Парсонсу, одним из важных свойств системы является то, что она обладает поведением. «Сложные системы – организмы, личности и общества – обладают способностью накапливать и передавать информацию и в них возникают процессы управления и самоорганизации. Такая система, подвергнувшись разрушительному воздействию, способна возвращать себе равновесие» [6, с. 4].

Т. Парсонс определял социальную систему как систему «процессов взаимодействия акторов, она представляет собою структуру отношений между акторами, включёнными в процессы взаимодействия, которая по существу и есть структура социальной системы. Указанная система – не что иное как сеть таких отношений» [6, с. 97].

Социальные системы, по Т. Парсонсу, соотносятся с четырьмя уровнями организации общества. На первичном (техническом) уровне элементы непосредственно взаимодействуют друг с другом. На управленческом уровне происходит регуляция процессов обмена, которые совершаются на техническом уровне, на институциональном решается вопрос иерархии, а на социальном осуществляется контроль и распределение ресурсов.

Свою теорию действия Т. Парсонс назвал концептуальной схемой для анализа поведения живых организмов. [7, с. 458]. Главными предметами рассмотрения в теории действия являются социальные системы, системы личности и культурные системы. Кроме того, Т. Парсонс ввёл и обосновал понятия «действие» и «актор».

Р. Мертон, автор концепта «теории среднего уровня», в его интерпретации находящейся между второстепенными исследовательскими гипотезами

и всеобъемлющей общей теорией, предложил использовать её в социологии как «ориентир для эмпирического исследования» и заострил внимание на необходимости включать в старые концептуальные системы новые, полученные эмпирическим путём, аспекты, которые ранее недостаточно учитывались [8, с. 64, 217].

Д. М. Гвишиани выделяет три основных области системных исследований. К первой, связанной с попытками создать универсальные системные концептуальные построения, он относит «тектологию» или «всеобщую организационную науку» А. А. Богданова, работы по общей теории систем Л. Фон Берталанфи, теоретической кибернетике Н. Винера и Росса Эшби. Во второй, обозначаемой как «специализированные методологические подходы к исследованию систем», он выделяет структурно-функциональный анализ Т. Парсонса и Р. Мертона в социологии, структуралистскую концепцию Ф. де Соссюра в языкознании, а также ряд подходов в биологии и физиологии, экологии. В третьей области, связанной с разработкой различных видов инструментария, обеспечивающего практическое решение слабоструктурированных задач управления, он выделяет работы Ч. Бернарда, Г. Саймона, Э. Голднера и др. Таким образом, Д. М. Гвишиани называет три обозначенных области «общей теорией систем», «системным подходом» и «системным анализом», и далее настаивает на том, что это, несмотря на тесную связь, независимые исследовательские направления. В идеале общая теория систем является базовой наукой о системах любых типов; системный подход становится общенаучным междисциплинарным методологическим направлением, а системный анализ концентрируется на разработке теоретико-методологических средств исследований, конструирования и управления системами, включающими человеческий фактор [5; 9].

Э. Г. Юдин, проделав сопоставительный анализ структурно-функционального и системного подхода, приходит к выводу, что если в структурализме принцип целостности реализуется через понятия «структура» и «функция», то в системном подходе центральным является термин «система», тесно связанный с понятиями «структура», «организация», «связь», «отношение», «элемент», «управление» – это даёт ему преимущества и позволяет конструировать более целостное представление о сложных объектах [10].

Особенности системного подхода

Системный подход рассматривает системы как целостные структуры, взаимодействующие с окружающей средой. А. А. Малиновский, вслед за биохимиком и историком науки Дж. Нидэмом, указывает на то, что системы характеризуются, как минимум, тремя факторами: качеством и количеством элементов и тем, как они складываются в общую архитектуру системы, так называемую структуру [11].

Целостность – исходное основание системного подхода. Принцип целостности предполагает обязательное наличие частей, из которых она состоит. Целое состоит из частей, но оно не равно сумме частей.

В работе «Системный анализ и аналитические исследования» авторы отмечают, что «при определённых условиях события, явления и процессы, существенные для жизнедеятельности человека, социальных групп и общества и для достижения поставленных ими целей, рассматриваются ими как системы» [12, с. 23].

Авторы, описывающие системный подход, делают акцент на многообразии трактовок базового понятия «система», связывая это с разнообразием систем. Целостное состоит из взаимосвязанных частей: чем сложнее система, тем неравноценнее её части. Компоненты системы включены в функциональные отношения, связи проявляются через отношения.

Традиционно исследователями производится деление систем на физические и абстрактные [13], простые и сложные. При этом, как отмечают многие авторы, сложные системы имеют три ключевых свойства: робастность, наличие разных по типу связей между элементами и эмерджентность. Выделяют также искусственные и естественные системы. Под робастностью подразумевается малое изменение выхода замкнутой системы управления при малом изменении параметров объекта управления, а иными словами устойчивость системы к помехам. Эмерджентность – это наличие у системы свойств, не присущих её компонентам по отдельности [13].

Ключевые понятия при моделировании системы

Для описания модели коммуникативной системы регионального управления в своей работе автор использовал следующие ключевые понятия:

- «система» – взаимосвязь различных элементов, представляющих замкнутое целое [14];
- «подсистема» – часть системы, в нашем случае выделенная по определённому признаку, входящая в неё и образующая с ней единое целое, обладающее некоторой самостоятельностью и допускающее деление на элементы;
- «среда» – множество объектов вне данной системы, которые её окружают, оказывая на неё влияние, и находящиеся под воздействием системы [13];
- «элемент» – минимальный неделимый компонент системы или максимальный предел её расчленения в рамках поставленной исследовательской задачи [10, с. 134];
- «характеристики» – свойства элементов системы, могут быть количественными и качественными в зависимости от типа отношений;
- «иерархия» – принцип подчинения в системе, по которому подсистемы любого уровня детерминированы извне, то есть структура – функция;
- «связь» – вид отношений между элементами, которые проявляются как взаимодействие (обмен), подразделяются на внутренние (системные) и внешние со средой, окружающей систему.

Вокруг понятия «связь» в системных исследованиях разворачивается одна из наиболее масштабных научных дискуссий. Понятие связи упоминается

практически в каждой работе, приобретая самостоятельную нагрузку в зависимости от исследовательского объекта.

Существуют многочисленные классификации системных связей.

Известна классификация связей А. А. Малиновского, который выделил по степени силы жёсткие, корпускулярные и звёздные связи [11].

Наиболее ёмкой является классификация Э. Г. Юдина, который обобщил работы предшественников:

- взаимодействия, которые, в свою очередь, делятся на связи свойств и связи объектов;
- порождения или генетические – один объект порождает к жизни другой;
- преобразования – связи, реализуемые через один объект или через взаимодействие двух объектов;
- строения (структурные), по подобию химических связей;
- функционирования – объекты, объединённые такой связью, совместно осуществляют какую-либо функцию. Связи функционирования делятся на связи состояний, когда следующее состояние является функцией от предыдущего, и связи подобные нейронным, когда объекты связаны единством реализуемой функции;
- развития, где основное содержание данного процесса составляют существенные изменения в строении объекта и формах его жизни, происходит актуализация заложенных в объекте потенциалов и выход на новый уровень функционирования;
- управления, которые строятся на основе определённой программы и представляют собой способ её реализации [10, с. 186–192].

Метод моделирования сложных систем

Под методом моделирования сложных систем мы понимаем [13] исследование реального процесса (объекта), включающее построение модели, а точнее перенос полученной информации о процессе (объекте) на моделируемую систему.

К функциям моделирования относится описание, объяснение и прогнозирование поведения реальной системы. Важным свойством модели является отражение в ней только значимых свойств системы, важных для исследования.

Мы можем выделить ключевые типы моделей, в зависимости от того, как описываются составляющие элементы системы, с точки зрения их характеристик и связей:

- модель «чёрного ящика» не предусматривает рассмотрение внутренней структуры системы и механизмов их взаимодействия, анализ и описание её ведётся исключительно на основе наблюдения за входами и выходами;
- модель элементного состава предполагает описание состава элементов и имеет несколько уровней детализации;

- модель структуры предполагает абстрактное или физическое представление, которое описывает взаимное расположение и связи между составными частями объекта, определяющие его свойства;
- модель структурно-функциональная не только описывает, но и объясняет, как отдельные компоненты структуры взаимодействуют друг с другом для выполнения определённых функций или достижения общей цели;
- модель полная (подробная) – максимально приближённо (детально, точно и адекватно) представляет все элементы системы;
- модель динамическая – предполагает, что кинематика системы сама себя воспроизводит, при этом состояние системы определяется как совокупность некоторых стабильных величин, предполагающих дальнейшие динамические изменения по принципу заданного системой закона, который осуществляет её изменения (эволюцию);
- модель развития отображает процессы, когда система переходит на новый уровень [13].

Принципы моделирования коммуникативной системы регионального управления

В нашей работе мы будем опираться на структурно-функциональное моделирование, которое предполагает использование специфических особенностей структур определённого вида как средства исследования систем, описание их с точки зрения выполняемых в системе функций и ситуационное моделирование, которое опирается на модельную теорию мышления, в рамках которой можно описать основные механизмы регулирования процессов принятия решений.

Конечной целью нашего исследования является построение универсальной модели коммуникативной системы регионального управления, обладающей системными признаками и встраиваемой в ряд систем более высокого порядка – коммуникативную, культурную, управленческую, представляющих среду для коммуникативной системы регионального управления (см. рис. 1).

Для решения поставленной цели нами используется методология системного анализа, которая позволяет решать комплексные проблемы в сфере управления.

Э. Г. Юдин предлагает четыре «измерения», по которым можно охарактеризовать систему с разной степенью точности, называя их параметрическим описанием, морфологическим (субстратным), функциональным и исследованием поведения объекта.

Параметрическое описание (до взаимодействия) считается простейшей формой научного дискурса и предполагает на основе эмпирического наблюдения рассмотрение свойств, признаков и отношений изучаемого объекта. Морфологическое измерение предполагает определение взаимосвязи свойств, признаков и отношений, выявленных при параметрическом описании. Функциональное описание направлено на выявление функциональных зависимостей между параметрическими параметрами. С методологической точки

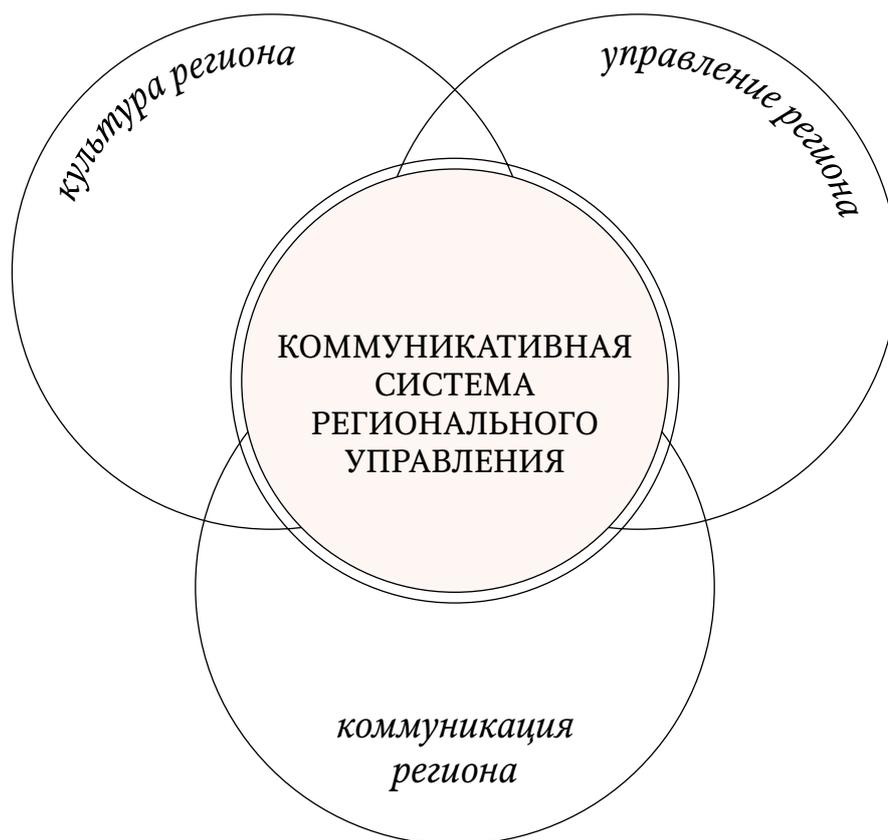

Рис. 1. Культура, управление, коммуникация – надсистемы коммуникативной системы регионального управления

зрения функция элемента или подсистемы определяется по принципу «включения», а именно связывается с потребностями более широкого целого. В разрезе исследования поведения объекта выявляется целостное представление «жизни» объекта, а также механизмов, обеспечивающих смену направлений его работы [10, с. 101–102].

Моделируемая нами коммуникативная система регионального управления имеет следующие классификационные характеристики систем: является абстрактной сложной системой с разными внутрисистемными связями – взаимодействия, порождения, преобразования, строения (структурные), функционирования (подсистемы связаны совместно реализуемыми функциями), развития, управления. Коммуникативная система регионального управления состоит из девяти подсистем, три из которых («иерархия», «цели» и «интенции») связаны с управленческой надсистемой, три («законы», «нормы и ценности», «профессиональные знания») имеют связь с культурной надсистемой и три («языковые средства», «технологии связи» и «информпространства») вписаны в надсистему коммуникаций.

Далее необходимо заострить внимание на функциональной схеме общей системы действия AGIL (адаптация, целедостижение, интеграция, латентность) Т. Парсонса, которую мы использовали для определения выполняемой каждой подсистемой функции [6; 7].

Функцию (А) адаптации выполняет иерархическая подсистема, способствуют целедостижению (G) подсистемы «целей» и «интенций», обеспечивают интеграцию (I) подсистемы, связанные с культурой и коммуникацией – («законы», «нормы и ценности», «профессиональные знания» и «информпространства»), помогают сохранять латентность (L) подсистемы «языковых средств» и «технологий связи» (см. рис. 2).

Латентную функцию в коммуникативной системе регионального управления выполняют базовые коммуникативные средства и технологии связи. Коммуникативные средства внутри подсистемы выстроены нами в восходящей логике, где основой выступают семиотические (знаковые системы), которые усложняются и становятся лингвистическими, мета-лингвистическими или паралингвистическими, а затем, при дальнейшем усложнении, превращаются в синтетические системы. Данные коммуникативные уровни подробно описаны в работе В. П. Конечкой [15] (см. табл. 1).

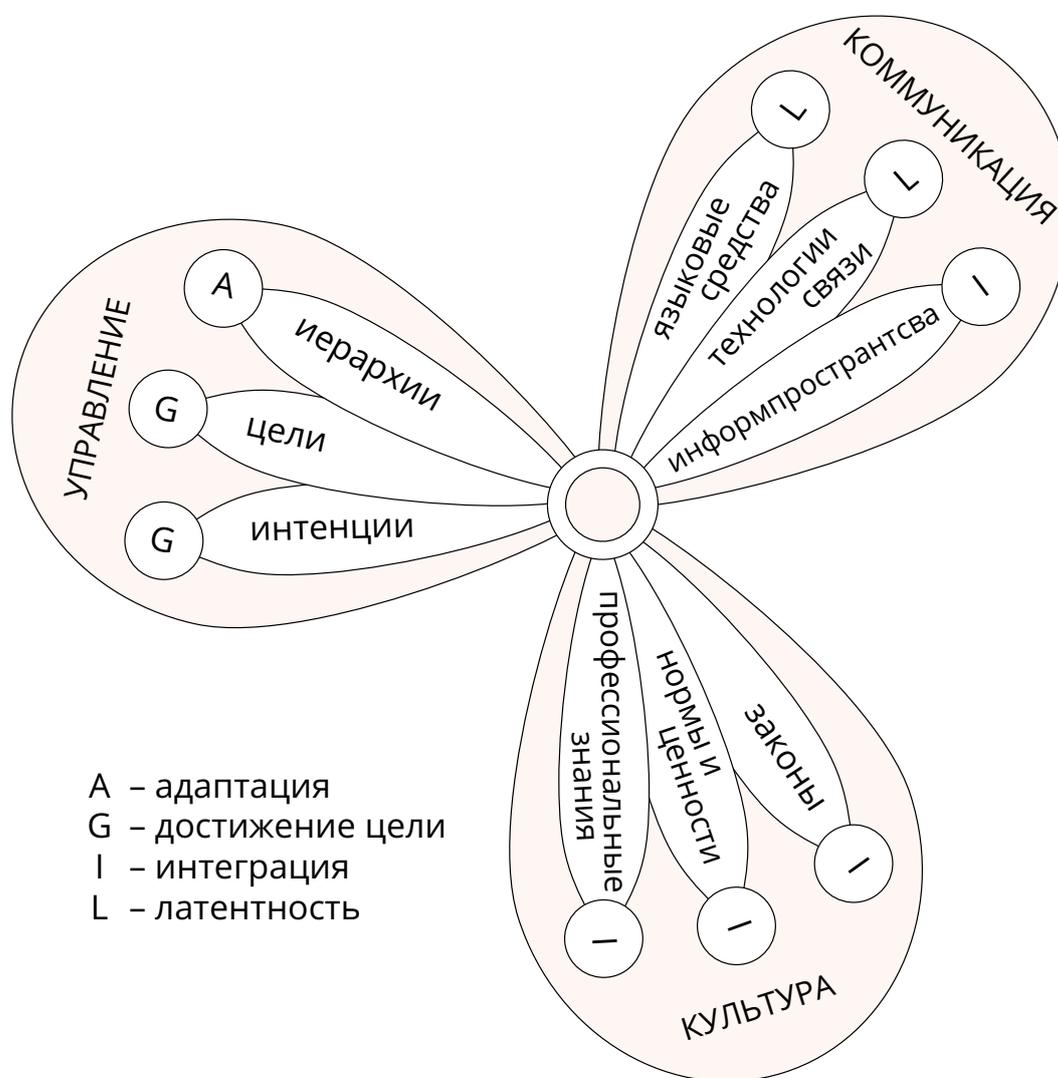

Рис. 2. Подсистемы коммуникативной системы регионального управления с выполняемыми функциями в схеме AGIL Т. Парсонса, сгруппированные по их связи с надсистемами

Таблица 1

Описание коммуникативной системы регионального управления

Подсистема	Описание частей	Выполняемая функция системы AGIL (Т. Парсонс)	Элементы
Иерархическая	Статусная (индивидуальная и групповая). Ролевая (индивидуальная и групповая). Групповые и индивидуальные управленческие акторы могут делиться на законодательные, исполнительные, судебные и пр.	адаптации	статусы роли
Целеполагания	Система управленческих целей, на достижение которых ориентирована система, подкреплённая комплексами задач	достижения цели	цели, задачи
Интенциональная	Целевые ориентации, мотивация, интенциональность индивидуальных и групповых акторов управления	достижения цели	целевые ориентации, мотивация, интенция, интенциональность, стили управления
Знания и профессиональные навыки	Управленческие коммуникативные стратегии и тактики, профессиональные знания, комплексы навыков и компетенций	интеграции	области (элементы) управленческого знания, стратегии, тактики, навыки, компетенции
Правовая (законодательная)	Законы, регламентирующие управленческую деятельность на региональном уровне (федеральные, региональные, муниципальные)	интеграции	законы, подзаконы, указы, приказы, правовые акты, постановления, уставы
Ценностно-нормативная	Морально-нравственные ценности (выстроенные от общего к частному). Управленческие ценности (выстроенные от общего к частному). Традиции (выстроенные от общего к частному). Управленческий этикет (система норм и ценностей, принятых в региональном управлении). Ценности и нормы могут делиться на формальные и неформальные.	интеграции	нравственные ценности и установки, ценности управления, управленческие традиции, управленческий этикет
Информационные пространства	Внутри управленческой коммуникации и внешние информационные пространства, охватывающие весь регион или отдельные его территории, всех жителей или отдельные социальные группы. Информационные пространства могут выделяться по используемому коммуникативному каналу – печатные, радио, ТВ, медиа и т. д. По степени доступности – открытые и закрытые.	интеграции	тексты

Окончание Таблицы 1

Подсистема	Описание частей	Выполняемая функция системы AGIL (Т. Парсонс)	Элементы
Технологии связи	Средства связи (межличностные, межгрупповые, массовые). Простые и сложные. Общедоступные и ограниченного использования. Радиоволны, телеграф, телефон, сотовая связь, телевидение, интернет и т. д.	латентная	отдельные технологии
Базовые коммуникативные средства	Семиотические. Лингвистические (вербальные и письменные). Металингвистические (вербальные и письменные). Паралингвистические. Синтетические.	латентная	знак, значение

Технологии связи трактуются нами в широком контексте – это и дороги, и животные, которые позволяли осуществлять функцию связи в первобытных обществах, и звуковые инструменты, подающие сигналы тревоги, и транспортные средства. К технологиям мы относим и непосредственно изобретения, которые дали возможность реализовать коммуникацию удалённых акторов, такие как телеграф, телефон, радио, телевидение, сотовая связь, интернет и т. д. Мы разделяем технологии на межличностные, межгрупповые и массовые. К технологиям мы относим и социальные коммуникативные технологии, такие как реклама, PR, маркетинговые коммуникации, чёрная риторика и т. д. (см. табл. 1).

На региональном уровне, рассматривая свойства подсистемы коммуникативных средств, мы можем выделить типовые особенности регионов с одной языковой коммуникативной системой и национальные республики, в которых равноправные русскому государственные язык(и) закреплены на уровне законодательства. Информационно коммуникативные пространства таких регионов имеют базовые лингвистические отличия (см. табл. 2).

В описании подсистемы «технологии связи» мы опираемся на работы Ч. Бернарда, рассматривающего организации как «частные системы», имеющие формальную и неформальную структуру, и внёсшего значимый вклад в исследование их функционирования. Он выделял в организациях «систему связи», которая состояла из точно определённых и хорошо известных всем коммуникативным акторам каналов, с точным фиксированием обязанностей и прав акторов, принимающих управленческие решения. В системе у каждого актора должна быть хотя бы одна формальная связь в виде субординации или суперординации с кем-либо из управленческой иерархии. Длина связи влияет на принятие или реализацию управленческих решений: чем короче связь, тем больше вероятность оперативного решения поставленных задач и достижения

Таблица 2
*Языки сайтов государственных органов управления республик РФ
по данным «Википедия»¹*

Республика	Государственные органы управления	
	парламент	правительства
Адыгея	русский, есть новости на адыгейском	русский, адыгейский
Алтай	русский	русский
Башкортостан	русский, башкирский	русский
Бурятия	русский, бурятский	русский, бурятский, английский
Дагестан	русский, английский	русский
Еврейская автономная область	русский	русский, английский, китайский, иврит, идиш
Ингушетия	русский	русский
Кабардино-Балкария	русский	русский
Калмыкия	русский	русский
Карачаево-Черкесия	русский	русский
Карелия	русский	русский, английский, финский
Коми	русский, коми	русский, коми, английский
Крым	русский (частично украинский, крымскотатарский и английский)	русский
Марий Эл	русский	русский
Мордовия	русский	русский, эрзянский, мокшанский
Саха	русский, часть материалов на якутском	русский, якутский, английский
Северная Осетия – Алания	русский	русский
Татарстан	русский, татарский	русский, татарский, английский
Тыва	русский, есть новости на тувинском	русский, есть новости на тувинском
Удмуртия	русский, есть новости на удмуртском	русский
Хакасия	русский	русский
Чечня	русский	русский
Чувашия	русский	русский, чувашский

¹ Государственные и официальные языки в субъектах Российской Федерации. https://ru.wikipedia.org/wiki/Государственные_и_официальные_языки_в_субъектах_Российской_Федерации#Языки_с_официальным_статусом (дата обращения: 17.09.2025).

цели. Использование всех линий связи носит обязательный характер, при обходе промежуточных уровней согласования могут возникать противоречия, смещение смыслов, размывание ответственности [16, с. 82–90].

Оценивая различия «технологий связи» на региональных уровнях, можно обратить внимание на работы Н. И. Лапина, использовавшего методику оценки уровня модернизации региона [17], которая прошла успешную апробацию в исследованиях властно-управленческой вертикали 12 регионов России Центром социологии управления и социальных технологий под руководством профессора А. В. Тихонова [18; 19; 20]. Чем ниже уровень модернизации региона, тем, соответственно, будут ниже его технологические возможности по использованию новых коммуникативных цифровых технологий.

Подсистему «информационных пространств» мы рассматриваем в русле семиосоциопсихологической парадигмы Т. М. Дридзе [21], «в которой коммуникативным (знаковым) пространством принято считать место текстовой деятельности в структуре социальной коммуникации» [22, с. 406]. Региональные информационные пространства имеют типовые особенности, связанные со структурой самого пространства [22], и уникальные свойства, продиктованные индивидуальной событийностью, проблемностью, связанной с региональными известными персонами.

Функцию достижения цели выполняют подсистемы целеполагания и интенциональности. А. И. Пригожин определяет цели как «выбранный и запланированный результат деятельности» [23, с. 8]. С одной стороны, ключевые цели регионов задаются федеральными законами и указами президента, с другой стороны – системой ключевых показателей эффективности губернаторов (КРЭ), оценивающих эффективность деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, методы расчётов которых устанавливаются Правительством Российской Федерации. 28 ноября 2024 г. подписан Указ Президента Российской Федерации «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации», согласно которому Перечень включает 21 показатель¹.

Опираясь на перечень КРЭ губернаторов, мы можем выделить ключевые универсальные цели региональной системы управления, заданные на федеральном уровне:

1. Сформировать доверие к власти (обеспечить принцип воспроизводства системы).
2. Повысить рождаемость в регионе.
3. Увеличить продолжительность жизни населения.
4. Снизить уровень бедности.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 28.11.2024 № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» // Президент России : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51378> (дата обращения: 20.06.2025).

5. Повысить уровень образования.
6. Развить таланты и способности молодёжи.
7. Вовлечь население в добровольческую деятельность.
8. Улучшить качество жизни.
9. Повысить уровень цифровизации в регионе.

Помимо унифицированной системы целеполагания, в каждом регионе формируются уникальные цели, характерные исключительно для данной территории. Например, в Кабардино-Балкарской Республике такой целью может быть соблюдение национального паритета в высших органах власти.

Интенциональная коммуникативная подсистема подробно была нами описана в ряде публикаций [24; 25]. Особенный акцент был сделан на исследовании управленческих стилей, выражающих в себе интенциональность руководителя региона.

Три подсистемы – правовая, ценностно-нормативная и профессиональных знаний, – вписанные в надсистему культуры, выполняют функцию интеграции и обладают как типовыми свойствами, характерными для всех регионов, так и уникальными характеристиками, связанными с региональными субкультурами (см. табл. 2).

И, наконец, иерархическая подсистема, отвечающая за адаптацию, также имеет как типовые, так и уникальные характеристики в разрезе регионов (см. табл. 1).

Работа А. Е. Чириковой «Региональные элиты России» (2010) даёт целостное и детальное представление не только об иерархической региональной структуре, но и об унифицированных и разнообразных её особенностях. Автор разделяет две иерархии – властную (административно-политическую) и экономическую (бизнес). По мнению А. Е. Чириковой, в «русских» регионах иерархия в большей степени унифицирована, на основе результатов многолетних исследований в регионах она прослеживает пять иерархических структур (групп влияния или «фигур власти»). Группы расположены по нисходящей рейтинга влияния. Первая представлена губернатором и его ближайшим окружением, вторая – руководителями функциональных подразделений исполнительной и федеральной власти (региональными отделениями федеральных министерств и ведомств), также в эту группу входят региональные отделения федеральных структур (Министерство обороны, МВД, ФСБ, Министерство по налогам и сборам, Налоговая полиция и т. д.). К третьей группе относятся руководители дружественных региональному руководству экономических структур, крупнейшие предприятия области. Четвертую группу образуют представительные органы власти – Законодательное собрание (областная Дума, Государственный совет, Парламент и т. д.), региональные органы партий. В пятую группу входят мэры городов и местное самоуправление [26, с. 77–101].

Выводы

Системное моделирование позволило взглянуть на коммуникативные управленческие процессы регионального уровня с точки зрения их включённости в сложную систему с разными типами связей.

Процесс принятия и реализации управленческого решения в коммуникативной системе регионального управления выглядит следующим образом (-актор-цель-средства-условия-действия-результат): управленческий актор, вписанный в 1) иерархическую подсистему, имеющий определённые статусные позиции (определяющие уровень управленческих полномочий) и ролевых ожиданий (то, как эти полномочия реализуются), с набором определённых целей, входящих в 2) целевую подсистему, обладающий определённой целевой ориентацией, мотивацией и интенциональностью, обеспечиваемых на уровне 3) интенциональной подсистемы при помощи 4) подсистемы коммуникативных средств, используя 5) подсистему технологических связей и 6) информационного пространства, под влиянием 7) законов, 8) норм и ценностей в рамках заданного этикета, опираясь на 9) профессиональные знания и опыт, осуществляет принятие управленческого решения и организует его реализацию, делегируя контроль за исполнением на вышестоящие, нижестоящие или параллельные уровни управленческой иерархии. Цикл заканчивается обратной связью и переходит на новый или параллельный уровень иерархии, где полностью повторяется обозначенная выше (-актор-цель-средства-условия-действия-результат) последовательность.

Процесс принятия и реализации управленческого решения в коммуникативной системе регионального управления выглядит следующим образом (-актор-цель-средства-условия-действия-результат): управленческий актор, вписанный в иерархическую подсистему (1), имеющий определённые статусные позиции (определяющие уровень управленческих полномочий) и ролевых ожиданий (то, как эти полномочия реализуются), с набором определённых целей, входящих в целевую подсистему (2), обладающий определённой целевой ориентацией, мотивацией и интенциональностью, обеспечиваемых на уровне интенциональной подсистемы (3) при помощи подсистемы коммуникативных средств (4), используя подсистему технологических связей (5) и информационного пространства (6), под влиянием законов (7), норм и ценностей (8) в рамках заданного этикета, опираясь на профессиональные знания и опыт (9), осуществляет принятие управленческого решения и организует его реализацию, делегируя контроль за исполнением на вышестоящие, нижестоящие или параллельные уровни управленческой иерархии. Цикл заканчивается обратной связью и переходит на новый или параллельный уровень иерархии, где полностью повторяется обозначенная выше (-актор-цель-средства-условия-действия-результат) последовательность.

Полученная модель коммуникативной системы управления позволила описать управленческие процессы регионального уровня с точки зрения их унификации и разнообразия в рамках каждой подсистемы и составляющих её элементов.

Таким образом, опираясь на полученные в ходе исследования результаты и выявленные закономерности, мы можем обоснованно выдвинуть предположение методологического характера – о сохраняемом эвристическом потенциале системного анализа в области социологии управления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Садовский В. Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М. : Наука, 1974. 280 с.
2. Щедровицкий Г. П. Проблемы построения системной теории сложного «популярного» объекта // Системные исследования. 1975.
3. Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системные исследования и общая теория систем // Системные исследования : ежегодник 1969 / Ред. И. В. Блауберг, О. Я. Гельман, В. П. Зинченко. Москва : Наука, 1969. С. 7–29.
4. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. 2-е издание. М. : «Советское радио», 1968. 328 с.
5. Гвишиани Д. М. Теоретико-методологические основания системных исследований и разработка проблем глобального развития // Системные исследования. Методологические проблемы: ежегодник 1982. М. : Наука, 1982. С. 7–25.
6. Парсонс Т. О социальных системах / Т. Парсонс ; под ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. М. : Академический Проект, 2002. 832 с.
7. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс ; под ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. М. : Академический проект, 2000. 880 с.
8. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. 873 с.
9. Гвишиани Д. М. Избранные труды по философии, социологии и системному анализу / Д. М. Гвишиани ; под ред. Ю. С. Попкова, В. Н. Садовского, А. А. Сеитова. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 672 с. ISBN 5-88373-193-7. EDN **QLHFTB**.
10. Юдин Ю. Г. Системный подход и принципы деятельности: Методологические проблемы современной науки. М. : Наука, 1978. 392 с.
11. Малиновский А. А. Теория структур и её место в системном подходе. Определение понятия системы и системного подхода. Проблема времени в биологических системах // Системные исследования. Методологические проблемы: ежегодник 1970. М. : Наука, 1970. С. 10–31.
12. Системный анализ и аналитические исследования: руководство для профессиональных аналитиков / А. И. Ракитов, Д. А. Бондяев, И. Б. Романов [и др.] ; отв. ред. А. И. Ракитов. М., 2009. 448 с. ISBN 978-5-9901579-1-0. EDN **RKCKYB**.
13. Системный анализ в управлении: учеб. пособие / В. С. Анфилатов, А. А. Емельянов, А. А. Кукушкин ; под ред. А. А. Емельянова. М. : Финансы и статистика, 2002. 368 с. ISBN 5-279-02435-X.
14. Бир С. Кибернетика и управление производством / С. Бир ; пер. с англ. В. Я. Алтаева; под ред. А. Б. Челюсткина ; 2-е изд., доп. М. : Наука, 1965. 391 с.
15. Конечная В. П. Социология коммуникации: учебник. М. : Междунар. ун-т бизнеса и упр. (Братья Карич), 1997. 302 с. ISBN 5-89313-010-3.
16. Bernard C. The Function of the Executive. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1938. 334 p.
17. Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Н. И. Лапин [и др.] ; сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н. И. Лапин. М. : Весь Мир, 2016. 360 с. ISBN 978-5-7777-0664-5. EDN **YRJ CJX**.
18. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / А. В. Тихонов, Е. М. Акимкин, В. С. Богданов [и др.] ; отв. ред. А. В. Тихонов. М. : ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с. ISBN 978-5-89697-298-3. EDN **YNBRPS**.
19. Шилова В. А., Гусейнова К. Э. Включенность населения в социальное пространство управления регионов как фактор территориального неравенства // Вопросы управ-

- ления. 2023. Т. 17, № 6 (85). С. 84–98. DOI [10.22394/2304-3369-2023-6-84-98](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-6-84-98). EDN [XWRNRQ](https://edn.ru/XWRNRQ).
20. Гусейнова К. Э., Шилова В. А. Типы организации коммуникативного пространства управления в условиях реализации национальных проектов: региональный разрез // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 4. С. 23–45. DOI [10.19181/snsp.2024.12.4.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.2). EDN [UJBPNG](https://edn.ru/UJBPNG).
  21. Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. Кн. 1 / Отв. ред. Т. М. Дридзе. М. : ИС РАН, 2000. С. 5–42. EDN [YKIAXR](https://edn.ru/YKIAXR).
  22. Шилова В. А. Новые социальные медиа в региональном инфокоммуникативном пространстве // Россия реформирующаяся : ежегодник. 2024. № 22. С. 405–431. DOI [10.19181/ezheg.2024.16](https://doi.org/10.19181/ezheg.2024.16). EDN [XGBARW](https://edn.ru/XGBARW).
  23. Пригожин А. И. Цели и ценности: новые методы работы с будущим. Руководителям. Консультантам. Коучам. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : URSS, ЛЕНАНД, 2024. 440 с. ISBN 978-5-9710-7554-7.
  24. Шилова В. А., Быков К. В. Методологические подходы, методы и аспекты исследования интенциональности в социологии управления // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 4. С. 48–74. DOI [10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-4](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-4). EDN [LVHDWH](https://edn.ru/LVHDWH).
  25. Шилова В. А. Управленческий стиль как индикатор характера взаимодействия региональных органов власти и населения // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30. № 2. С. 116–132. DOI [10.19181/nko.2024.30.2.8](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.8). EDN [IPRGSW](https://edn.ru/IPRGSW).
  26. Чирикова А. Е. Региональные элиты России : учебное пособие. М. : Аспект пресс, 2010. 272 с. ISBN 978-5-7567-0563-8. EDN [RAZOXF](https://edn.ru/RAZOXF).

Сведения об авторе

В. А. Шилова

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [8158-6002](https://edn.ru/8158-6002)

Статья поступила в редакцию 25.09.2025; одобрена после рецензирования 31.10.2025; принята к публикации 16.11.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.4.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.1)

THE COMMUNICATIVE SYSTEM OF REGIONAL GOVERNANCE: TYPICAL AND UNIQUE PROPERTIES

Valentina Aleksandrovna Shilova

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia

vshilova@yandex.ru,

ORCID [0000-0002-8899-2707](https://orcid.org/0000-0002-8899-2707)

For citation: Shilova V. A. The Communicative system of regional governance: typical and unique properties. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(4):15–34. DOI 10.19181/snsp.2025.13.4.1.

Abstract. The author, relying on the system approach as a theoretical basis and system analysis as a methodological platform, models a universal communication system of regional governance. By observing the basic requirements and using the key concepts of system analysis, the author provides a description of the modeled system. The communicative system of regional governance presented in the article is embedded into three suprasystems (cultural, managerial, and communicative) and has nine subsystems: 1) hierarchical; 2) managerial goals subsystem; 3) intentional; 4) subsystem of communicative knowledge and professional skills; 5) value-normative; 6) legal (legislative); 7) information-spatial; 8) subsystem of technological connections; 9) subsystem of linguistic means. Each of these, in turn, decomposes into components made up of sets of individual homogeneous elements. Further, based on T. Parsons' AGIL functional scheme (A-adaptation, G-goal attainment, I-integration, L-latency), which reflects the key systemic needs, the author determines the function of each subsystem. Thus, function of adaptation within the system is performed by the hierarchical subsystem, goal attainment is carried out through the managerial goals and intentional subsystems, integration is achieved through the subsystems of communicative knowledge and professional skills, value-normative, legal (legislative), informational-spatial subsystems, latency is maintained through linguistic means and technological connections. In the concluding part of the article, using the example of the regions of the Russian Federation, the author describes the possibilities of forming both typical and unique properties of the communicative system of regional governance.

Keywords: system theory, system approach, system analysis, communication system, regional governance, AGIL functional scheme, typical and unique properties of the system

REFERENCES

1. Sadovskij V. N. Foundations of the general theory of systems. Logical and methodological analysis [Osnovaniya obshhej teorii sistem. Logiko-metodologicheskij analiz]. Moscow: Nauka; 1974. 280 p. (In Russ.).
2. Shhedroviczkiy G. P. Problems of constructing a system theory of a complex "popular" object [Problemy' postroeniya sistemnoj teorii slozhnogo "populyativnogo" ob'ekta]. *System research=Sistemny'e issledovaniya*. 1975. (In Russ.).
3. Blauberger I. V., Sadovskij V. N., Yudin E'. G. System research and general theory of systems [Sistemny'e issledovaniya i obshhaya teoriya sistem]. In: System research: Yearbook [Sistemny'e issledovaniya: ezhegodnik: 1969]. Moscow: Nauka; 1969. P. 7–29. (In Russ.).
4. Viner N. Cybernetics or control and communication in an animal and a machine. The second edition [Kibernetika ili upravlenie i svyaz' v zhivotnom i mashine]. Moscow: Sovetskoe radio; 1968. 328 p. (In Russ.).
5. Gvishian D. M. Theoretical and methodological foundations of system research and development of global development problems [Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya sistemny'x issledovanij i razrabotka problem global'nogo razvitiya]. In: System research. Methodological problems: Yearbook: 1982 [Sistemny'e issledovaniya. Metodologicheskie problemy': ezhegodnik 1982]. Moscow: Nauka; 1982. P. 7–25. (In Russ.).
6. Parsons T. On social systems [O social'ny'x sistemax]. Ed. by V. F. Chesnokovoj, S. A. Belanovskogo. Moscow: Akademicheskij Proekt; 2002. 832 p. (In Russ.).
7. Parsons T. On the structure of social action [O strukture social'nogo dejstviya]. Moscow: Akademicheskij Proekt; 2000. 880 p. (In Russ.).

8. Merton R. Social theory and social structure [Social'naya teoriya i social'naya struktura]. Moscow: AST: AST MOSKVA: XKRANITEL'; 2006. 873 p. (In Russ.).
9. Gvishian D. M. Selected works on philosophy, sociology, and systems analysis [Izbranny'e trudy' po filosofii, sociologii i sistemnomu analizu]. Ed. by Y. S. Popkova, V. N. Sadovskogo, A. A. Seitova. Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya»; 2007. 672 p. (In Russ.). ISBN 5-88373-193-7.
10. Yudin Y. G. System approach and principles of activity: Methodological problems of modern science [Sistemny'j podxod i principy' deyatel'nosti: Metodologicheskie problemy' sovremennoj nauki]. Moscow: Nauka; 1978. 392 p. (In Russ.).
11. Malinovskij A. A. Theory of structures and its place in the system approach. Definition of the concept of a system and a systematic approach. The problem of time in biological systems [Teoriya struktur i eyo mesto v sistemnom podxode. Opredelenie ponyatiya sistemy' i sistemnogo podxoda. Problema vremeni v biologicheskix sistemax]. In: System research. Methodological problems: Yearbook: 1970 [Sistemny'e issledovaniya. Metodologicheskie problemy': ezhegodnik]. Moscow: Nauka; 1970. P. 10–31. (In Russ.).
12. Rakitov A. I., Bondyaev D. A., Romanov I. B. [et al.]. Ed. by Rakitov A. I. System analysis and analytical research: a guide for professional analysts [Sistemny'j analiz i analiticheskie issledovaniya: rukovodstvo dlya professional'ny'x analitikov]. Moscow; 2009. 672 p. (In Russ.).
13. Anfilatov V. S., Emel'yanov V. S., Kukushkin A. A. Ed. by Anfilatov V. S. System analysis in management: Textbook. Manual [Sistemny'j analiz v upravlenii: ucheb. Posobie]. Moscow: Finansy' i statistika; 2002. 368 p. (In Russ.).
14. Bir S. Cybernetics and production management [Kibernetika i upravlenie proizvodstvom]. Translated from English by Altaeva Y. A.; Ed. by Chelyustkina A. B. Moscow: Nauka; 1965. 391 p. (In Russ.).
15. Koneczkaya V. P. Sociology of communication: textbook [Sociologiya kommunikacii: uchebnik]. Moscow: Mezhdunar. un-t biznesa i upr. (Brat'ya Karich); 1997. 302 p. (In Russ.). ISBN 5-89313-010-3.
16. Bernard C. The Function of the Executive. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1938. 334 p.
17. Lapin N. I., ed. Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems. Moscow: Ves' Mir; 2016. 360 p. (In Russ.).
18. Tikhonov A. V., ed. Russia: reforming the power-management vertical in the context of sociocultural modernization of regions. Moscow: FNISC RAN; 2017. 432 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-298-3.
19. Shilova V. A., Gusejnova K. E'. Population involvement in the social space of regional governance as a factor of territorial inequality. *Management Issues=Voprosy' upravleniya*. 2023;17(6):84–98. (In Russ.). DOI [10.22394/2304-3369-2023-6-84-98](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-6-84-98).
20. Gusejnova K. E', Shilova V. A. Types of organization of communicative management space in the context of the implementation of national projects: regional cross-section. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(4):23–45. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.4.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.2).
21. Dridze T. M. Two new paradigms for social cognition and social practice [Dve novy'e paradigmy' dlya social'nogo poznaniya i social'noj praktiki]. In: Social communication and social management in ecoanthropocentric and semiosociopsychological paradigms [Social'naya kommunikaciya i social'noe upravlenie v e'koantropocentricheskoy i semiosociopsixologicheskoy paradigmax. Kn. 1]. Moscow: IS RAN; 2000. P. 5–42. ISBN 5-89697-055-2. (In Russ.).

22. Shilova V. A. New social media in the regional information and communication space. In: Russia in transition. 2024;(22):405–431. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2024.16](https://doi.org/10.19181/ezheg.2024.16).
23. Prigozhin A. I. Goals and values: new methods of working with the future. Managers. Consultants. Coaching. 2nd edit. Moscow: URSS, LENAND; 2024. 440 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9710-7554-7.
24. Shilova V. A., By'kov K. V. Methodological approaches, methods, and aspects of intentionality research in sociology of management. *Research Result. Sociology and management=Nauchny'j rezul'tat. Sociologiya i upravlenie*. 2021;7(4):48–74. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-4](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-4).
25. Shilova V. A. Managerial style as an indicator of the nature of interaction between regional authorities and the population. *Science. Culture. Society=Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 2024;30(2):116–132. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2024.30.2.8](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.8).
26. Chirikova A. E. Russia's regional elites: a study guide. Moscow: Aspekt press; 2010. 272 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7567-0563-8.

Information about the Author

V. A. Shilova

Candidate of Sociology,

Leading researcher

ResearcherID: [KCJ-7695-2024](https://orcid.org/0009-0001-9212-9212)

The article was submitted 25.09.2025; approved after reviewing 31.10.2025; accepted for publication 16.11.2025.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПРОФИЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ: ДЕФИЦИТЫ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОГРАММ АКАДЕМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Галина Зиновьевна Ефимова

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

g.z.efimova@utmn.ru,
ORCID 0000-0002-4826-2259

Для цитирования: Ефимова Г. З. Компетентностный профиль преподавателя в фокусе социологии управления: дефициты и эффективность программ академического развития // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 4. С. 34–58. DOI 10.19181/snsp.2025.13.4.2. EDN PSSQRW.

Аннотация. В статье с позиции социологии управления рассматривается компетентностный профиль преподавателя высшей школы. Выявлены дефициты компетенций, а также компетенции, формирование которых оказалось наиболее результативным в рамках реализации корпоративной программы академического развития. Цель статьи – сопоставить потребности вузовских преподавателей в выработке профессиональных компетенций и возможности их удовлетворения за счёт управленческих решений в рамках университетских программ академического развития. Выводы основаны на материалах эмпирического исследования, проведённого автором статьи в октябре-ноябре 2024 г., среди преподавателей (анкетирование, n=2120) из 15 российских университетов. На протяжении последнего года дефицит компетенций испытали почти четверть преподавателей. Половиной из них наиболее остро ощущалась нехватка технологических компетенций, что значительно превышает долю их целенаправленного развития через обучающие мероприятия (37%). Профессиональные компетенции, несмотря на второе место по дефициту (31%), в большей степени удовлетворяются за счёт университетских программ академического развития (61%), что свидетельствует об эффективности управленческих подходов к развитию академических работников. Наблюдается дисбаланс формирования компетенций межличностного взаимодействия: их нехватку ощущают 16% респондентов, в то время как развитие через университетские программы получили 27%, что превышает показатель дефицита. Наибольший разрыв между дефицитом и развитием наблюдается в технологических компетенциях (разница 20%). Лидерские компетенции на протяжении последнего года вырабатывал каждый восьмой респондент (12%) при ощущаемом дефиците в 18%, что указывает на своевременность совершенствования университетских программ укрепления лидерского потенциала преподавателей как элемента стратегического управления человеческими ресурсами. Среди представителей различных возрастных групп отмечено снижение субъективно ощущаемого дефицита в отношении большинства

компетенций, что может объясняться достижением ими достаточного уровня к зрелому возрасту в рамках программ управления академическим развитием преподавателей. Исключение составляют технологические компетенции – их нехватка ощущается тем выше, чем старше преподаватель. Результаты свидетельствуют о необходимости корректировки управленческих приоритетов в формировании компетенций преподавателей с акцентом на технологические и лидерские навыки, а также о значимости повышения эффективности управленческих решений в рамках программ развития компетенций. Результаты могут быть полезны исследователям управления высшим образованием, а также руководству вузов при разработке комплексной стратегии управления академическим развитием научно-педагогических работников.

Ключевые слова: университет, преподаватели, академическое развитие, управление академическим развитием, личностное развитие, профессиональное развитие, повышение квалификации, компетенции, социология управления, социология высшего образования

Благодарности: Амбаров П. А., профессору Уральского федерального университета, за критические замечания и конструктивные рекомендации, позволившие улучшить текст публикации; преподавателям российских университетов, принявшим участие в эмпирическом этапе социологического исследования.

Введение

В контексте современных трансформаций высшего образования формирование гармоничного компетентного профиля преподавателя приобретает особую значимость с точки зрения социологии управления. Высокая динамика изменений образовательной среды и необходимость постоянного обновления профессиональных и личностных навыков академического персонала обуславливают потребность в эффективном управлении академическим развитием [1]. Академическое развитие трактуется нами как целенаправленный процесс профессионального, карьерного и личностного роста представителей научно-педагогического сообщества, предполагающий непрерывное совершенствование (наращивание) у них человеческого капитала, необходимого для повышения качества основных видов академической деятельности НПР. Для оптимизации управления кадровым потенциалом университета управленческим структурам целесообразно разрабатывать и внедрять направленный на развитие приоритетных компетенций преподавателей сбалансированный комплекс мероприятий в рамках системы управления академическим развитием, интегрированной в университетские программы. При этом ключевым элементом управленческой практики становится регулярная оценка уровня развития компетенций академических работников. Несмотря на целенаправленные усилия университетского менеджмента по актуализации компетенций персонала, сохраняется вероятность компетентного дефицита у профессорско-преподавательского состава (ППС). В связи с этим возникает необходимость систематического сопоставления объективных возможностей развития, отражающих приоритетные направления развития компетенций в рамках

программ академического развития, с субъективно ощущаемым преподавателями компетентностным дефицитом. Такой подход позволяет понять, как оптимизировать управленческие решения по распределению ресурсов университета в сфере академического развития ППС и избежать риска излишней фокусировки на неактуальных компетенциях.

Отсутствие должного внимания управленческих структур университета к своевременной актуализации компетентностного профиля преподавателей создаёт существенные управленческие риски. Для работника это может выражаться в снижении профессиональной эффективности и утрате социально-профессиональной конкурентоспособности. Для университета риски связаны со снижением управляемости качеством образовательных программ, их привлекательности для абитуриентов и потерей позиций в рейтингах, что указывает на прямую связь управления академическим развитием с конкурентоспособностью образовательной организации. Соответственно, университетское управление должно быть заинтересовано в разработке и внедрении системы оценки компетентностного профиля профессорско-преподавательского состава как инструмента обеспечения устойчивого развития вуза в долгосрочной перспективе.

Проблема исследования с позиции социологии управления заключается в противоречиях между требованиями к профессиональной и личностной компетентности преподавателей и реальным уровнем их сформированности; субъективными оценками нехватки компетенций и объективными возможностями их развития через существующие в вузах программы академического развития; необходимостью развития технологических компетенций и недостаточной эффективностью управленческих мер по их формированию; потребностью в развитии лидерского потенциала ППС и ограниченными возможностями его реализации в рамках существующих в вузах систем управления академическим развитием.

В этом контексте значимость для управления академическим развитием приобретает оценка эффективности соответствующих университетских программ в формировании актуального компетентностного профиля академических работников. Существующие подходы к развитию профессиональных и личностных навыков преподавателей требуют существенной корректировки с учётом выявленных дефицитов и разрывов в развитии различных компетенций. Цель статьи – сопоставить субъективные оценки респондентами нехватки компетенций и направления их развития в ходе университетских программ академического развития с точки зрения оптимизации управленческих решений.

Исследовательская гипотеза: программы академического развития работников наиболее эффективно удовлетворяют потребность в развитии профессиональных компетенций, в то время как сохраняется критический дефицит в развитии технологических навыков, что может указывать на необходимость пересмотра управленческих приоритетов и ресурсного обеспечения программ академического развития преподавателей.

Методологические основания исследования

Университетские педагоги более активно вовлечены в мероприятия по повышению квалификации, чем другие группы работающего населения [2]. Однако университетский менеджмент и научное сообщество пока не пришло к единому мнению относительно набора компетенций, которые необходимо развивать профессорско-преподавательскому составу. Компетентностный профиль преподавателя – многогранная структура, включающая навыки, знания и качества для эффективной образовательной деятельности, проведения научных исследований и осуществления широкого спектра иных видов деятельности в системе высшего образования, входящих в обязанности преподавателя. Это имеет решающее значение для обеспечения качества высшего образования и профессионального развития студентов, так как ППС играет ключевую роль в формировании компетенций обучающихся, интеграции знаний, навыков и личностных качеств, необходимых для будущей карьеры выпускников [3]. Эффективные преподаватели не только передают студентам знания, но и моделируют их профессиональную пригодность, которая включает в себя коммуникативные навыки и эмоциональный интеллект [3].

Ожидается, что академические работники должны обладать прочными знаниями в области преподаваемых дисциплин [4], аналитическим мышлением и добросовестностью [5]. В научных источниках подчёркивается значимость профессиональных и личностных компетенций [6]. Профиль компетентности состоит не только из глубоких профессиональных знаний и разнообразных навыков, но и таких личных качеств, как эмоциональный интеллект и адаптивность. Эффективные коммуникативные навыки и специфические компетенции важны преподавателю для руководства студентами, обеспечения того, чтобы они приобрели знания, умения и установки для достижения успеха в будущей профессиональной деятельности.

Д. Мендоза (D. Mendoza) включает в компетентностный профиль академических работников трудовые компетенции, которые характеризуются сочетанием профессиональных навыков и личностных качеств для преподавания в университете [7]. По мнению И. А. Газиевой и А. А. Бурашниковой, профиль компетенций НПП должен содержать функциональные компетенции, необходимые для разработки и распространения исследовательских, инновационных и образовательных практик, а также ценностные компетенции, формируемые стимулирующей профессиональной средой и корпоративной культурой. Ключевые компетенции включают педагогические навыки, ораторское мастерство, цифровые компетенции и стремление к непрерывному профессиональному развитию [8]. Программы непрерывного образования академического персонала, особенно в области цифровых навыков, широко распространены, что отражает потребность преподавателей в непрерывном обучении в условиях быстро меняющегося академического ландшафта [2; 9; 10]. Пандемия COVID-19 ускорила цифровую трансформацию образования, что потребовало

от преподавателей новых технологических компетенций [11]. В зависимости от уровня сформированности компетенций, в цифровой среде выделяют три типа ППС: инноваторы (активно внедряют новые технологии), популяризаторы (адаптируются и тиражируют лучшие практики), рутинёры (сопротивляются изменениям) [12].

Отдельная фокусировка направлена на развитие иноязычных компетенций, необходимых преподавателям вузов для работы с иностранными студентами и эффективного международного научного сотрудничества [13]. Несмотря на то, что спектр компетенций оказывается весьма всеобъемлющим, важно осознавать проблемы, которые существуют в его формировании. Для достижения этой цели, представители университетского менеджмента должны стремиться сбалансировать усилия, направленные на гармоничное развитие различных компетенций для создания комфортной и результативной академической среды.

Профиль компетенций преподавателя включает также рефлексивные компетенции (самооценка, социальное сравнение и ориентация на цели) и поведенческие компетенции (согласование стратегии, контроль и инициатива, сотрудничество) [14]. Эти компетенции способствуют успешному карьерному росту, позволяя работникам активно управлять вектором развития, ставить релевантные цели и заниматься непрерывным профессиональным, личностным и карьерным развитием. Это способствует повышению эффективности и устойчивости сектора высшего образования.

В перечень компетенций, необходимых преподавателю, также входят мотивационный и ценностный, когнитивный, процессуальный, информационный, коммуникативный, личностный и творческий компоненты. Они отражают комплекс личностных и профессиональных качеств университетских преподавателей, включая мотивацию к научным исследованиям, методологию преподавания и такие личные качества, как инновационное мышление и креативность. Развитие этих компетенций имеет решающее значение для повышения исследовательской компетентности и профессионального роста в академической среде [15].

Распространена группировка компетенций по трём областям: *профессиональные установки*, *дидактические* компетенции (проектирование, реализация, обеспечение качества) и *предметные* компетенции, необходимые для эффективного преподавания, ориентированного на студентов, и поддержки процессов обучения [16]. Фокусировка на заданных направлениях позволяет достичь конкретных результатов при развитии преподавателей на протяжении их карьеры.

Главная миссия высшего учебного заведения заключается в обеспечении личности знаниями, которые становятся самостоятельной ценностью и ключевым ресурсом для успешной адаптации в современном обществе. Реализация этой задачи требует формирования квалифицированного преподавательского состава через внедрение комплексных программ профессионального развития с применением инновационных образовательных методик. Особое значение приобретает развитие цифровых компетенций

профессорско-преподавательского состава, что является необходимым условием соответствия современным социальным и профессиональным требованиям. Университетам необходимо целенаправленно осуществлять цифровую трансформацию, формируя у преподавателей компетенции, которые позволят образовательным учреждениям достичь лидерских позиций в цифровой среде. Эффективное использование технологий преподавателями становится критически важным фактором конкурентоспособности вузов в условиях цифровизации образования [17].

Основополагающими качествами преподавателя обозначаются: эмпатия, организованность, стремление к постоянному обновлению знаний и готовность передавать знания и навыки обучающимся, а также иные качества, соответствующие реализации миссии ППС [18]. На основании этого определено, что преподаватели университетов должны иметь профиль из: 1) *базовых* компетенций (коммуникативные, технологические, социальные, когнитивные, личностные); 2) *специфических* компетенций (планирование, организация, дидактика, оценка, рефлексия), которые позволяют добиться оптимальной производительности, с миссией соответствия показателям качества высших учебных заведений и выхода за рамки процесса преподавания [19].

Профиль компетенций преподавателя включает профессионально-педагогические (инновационность, профессиональное самосовершенствование, коммуникативно-интерактивные и управленческие навыки); социально-личностные (социокультурная, профессиональная и личная ответственность, лидерство и гражданская активность) и академические компетенции (исследовательская деятельность, международное сотрудничество, научный пиар, методологические навыки и академическая честность). По мнению как студентов, так и самих преподавателей, наибольшую значимость имеет развитие социально-личностных компетенций [19]. Вместе с тем, для ППС университетов значимы научные и методологические компетенции, необходимые для организации эффективного образовательного процесса [20].

Так, профиль компетенций университетского преподавателя представляет собой комплексный набор качеств и навыков, необходимых для обеспечения высокого качества преподавания и научных исследований. Особую значимость приобретают социально-личностные компетенции и развитие цифровых навыков [21]. Согласование развития компетенций со стратегическими целями становится решающим фактором успешного управления талантами в академической среде.

Имеет значение необходимость согласования академическими учреждениями направления развития конкретных компетенций работников с ожиданиями заинтересованных сторон и институциональными стратегическими императивами. Это возможность через совершенствование практики управления талантами в университете и результативности труда работников [22]. Определение и развитие приоритетных компетенций имеет особую значимость для начинающих преподавателей. Поэтому в начале их академической карьеры

практикуется помощь наставника [23]. Наставничество имеет решающее значение для повышения академической компетентности ППС, способствуя их карьерному росту.

В предыдущих публикациях нами предпринималась попытка классификации компетенций современных преподавателей. В качестве приоритетных личностных качеств и социально-профессиональных компетенций педагогических работников при осуществлении образовательного процесса нами определены: узкоспециализированные навыки и общая эрудированность; методологические навыки; непрерывное повышение квалификации; мотивация к педагогической работе; коммуникативные навыки; эмоциональный интеллект и стрессоустойчивость; харизматичность и современность в общении; справедливость; критическое мышление и рефлексия [24]. Деятельность преподавателей также связана с их участием в научных исследованиях и разработках. Успешность этого процесса определяется профессионализмом и стремлением к обновлению компетенций; работоспособностью и самоконтролем; умением работать в коллективе; наличием аналитических навыков и навыков академического письма; включённостью в мировую научную повестку; соблюдением научной этики [24].

Н. О. Васецкая предлагает модель компетенций педагогических работников, включающую личностные, социально-этические и профессиональные компетенции [25]. При этом университетский менеджмент делает акцент на профессиональных компетенциях, которые охватывают: общеобразовательную подготовку; образовательную деятельность; методическую работу; научно-исследовательскую деятельность [25]. Данная структура отражает комплекс требований к современному преподавателю высшей школы.

Ю. В. Матвеева подчёркивает возрастающую значимость управленческих компетенций у преподавателей высшей школы [26]. Современный преподавательский состав активно участвует в управлении образовательными программами, взаимодействует с различными заинтересованными сторонами (студентами, коллегами и внешними партнёрами), принимает решения и организует командную работу в научных коллективах. В связи с чем управленческие компетенции оказываются востребованными.

Взгляд на уровень компетенций преподавателей может быть сформирован как с позиции университетского менеджмента (управленческий уровень), самого работника (самооценка) или его коллег, а также с точки зрения студентов. Последняя фокусировка реализована М. Kremnická, L. Rovňanová в исследовании компетентностного профиля преподавателя [27]. Г. Е. Зборовский и П. А. Амбарова в качестве приоритетных компетенций академических работников выделяют научно-исследовательские, педагогические, управленческие и коммуникативные [28].

В целом построение компетентностного профиля НПП – эффективный инструмент для оценки преподавателей и научных работников, который может быть полезен для проведения их конкурсного отбора [29]. Важным аспектом профессиональной деятельности преподавателя является научное

наставничество. П. А. Амбарова и Н. В. Шаброва показывают, что студенты предъявляют высокие требования к личностным и профессиональным качествам преподавателей, особенно в части их педагогических и общекультурных компетенций [30].

На основе обобщения результатов исследований, в статье нами предложено наполнение компетентностного профиля ППС, включающее технологические, профессиональные, межличностные, аналитические, лидерские, креативные и управленческие компетенции. Эффективность программ академического развития преподавателей следует оценивать путём сопоставления субъективных оценок компетентностного дефицита с возможностями его восполнения через университетские программы академического развития. Выявленный диссонанс в развитии компетенций и возможностей их наращивания может быть устранён через корректировку существующих в вузе программ, направленных на академическое развитие, в соответствии со стратегическими приоритетами университета.

Предлагаемое вниманию читателя исследование базируется на комплексном подходе к изучению компетентностного профиля ППС через призму социологии управления, выявлении противоречий между потребностями и реальным развитием компетенций в контексте управления академическим развитием, разработке практических рекомендаций по совершенствованию инструментов управления комплексом университетских мероприятий, направленных на академическое развитие преподавателей. Полученные результаты могут внести вклад в развитие теории и практики управления академическим персоналом в высшем образовании и стать основой для дальнейших исследований в области социологии управления высшей школой.

Конкретно в статье планируется обозначить комплексную картину компетентностного профиля работников, которая послужит университетскому менеджменту научным обоснованием для разработки программы и перечня конкретных мероприятий, необходимых для академического развития преподавателей.

Эмпирическая база и методы исследования

Эмпирический этап исследования проведён с применением метода анкетного опроса (онлайн, на платформе «Анкетолог») в октябре–ноябре 2024 г. в 15 университетах, среди которых 11 – участники программы «Приоритет 2030» (в т. ч. 4 – классических, 6 – технических, 2 – федеральных и 3 – медицинских) и 4 вуза – кандидаты на участие в программе «Приоритет 2030» (в т. ч. 1 – классический, 2 – технических, 1 – медицинский). В выборку включены представители ППС российских университетов (n=2120)¹.

Оценка компетентностного профиля преподавателя может осуществляться как на основании оценок работодателя, коллег, студентов [31], [32],

¹ Разработка программы социологического исследования и инструментария, проведение эмпирического этапа и анализ результатов выполнены автором представленной статьи – канд. социол. наук, Г. З. Ефимовой. Ошибка выборки не превышает 2%

промышленных партнёров, по самооценкам работника, а также комплексно, сочетая вышеназванные источники мнений. Оценка студентами уровня сформированности компетенций у преподавателей позиционируется как важный инструмент в системе менеджмента качества образования и применяется в зарубежных и ряде российских университетов [31]. Основываясь на преимуществах и недостатках студенческих оценок в университетском управлении, продолжается дискуссия о целесообразности использования этого индикатора и масштаба принимаемых на его основе решений в отношении ППС. В данном исследовании мы будем опираться на самооценку преподавателями уровня компетенций имеющих дефицитов компетентностного профиля, принимая в качестве ограничений исследования *субъективный характер оценки* (может быть как завышенной, так и заниженной в зависимости от личностных особенностей и профессиональной самооценки респондентов). Важно учитывать, что самооценка компетенций является значимым компонентом академического развития преподавателя, позволяет выявить зоны ближайшего развития, определить потребности в повышении квалификации и сформировать индивидуальные траектории профессионального роста. Для повышения объективности исследования в дальнейшем планируется сопоставление результатов самооценки с данными независимой экспертной оценки и результатами практической деятельности преподавателей.

Результаты исследования

При представлении результатов исследования будем придерживаться следующей логики: вначале рассмотрим осознание преподавателем компетентностных дефицитов и конкретизируем эти дефициты. Соотнесём потребности преподавателей в наращивании компетенций с направлениями академического развития, в которых они участвовали на протяжении последнего года. Обратим внимание на оценки респондентов, принадлежащих к различным возрастным группам, а также работающих в различных вузах (по отраслевой принадлежности и статусу участия в федеральных программах развития университетов).

1. Актуальность дефицита компетенций для преподавателей высшей школы

Нехватку каких-либо компетенций на протяжении 12 месяцев, предшествующих опросу, испытывал каждый четвёртый респондент (27%)¹. Обратим внимание на наличие субъективно ощущаемого дефицита в зависимости от их возраста, вовлечённости в корпоративные практики академического развития и удовлетворённости возможностями, которые университет предоставляет им для развития, а также карьерных планов на ближайшие три года.

¹ Вопрос: «Испытывали ли Вы нехватку каких-либо компетенций на протяжении 12 месяцев, предшествующих опросу?». Одиночный выбор.

Доля академических работников, испытывающих нехватку компетенций, снижается с возрастом. Максимального показателя она достигает в возрастной группе 30–39 лет (31%), что может объясняться тем, что представители этой группы находятся на этапе построения активной карьеры и имеют высокую трудовую нагрузку. Минимальная доля испытывающих субъективный недостаток компетенций наблюдаются в старшей возрастной группе 60–69 лет (16%), что объясняется накопленным профессиональным опытом, сформированным набором компетенций и возможностью выбирать более подходящие задачи (см. табл. 1).

Каждый четвёртый (24%) представитель наиболее молодой группы работников (до 29 лет) ощущает острый дефицит компетенций, что может указывать на некоторые сложности в трудовой адаптации, стремление к быстрому освоению новых навыков и наличие высоких карьерных ожиданий. Ответы группы преподавателей 40–49 и 50–59 лет показывают промежуточные значения компетентностных дефицитов (29% и 24% соответственно), что свидетельствует об их стабильной профессиональной позиции, балансе между необходимостью развития и имеющимся опытом.

Таблица 1

Ощущение компетентностных дефицитов преподавателей в зависимости от их возраста, вовлечённости в университетские практики академического развития, удовлетворённости возможностями академического развития и карьерных планов, (% к числу ответивших в каждой целевой совокупности)

Переменная	Значение по оценочной шкале	Нехватка компетенций на протяжении 12 месяцев, предшествующих опросу		
		Да	Нет	Итого
Возраст	До 29 лет (n=178)	24	76	100
	30–39 лет (n=519)	31	69	100
	40–49 лет (n=668)	29	71	100
	50–59 лет (n=392)	24	76	100
	60–69 лет (n=239)	16	84	100
	70 лет и старше (n=124)	18	82	100
Активность участия в университетских мероприятиях, направленных на профессиональное, личностное и карьерное развитие НПР (на протяжении прошедших 12 месяцев)	Низкая (n=197)	43	57	100
	Средняя (n=838)	31	69	100
	Высокая (n=1085)	19	81	100
Удовлетворённость возможностями, которые университет предоставляет НПР для их профессионального, личностного и карьерного развития	Низкая (0–1 балл) (n=163)	45	55	100
	Средняя (2–3 балла) (n=681)	36	64	100
	Высокая (4–5 балла) (n=1276)	18	82	100

Окончание Таблицы 1

Переменная	Значение по оценочной шкале	Нехватка компетенций на протяжении 12 месяцев, предшествующих опросу		
		Да	Нет	Итого
Карьерные планы на ближайшие три года	Продолжать работать в этом университете на прежней должности (n=1478)	23	77	100
	Продолжать работать в этом университете на другой должности НПР (n=363)	25	75	100
	Продолжать работать в этом университете на другой должности АУП (n=64)	25	75	100
	Переход в другой университет (n=64)	52	48	100
	Переход из академического сектора на госслужбу (n=22)	9 чел.	13 чел.	100
	Переход из академического сектора в бизнес-сферу (n=89)	53	47	100
	Другое (n=40)	42	58	100

Результаты опроса показывают, что чем активнее респондент вовлечён в университетские программы, направленные на академическое развитие, тем реже он испытывает нехватку компетенций. Это свидетельствует о том, что университетские практики академического развития – эффективный инструмент формирования компетенций ППС и активное участие в них способствует освоению навыков и знаний. Так, среди респондентов с низким уровнем участия в университетских мероприятиях, направленных на академическое развитие, дефицит компетенций испытывают 43%, со средним уровнем вовлечённости – 31% и среди работников с высоким уровнем участия – лишь 19% испытывали субъективный недостаток компетенций (см. табл. 1).

Нами отмечается зависимость между уровнем удовлетворённости преподавателей возможностями для академического развития и субъективно ощущаемой ими нехваткой компетенций. Так, при низком уровне удовлетворённости (0–1 балл), половина респондентов испытали дефицит компетенций (45%), при среднем уровне (2–3 балла) – каждый третий работник (36%), а при высоком уровне (4–5 баллов) – лишь каждый шестой (18%) (см. табл. 1). Чем выше удовлетворённость преподавателей имеющимися в вузе возможностями для профессионального, личностного и карьерного роста, тем реже они испытывают потребность в дополнительных компетенциях.

В ходе исследования выявлена общая тенденция: среди респондентов, которые планируют более радикальные изменения в карьере, выше процент испытывающих нехватку компетенций. В группе планирующих остаться на нынешней должности таковых лишь 23%, а среди планирующих переход в другой сектор 63%. Конкретизируем полученные данные. Меньше всего нехватку компетенций отмечают те, кто планирует остаться на текущей позиции (23%), хотел бы переместиться на другую научно-педагогическую (25%) или административно-управленческую позицию (25%) (см. табл. 1). Выше потребность в развитии компетенций у респондентов, планирующих переход в другой университет в регионе (63%), в бизнес-сферу (53%), в другой российский университет (50%). Примечательно, что респонденты, имеющие планы внутриуниверситетских перемещений, показывают схожий уровень потребности в развитии (25%), а работники, настроенные на переход в другие организации, имеют значительно более высокие показатели (от 45% до 63%).

Полученные результаты отражают прямую зависимость между планируемыми карьерными изменениями и субъективным ощущением нехватки компетенций. Респонденты, планирующие оставаться в академической среде, испытывают наименьшую потребность в дополнительных компетенциях, практикуя их регулярную актуализацию. В то время как те, кто планирует переход в другие организации или секторы деятельности, значительно чаще отмечают нехватку необходимых навыков. Это может указывать на то, что осознание приоритетности развития имеющихся компетенций и приобретение новых влияет на карьерные решения респондентов. Верно и обратное: планируемые изменения заставляют критически оценивать текущий уровень компетенций.

Выявлена слабая корреляционная зависимость по Спирмену между субъективной нехваткой компетенций и следующими переменными: возможностями, которые университет предоставляет преподавателям для их развития (0,258, $p < 0,01$); активностью участия в университетских мероприятиях, направленных на академическое развитие (0,204, $p < 0,01$), удовлетворённостью существующими в университете возможностями профессионального развития (0,258, $p < 0,01$), удовлетворённостью существующими в университете возможностями личностного роста (0,243, $p < 0,01$), удовлетворённостью существующими в университете возможностями карьерного развития (0,202, $p < 0,01$). В ходе анализа не выявлено статистически значимых различий в ответах мужчин и женщин.

2. Значимые дефициты в компетентностном профиле преподавателей высшей школы

Респонденты отмечали субъективную нехватку преимущественно таких компетенций, как *технологические* (навыки работы с технологиями, программным и аппаратным обеспечением, техническими инструментами) (57%) и *профессиональные* (для конкретной дисциплинарной или научной области) (31%),

а также *управленческие* компетенции (умение планировать, организовывать, контролировать и управлять проектами и задачами) (20%).

На основе корреляционного анализа (по Спирману) выделены слабые взаимосвязи между лидерскими и управленческими компетенциями (0,298, $p < 0,01$), управленческими и межличностными (0,249, $p < 0,01$), лидерскими и межличностными (0,217, $p < 0,01$). Аналогичная статистически значимая взаимосвязь обнаружена между нехваткой профессиональных и технических компетенций (0,267, $p < 0,01$). Полагаем, указанные компетенции являются взаимодополняющими и их необходимо развивать комплексно. Понимание этого может быть полезно для планирования развития компетенций НПР и достижения более эффективного результата академического развития НПР.

Анализ возрастной динамики дефицита компетенций демонстрирует выраженную дифференциацию по возрастным группам. В отношении большинства компетенций с возрастом происходит снижение субъективно ощущаемого дефицита. Исключение составляют лишь технологические компетенции – с возрастом отмечается резкий рост потребности в их развитии. Данный дефицит особенно заметен в группе академических работников старше 50 лет, что отражает растущую потребность в освоении ими новых технологий (см. табл. 2). Среди мужчин нехватку технологических компетенций ощутили 58%, а среди женщин – 63%.

Таблица 2

Наиболее острая нехватка компетенций на протяжении 12 месяцев, предшествовавших опросу, в зависимости от возраста (не более трёх вариантов ответа), % выбравших компетенцию в каждой возрастной группе респондентов, оценивших нехватку конкретной компетенции как острую

Наименование компетенции	Возраст				
	до 29 лет (n=203)	30–39 лет (n=157)	40–49 лет (n=190)	50–59 лет (n=92)	60 лет и старше (n=60)
Технологические	29	56	59	70	88
Профессиональные	39	33	33	28	24
Межличностные	27	19	14	13	5
Аналитические	7	11	10	8	7
Лидерские	20	20	17	14	5
Креативные	20	20	20	15	5
Управленческие	27	20	19	13	0

Потребности в развитии профессиональных компетенций показывают противоположную тенденцию: их максимальная нехватка (39%) наблюдается в группе молодых преподавателей, с последующим снижением доли испытывающих дефицит до 24% в старшей возрастной категории. Это может обуславливаться изменением профессиональной активности и адаптацией к новым требованиям академического рынка труда. Дефицит компетенций *межличностного*

взаимодействия имеет наиболее высокие показатели: его испытывает четверть респондентов в группе до 29 лет (27%), с последующим снижением до 5% в старшей возрастной группе. Нехватку лидерских компетенций максимально испытывают представители младших возрастных групп (20%) с постепенным снижением до 5% в группе предпенсионного и пенсионного возраста.

В результате проведённого анализа отметим существенный сдвиг в субъективном восприятии дефицита различных типов компетенций: чем старше респондент, тем меньше он ощущает нехватку профессиональных, межличностных, аналитических, лидерских, креативных и управленческих компетенций. Исключение составляют технологические компетенции. Полагаем, это может происходить потому, что все иные компетенции, кроме технологических, накапливаются долго и не так оперативно истощаются. Этот вывод означает необходимость специальной поддержки старшего поколения в вопросах технологического переобучения, что значимо ввиду ужесточения требований к цифровой грамотности преподавателей. Полученные данные позволяют сделать вывод о необходимости дифференцированного подхода к профессиональному развитию различных возрастных групп и разработке специализированных программ повышения квалификации, учитывающих нехватку компетенций у работников различных возрастов.

Нехватку технологических компетенций наиболее остро ощутили преподаватели классических вузов (71%), в то время как в технологических – 57%, в федеральных – 61%, в медицинских – 64%. При этом недостаток профессиональных компетенций отмечали лишь 16% респондентов из классических вузов и двукратно больший процент респондентов из других вузов (технические – 36%, федеральные – 30%, медицинские – 35%).

3. Связь университетских мероприятий по академическому развитию и компенсации дефицита компетенций у преподавателей

Мероприятия, в которых участвовали преподаватели в предыдущие 12 месяцев, были направлены преимущественно на совершенствование¹: *профессиональных* (61%), *технологических* (38%), *межличностных* компетенций (28%) (см. табл. 3). Наиболее значимые различия отмечены в отношении профессиональных и технологических компетенций. В отношении первых ситуация не критична – на формировании профессиональных компетенций преподавателей было сфокусировано внимание университета, скорее всего поэтому и работники не испытывают острой нехватки данного вида компетенций несмотря на то, что в целом у них сохраняется определённый уровень неудовлетворённости развитием. При этом высокий уровень напряжённости фиксируется в отношении *технологических* компетенций – работники испытывают нехватку данного вида компетенций и отмечают, что им не удаётся восполнить недостаток знаний в рамках мероприятий,

¹ Вопрос: «Совершенствованию каких компетенций в большей мере способствовали мероприятия, направленные на развитие сотрудников, в которых Вы участвовали в предыдущие 12 месяцев?» (не более трёх вариантов ответа), множественный выбор.

которые организует университет для развития преподавателя. Обращает на себя внимание диссонанс между рассмотренными ранее дефицитами компетенций и направлениями академического развития преподавателей.

На основе корреляционного анализа (по Спирману) выявлено, что между компетенциями, которые развивались у преподавателей, практически отсутствуют статистически значимые различия. Очень слабая положительная связь обозначена между развитием лидерских и управленческих (0,158, $p < 0,01$), а также профессиональных и технических компетенций (0,114, $p < 0,01$).

Таблица 3

Потребности вузовских преподавателей в развитии компетенций и возможности их удовлетворения за счёт управленческих решений в рамках университетских программ академического развития (не более трёх вариантов ответа, % выбравших компетенцию в каждой возрастной группе респондентов, оценивших нехватку конкретной компетенции как острую)

Наименование компетенции	Нехватка компетенций на протяжении 12 месяцев, предшествующих опросу (n=572)	Компетенции, совершенствованию которых способствовали мероприятия, направленные на развитие сотрудников, в которых участвовали респонденты в предыдущие 12 месяцев (n=1645)
Технологические (работа с технологиями, программным и аппаратным обеспечением, техническими инструментами)	57	37
Профессиональные (деятельность в конкретной отрасли или сфере деятельности)	31	61
Межличностные (умение эффективно общаться, работать в команде, управлять конфликтами)	16	27
Аналитические (способность анализировать данные, делать выводы и принимать обоснованные решения)	10	22
Лидерские (руководить коллективом, принимать оптимальное решение, устанавливать приоритеты и мотивировать сотрудников)	18	12
Креативные (способность мыслить творчески, находить нестандартные решения и генерировать идеи)	17	20
Управленческие (умение планировать, организовывать, контролировать и управлять проектами и задачами)	20	20

Анализ возрастной динамики компетенций демонстрирует определённую закономерность в их формировании и трансформации на протяжении жизненного цикла преподавателя. Профессиональные компетенции демонстрируют относительно стабильный уровень развития, с незначительным снижением в группе 30–39 лет (60%) и последующим постепенным ростом до 65% в старших возрастных категориях. Это указывает на непрерывный процесс развития работника и накопления им опыта. Более половины мужчин (59%) и две трети женщин (65%) отмечали акцент университета на развитие у них профессиональных компетенций.

Внимание университетских мероприятий на развитие у преподавателей технологических компетенций показывает стабильный уровень (38%) в группах до 49 лет с последующим повышением до 45% в группе 50–59 лет и снижением до 29% в старшей возрастной категории. Данный факт может свидетельствовать о том, что средний возраст – период наиболее активного освоения технологических навыков (см. табл. 4). Среди мужчин отметили развитие технологических компетенций на протяжении последнего года 42%, а среди женщин – 38%.

Сфокусированность развития компетенций межличностного взаимодействия отмечается в младших возрастных группах (32%) с постепенным снижением в старшей возрастной категории (до 23%). Лидерские компетенции показывают снижение с 18% у преподавателей в группе до 29 лет до 4% в старшей возрастной категории, что может определяться изменением карьерных приоритетов и профессиональной позиции. Управленческие компетенции также имеют тенденцию к снижению с 27 до 12%, что соотносится с динамикой лидерских компетенций.

Таблица 4

Мероприятия, способствующие академическому развитию респондентов разных возрастных групп, в которых они участвовали в предыдущие 12 месяцев, % к количеству респондентов в возрастных группах

Наименование компетенции	Возрастные группы					
	до 29 лет (n=141)	30–39 лет (n=391)	40–49 лет (n=502)	50–59 лет (n=315)	60–69 лет (n=202)	70 лет и старше (n=94)
Технологические	38	38	38	45	43	29
Профессиональные	67	60	63	63	65	65
Межличностные	32	32	28	28	22	23
Аналитические	22	22	19	19	26	28
Лидерские	18	15	10	8	6	4
Креативные	23	20	23	18	20	26
Управленческие	27	24	16	13	13	12

Выявлена определённая возрастная динамика в приоритетах развития различных типов компетенций в результате участия в университетских мероприятиях. На развитие профессиональных и технологических компетенций указывают респонденты среднего возраста, а внимание к межличностным и лидерским компетенциям имеет тенденцию снижаться с возрастом, в то время как фокусировка университета на развитии аналитических и креативных компетенций имеет тенденцию к повышению в старших возрастных группах работников. Полученные данные позволяют сделать вывод о необходимости разработки в университете дифференцированных программ академического развития на протяжении всей карьеры.

Отмечено отсутствие статистически значимых корреляций между компетенциями, нехватку которых респонденты ощущали на протяжении 12 месяцев, предшествующих опросу и теми, на развитие которых направлены отдельные университетские мероприятия. Это подтверждает, что существующая система академического развития в университете достаточно эффективна.

Анализ развития компетенций в различных типах вузов в основном не демонстрирует существенных различий в приоритетах. Тем не менее, в медицинских вузах больше внимания уделяется развитию профессиональных компетенций (68%), при более низком показателе в классических (59%), технологических (61%), федеральных (64%) университетах. Минимальное внимание развитию компетенций межличностного взаимодействия преподавателей уделяется в технологических вузах (21%), в то время как в других вузах данный показатель в полтора раза выше (классические – 37%, федеральные – 30% и медицинские – 31%).

Для проверки взаимосвязи между возможностями академического развития и уровнем компетентностных дефицитов преподавателей нами проанализирован статус участия университета в федеральных программах поддержки («Приоритет 2030» и «5-100») как индикатор его потенциала. Университеты в выборке разделены на три группы: участники «Приоритет 2030», ранее входившие в Проект «5-100»; участники «Приоритет 2030», не входившие в Проект «5-100»; кандидаты на вхождение в «Приоритет 2030». Доля респондентов, ощущавших нехватку компетенций, во всех группах идентична (27%), но выявлены различия в их профиле. Нехватку технологических компетенций наиболее остро ощутили респонденты из вузов третьей группы (66% против 54% и 58% в первой и второй). Наибольший дефицит лидерских компетенций выявлен в первой группе (22% против 18% и 13%). Субъективно ощущаемый дефицит аналитических компетенций аналитических компетенций выше в первой группе (16% против 8% в остальных). Результаты указывают на специфические вызовы, с которыми сталкиваются преподаватели в различных группах вузов. Например, в первой группе выше потребность в лидерских и аналитических компетенциях, а в третьей – в технологических. Это может быть отголоском потенциала, накопленного университетом в период реализации Проекта «5-100», а также поддержкой программы «Приоритет 2030». Выявленный диссонанс в компетентностном профиле НПП создаёт основу для совершенствования

системы управления академическим развитием в соответствии со специфическими вызовами, которые испытывает университет.

Анализ конкретных компетенций, на развитие которых направлены университетские мероприятия, показывает различия в акцентах: лидерские (14% в первой и второй группах, 9% в третьей), управленческие (24% во второй, 20% в третьей, 16% в первой), технические компетенции (42% в первой и третьей группах, 33% во второй). Эти данные позволяют скорректировать систему управления академическим развитием с учётом специфики и потенциала вузов.

Заключение

Проведённый анализ компетентностного профиля преподавателя позволил выявить значимый разрыв между ощущаемым работниками дефицитом технологических компетенций и реальными возможностями развития в рамках существующей системы управления академическим развитием в университете. Кроме того, обнаружен дисбаланс в развитии компетенций межличностного взаимодействия, что представляет существенную управленческую проблему в организации коллективной деятельности. Профессиональные компетенции остаются наиболее сформированными, однако вузовские преподаватели сохраняют значительную потребность в их развитии. Раскрыт дисбаланс между потребностями ППС в развитии профессиональных компетенций и возможностями их удовлетворения за счёт мероприятий, предусмотренных университетскими программами академического развития, что указывает на неоптимальность текущих управленческих решений в этой сфере. Наблюдается тенденция к снижению дефицита большинства компетенций в старших возрастных группах, что может быть связано с накопленным опытом и профессиональной зрелостью либо со снижением разнообразия задач в профессиональной деятельности, в рамках которых они могут ощутить компетентностный дефицит; данная динамика требует учёта при проектировании систем управления академическим развитием с учётом возрастных траекторий.

Полученные результаты свидетельствуют о некотором несоответствии между приоритетами университетов в академическом развитии преподавателей, формируемой системой управления, и их реальными потребностями. Изучение компетентностного профиля обусловлено необходимостью разработки комплексного управленческого подхода к развитию профессиональных и личностных компетенций ППС, а также создания эффективных организационных механизмов для выявления и устранения существующих компетентностных дефицитов. Не менее важно усовершенствовать действующие программы развития академического персонала с учётом выявленных разрывов в навыках и создать комплексную систему оценки эффективности проводимых мероприятий, что является ключевой управленческой задачей для оптимизации процесса академического развития преподавателей и, как следствие, повышения качества образовательного и научно-исследовательского процесса в вузах.

Результаты проведённого исследования могут стать основой для корректировки стратегии управления академическим развитием в вузах, разработки новых управленческих подходов к оценке эффективности соответствующих мероприятий и формирования рекомендаций по оптимизации системы развития компетенций как элемента управления человеческими ресурсами. Так, проблема исследования компетентностного профиля преподавателя в контексте социологии управления заключается в необходимости выявления и устранения существующих противоречий между требованиями к компетенциям и их реальным развитием в рамках действующих управленческих моделей, а также в разработке эффективных организационно-управленческих механизмов совершенствования системы профессионального развития работника. В связи с этим видится насущная управленческая необходимость в разработке целевых программ развития компетенций работников с учётом выявленных дисбалансов, особенно в технологической сфере, а также в создании управленческих условий для непрерывного профессионального развития на протяжении всей академической карьеры с учётом возрастных особенностей и потребностей преподавателей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ефимова Г. З. Управление академическим развитием научно-педагогических работников в контексте дисциплинарных социологических теорий // Вестник университета. 2025. № 5. С. 217–232. DOI [10.26425/1816-4277-2025-5-217-232](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2025-5-217-232). EDN [AMGRFV](https://www.edn.ru/AMGRFV).
2. Ефимова Г. З. Вовлечённость научно-педагогических работников в практики профессионального развития // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 10. С. 36–59. DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-10-36-59](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-10-36-59). EDN [LNFXCY](https://www.edn.ru/LNFXCY).
3. Kalytovska M. Scientific and Pedagogical Staff and Formation of Professional Competencies for Higher Education Applicants in Pharmaceutical Profile // SSP Modern Pharmacy and Medicine. 2024. Т. 4, № 1. P. 1–7. DOI [10.53933/ssmpm.v4i1.124](https://doi.org/10.53933/ssmpm.v4i1.124).
4. Salonen T., Panican A. Kompetensprofilen hos undervisande personal på socionomutbildningar: En strategisk fråga för socionomfältet // Socialvetenskaplig tidskrift. 2022. Т. 29, № 2. P. 209–233. DOI [10.3384/SVT.2022.29.2.4614](https://doi.org/10.3384/SVT.2022.29.2.4614). EDN [PKXWNK](https://www.edn.ru/PKXWNK).
5. Kompetencje pracownicyw uczelni badawczych w Polsce / B. Kozusznik, G. Filipowicz, O. Flak [et al.]. Katowice : University of Silesia Press, 2023. 148 p. ISBN 978-83-226-4288-7. DOI [10.31261/PN.4162](https://doi.org/10.31261/PN.4162).
6. Кобзева Н. И. Процессуальная модель развития профессиональных компетенций преподавателя многопрофильного университета // Вестник Оренбургского государственного университета. 2021. № 1 (229). С. 56–63. DOI [10.25198/1814-6457-229-56](https://doi.org/10.25198/1814-6457-229-56). EDN [MDHDNI](https://www.edn.ru/MDHDNI).
7. Mendoza D. Caracterizacion Del Perfil De Las Competencias Laborales En El Docente Universitario (Characterization of the Profile of Labour Competences in University Teaching) // SSRN Electronic Journal. 2020. 30 June. DOI [10.2139/ssrn.3639488](https://doi.org/10.2139/ssrn.3639488).
8. Газиева И. А., Бурашникова А. А. Компетентностный функциональный профиль преподавателя вуза: ценностный подход // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 3. С. 26–47. DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-3-26-47](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-3-26-47). EDN [CPIFIC](https://www.edn.ru/CPIFIC).
9. Широколобова А. Г., Ларионова Ю. С., Ачкасова О. Г., Широколов Г. В. Формирование цифровых компетенций педагогов в процессе повышения квалификации в условиях

- цифровой трансформации образования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6, № 3 (23). С. 189–197. DOI [10.21603/2542-1840-2022-6-3-189-197](https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-189-197). EDN HGGIQH.
10. Belliger A., Krieger D. J. An e-competence profile for teachers in higher education // International journal of continuing engineering education and life-long learning. 2010. № 20. С. 324–336. DOI [10.1504/IJCEELL.2010.037049](https://doi.org/10.1504/IJCEELL.2010.037049).
  11. Исаева Т. Е. Компетенции и «электронная» педагогическая культура преподавателя высшей школы в постпандемическом мире // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 6. С. 80–96. DOI [10.31992/0869-3617-2021-30-6-80-96](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-6-80-96). EDN YTOOXF.
  12. Носкова А. В., Голоухова Д. В., Кузьмина Е. И., Галицкая Д. В. Цифровые компетенции преподавателей в системе академического развития высшей школы: опыт эмпирического исследования // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 1. С. 159–168. DOI [10.31992/0869-3617-2021-30-6-80-96](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-6-80-96). EDN YTOOXF.
  13. Мымрина Д. Ф., Абдрашитова М. О., Захарова Е. О. Развитие иноязычной коммуникативной компетенции научно-педагогических работников в техническом вузе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (195). С. 171–175. DOI [10.23951/1609-624X-2018-6-171-175](https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-6-171-175). EDN UYXSOK.
  14. Barnes N., Plessis M., Frantz J. Career Competencies for Academic Career Progression: Experiences of Academics at a South African University // Frontiers in Education. 2022. Т 7. DOI [10.3389/feduc.2022.814842](https://doi.org/10.3389/feduc.2022.814842). EDN WTWUTS.
  15. Sysoieva S., Sokolova I. Academic Staff Development Programme: Research Competence Formation // Continuing Professional Education: Theory and Practice. 2020. № 4. P. 23–32. DOI [10.28925/1609-8595.2020.4.3](https://doi.org/10.28925/1609-8595.2020.4.3). EDN TQFNNK.
  16. Gilis A., Clement M., Laga L., Pauwels P. Establishing a Competence Profile for the Role of Student-centred Teachers in Higher Education in Belgium // Research in Higher Education. 2008. № 49 (6). P. 531–554. DOI [10.1007/s11162-008-9086-7](https://doi.org/10.1007/s11162-008-9086-7).
  17. Zhu R., Salwana B., Hamzah M. I. M., Hamid M. R. A Threefold Examination of University Digital Leadership, Teacher Digital Competency, and Teacher Technology Behavior for Digital Transformation of Education // International Journal of Learning Teaching and Educational Research. 2024. Т. 23, № 10. P. 272–289. DOI [10.26803/ijlter.23.10.13](https://doi.org/10.26803/ijlter.23.10.13). EDN OBBEXX.
  18. Saldariaga Mera F. B. Competency profile of the university teacher in the field of health sciences // CAMBIOS. 2024. Vol. 23, № 1. DOI [10.36015/cambios.v23.n1.2024.946](https://doi.org/10.36015/cambios.v23.n1.2024.946).
  19. Khoruzha L., Melnychenko O. Academic Staff's Social-Personal Dominant Activity // Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference. 2020. Vol. 1. P. 385. DOI [10.17770/sie2020vol1.4824](https://doi.org/10.17770/sie2020vol1.4824). EDN ZLFJVO.
  20. Хлыстов Е. А., Тураева И. Л. Научно-методическая компетентность преподавателя вуза как составляющая человеческого капитала // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 2 (118). С. 102–108. DOI [10.24158/spp.2024.2.13](https://doi.org/10.24158/spp.2024.2.13). EDN BOZQJH.
  21. Moreira-Choez J. S., Zambrano-Acosta J. M., López-Padrón A. Digital teaching competence of higher education professors: self-perception study in an Ecuadorian university // F1000research. 2024. Vol. 12. P. 1484. DOI [10.12688/f1000research.139064.2](https://doi.org/10.12688/f1000research.139064.2). EDN VBMQIU.
  22. ChaaCha, Thapelo D. Key Competencies for Academic Employees in the Current Dynamic Higher Education Environment // Cogent Education. 2024. № 11 (1). DOI [10.1080/2331186X.2024.2397230](https://doi.org/10.1080/2331186X.2024.2397230).
  23. Екпoh У., Inyang S. U. Teaching Mentoring And Academic Staff Professional Competence in Universities // Educational Extracts 2018. Vol. VI, № 2. P. 105–113.

24. Ефимова Г. З., Сорокин А. Н., Грибовский М. В. Идеальный педагог высшей школы: личностные качества и социально-профессиональные компетенции // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 1. С. 202–230. DOI [10.17853/1994-5639-2021-1-202-230](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-1-202-230). EDN [XIYTOL](#).
25. Васецкая Н. О. Разработка модели компетенций научно-педагогических работников вуза // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 61–64. EDN [YLGYCD](#).
26. Матвеева Ю. В. Развитие управленческих навыков у преподавателей вузов // Вестник Международного института рынка. 2015. № 2. С. 116–123. EDN [VDKOUB](#).
27. Kremenická M., Rovňanová L. Pedagogical Competences of University Teachers from the Student's Perspective // Lifelong Learning. 2024. Т. 14, № 2. P. 167–200. DOI [10.11118/lifele20241402167](https://doi.org/10.11118/lifele20241402167). EDN [HXENWK](#).
28. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Научно-педагогические работники как социальная общность в меняющихся условиях академического развития // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 5. С. 147–180. DOI [10.17853/1994-5639-2022-5-147-180](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-5-147-180). EDN [DQKMBA](#).
29. Осипов М. Ю. Основные пути повышения качества высшего образования в России // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2011. № 3. С. 36–39. EDN [NMXAXN](#).
30. Амбарова П. А., Шаброва Н. В. Представления студентов о научном наставнике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16, № 4. С. 391–408. DOI [10.21638/spbu12.2023.403](https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.403). EDN [COCREA](#).
31. Ибрагимов Г. И., Ибрагимова Е. М. Оценивание компетенций: проблемы и решения // Высшее образование в России. 2016. № 1. С. 43–52. EDN [VAYAMR](#).
32. Гуров В. Н., Резванова И. Ю. Компетенции преподавателей вуза: мнение студентов // Высшее образование в России. 2009. № 12. С. 143–146. EDN [JVTFBU](#).

Сведения об авторе

Г. З. Ефимова

кандидат социологических наук, доцент,

профессор

SPIN-код: [6600-6604](#)

Статья поступила в редакцию 26.05.2025; одобрена после рецензирования 18.09.2025; принята к публикации 15.10.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.4.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.2)

THE FACULTY COMPETENCY PROFILE THROUGH THE LENS OF MANAGEMENT SOCIOLOGY: ANALYZING GAPS AND EFFECTIVENESS OF UNIVERSITY ACADEMIC DEVELOPMENT PROGRAMS

Galina Zinovyevna Efimova

University of Tyumen,

Tyumen, Russia

g.z.efimova@utmn.ru,ORCID [0000-0002-4826-2259](https://orcid.org/0000-0002-4826-2259)

For citation: Efimova G. Z. The faculty competency profile through the lens of management sociology: analyzing gaps and effectiveness of university academic development programs. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(4):34–58. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.4.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.2).

Abstract. This article adopts a sociology of management perspective to examine the competency profile of higher education faculty. It identifies competency gaps as well as competencies whose development proved most effective within the framework of a corporate academic development program. The article aims to juxtapose higher education faculty' needs for professional competency development with the possibilities for meeting these needs through managerial decisions within university academic development programs. The conclusions are based on empirical research conducted by the author in October-November 2024 among faculty staff (questionnaire survey, n=2120). The survey encompassed 15 Russian universities (including 11 participants in the «Priority 2030» program and 4 candidate institutions). Over the past 12 months, nearly a quarter of instructors experienced competency gaps. Half of this group reported the most acute shortage in technological competencies, a figure significantly exceeding the proportion (37%) who engaged in their targeted development through training activities. Professional competencies, despite ranking second in terms of deficit (31%), were addressed to a greater extent (61%) by university academic development programs, indicating the efficacy of managerial approaches to academic staff development. A developmental imbalance is observed concerning interpersonal interaction competencies: 16% of respondents reported a shortage, while 27% developed these competencies through university programs, exceeding the reported deficit. The most significant gap between perceived deficit and actual development was observed in technological competencies (difference of 20%), necessitating particular attention from university management in planning and implementing academic development programs. Leadership competencies were developed by only one in eight faculty staff (12%) over the past year, against a perceived deficit of 18%, highlighting the timeliness of enhancing university programs for developing instructors' leadership potential as part of strategic human resource management. Among representatives of different age groups, a decrease in the subjectively perceived deficit was noted for most competencies, which may be explained by their sufficient development by mature age within existing frameworks for managing instructors' academic development. Technological competencies represent an exception – their perceived shortage increases with the instructor's age.

The obtained results indicate the necessity of adjusting managerial priorities in instructor competency development, with an emphasis on technological and leadership skills, and underscore the importance of enhancing the effectiveness of managerial decisions within programs designed to develop these competencies. The findings may prove valuable to researchers in the sociology of higher education management, as well as to university leadership in devising a comprehensive strategy for managing the academic development of research and teaching staff and specific instructor academic development programs.

Keywords: university, teachers, academic development, academic development management, personal development, professional development, advanced training, competencies, sociology of management, sociology of higher education

Acknowledgements: The author would like to express sincere gratitude to Professor P. A. Ambarova of the Ural Federal University for her critical comments and constructive recommendations, which significantly contributed to the improvement of the publication text; to the anonymous reviewers; and to the scientific and pedagogical staff of Russian universities who participated in the empirical stage of the sociological research.

REFERENCES

1. Efimova G. Z. Management of academic development of academic staff through the lens of disciplinary sociological theories. *University Herald=Vestnik Universiteta*. 2025;(5):217–232. (In Russ.). DOI [10.26425/1816-4277-2025-5-217-232](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2025-5-217-232).
2. Efimova G. Z. Involvement of academic staff in the practice of professional 2024;33(10):36–59. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-10-36-59](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-10-36-59).
3. Kalytovska M. Scientific and pedagogical staff and formation of professional competencies for higher education applicants in pharmaceutical profile. *SSP Modern Pharmacy and Medicine*. 2024;4(1):1–7. DOI [10.53933/ssppmpm.v4i1.124](https://doi.org/10.53933/ssppmpm.v4i1.124).
4. Salonen T., Panican A. Kompetensprofilen hos undervisande personal på socionomutbildningar: En strategisk fråga för socionomfältet. *Socialvetenskaplig tidskrift*. 2022;29(2):209–233. (In Polish). DOI [10.3384/SVT.2022.29.2.4614](https://doi.org/10.3384/SVT.2022.29.2.4614).
5. Kołuszniak B., Filipowicz G., Flak O. [et al.]. Kompetencje pracowników uczelni badawczych w Polsce. Katowice: University of Silesia press. 2023. 148 p. (In Polish). ISBN 978-83-226-4288-7. DOI [10.31261/PN.4162](https://doi.org/10.31261/PN.4162).
6. Kobseva N. I. Procedural model of multidisciplinary university teacher professional competencies development. *Herald of Orenburg State University=Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021;1(229):56–63. (In Russ.). DOI [10.25198/1814-6457-229-56](https://doi.org/10.25198/1814-6457-229-56).
7. Mendoza D. Caracterización del perfil de las competencias laborales en el docente universitario (In Spanish). *SSRN Electronic Journal*. 2020;30 June. DOI [10.2139/ssrn.3639488](https://doi.org/10.2139/ssrn.3639488).
8. Gazieva I. A., Burashnikova A. A. Competency functional profile of the university teacher: value approach. *Higher Education in Russia=Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2023;32(3):26–47. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-3-26-47](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-3-26-47).
9. Shirokolobova A., Larionova Yu., Achkasova O., Shirokolobov G. Pedagogical staff and digital competencies: professional development in the academic digitalization. *Herald of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences=Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*. 2022;6(3):189–197. (In Russ.). DOI [10.21603/2542-1840-2022-6-3-189-197](https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-189-197).
10. Belliger A., Krieger D. J. An e-competence profile for teachers in higher education. *International journal of continuing engineering education and life-long learning*. 2010;(20):324–336. DOI [10.1504/IJCEELL.2010.037049](https://doi.org/10.1504/IJCEELL.2010.037049).

11. Isaeva T. E. Higher school teacher's competences and "electronic" pedagogical culture in the post-pandemic world. *Higher Education in Russia=Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2021;30(6):80–96. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2021-30-6-80-96](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-6-80-96).
12. Noskova A. V., Goloukhova D. V., Kuzmina E. I., Galitskaya D. V. Digital competences of teachers in the higher education academic development system: experience of the empirical research. *Higher Education in Russia=Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2022;31(1):159–168. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2021-30-6-80-96](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-6-80-96).
13. Mymrina D. F., Abdrashitova M. O., Zakharova E. O. Developing foreign language communicative competence of the academic staff at a technical university. *Herald of Tomsk State Pedagogical University=Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2018;195(6):171–175. (In Russ.). DOI [10.23951/1609-624X-2018-6-171-175](https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-6-171-175).
14. Barnes N., Plessis M., Frantz J. Career competencies for academic career progression: experiences of academics at a south African university. *Frontiers in Education*. 2022;(7). DOI [10.3389/educ.2022.814842](https://doi.org/10.3389/educ.2022.814842).
15. Sysoieva S., Sokolova I. Academic staff development programme: research competence formation. *Continuing Professional Education: Theory and Practice*. 2020;(4):23–32. DOI [10.28925/1609-8595.2020.4.3](https://doi.org/10.28925/1609-8595.2020.4.3).
16. Gilis A., Clement M., Laga L., Pauwels P. Establishing a competence profile for the role of student-centred teachers in higher education in Belgium. *Research in Higher Education*. 2008;49(6):531–554. DOI [10.1007/s11162-008-9086-7](https://doi.org/10.1007/s11162-008-9086-7).
17. Zhu R., Salwana B., Hamzah M. I. M., Hamid M. R. A threefold examination of university digital leadership, teacher digital competency, and teacher technology behavior for digital transformation of education. *International Journal of Learning Teaching and Educational Research*. 2024;23(10):272–289. DOI [10.26803/ijlter.23.10.13](https://doi.org/10.26803/ijlter.23.10.13).
18. Saldariaga Mera F. B. Competency profile of the university teacher in the field of health sciences. *CAMBIOS*. 2024;23(1). DOI [10.36015/cambios.v23.n1.2024.946](https://doi.org/10.36015/cambios.v23.n1.2024.946).
19. Khoruzha L., Melnychenko O. Academic staff's social-personal dominant activity. *Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference*, 2020;(1):385. DOI [10.36015/cambios.v23.n1.2024.946](https://doi.org/10.36015/cambios.v23.n1.2024.946).
20. Khlystov E. A., Turaeva I. L. Scientific and methodological competence of a university teacher as a component of human capital. *Society: sociology, psychology, pedagogy=Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2024;118(2):102–108. (In Russ.). DOI [10.24158/spp.2024.2.13](https://doi.org/10.24158/spp.2024.2.13).
21. Moreira-Choez J. S., Zambrano-Acosta J. M., López-Padrón A. Digital teaching competence of higher education professors: self-perception study in an Ecuadorian university. *F1000research*. 2024;(12):1484. DOI [10.12688/f1000research.139064.2](https://doi.org/10.12688/f1000research.139064.2).
22. ChaaCha, Thapelo D. Key competencies for academic employees in the current dynamic higher education environment. *Cogent Education*. 2024;11(1). DOI [10.1080/2331186X.2024.2397230](https://doi.org/10.1080/2331186X.2024.2397230).
23. Ekpoh U., Inyang S. U. Teaching mentoring and academic staff professional competence in universities. *Educational Extracts*. 2018;VI(2):105–113.
24. Efimova G. Z., Sorokin A. N., Gribovskiy M. V. Ideal teacher of higher school: personal qualities and socio-professional competencies. *The Education and science journal=Obrazovanie i nauka*. 2021;23(1):202–230. (In Russ.). DOI [10.17853/1994-5639-2021-1-202-230](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-1-202-230).
25. Vasetskaya N. O. The Development of a competence-based model of scientific-pedagogical employees of the university. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration=Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*. 2018;7(3):61–64. (In Russ.).

26. Matveeva Yu. V. Development of managerial skills among university teachers. *Herald of the International Institute of the Market=Vestnik mezhdunarodnogo instituta rynka*. 2015;(2):116–123. (In Russ.).
27. Kremnická M., Rovňanová L. Pedagogical competences of university teachers from the student's perspective. *Lifelong Learning*. 2024;14(2):167–200. DOI [10.11118/life-20241402167](https://doi.org/10.11118/life-20241402167).
28. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Scientific and pedagogical staff as a social community in the changing conditions of academic development. *The Education and Science Journal=Obrazovanie i nauka*. 2022;24(5):147–180. (In Russ.). DOI [10.17853/1994-5639-2022-5-147-180](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-5-147-180).
29. Osipov M. Y. The main ways to improve the quality of higher education in Russia. *Alma Mater (Herald of Higher Education)=Alma Mater (Vestnik vy'sshej shkoly')*. 2011;(3):36–39. (In Russ.).
30. Ambarova P. A., Shabrova N. V. Students' view on a scientific mentor. *Herald of Saint Petersburg University. Sociology=Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*. 2023;16(4):391–408. (In Russ.). DOI [10.21638/spbu12.2023.403](https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.403).
31. Ibragimov G. I., Ibragimova E. M. Competence assessment: challenges and solutions. *Higher Education in Russia=Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2016;(1):43–52. (In Russ.).
32. Gurov V. N., Rezvanova I. Y. Competencies of university teachers: students' opinion. *Higher Education in Russia=Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2009;(12):143–146. (In Russ.).

Information about the Author

G. Z. Efimova

Candidate of Sociology, Associate Professor,
Professor

Scopus AuthorID: [57195971011](https://orcid.org/57195971011)

ResearcherID: [N-8362-2016](https://orcid.org/N-8362-2016)

The article was submitted 26.05.2025; approved after reviewing 18.09.2025; accepted for publication 15.10.2025.

ЗНАЧИМОСТЬ НАУЧНОГО КАПИТАЛА ШКОЛЬНЫХ УЧИТЕЛЕЙ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ПРОФОРИЕНТАЦИИ В СФЕРЕ ПРЕДМЕТОВ STEM

Елена Михайловна Колесникова¹
Алёна Игоревна Черевкова²

^{1,2}Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

¹kolesnikova@mail.ru,
ORCID 0000-0003-2174-2524

²yaitskova_a@mail.ru,
ORCID 0000-0003-0662-2268

Для цитирования: Колесникова Е. М., Черевкова А. И. Значимость научного капитала школьных учителей для реализации процесса профориентации в сфере предметов STEM // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 4. С. 59–85. DOI 10.19181/snsp.2025.13.4.3. EDN MDTTSBO.

Аннотация. В статье анализируется актуальная проблема научного капитала педагогов в связи с социальным процессом профориентирования учащихся, в частности по дисциплинам STEM. Авторы рассматривают эффективность этого процесса через оценку значимости научного капитала учителей разных уровней сферы школьного образования. В предлагаемой читателю статье авторы акцентируют внимание на сходстве и различиях ряда составляющих научного капитала учителей-предметников точных наук, которые считаются основной целевой группой в сфере профориентации STEM, и педагогов начальных классов, которым обычно уделяется недостаточно внимания в такого рода исследованиях. Конкретно анализ проводится по следующим составляющим научного капитала педагогов: социально-профессиональный профиль как показатель знаний и умений; установка относительно роли школы и учителя в профориентации; включённость в профессиональные и экспертные сообщества: контакты, сети связей и взаимодействий; деятельность, поведение, практики. Эмпирической базой являются данные исследования, проведённого в марте – апреле 2025 года методом стратифицированного случайного выборочного анкетного опроса школьных учителей в крупных городах трёх регионов: Москве, Самаре, Ростове-на-Дону. Для решения исследовательских задач опрос был дополнен полуструктурированными экспертными интервью. Анализ данных проведённого исследования позволяет сформулировать ряд выводов. Результаты исследования свидетельствуют, что и учителя начальных классов, и педагоги основного и среднего уровней школьного образования, и эксперты-организаторы с огромным опытом педагогической деятельности считают, что успешная

реализация программ профориентирования учащихся, особенно по дисциплинам STEM, самым значительным образом зависит от научного капитала педагога. Основным фактором, препятствующим развитию научного потенциала педагога, респонденты считают чрезмерную нагрузку, недостаток опыта и коммуникации с научными учреждениями, производственными организациями и отдельными специалистами в рамках научной коммуникации. Результаты исследования демонстрируют значимость изучения феномена научного капитала педагогического сообщества на уровне школьного образования на базе социологической методологии и методов. Данные и выводы позволяют обозначить проблемы происходящих процессов с точки зрения непосредственных деятелей, эти процессы реализующих.

Ключевые слова: социология образования, профориентация, школы, учителя, научный капитал, STEM-профессии, профессиональное самоопределение

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта РФФИ № 25-28-00618 «(Не) Школьные практики профориентации в сфере STEM-профессий: опыт педагогов в профориентации и представления школьников о профессиях технического направления интеллектуального труда».

Введение

Вопросам профориентации молодёжи в целом и в области STEM (техническом направлении интеллектуального труда – Science, Technology, Engineering, Mathematics) в частности в последнее время придаётся всё большее значение. Государство обращается к ним в свете реализации экономических и социальных приоритетов России, возрастания спроса на специалистов в высокотехнологичных секторах промышленности¹. Реализуются разнообразные профильные проекты, направленные на стимулирование интереса молодёжи к STEM-образованию и соответствующим профессиям². Увеличивается количество бюджетных мест³, растут востребованность компетенций, которые развиваются в рамках этой подготовки⁴, и интерес молодёжи к профессиям

¹ Минтруд представил прогноз кадровой потребности экономики на ближайшие 5 лет // Минтруд России : сайт. 29.01.2025. URL: <https://mintrud.gov.ru/employment/260?ysclid=md4u1rkqgs159015320> (дата обращения: 05.06.2025).

² Среди крупных отметим только «Десятилетие науки и технологий», «Билет в будущее», «Карьера будущего», «Атлас новых профессий», предпрофессиональные классы, платформы дополнительного образования от Сбера и «Яндекса» и другие примеры самых разных уровней.

³ Технические вузы продолжают увеличивать количество бюджетных мест // Ведомости : сайт. 24.01.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/01/24/1016438-tehnicheskie-vuzi-prodolzhayut-uvelichivat-kolichestvo-byudzhethnih-mest> (дата обращения: 05.06.2025); В 2024 году в вузах выделили рекордное количество бюджетных мест // РБК : сайт. 19.06.2024. URL: <https://www.rbc.ru/society/19/06/2024/6672b4e69a7947a0a40596e7?ysclid=mbdvk1e9b3659253653> (дата обращения: 05.06.2025).

⁴ Наиболее востребованные STEM-профессии и компетенции // НИУ ВШЭ : сайт. 25.08.2021. URL: <https://issek.hse.ru/news/499130554.html?ysclid=mbdvsugchx300336119> (дата обращения: 05.06.2025).

в сфере STEM¹. В то же время широкая общественность продолжает дискутировать о необходимости и эффективности профориентационной социализации в целом, по вопросам возраста детей, с которого можно начинать такие активности, и роли школы в этом процессе².

В результате внедрения проекта профминимума, о котором будет подробно сказано ниже, школа обеспечивает максимальный охват детей и подростков профориентационными мероприятиями. Также немаловажно, что исследования аналогичных инициатив подтверждают тот факт, что учителя и их *научный капитал* играют ключевую роль в формировании у учащихся интереса к образованию и карьере в области науки и техники [1; 2]. Для учеников крайне важно осознание практической значимости точных наук, физики и/или математики, а также понимание того, как научные знания в этих областях могут быть востребованы на рынке труда. Это знание способствует выбору соответствующего направления обучения, и именно в этом аспекте им чаще всего оказывают помощь учителя [3]. Высокий уровень ответственности обуславливает тот факт, что школьные учителя как объект изучения должны находиться в фокусе особого внимания исследователей, а в настоящее время наблюдается нехватка актуальной информации о том, как педагоги сами оценивают свой опыт и доступные им ресурсы в профориентации, в частности наличие, объём, качество и возможности реализации и развития своего *научного капитала*.

В качестве теоретической основы исследования, на данных которого строится анализ в статье, принята *концепция научного капитала*, основанная на социологии Пьера Бурдьё и его теории капитала. Концепция научного капитала сформировалась в рамках исследовательских разработок в сфере образования. Понятие имеет целевое назначение для обозначения комплекса или суммы знаний, умений, стремлений, практик, базирующихся на установках относительно науки в целом и конкретных её областей. Впервые понятие было обосновано Луизой Арчер и её коллегами в 2015 году [4]. Преимущественно эмпирические исследования по измерению научного капитала изначально (2009–2013 гг.) проводились на таком объекте, как учащиеся в возрасте с 10 до 14 лет, позднее – до 19 лет). Структура и показатели их измерения исследователями вводятся в соответствии с целями изучения. К примеру, в исследовании 2016 года Л. Арчер с коллегами сгруппировали эмпирические индикаторы в 8 блоков и свели показатели в 4 типа: знания, установки и предрасположенности, связанная с наукой деятельность и поведение, контакты и сети, что, собственно, и отражает структуру научного капитала, по их мнению, и таковая воспроизводится как основная в последующих разработках [5].

¹ Профессии в России: престиж, доходность, востребованность // ВЦИОМ: сайт. 05.07.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professii-v-rossii-prestizh-dokhodnost-vostrebovannost> (дата обращения: 05.06.2025).

² Профориентация: хорошо, но мало! // ВЦИОМ: сайт. 09.04.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proforientacija-khorosho-nomalo?ysclid=mbjpngc9dp550261780> (дата обращения: 05.06.2025).

Апробированная в эмпирических исследованиях концепция научного капитала нашла применение в сфере разработки стратегий преподавания в начальной, основной и средней школе, а также для разработки показателей научного капитала для взрослых.

Российские социологи занимаются проблематикой научного капитала преимущественно в связи с задачей академического развития преподавательского вузовского сообщества [6; 7; 8]. Преподавательское сообщество сферы основного и среднего образования на предмет научного капитала практически не изучалось. Внедрение программ профориентации актуализировало запрос на измерение научного капитала преподавателей среднего уровня системы образования, особенно по комплексу предметов STEM.

Объектом исследования, данные которого анализируются в статье, является контингент педагогов основной, средней и начальной школы в связи с внедрением программ профориентирования. Проблема состоит в том, что нет достаточных знаний относительно представлений педагогов о том, необходим ли научный капитал преподавателям школы в принципе и, в частности, для успешной реализации программ профориентирования учащихся, особенно по дисциплинам STEM.

Теоретические основания и анализ исследовательского опыта

Под капиталом в авторском исследовании, данные которого анализируются в статье, понимается совокупность ресурсов, включая экономические, социальные, культурные и символические, которые доступны индивиду и могут быть использованы для достижения преимуществ в различных областях. Научный капитал относится к знаниям, установкам, опыту и ресурсам, связанным с наукой, приобретаемым индивидом на протяжении всей его жизни [4; 9]. Он охватывает личный опыт в сфере STEM – от взаимодействия с экспертами до регулярного применения научного подхода в различных формах: что и кого знают, как думают, как поступают. Важной составляющей этого опыта являются сведения о практической применимости научных знаний, включая понимание их общественной ценности и актуальности научных квалификаций в профессиях и повседневной жизни [3]. Применительно к учащимся средней школы значимость научного капитала педагогов обуславливает заинтересованность изучением предметов STEM и дальнейшее предпочтение работы, связанной с техническим направлением интеллектуального труда [10; 11]; для педагогов – способствует внедрению активных методов обучения [12], а также делает процесс изучения STEM более захватывающим и интересным за счёт обогащения его примерами из реальной жизни, науки и производства, которые соответствуют интересам учащихся и требованиям экономики и общества. Кроме того, это помогает учителям использовать актуальную информацию о возможностях карьерного роста в области STEM и путях их реализации [13; 14].

Для эффективной работы учителя необходимо постоянное совершенствование личного опыта, накопление инструментов для повышения качества

преподавания и внешняя поддержка, в частности от практиков из сферы бизнеса, промышленности и науки. Исследователи выделяют четыре ключевых направления работы в области профориентации: 1) знакомство со STEM-профессиями, рабочими местами и возможными карьерными траекториями; 2) приобретение научных компетенций, востребованных на современном рынке труда; 3) развитие универсальных знаний и навыков, обеспечивающих успешную адаптацию выпускников из образовательной среды в профессиональную сферу; 4) расширение образовательных ресурсов для повышения мотивации и успеваемости обучающихся в STEM-сфере¹ [15]. Определение приоритетных направлений обусловлено множеством факторов, среди которых особое значение имеет возраст учащихся. В начальной школе целесообразно акцентировать внимание на обогащении образовательного процесса и первых шагах в научных исследованиях. В основной и средней школе акцент смещается на знакомство с рынком труда и развитие навыков трудоустройства, а также на сочетание мероприятий по построению карьеры с практическим опытом работы на реальных предприятиях [16].

Однако формального внедрения профориентационных программ в школах, даже если они являются масштабными, недостаточно. Исследователи подчёркивают важность учёта предыдущего опыта и ожиданий педагогов. В частности, мнения учителей существенно различаются в отношении сущности и целей образования, в оценке эффективности их собственной практики и готовности осваивать и применять новые идеи и подходы [17; 18], а также внешнего контекста, например – ограничений, которые накладывают на их работу требования к учебным программам и их результатам [19; 20]. Уже сформированные убеждения оказывают влияние на их поведение, включая готовность участвовать в новых образовательных программах, в частности – в профориентационных [21].

Помимо различий в личной оценке ситуации, исследователи подчёркивают, что важным фактором интереса и активного вовлечения в профориентационные программы для преподавателей является понимание саморазвития как неотъемлемой составляющей рабочего процесса, а школы – как организации, ориентированной на обучение («*learning organisation*») [22]. Педагогам крайне важна возможность совместного обучения и сотрудничества как с внутренними, так и с внешними экспертами, организованного по принципу «коллега-коллеге». Этот подход предоставляет шанс не только самостоятельно адаптировать свою практику, но и наблюдать за успешными примерами, обмениваться опытом и получать необходимую поддержку [11].

Отечественная наука акцентирует внимание на различных аспектах теории профориентации, включая её историческое развитие [23], связь с постиндустриальным обществом и экономикой [24], особенности социального партнёрства в образовательной сфере [25], а также проблемы и перспективы проектной

¹ Mann A., Rehill J., Kashefpakdel E. Employer Engagement in Education: Insights from International Evidence for Effective Practice and Future Research // The Education Endowment Foundation : сайт. 2018. URL: <https://educationendowmentfoundation.org.uk/education-evidence/evidence-reviews/employer-engagement-in-education> (дата обращения: 03.06.2025).

деятельности в образовательных учреждениях [26]. Проводятся аналитические исследования, включающие примеры из практики [27; 28].

В настоящее время школы, ученики и учителя России включены в специальную программу Единой модели профессиональной ориентации обучающихся (профориентационного минимума). В школах, помимо прочих активностей, при поддержке государства реализуется всероссийский проект для обучающихся 6–11 классов «Билет в будущее»¹. В уроках общеобразовательного цикла становятся обязательными модули, посвящённые значимости учебного предмета для профессиональной деятельности; вне уроков проводится цикл занятий «Россия – мои горизонты» и профессиональные пробы, осуществляется проектная деятельность, проводятся экскурсии и мастер-классы в учреждениях профессионального образования и на предприятиях, конкурсы и другие мероприятия, включающие участие внешнего наставника, социального партнёра. Для педагогов предусмотрены организационное и методическое сопровождение, программы обучения и профессиональный нетворкинг. На момент написания статьи на сайте «Билет в будущее» указано, что участниками проекта стали 28 000 образовательных организаций; 3 800 000 школьников и 44 600 педагогов-навигаторов прошли образовательную программу.

Реализация профминимума, помимо прочих ресурсов, источником которых может быть государство, экспертное сообщество и партнёры школ, является серьёзным вкладом в *научный капитал учителей*. Но такие возможности могут быть неравномерно доступны учителям начальной, основной и средней школы, разных предметных областей, (не)имеющим управленческих обязанностей. Также немаловажно, что взгляды и убеждения учителей, основанные на их прошлом опыте, внутришкольная система работы и сложившаяся сеть экспертных контактов могут как способствовать, так и сдерживать использование любых возможностей, предлагаемых данным и другими проектами и/или источниками.

Исследование, данные которого использованы в статье, было направлено на изучение ряда показателей научного капитала представителей школьного педагогического сообщества в связи с процессом профориентации как в общем, так и в области STEM.

Программа исследования предусматривала сбор данных относительно трёх ключевых контекстов: специфические особенности ресурсности; понимание роли в профориентации учеников; оценка участия в сети профильных экспертных связей. В предлагаемой читателю статье авторы акцентируют внимание на сходстве и различиях ряда составляющих научного капитала учителей-предметников точных наук, которые считаются основной целевой группой в сфере профориентации STEM, и педагогов начальных классов, которым обычно

¹ Реализуется в рамках национального проекта «Образование»; в пилотном режиме запущен в 2018 г., действует в системе национальных проектов с 2019 г., в 2023 г. распространился уже на всю страну. Единая модель профориентации в школах // Билет в будущее : сайт. URL: <https://bvbinfo.ru/profminimum> (дата обращения: 05.06.2025).

уделяется недостаточно внимания в такого рода исследованиях. Конкретно анализ проводится по следующим составляющим научного капитала педагогов:

- социально-профессиональный профиль как показатель знаний и умений;
- установка относительно роли школы и учителя в профориентации;
- включённость в профессиональные и экспертные сообщества: контакты, сети связей и взаимодействий;
- деятельность, поведение, практики.

Эмпирическая база исследования

Объектом первого этапа авторского эмпирического исследования, проведённого в марте – апреле 2025 г. методом стратифицированного случайного выборочного анкетного опроса, выступили: школьные учителя-предметники основной и средней школы в сфере точных наук (естественно-научного цикла, математики, информатики, географии, труда (технологии) – «педагоги/учителя STEM»); специалисты и педагоги с административной нагрузкой, в компетенцию которых входят вопросы профориентации – психологи, социальные педагоги, администрация школ и т. п.; а также учителя начальной школы. Учителя STEM, управленцы и специалисты относятся к группе педагогических работников, потенциально наиболее располагающих возможностями доступа к профильным проектам и ресурсам. В то же время начальная школа на данный момент не включена в системные государственные проекты по профориентации, хотя педагоги и этого уровня образования выполняют данный функционал. Так, в программе этого уровня образования присутствует предмет «Окружающий мир», предполагается первичное знакомство учеников с миром профессий, с научной картиной мира и научным методом познания.

Анонимный опрос проводился методом самозаполнения респондентами анкеты на печатном носителе или электронной версии, размещённой на сайте «Анкетолог» (anketolog.ru). Всего в опросе приняло участие 1 849 человек, из которых доли учителей, преподающих в начальных классах и STEM предметы в классах основного и среднего образования, составили 38% и 42% соответственно (объём целевой для анализа в представленной статье совокупности респондентов – 1 480 человек). Опрос проводился в нескольких регионах: г. Москва (крупнейший научный и образовательный центр страны с развитой промышленной и IT-инфраструктурой); г. Самара (крупный промышленный центр, Поволжье); г. Ростов-на-Дону (крупнейший центр сельскохозяйственного машиностроения, Южный федеральный округ)¹. Распространение анкет осуществлялось посредством обращения к администрации школ, а также

¹ Выбор регионов также обуславливался высокой востребованностью в них STEM-кадров. См.: Региональный индекс востребованности кадров для инновационной экономики (STEM) // Ассоциация инновационных регионов России : сайт. 2025. URL: <https://i-regions.ru/reiting/ezhemesyachnyy-reyting-regionov-po-dostupnosti-kadrov-dlya-innovatsionnoy-ekonomiki/?ysclid=maxu8oeeh1763570065> (дата обращения: 05.06.2025).

работникам профильного педагогического сообщества с просьбой переслать/раздать анкеты учителям STEM и начальных классов, а также специалистам, отвечающим за процесс профориентации. Отбор респондентов внутри профильных страт был случайным. На этапе заполнения и при проверке массива ответов были удалены анкеты тех, кто не отвечал критериям объекта исследования. Опрос проводился до тех пор, пока не было достигнуто примерно равное и статистически значимое количество респондентов в каждой из групп. В привлечении педагогов оказали содействие учреждения дополнительного профессионального образования городов Самара и Ростов-на-Дону, Ростовская областная организация Профсоюза работников народного образования и науки РФ и образовательное учреждение высшего образования города Москва.

Для решения исследовательских задач опрос был дополнен полуструктурированными экспертными интервью, направленными на выявление нюансов практик профориентации в целом и относительно сферы STEM в частности. В качестве экспертов были привлечены профильные учёные и специалисты¹:

- руководитель индустрии биотеха инновационной школы (Эксперт 1);
- советский и российский педагог и общественный деятель, кандидат педагогических наук, Московская высшая школа социальных и экономических наук (Эксперт 2);
- директор института педагогики и психологии образования, академик Российской академии образования, доктор педагогических наук, доктор психологических наук, профессор (Эксперт 3);
- руководитель направления образовательных инноваций одного из ведущих вузов России, реализующего подготовку по STEM-профилю (Эксперт 4);
- директор государственной школы, г. Москва, педагогический стаж 40 лет (Эксперт 5);
- педагог начальной школы, г. Ростов-на-Дону, педагогический стаж 32 года (Эксперт 6).

Основные результаты исследования

1. Социально-профессиональный профиль педагогов как показатель знаний и умений

Знания и умения представляют собой один из компонентов научного капитала. Показателями этой составляющей в исследовании были педагогический стаж, квалификационная категория, уровень образования. Социально-профессиональный профиль учителей начальных классов и педагогов STEM имеет как сходства, так и различия. Для представителей обеих групп характерна одинаковая структура стажа (менее пяти лет – 12% респондентов,

¹ В статье перечислены только те эксперты, чьи высказывания активно использовались в тексте.

шесть – пятнадцать лет – 26%, шестнадцать – двадцать пять лет – 18%, двадцать шесть – тридцать девять лет – 28%, более сорока лет – 9%) и такого показателя мастерства, как квалификационная категория (первая – 23%, высшая – 48%, наставники – 2%, методисты – 1%, нет категории – 26%), сходны также гендерный профиль (в среднем доля женщин в выборке составила 96%, среди учителей начальных классов – 99%, а педагогов STEM – 93%) и возрастная структура (соотношение доли педагогов начальных классов и доли педагогов STEM в возрастной группе 18–39 лет составляет 38/32%, 40–49 лет – 23/24%, 50–59 лет – 32/28%, 60 лет и старше – 7/16%). Наиболее существенны различия по высшему педагогическому образованию: среди педагогов STEM 84% имеют высшее педагогическое образование, среди учителей начальных классов – 77%; высшее непедагогическое – 17% и 6% соответственно, среднее специальное – 3% и 18% соответственно. Причём 47% обладателей среднего специального образования среди педагогов начальной школы – это молодые учителя в возрасте от 18 до 24 лет.

По мнению опрошенных в ходе исследования экспертов, профессиональное образование и инфраструктура для поддержания непрерывного развития педагогов должны быть отправной точкой изменений и предшествовать активностям в школе в целом и в контексте профориентации в частности. Этот тезис актуален относительно учителей всех уровней образования, но особенно упоминался экспертами в связи с начальной школой: *«Главная задача – это подготовить педагога к каким-то новым вызовам, которые раньше были не столь актуальны, а теперь важны. Надо с этого начинать»* (Эксперт 2). Такая работа, возможно, требует изменений в системе подготовки педагогов: *«Здесь вопрос организации времени. Студент у нас сейчас в вузе появляется редко. ...может быть, 20 аудиторных часов, остальные 480 – самостоятельная работа»* (Эксперт 3). Экспертами приводились примеры, когда активное вовлечение учителей в профессиональные сообщества, выходящие за пределы школы, расширяет круг их контактов и способствует общению к успешным практикам: *«Мы делаем ставку на непрерывную систему... Когда они учатся видеть свои дефициты и восполнять их... чтобы учителя перешли в более субъектную позицию постоянного процесса профессионального развития... это экосистемный проект, поэтому... в первую очередь, конечно, задача, чтобы региональное сообщество развивалось»* (Эксперт 4).

2. Установка относительно роли школы и учителя в профориентации как элемент научного капитала

В комплексе составляющих научного капитала важную роль играют установки и предрасположенности, стремления, базирующиеся на отношении к науке в целом, к отдельным её областям и дисциплинам. Следовательно, отношение к внедрению программ профориентирования, которое по сути принадлежит к типу воспитательных аспектов в деятельности педагога, существенно влияет на готовность и заинтересованность педагогов в практическом осуществлении

процесса профориентации учащихся в школе. Вопрос соотношения образовательных и воспитательных задач остаётся важным для педагогов на всех уровнях образования. Здесь ключевым является нахождение баланса между образовательной и воспитательной функциями школ и преподавателей. Понимание принципа достижения равновесия между ними становится более ясным, если учесть те факторы, которые, как считают педагоги, мешают их эффективной деятельности.

Педагоги STEM и начальных классов единодушны относительно значимости профориентации в школе: считают, что профориентация является одним из ключевых направлений в деятельности образовательной организации, 57% педагогов начальных классов и 60% педагогов STEM. Доля считающих ключевой роль учителя в процессе профориентации выше у педагогов начальной школы: 51% против 46% педагогов STEM. Эксперты подчёркивают, что в начальных классах, когда один преподаватель отвечает за все предметы и организует большинство внеурочных мероприятий, его влияние на формирование взглядов учеников становится особенно значительным: *«Учитель начальных классов может всё это»* (Эксперт 1).

Понимание как учителем, так и руководством образовательного учреждения профориентации как *дополнительной* нагрузки или как *неотъемлемой* части учебно-воспитательного процесса и методического инструмента самым существенным образом связано с научным капиталом педагога, с предрасположенностями в отношении научного знания и готовностью заинтересовать учащихся. Восприятие профориентации как чрезмерной дополнительной нагрузки способствует трактовке профориентации как неприоритетной сферы приложения усилий.

«Учителя... воспринимают это по-разному. Некоторые воспринимают как дополнительную нагрузку... А некоторые, наоборот, считают, что это помощь, ...свежая идея» (Эксперт 1). Эксперты отмечают, что восприятию профориентации как дополнительной нагрузки способствуют официальные требования, предъявляемые государством к результатам работы образовательных организаций и преподавателей, где этот аспект менее приоритетен: *«Педагоги, учителя, наверное, не считают эту задачу ключевой для себя. ...Потому что есть же предмет, который ты ведёшь, есть учебная программа, есть оценка, ...результат, который проверяется на государственной итоговой аттестации»* (Эксперт 5).

На рисунке 1 представлены оценки педагогами факторов, в наибольшей степени осложняющих работу по профориентации, а следовательно, и препятствующих развитию научного капитала педагога.

Практически все отражённые на графике факторы являются препятствиями для развития научного капитала респондентов, осложняя и процесс реализации программ профориентирования учащихся. Наиболее существенным из них, по опыту работы, респонденты считают отсутствие времени на уроке, чрезмерную нагрузку. Отмечается также отсутствие контактов и заинтересованности в сотрудничестве со школой у представителей бизнеса, науки и промышленности. Педагоги STEM отмечают такой фактор, как незаинтересованность учеников и их родителей, а способность учителя заинтересовать своим предметом, как показывают исследования, в значительной степени зависит от его научного капитала.

Рис. 1. Факторы, в наибольшей степени осложняющие работу по профориентации, в оценках представителей целевых групп, 2025 г., %
(допускался множественный выбор)

3. Включённость в профессиональные и экспертные сообщества: контакты, сети связей и взаимодействия

Исследованиями установлено, что накопление, реализация и развитие научного капитала педагогов тесно связаны с общением с коллегами, экспертами в различных областях знаний и умений, со специалистами-практиками. Школьные педагоги, заинтересованные в своём академическом развитии и продвижении в профессии, принимают участие в деятельности различных сообществ, что представляет собой важную предпосылку успешной профориентационной составляющей работы в школе.

Данные исследования, на котором основан анализ в статье, показали, что педагоги STEM также чаще включены в профессиональные сообщества ((не)формальные научные и педагогические, без учёта участия в учебно-методических объединениях образовательных организаций) – доли таких среди педагогов STEM и начальных классов составляют 25% и 15% соответственно.

Круг экспертных контактов учителя. Учителю сложно развивать новые направления работы, если его коллеги не помогают ему в этом. Как было показано в теоретической части, поддержка от руководства и коллег, а также внешних экспертов является критичной для внедрения новых практик в ежедневное преподавание. Одной из задач исследования было определение круга тех субъектов, которых педагог считает экспертами и к которым обращается за помощью, консультацией, поддержкой по вопросам реализации процесса профориентации учащихся.

Учителя активно обращаются за помощью в повседневной работе по профориентации к различным субъектам (см. рис. 2).

Распределение данных показывает, что круг общения с субъектами, которых педагоги считают экспертами, достаточно широкий. Интересно, что в этот круг входят и ученики, и их родители. Вместе с тем 33% педагогов STEM и 39% педагогов начальных классов отмечают недостаток в их окружении людей, которые могут проконсультировать, как лучше на уроке рассказать о профессиях. Возможно, это связано с тем, что внешние партнёры либо не заинтересованы, либо недостаточно информированы о школьных профориентационных программах.

Осведомлённость и кооперация педагогов разных уровней образования. Сегодня в школах активно реализуются различные профильные проекты, представляющие собой ценные инструменты для педагогов, например – предпрофессиональные классы и профминимум. Чтобы успешно внедрять новые подходы в повседневный учебный процесс, учителям необходимо быть

Рис. 2. Субъекты, к которым чаще всего обращаются педагоги за консультацией по вопросам профориентации учащихся, 2025 г., % (допускался множественный выбор)

осведомлёнными о таких возможностях. Как отмечалось выше, педагоги начальных классов формально часто не вовлечены в эти проекты, однако знание о них позволяет им использовать их для своих целей и демонстрирует внутреннюю кооперацию в школьном сообществе.

Опрос показал, что педагоги часто не осведомлены о профильных STEM-практиках, реализуемых коллегами, а также об успехах учеников в STEM-предметах. Например, более 35% педагогов затруднились ответить на вопрос о наличии или отсутствии углублённой подготовки по STEM-предметам на уровнях образования, где они сами не преподают. Часто учителя начальной школы не знают о программах STEM в средней и основной школе несмотря на то, что считают, что на этих ступенях обучения углублённая подготовка по STEM присутствует. В свою очередь, педагоги STEM не всегда осведомлены о наличии аналогичных возможностей в начальной школе, хотя и предполагают, что их там нет. Такая неосведомлённость о возможностях друг друга указывает на изоляцию педагогических коллективов внутри одного учебного заведения, на затруднения в сотрудничестве и обмене опытом.

Интересно отметить, что учителя начальных классов менее осведомлены о внедрении и уровне единого профессионального минимума (43% и 66% соответственно), а также о наличии педагогов-навигаторов по профориентации в своей школе (57% и 66% соответственно), чем их коллеги из основной и средней школы. Формально это не нарушает реализацию проекта, так как он нацелен на основную и среднюю школу. Однако такая недостаточная осведомлённость также указывает на наличие тенденции к изоляции профессиональных сообществ внутри образовательного учреждения.

Внешние социальные партнёры школы. Разнообразие экспертных сообществ, которые могут служить ресурсами для профориентационной работы учителей, имеет большое значение. Особенно важен контакт с практиками и внешними экспертами, как упоминалось выше. Важным условием реализации проекта профминимума является развитие сотрудничества между школами, образовательными и научными учреждениями, а также с бизнесом и промышленностью.

Согласно полученным данным, образовательные учреждения чаще всего упоминаются учителями как партнёры в знакомстве учеников с профессиями в области STEM (83%), в то время как бизнес отмечается относительно редко (39%). Это может быть связано с тем, что среди учеников распространена стратегия получения профессионального образования после школы. Не стоит забывать, что преподаватели профессиональных учебных заведений обладают гораздо большими педагогическими навыками и опытом. Они, как и школьные учителя, ориентированы на работу с молодёжью и умеют это делать более эффективно по сравнению с потенциальными работодателями.

Учителя начальных классов чаще испытывают трудности с ответом на вопрос о сотрудничестве с внешними STEM-партнёрами. Кроме того, они реже упоминают это сотрудничество даже с наиболее известными партнёрами – образовательными учреждениями и промышленными компаниями (см. рис. 3).

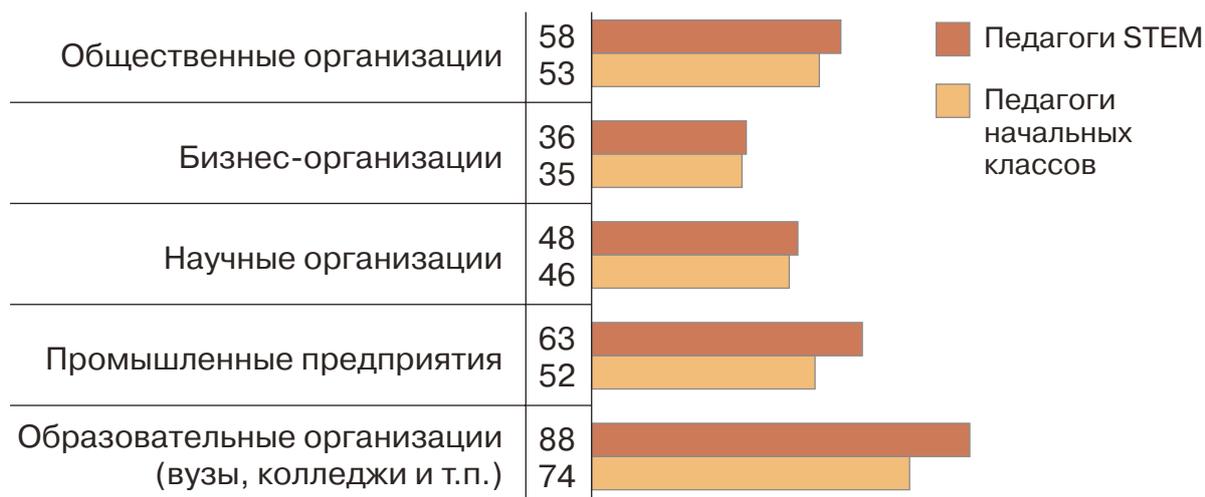

Рис. 3. Сотрудничество школ со STEM-партнёрами, по оценкам педагогов STEM и учителей начальной школы, 2025 г., % (допускался множественный выбор)

Опрошенные в ходе исследования эксперты подчёркивают, что школа и учителя не в состоянии без внешней поддержки эффективно выполнять задачи по профориентации и привлечению социальных партнёров, поэтому необходимы совместные усилия государства, образовательных учреждений, бизнеса и общества: *«Эту проблематику должна решать не одна школа. Должны быть партнёры в лице образовательных учреждений профессионального образования, в лице предприятий различных, в лице психолого-педагогических служб. Потому что, если ставить задачу школе, она сама не справится»* (Эксперт 5). Сегодня в школе такое сотрудничество в основном осуществляется через проект профминимума, но внутренние ресурсы школы также имеют значение: *«У нас ведётся такая работа. Но, честно скажу, это непростая задача. ...индустриальные партнёры, которые были бы тёплыми, живыми и хотели бы нас видеть, и нас, и детей, и выполнять задачи образовательные ...это сложно. ...очень часто это ...личные знакомства»* (Эксперт 1).

Педагоги STEM подчёркивают, что главной целевой аудиторией партнёрства являются ученики, в то время как учителя и специалисты образовательных организаций упоминаются гораздо реже. Учителя начальных классов реже рассматривают учеников как объект интереса со стороны внешних STEM-партнёров. Однако во взаимодействии с научными организациями именно учителя начальных классов считают как учеников, так и себя объектом равного внимания (см. табл. 1).

Эксперты рассматривают учеников как объект сотрудничества: *«Дети не только своими глазами могут увидеть, но и могут попробовать себя в различных видах деятельности»* (Эксперт 5). Участие учителей в проекте обычно воспринимается как ознакомительное (*«Сначала на объекты вывозят учителей и директоров школ, и для меня стало открытием то, что я увидел... Я был в Магнитогорске на металлургическом комбинате, видел, как это всё вживую. Но то, что нам здесь показывают, это действительно профессии будущего, это*

Таблица 1

Целевая аудитория сотрудничества школ со STEM-партнёрами, в оценках педагогов STEM и учителей начальных классов, 2025 г., % (допускался множественный выбор)

STEM-партнёры	Педагоги начальных классов			Педагоги STEM		
	Целевая аудитория сотрудничества школ со STEM-партнёрами					
	Ученики	Педагоги	Специалисты	Ученики	Педагоги	Специалисты
Образовательные учреждения (вузы, колледжи и т. п.)	60	20	9	79	22	9
Промышленные предприятия	39	16	8	51	13	7
Научные учреждения	26	22	9	37	20	7
Бизнес	22	16	7	27	10	6
Общественные организации	36	24	8	43	20	8

производство будущего. И это стало открытием для самих учителей, для педагогов» (Эксперт 5)), однако STEM-педагоги, работающие в предпрофессиональных классах, могут получить более значимую поддержку для развития своих навыков («Но те учителя, которые соприкасаются с предпрофессиональными и профильными классами ...если это класс по направлению технологический, физика, математика, информатика, то учителя ...участвуют вместе с ребятами в этой деятельности. Готовят проекты, выезжают с ними на экскурсии» (Эксперт 5)).

Среди причин, по которым внешние партнёры сотрудничают со школами, первое место, по мнению опрошенных, занимает возможность подготовить будущих сотрудников и привлечь перспективные молодые кадры (так считают 46% педагогов STEM и 35% учителей начальной школы), а также то обстоятельство, что организации получают распоряжения о сотрудничестве со школами (24% и 17% соответственно).

Эксперты подчёркивают несколько факторов, которые способствуют эффективному взаимодействию внешних партнёров с учебными заведениями. Ключевыми моментами являются наличие необходимой организационной инфраструктуры у партнёров («Мы заключаем партнёрство с крупными компаниями, где образование часто выделено как отдельная большая статья и расходов, и развития»), корпоративные ценности компаний («Потом есть ещё такой фокус, что биотех – это про жизнь, про то, чтобы не было голода на планете, чтобы были всегда природные ресурсы, чтобы всем было хорошо, все были здоровы и ...часто можно перекинуть какую-то вот эту ниточку от школы к бизнесу») и взгляды их руководства («Иногда руководители крупных компаний говорят – знаете, вот вы тогда сказали, я не услышал. А потом я приехал на дачу, увидел своего племянника и подумал, как было бы классно, чтобы у него что-то вдохновляющее появилось в его жизни») (Эксперт 1).

В целом пренебрежение внешних партнёров к взаимодействию с педагогами и специалистами школ снижает поддержку их научного потенциала, что является значительным упущением. Учителя также требуют внимания и инвестиций: без регулярного приумножения их опыта и расширения контактов трудно достичь долговременных успехов в обогащении образовательного процесса и развитии профориентации учеников. В области начального образования вопрос профильного партнёрства практически не поднимается экспертами, поскольку такое взаимодействие чаще всего ограничивается ознакомительными визитами школьников на предприятия, в организации и/или представителей партнёров в школу с презентациями, а основная работа выполняется с помощью внутренних ресурсов школы, что создаёт дополнительные трудности для развития научного капитала учителей.

4. Деятельность, поведение, практики

Профориентационная социализация включает решение множества задач и требует применения различных методов, как отмечалось выше в теоретической части. При этом предпочтение одних групп методов перед другими может привести к достижению определённых результатов в ущерб другим. Поэтому важно проанализировать, какие методы работы учителя считают наиболее эффективными как для учеников, так и для себя, а также какие результаты они оценивают как наиболее успешные у своих учеников и у себя.

Учителя считают, что внеурочные ресурсы по профориентации наиболее полезны как для учеников, так и для них самих. В первую очередь, это сайт проекта «Билет в будущее / Россия – мои горизонты», а также специальные уроки по профориентации, внеурочные мероприятия, школьное консультирование и курсы повышения квалификации. Также важными являются внешние для школы ресурсы, такие как дополнительное образование и социальные партнёры (см. табл. 2 и 3).

С точки зрения пользы для учащихся и педагогов ресурсы, предназначенные для уроков и нацеленные в основном на обогащение образовательного процесса, играют менее важную роль. Учителя также считают, что мероприятия по профориентации не так сильно способствуют установлению связи между STEM-дисциплинами и профессиями, а также повседневной жизнью.

Педагоги отмечают, что профориентация в наибольшей степени помогает информировать учеников о новых STEM-профессиях и, в несколько меньшей степени, повышает интерес к учёбе по STEM-дисциплинам (см. табл. 3) Именно на эти аспекты в основном направлены внеурочные профориентационные активности.

Тем не менее педагоги уверены в своих силах, особенно педагоги STEM, и когда речь идёт о контекстуализации и о демонстрации практической значимости науки и технологий, хотя учителя начальных классов, как правило, менее осведомлены о последних достижениях в этой области (см. табл. 4).

Эксперты так же, как и учителя, акцентируют внимание на распространении специализированных и внеурочных форм профориентации, которые получают поддержку как от учёных, так и от практиков, становясь поводом для обсуждений.

Таблица 2

Наиболее полезные источники информации о STEM-профессиях для учеников, по оценкам педагогов-STEM и учителей начальных классов, 2025 г., % (допускался множественный выбор)

Источники	Педагоги начальных классов	Педагоги STEM
Контекстный рассказ о профессиях в процессе обычного урока, при подаче основного материала	25	23
Специальные уроки по профориентации	41	47
Внеурочные школьные мероприятия, где участвуют все ученики	40	37
Внеурочные школьные мероприятия, где участвуют только желающие ученики	24	23
Школьное консультирование учеников по выбору профессии, профориентационное тестирование	27	39
Активности в рамках школьного сотрудничества с предприятиями промышленности, науки и бизнеса	29	35
Мероприятия, которые организует город	20	25
Внешкольные активности, где участвуют только желающие	15	15
Активности в организациях дополнительного образования («Точки роста», «Кванториум», «Кидбург» и т. д.)	25	32
Сайт «Билет в будущее»	40	54
Информация от родителей и родственников	19	20
Информация из художественной литературы и СМИ (интернет, телевидение, социальные сети и т. д.)	18	13
Информация от друзей и сверстников	10	10
Наблюдение за повседневной жизнью и окружающими взрослыми	15	11
Ничего из перечисленного	3	1

Таблица 3

Наиболее полезные источники информации о STEM-профессиях для педагогов, по оценкам педагогов STEM и учителей начальных классов, 2025 г., % (допускался множественный выбор)

Источники	Педагоги начальных классов	Педагоги STEM
Материалы, которые используются для обычного урока, при подаче основного материала	18	23
Специальные занятия по профориентации для учителей, курсы повышения квалификации	29	35

Окончание таблицы 3

Источники	Педагоги начальных классов	Педагоги STEM
Материалы, которые используются для внеурочных школьных мероприятий, где участвуют все ученики	24	28
Материалы, которые используются для внеурочных школьных мероприятий, где участвуют только желающие ученики	13	15
Школьное консультирование учеников по выбору профессии, профориентационное тестирование	26	31
Активности в рамках школьного сотрудничества с предприятиями промышленности, науки и бизнеса	26	31
Активности в организациях дополнительного образования («Точки роста», «Кванториум», «Кидбург» и т. д.)	27	29
Сайт «Билет в будущее»	37	48
Информация от родителей учеников	12	9
Информация из художественной литературы и СМИ (интернет, телевидение, социальные сети и т. д.)	19	20
Информация от семьи, друзей и знакомых внеобразовательной организации	13	9
Информация от коллег-педагогов	19	16
Наблюдение за повседневной жизнью и окружающими	14	12
Ничего из перечисленного	2	0
Затруднились ответить	5	2

Таблица 4

Значимость профориентационных мероприятий для учеников и для учителей, в оценках педагогов STEM и учителей начальных классов, 2025 г., % (доля согласных с суждениями)

Суждения о значимости профориентационных мероприятий	Педагоги начальных классов	Педагоги STEM
<i>Для учеников</i>		
Благодаря знакомству с профессиями ученики с большим энтузиазмом занимаются на уроках по естественно-научным предметам, математике, информатике, труда (технологии)	83	79
Большинство учеников сегодня слабо представляют, как знания естественно-научных предметов, математики, информатики, труда (технологии) потребуются им для работы по профессии	67	65

Окончание таблицы 4

Суждения о значимости профориентационных мероприятий	Педагоги начальных классов	Педагоги STEM
Ученики понимают, как им пригодится то, что они учат на уроках естественно-научных предметов, математики, информатики, труда в повседневной жизни	69	65
Профориентация помогает ученикам узнать о новых и интересных профессиях в области науки, технологий и информационных технологий	87	90
<i>Для педагогов</i>		
Я много знаю о последних научных и инженерных открытиях и их применении в промышленности/науке/бизнесе	61	66
Я могу приводить на уроках много примеров того, как мой предмет будет полезен разным профессиям	80	86
В моем окружении почти нет людей, которые могут меня проконсультировать, как лучше на уроке рассказать о профессиях	39	33
Мне нравится рассказывать о практическом применении современных научных открытий и технологических инноваций	80	86

Они подчёркивают широкий выбор возможностей для учеников – от профильного образования в основной и средней школе («У министерства есть определённая установка, что для наукоёмких технологичных проектов нужны ребята с углублённым уровнем подготовки. Поэтому идёт ставка на профильные классы» (Эксперт 4)) до посещения предприятий, демонстрационных занятий и дополнительных образовательных программ на уровне начального обучения («Есть удачные решения. Ну вот Кидбург. Это, я думаю, такая хорошая субботне-воскресная игра» (Эксперт 3); «Есть у нас экскурсии, когда мы ездили на производство. ...В пожарную часть, в полицию ходили. К нам приезжают, приходят» (Эксперт 6); «У нас есть для всех проектная деятельность и научный клуб с 1-го по 4-й класс 2 раза в неделю и один раз в неделю лаборатория. По очереди идёт знакомство с разными направлениями» (Эксперт 1)). При этом эксперты подчёркивают важность вопроса социального выравнивания жизненных шансов молодёжи: «Общеобразовательных классов практически не стало, и это, на мой взгляд, ошибка. ...лучше, когда ребёнок может выбрать любые предметы, которые он хочет изучать углублённо... Это расширяет его дальнейшие возможности» (Эксперт 2).

Эксперты обращают внимание на урочные форматы профориентации, которые направлены на обогащение образования, подчёркивая их важность на уровне начальной школы: «На начальном звене максимальное расширение круга детских интересов – это оптимальный вариант обогащения школьной программы» (Эксперт 3). Тем не менее и в основной, и средней школе этот ресурс по-прежнему сохраняет свою актуальность. В связи с этим специалисты акцентируются на необходимости усиления соответствующего опыта у учителей-предметников:

«Учитель математики ...может быть, кстати, не так уж много может ученикам предложить примеров ...где нельзя обойтись без математики ...например, сейчас экономика в значительной степени завязана на математику. Вот об этом учителя с детьми редко разговаривают... Это функция учителя-предметника – помочь детям решать реальные задачи с помощью этого предмета, вот что тоже настраивает на профессию, но не напрямую» (Эксперт 2).

Эксперты подчёркивают, что материалы, которыми пользуются педагоги для подготовки уроков, являются важным ресурсом для данной работы. Однако стоит отметить, что при наличии множества источников информации их активное применение зависит от инициативы и мотивации самого учителя. Эта ситуация актуальна как для основной и средней («Сейчас есть большое количество ресурсов разных. МЭШ (Московская электронная школа), олимпиады, практико-ориентированные конкурсы. Есть миллион сборников. ...Там есть и химия, и биология, и инженерка, что угодно. Ресурсов-то много, но многие действительно не знают, где искать. ...Я им говорю, смотрите, вот сайт, вот это всё в открытом доступе. ...мы это отчуждаем с целью того, чтобы популяризировать. Они такие – да ладно?!») (Эксперт 1)), так и для начальной школы («Окружайка стала более интересной, темы более интересные стали, добавилась ещё историческая часть. Появились исследовательские проекты. ...Сейчас даже в задачах по математике есть интересная информация. Например, про те же квадрокоптеры» (Эксперт 6)).

Таким образом, акцент на специальных и внеурочных мероприятиях в профориентационных активностях, по мнению педагогов, сочетается с тем, что школьники лучше информированы о STEM-профессиях, но хуже осознают связь между своим обучением и будущей профессиональной деятельностью, а также с повседневной жизнью, связанной со STEM-компетенциями и знаниями. Благодаря профориентации учащиеся, скорее, знакомятся с профессиями в области науки и техники, чем понимают реальную пользу от изучения трудных предметов. Для учителей такая расстановка приоритетов приводит к недооценке методов профориентационной работы, которые наиболее естественно интегрируются в повседневное обучение. Кроме того, следует отметить, что отсутствие вовлечённости педагогов в специализированные проекты негативно влияет на их самооценку в плане ресурсов для работы по профессиональной ориентации в области STEM, что видно на примере учителей начальных классов.

Обсуждение и выводы

Как предмет социологического исследования научный капитал школьных педагогов в связи с развивающимся процессом профориентации учащихся представляется достаточно перспективным и актуальным с точки зрения нового социального знания в сфере образования. Результаты проведённого исследования позволяют обобщить некоторые данные и сформулировать ряд выводов.

Методология исследования в представленной коллегам статье исходным имеет положение о том, что одним из основных факторов влияния

на достаточно сложный социально значимый процесс профориентации в целом и в сегменте STEM на уровне школьного образования в частности является *научный капитал педагогов*, его качество и возможности реализации и развития.

Анализ части данных, полученных в ходе исследования, результаты которого представлены в статье, позволяет ответить на фундаментальный вопрос, сформулированный как цель исследования – о значимости научного капитала учителя. Результаты свидетельствуют, что и учителя начальных классов, и педагоги основного и среднего уровней школьного образования, и эксперты-организаторы с огромным опытом педагогической деятельности считают, что успешная реализация программ профориентирования учащихся, особенно по дисциплинам STEM, самым значительным образом зависит от научного капитала педагога. Основным фактором, препятствующим накоплению научного капитала, респонденты считают чрезмерную нагрузку преподавателей, недостаток опыта и коммуникации с научными и производственными организациями и отдельными специалистами в рамках научной коммуникации.

Применительно к учащимся основной и средней школы качество научного капитала педагогов обуславливает заинтересованность изучением предметов STEM и дальнейшее предпочтение работы, связанной с техническим направлением интеллектуального труда. Доля считающих роль учителя в процессе профориентации ключевой выше у педагогов начальной школы. При этом выявлено, что представители целевой совокупности и эксперты имеют согласованное представление о том, что учителя начальной школы наряду с педагогами основной и средней выполняют функционал профориентирования учеников. Эксперты подчёркивают, что в начальных классах, когда один преподаватель отвечает за все предметы и организует большинство социальных мероприятий, его влияние на формирование взглядов учеников становится особенно значительным. Следовательно, качество научного капитала учителя начальных классов влияет на формирование установок учащихся относительно научных знаний и статуса научной деятельности как значимой для общества.

Анализ данных показал, что по всем составляющим научного капитала, обозначенным в программном разделе статьи¹, учителя начальных классов обладают значительно меньшим потенциалом научного капитала по сравнению с учителями основной и средней школы. Начальная школа требует особого внимания в контексте профориентации. С одной стороны, учителя начальных классов, возможно, более, чем их коллеги из средней и старшей школы, ощущают свою ответственность за профориентационное развитие учеников. С другой стороны, они часто сталкиваются с нехваткой ресурсов, а также с ограниченной информированностью и возможностями взаимодействия с экспертами как внутри школы (например, с педагогами STEM и другими специалистами), так

¹ Социально-профессиональный профиль как показатель знаний и умений; установка относительно роли школы и учителя в профориентации; включённость в профессиональные и экспертные сообщества: контакты, сети связей и взаимодействий; деятельность, поведение, практики.

и за её пределами (внешними партнёрами школы в промышленности, науке и бизнесе). Данные исследования социологически обосновывают необходимость целевых отраслевых программ развития научного капитала учителей начальной школы. Обогащение образовательного процесса является ключевым аспектом работы в области профориентации на этом уровне, ведь сами педагоги начальной школы считают свои ресурсы в этой области менее развитыми по сравнению с коллегами. На этом уровне образования особенно важно вкладываться в накопление научного капитала учителей и сотрудничество внутри школьных коллективов.

Для педагогов в целом задача приумножения своего научного капитала тесно связана с ситуацией в коллективе, в частности с информированием и сотрудничеством. Руководитель, коллеги-учителя и специалисты составляют важную группу поддержки, а данные показывают, что респонденты считают, что им достаточно часто не с кем обсудить вопросы, возникающие в процессе работы по накоплению своего научного капитала для реализации процесса профориентации в общем и в сфере STEM. Поэтому важно обеспечить доступность информации о профильных проектах и возможностях для всех педагогов в школе, а сами проекты должны стать основой для формирования взаимовыгодного партнёрства внутри коллективов. Исследование также выявило недостаточную осведомлённость о практиках друг друга педагогов начальной и основной школы, что указывает на наличие тенденции к изоляции профессиональных сообществ внутри образовательного учреждения.

Разнообразие экспертов, с которыми можно консультироваться, развитие сотрудничества между школами, образовательными и научными учреждениями, а также с бизнесом и промышленностью и наличие внешних партнёров-практиков критично необходимы для работы педагогов в области профориентации, особенно в сфере STEM. В этой связи возникает вопрос о целевой аудитории взаимодействия для партнёров. Педагоги STEM подчёркивают, что главной целевой аудиторией партнёрства являются ученики. Учителя начальных классов реже рассматривают учеников как объект интереса со стороны внешних STEM-партнёров. Однако во взаимодействии с научными организациями именно учителя начальных классов считают как учеников, так и себя объектом равного внимания. Полагаем, что данные исследования дают основание предположить, что развитие связей с внешними партнёрами тормозит именно неопределённость по поводу того, на какого именно субъекта он должен ориентироваться. Запрос школ на взаимодействие с внешними партнёрами должен включать и задачу увеличения научного капитала учителей. Учителя также требуют внимания и инвестиций, без регулярного приумножения их опыта и расширения контактов трудно достичь долговременных успехов в обогащении образовательного процесса и развитии профориентации учеников.

Однако стоит отметить, что создание таких отношений между школами и STEM-сообществами, экспертами, наукой и бизнесом является непростой задачей. В этом процессе полезными посредниками могут стать различные

организации профессионального образования, обладающие развитой системой контактов с практиками.

Научный капитал педагога реализуется в практиках. Анализ оценок педагогами эффективности существующих практик показал, что акцент на специальных и внеурочных мероприятиях в профориентационных активностях приводит к тому, что школьники лучше информированы о STEM-профессиях, но хуже осознают связь между своим обучением и будущей профессиональной деятельностью, а также с повседневной жизнью, связанной со STEM-компетенциями и знаниями. В итоге это снижает потенциальный совокупный эффект от усилий по профессиональной ориентации учащихся.

Результаты проведённого исследования демонстрируют значимость изучения феномена научного капитала педагогического сообщества на уровне школьного образования на базе социологической методологии и методов. Данные и выводы позволяют обозначить проблемы происходящих процессов с точки зрения непосредственных деятелей, эти процессы реализующих.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES

1. Reasons for not Choosing Chemistry: Why Advanced Level Chemistry Students in England do not Pursue Chemistry Undergraduate Degrees / L. Archer, B. Francis, J. Moote [et. al.] // *Journal of Research in Science Teaching*. 2023. № 60 (5). P. 978–1013. DOI [10.1002/tea.21822](https://doi.org/10.1002/tea.21822). EDN [OSGVLB](#).
2. *Sjaastad J.* Correction to: 'Sources of Inspiration: The Role of Significant Persons in Young People's Choice of Science in Higher Education' // *International Journal of Science Education*. 2011. Vol. 34, № 16. P. 2607–2608. DOI [10.1080/09500693.2011.617935](https://doi.org/10.1080/09500693.2011.617935).
3. Teachers' Understanding and Operationalisation of 'Science Capital' / H. King, E. Nomikou, L. Archer, E. Regan // *International Journal of Science Education*. 2015. Vol. 37, № 18. P. 2987–3014. DOI [10.1080/09500693.2015.1119331](https://doi.org/10.1080/09500693.2015.1119331).
4. "Science Capital": a Conceptual, Methodological, and Empirical Argument for Extending Bourdieusian Notions of Capital Beyond the Arts / L. Archer, E. Dawson, J. DeWitt [et al.] // *Journal of Research in Science Teaching*. 2015. Vol. 52, № 7. P. 922–948. DOI [10.1002/tea.21227](https://doi.org/10.1002/tea.21227).
5. *DeWitt J., Archer L., Mau A.* Dimensions of Science Capital: Exploring its Potential for Understanding Students' Science Participation // *International Journal of Science Education*. 2016. Vol. 38, № 16. P. 2431–2449. DOI [10.1080/09500693.2016.1248520](https://doi.org/10.1080/09500693.2016.1248520).
6. *Зборовский Г. Е., Амбарова П. А.* Научно-педагогические работники как социальная общность в меняющихся условиях академического развития // *Образование и наука*. 2022. Т. 24, № 5. С. 147–180. DOI [10.17853/1994-5639-2022-5-147-180](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-5-147-180). EDN [DQKMBA](#). [Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Scientific and pedagogical staff as a social community in the changing conditions of academic development. *The Education and science journal=Obrazovanie i nauka*. 2022;24(5):147–180. (In Russ.). DOI [10.17853/1994-5639-2022-5-147-180](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-5-147-180)].
7. *Ефимова Г. З.* Управление академическим развитием научно-педагогических работников в контексте дисциплинарных социологических теорий // *Вестник университета*. 2025. № 5. С. 217–232. DOI [10.26425/1816-4277-2025-5-217-232](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2025-5-217-232). EDN [AMGRFV](#). [Efimova G. Z. Management of academic development of academic staff through the lens

- of disciplinary sociological theories. *Vestnik Universiteta=Vestnik universiteta*. 2025;(5):217–232. (In Russ.). DOI [10.26425/1816-4277-2025-5-217-232](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2025-5-217-232)].
8. Хлыстов Е. А., Тураева И. Л. Научно-методическая компетентность преподавателя вуза как составляющая человеческого капитала // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2024. № 2 (118). С. 102–108. DOI [10.24158/spp.2024.2.13](https://doi.org/10.24158/spp.2024.2.13). Khlystov E. A. EDN [BOZQJH](https://doi.org/10.24158/spp.2024.2.13). [Khlystov E. A., Turayeva I. L. Scientific and methodological competence of a university teacher as a component of human capital. *Society: sociology, psychology, pedagogy=Obshchestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika*. 2024;2(118):102–108. (In Russ.). DOI [10.24158/spp.2024.2.13](https://doi.org/10.24158/spp.2024.2.13). Khlystov E. A. EDN [BOZQJH](https://doi.org/10.24158/spp.2024.2.13)].
  9. Science capital as a lens for studying science aspirations – a systematic review / S. Kontkanen, T. Koskela, O. Kanerva [et al.] // *Studies in Science Education*. 2024. Vol. 61, № 1. P. 89–115. DOI [10.1080/03057267.2024.2388931](https://doi.org/10.1080/03057267.2024.2388931).
  10. Comparing Students' Engineering and Science Aspirations from Age 10 to 16: Investigating the Role of Gender, Ethnicity, Cultural Capital, and Attitudinal Factors / J. Moote, L. Archer, J. DeWitt, E. MacLeod // *Journal of Engineering Education*. 2020. Vol. 109, № 1. P. 34–51. DOI [10.1002/jee.20302](https://doi.org/10.1002/jee.20302).
  11. “Anybody Can do Science if They’re Brave Enough”: Understanding the Role of Science Capital in Science Majors’ Identity Trajectories into and Through Postsecondary Science / A. J. Gonsalves, A. S. Cavalcante, E. D. Sprowls, H. Iacono // *Journal of Research in Science Teaching*. 2021. Vol. 58, № 8. P. 1117–1151. DOI [10.1002/tea.21695](https://doi.org/10.1002/tea.21695). EDN [JCMYAN](https://doi.org/10.1002/tea.21695).
  12. Kelley T. R., Knowles J. G. A conceptual framework for integrated STEM education // *International Journal of STEM Education*. 2016. Vol. 3, № 1. P. 1–11. DOI [10.1186/s40594-016-0046-z](https://doi.org/10.1186/s40594-016-0046-z). EDN [ZZOGGQ](https://doi.org/10.1186/s40594-016-0046-z).
  13. Kudenko I., Simarro C., Pinty R. Fostering European Students’ STEM Vocational Choices // *Cognitive and Affective Aspects in Science Education Research. Selected Papers from the ESERA 2015 Conference* / K. Hahl, K. Juuti, J. Lampiselkä [et al.]. Cham : Springer, 2017. P. 323–338. (Contributions from Science Education Research, Vol. 3). DOI [10.1007/978-3-319-58685-4_24](https://doi.org/10.1007/978-3-319-58685-4_24).
  14. Klassen S. A theoretical framework for contextual science teaching // *Interchange*. 2006. Vol. 37, № 1-2. P. 31–62. DOI [10.1007/s10780-006-8399-8](https://doi.org/10.1007/s10780-006-8399-8).
  15. Understanding employer engagement in education: theories and research / Eds. A. Mann, J. Stanley, L. Archer. London: Routledge, 2014. 288 p. DOI [10.4324/9781315779966](https://doi.org/10.4324/9781315779966).
  16. Increasing High School Teachers Self-Efficacy for Integrated STEM Instruction through a Collaborative Community of Practice / T. R. Kelley, J. G. Knowles, J. D. Holland, J. Han // *International Journal of STEM Education*. 2020. Vol. 7, № 1. P. 1–13. DOI [10.1186/s40594-020-00211-w](https://doi.org/10.1186/s40594-020-00211-w). EDN [IMPWIA](https://doi.org/10.1186/s40594-020-00211-w).
  17. Glackin M. ‘Risky fun’ or ‘Authentic science’? How teachers’ beliefs influence their practice during a professional development programme on outdoor learning // *International Journal of Science Education*. 2016. Vol. 38, № 3. P. 409–433. DOI [10.1080/09500693.2016.1145368](https://doi.org/10.1080/09500693.2016.1145368).
  18. Miguel D. S. L. The Relationship between Teachers Beliefs, Teachers Behaviors, and Teachers Professional Development: a Literature Review // *International Journal of Education and Practice*. 2019. Vol. 7, № 1. P. 10–18. DOI [10.18488/journal.61.2019.71.10.18](https://doi.org/10.18488/journal.61.2019.71.10.18).
  19. Allen C. D., Penuel W. R. Studying Teachers’ Sensemaking to Investigate Teachers’ Responses to Professional Development Focused on New Standards // *Journal of Teacher Education*. 2014. Vol. 66, № 2. P. 136–149. DOI [10.1177/0022487114560646](https://doi.org/10.1177/0022487114560646).
  20. Makori H., Consuelo J. M., Bayer I. S. The Role of Habitus, Structure, and Agency in the Implementation of Science Reform Practices // *Science Education*. 2025. Vol. 109, № 4. P. 1129–1146. DOI [10.1002/sce.21973](https://doi.org/10.1002/sce.21973).

21. Understanding the process of changes in science beliefs and classroom practices from immersive research experience for science teachers / L. Hubbard, K. May, S. Jackman-Ryan [et al.] // *International Journal of Research in Education and Science (IJRES)*. 2024. Vol. 10, № 2. P. 502–523. DOI [10.46328/ijres.3337](https://doi.org/10.46328/ijres.3337). EDN [JUAPKA](#).
22. *Ventista O. M., Brown C.* Teachers' professional learning and its impact on students' learning outcomes: Findings from a systematic review // *Social Sciences & Humanities Open*. 2023. Vol. 8, № 1. P. 100565. DOI [10.1016/j.ssaho.2023.100565](https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2023.100565). EDN [QIYPNV](#).
23. *Арасланова А. А.* Профориентационная работа: актуальные вызовы, этапы развития и современные проблемы // *Человек. Социум. Общество*. 2020. № 9. С. 4–10. EDN [AKTDGN](#). [*Araslanova A. A.* Career guidance: current challenges, stages of development and modern problems. *Human. Socium. Society=Chelovek. Socium. Obshhestvo*. 2020;(9):4–10. (In Russ.)].
24. Педагогическое сопровождение профессионального самоопределения и его возможные модели в условиях неопределённости социума и рынков труда / В. И. Блинов, Е. Ю. Есенина, Н. Ф. Родичев, И. С. Сергеев // *Профессиональное образование и рынок труда*. 2020. № 3. С. 72–85. DOI [10.24411/2307-4264-2020-10310](https://doi.org/10.24411/2307-4264-2020-10310). EDN [CEYVRR](#). [*Blinov V. I., Yesenina E. Y., Rodichev N. F., Sergeev I. S.* Pedagogical support of professional self-determination and its possible models in conditions of uncertainty of society and labor markets. *Vocational education and labor market=Professional'noe obrazovanie i ry'nok Truda*. 2020;(3):72–85. (In Russ.). DOI [10.24411/2307-4264-2020-10310](https://doi.org/10.24411/2307-4264-2020-10310)].
25. *Дроздов Н. А.* Социальное партнерство в образовании: сущность и содержание понятия // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2016. № 180. С. 68–72. EDN [WZRCDP](#). [*Drozдов N. A.* Social partnership in education: the essence and content of the concept. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences=Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*. 2016;(180):68–72. (In Russ.)].
26. *Лазарев В. С.* О научных основаниях подготовки будущих педагогов к проектной деятельности // *Педагогика*. 2023. Т. 87, № 10. С. 5–15. EDN [XSPWYC](#). [*Lazarev V. S.* On the scientific foundations of training future teachers for project activities. *Pedagogy=Pedagogika*. 2023;(10):5–15. (In Russ.)].
27. *Кочемасова Л. А.* Формирование педагогической культуры учителя будущего: взгляд на проблему с позиции науки и практики // *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки*. 2024. Т. 21, № 2. С. 19–32. DOI [10.17673/vsgtu-pps.2024.2.2](https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2024.2.2). EDN [CIRLPK](#). [*Kochemasova L. A.* Formation of the pedagogical culture of the teacher of the future: a look at the problem from the perspective of science and practice. *Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences=Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta. Seriya: Psixologo-pedagogicheskie nauki*. 2024;(2):19–32. (In Russ.). DOI [10.17673/vsgtu-pps.2024.2.2](https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2024.2.2)].
28. *Черникова И. Ю.* Сотрудничество профильной школы и социальных партнеров региона // *Новое в психолого-педагогических исследованиях*. 2022. № 1 (64). С. 70–76. DOI [10.51944/20722516_2022_1_70](https://doi.org/10.51944/20722516_2022_1_70). EDN [BVXSWU](#). [*Chernikova I. Y.* Cooperation of the profile school and social partners of the region. *Innovation in psychological and pedagogical studies=Novoe v psixologo-pedagogicheskix issledovaniyax*. 2022;(64):70–76. (In Russ.). DOI [10.51944/20722516_2022_1_70](https://doi.org/10.51944/20722516_2022_1_70)].

Сведения об авторах

Е. М. Колесникова

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
SPIN-код: 1956-1312

А. И. Черевкова

кандидат социологических наук,
младший научный сотрудник
SPIN-код: 6404-2082

Вклад авторов в подготовку публикации:

Е. М. Колесникова – 70% (подготовка общетеоретической и методологической основы исследования, организация сбора и обработки социологических данных в ходе исследования, осуществление критического анализа и доработка текста статьи, участие в написании всех разделов статьи, участие в расчёте данных).

А. И. Черевкова – 30% (участие в сборе и обработке социологических данных в ходе исследования, участие в написании всех разделов статьи, участие в расчёте данных).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.06.2025; одобрена после рецензирования 17.10.2025; принята к публикации 02.11.2025.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.4.3

THE IMPORTANCE OF SCHOOL TEACHERS' SCIENTIFIC CAPITAL FOR IMPLEMENTING THE PROCESS OF VOCATIONAL GUIDANCE IN STEM SUBJECTS

Elena Mikhailovna Kolesnikova¹

Alena Igorevna Cherevkova²

^{1,2}Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia

¹ kolesnikova@mail.ru,
ORCID 0000-0003-2174-2524

² yaitskova_a@mail.ru,
ORCID 0000-0003-0662-2268

For citation: Kolesnikova E. M., Cherevkova A. I. The importance of school teachers' scientific capital for implementing the process of vocational guidance in stem subjects. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(4):59–85. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.4.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.3).

Abstract. The article analyzes the current problem of teachers' scientific capital in relation to the social process of students' career guidance, particularly in STEM disciplines. The authors examine the effectiveness of this process by assessing the significance of the scientific capital of teachers at different levels of school education. In this article the authors focus on the simi-

larities and differences between the scientific capital of STEM teachers, who are considered the primary target group for STEM career guidance, and primary school teachers, who are often overlooked in such studies. Specifically, the analysis is conducted on the following components of teachers' scientific capital: the socio-professional profile as an indicator of knowledge and skills; the attitude towards the role of schools and teachers in career guidance; inclusion in professional and expert communities: contacts, networks of connections and interactions; activities, behavior, and practices. The empirical base is the study conducted in March-April 2025 using a stratified random sample survey of school teachers in major cities in three regions: Moscow, Samara, and Rostov-on-Don. To solve the research objectives, the survey was supplemented with semi-structured expert interviews. The analysis of the study data led to several conclusions. The results show that both primary school teachers and secondary school teachers, as well as experienced educators believe that the successful implementation of career guidance programs, especially in STEM fields, is heavily dependent on the teacher's scientific capital. The main factors hindering the development of scientific potential, according to the respondents, include excessive workload, lack of experience, and limited communication with scientific institutions, industry organizations, and individual experts within the field of science. The results demonstrate the importance of investigating the phenomenon of the scientific capital of the teaching community at the level of school education based on sociological methodology and methods. The data and conclusions allow to identify the problems of the ongoing processes from the reflection of the people who are directly involved in them.

Keywords: sociology of education, career guidance, schools, teachers, scientific capital, STEM professions, professional self-determination

Acknowledgments: The study was carried out with the support of Russian Science Foundation No. 25-28-00618 "(Not)School career guidance practices in the field of STEM professions: teachers' experience in career guidance and students' ideas about professions in the technical field of intellectual work".

Information about the Authors

E. M. Kolesnikova

Candidate of Sociology,
Senior researcher
Scopus AuthorID: [57201673823](#)

A. I. Cherevkova

Candidate of Sociology,
Senior researcher
ResearcherID: [GLN-4112-2022](#)

Contribution of the authors:

E. M. Kolesnikova – 70% (development of the general theoretical and methodological basis of the study, organization of the collection and processing of sociological data during the study, critical analysis and revision of the text of the article, participation in writing all sections of the article, participation in data analysis).

A. I. Cherevkova – 30% (participation in collection and processing of sociological data during the research, participation in writing of all sections of the article, participation in data analysis).

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 15.06.2025; approved after reviewing 17.10.2025; accepted for publication 02.11.2025

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК РИСК ДЕВИАНТИЗАЦИИ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

Татьяна Владимировна Шипунова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

t.shipunova@spbu.ru

ORCID 0000-0002-9108-8647

Для цитирования: Шипунова Т. В. Социальный контроль как риск девиантизации повседневных практик // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 4. С. 86–102. DOI 10.19181/snsp.2025.13.4.4. EDN LNBERR.

Аннотация. Тема социального контроля в социологии и девиантологии занимает самостоятельное место и базируется на узком представлении о контроле как универсальном механизме борьбы с социальным злом. Данная тема должна обеспечить достойный уровень социальной безопасности граждан. Однако такой подход имеет недостатки, поскольку существенно сужает предмет анализа, а также не позволяет учитывать негативные социальные эффекты контроля, конкуренцию различных игроков, которая разворачивается в отношениях «господство-подчинение». Отдельные институты/общности/социальные группы, представляя собой генеративные социальные структуры, становятся полноценными агентами социального контроля в широком смысле, поскольку продвигают свои смыслы и правила поведения и используют ресурсы для их опривычивания в повседневности. Если смыслы и ценности носят деструктивный характер, то происходит девиантизация повседневных практик. Кроме того, деятельность некоторых легитимных агентов контроля обладает определённым потенциалом создания латентных социальных эффектов, выступающих рисками воспроизводства девиантности. В статье анализируются оба направления девиантизации. Рассмотрено влияние на этот процесс повседневности отдельных агентов, деятельность которых порождает системно-функциональные издержки при распределении социальных благ и социальных статусов, и агентов, навязывающих населению ценности, установки, образцы поведения общества потребления. Показано, что в обоих случаях воздействие контроля оказывается негативным и ведёт к девиантизации повседневных практик. Рассмотрение социального контроля в широкой перспективе позволяет очерчивать круг ответственности его агентов и применять оценки их деятельности в категориях репутационного вреда, злоупотребления доверием, долга, социальной справедливости и т. д. Кроме того, такой подход даёт основание для изучения социального контроля как сложного процесса, имеющего, как минимум, два вектора влияния на девиантизацию повседневности – положительный (понижающий уровень девиантности) и отрицательный (провоцирующий девиантизацию).

Ключевые слова: социальный контроль, девиантность, девиантизация, повседневность, повседневные практики, ценности общества потребления

Введение

Чаще всего социальный контроль девиантности понимается в положительном ключе – как противодействие видам поведения, отклоняющегося от социальных норм [1, с. 260; 2, с. 46]. С одной стороны, этим задаются чёткие ориентиры и границы контролирующего воздействия, а с другой – значительно сужаются представления об агентах контроля и способности некоторых из них девиантизировать повседневные практики. Одновременно данный факт работает на расширение неопределённости в изучении социального контроля как предмета научного познания. Целью статьи является рассмотрение социального контроля в широком смысле, что предполагает в том числе определение значимых агентов, влияющих на девиантизацию повседневности, и механизмов, при помощи которых такая девиантизация производится. Под девиантизацией автор понимает вовлечение и/или создание предпосылок для втягивания индивидов в девиантные формы поведения. Следует отметить, что статья не несёт никаких иных смыслов, кроме рефлексии социальных процессов в соответствии с принципом объективности. Поскольку речь идёт об актуальных повседневных практиках, то для подтверждения рассуждений в статье, наряду с анализом научных публикаций, используется анализ материалов электронных СМИ, отбор которых производился по рейтингу в поисковой системе Яндекс (10 первых позиций после запроса) с учётом статуса издания.

Методология исследования: социальный контроль и повседневность

В эпоху постмодернизма изменилось представление об обществе как константном образовании, в котором существует некий набор норм, разделяемый всеми. Постоянные изменения, к которым индивид вынужден приспособляться посредством поиска новых моделей поведения [3], привели к отказу от рассмотрения (традиционного) социального контроля как некоего универсального механизма устранения социального зла, не поддающегося критике. Современные (особенно зарубежные) исследования нацелены на анализ социального контроля в отношениях «господство-подчинение» [4; 5], что существенно расширяет границы его определения и включает не только сам процесс контролирования, но и последствия, которые часто носят деструктивный характер и оказывают негативное влияние на повседневные практики. Учитывая, что борьба за господство пронизывает все сферы жизни общества, социальный контроль в данном подходе понимается как средство продвижения интересов определённых социальных групп, находящих отражение в политических, идеологических, профессиональных дискурсах. В этом случае социальный контроль превращается в символическое средство коммуникации, содержащее различные идеологемы как устойчивые системы взглядов. Носители дискурсов конкурируют за производство смыслов и отношений, развивающихся в поле власти [6; 7; 8] и претендующих на истину, хотя остаётся непонятным, «власть какого типа

способна производить дискурс об истине, который в обществе... имеет столь глубокие последствия?» [6, с. 43]. Несмотря на это, произведённые смыслы и отношения в конечном счёте определяют рамки мышления и действий людей, в том числе в плане нарушения социальных норм [9].

В связи с этим, к агентам социального контроля девиантности следует относить не только традиционно выделяемые социальные институты (семья, школа, полиция, пенитенциарная система, социозащитные учреждения и т. д.), но и все те институты/общности/социальные группы, которые реализуют функции, влияющие на поведение индивидов или создающие условия для формирования нарушения социальных норм. К ним можно отнести общественные движения, зарубежные группы влияния, молодёжные и девиантные субкультуры, преступные организации, печатные и электронные СМИ, интернет-ресурсы, производители рекламы и услуг, банки, шоу-бизнес и т. д. Все они представляют собой «генеративные» социальные структуры, продуцирующие определённые правила поведения про- или антисоциальной направленности и использующие свои ресурсы для их продвижения [8, с. 59]. Социальный контроль этих институтов и групп часто либо напрямую поддерживает девиации, либо создаёт условия для опривычивания (хабитуализации) нарушения норм и правил поведения в повседневных практиках. Почему это происходит?

Повседневность – это уровень элементарных порядков интеракции «лицом к лицу», обладающий собственной организацией и когнитивным стилем [10], в основе которого лежит восприятие и осмысление мира, базирующееся на (совместных) действиях и разнообразных социальных отношениях [11]. Повседневность включает в себя будничные практики приватной жизни индивидов, определяющее значение для которых имеют накопленный жизненный опыт, сложившийся образ жизни, следование определённым правилам, «с учётом функций, социальных статусов и ролей индивидов, системы контроля и т. д.» [12, с. 62]. Однако в современном обществе данная относительная стабильность разрушается, она не может существовать в «текущем» мире, который характеризуется постоянной изменчивостью, «навязчивой, непрерывной, непреодолимой, вечной незаконченной модернизацией» всего, включая личные повседневные практики [3, с. 35]. Одной из важнейших особенностей «текучей» современности является уход от тотального государственного контроля повседневной жизни и его делегирование человеку. Снятие с государства обязательств контроля и запретов на выбор должны обеспечить человеку свободу, которая, однако, не гарантирует стабильности рутинности, которая по идее должна придать устойчивость повседневности. На пути поиска стабильности индивид готов отказаться от свободы и подчиниться более сильному субъекту или системе, обладающим ресурсными возможностями для продвижения своих идей и присваивания контролирующих функций. Так появляются все новые агенты контроля, придающие видимость устойчивости повседневности, осмысленность существования жизни индивидов и одновременно деструктивно влияющие на их повседневную жизнь.

Проблематика воспроизводства девиантности, в том числе через социальный контроль, а также анализ его недостатков, влекущих негативные последствия для общества, ведутся зарубежными исследователями достаточно давно и широко [13; 14; 15]. Так, исследователи убеждены, что социальная безопасность как декларируемая цель социального контроля, реализуемого государством, влечёт за собой некоторые негативные эффекты, например, в виде нарушения прав граждан на неприкосновенность частной жизни, ограничение позитивной свободы (*свободы что-то делать*), перегибами в наказании и др. [16]. Несмотря на то, что в работах российских авторов также уделяется внимание критическому осмыслению социального контроля девиантности, учёные останавливаются преимущественно на традиционном анализе концепций и практик наказания, не концентрируя внимания на влиянии социального контроля на воспроизводство девиантности. Между тем, критическое рассмотрение роли социального контроля, производимого разными агентами, необходимо, поскольку, во-первых, не совсем понятно, что является конечным продуктом, кто – потребителем и объектом социальной защиты в рамках социального контроля в узком смысле. Отсюда следуют и другие вопросы, возникающие в контексте идей общества риска, а также конкуренции за производство смыслов и отношений, существующих в поле власти. Например, как создаются атрибуции «опасностей» и «рисков» разных видов поведения и разделения социальных групп по степени опасности или безопасности. Если общество – это самоорганизующаяся система, то в ней неизбежно возникнут подсистемы и институции разнонаправленного характера, которые будут стремиться реализовать свои представления о нормативности. Единство и борьба этих стремлений порождает неустойчивое равновесие нормативной системы в «текущей» современности и всегда предоставляет возможность разным субъектам не просто продвигать, а навязывать свои нормы, образцы поведения, которые, будучи первоначально необычными, со временем переходят в категорию обычных, рутинных, будничных и начинают управлять повседневностью. Выделение таких подсистем и/или субъектов и придание им статуса агентов социального контроля позволяет:

- расширить представления о системной природе социального контроля поведения людей;
- очертить сферы влияния агентов контроля, их цели и идеологемы, поддерживаемые разными средствами;
- определить объект(ы) и предмет воздействия;
- выявить социальные эффекты деятельности агентов контроля и их влияние на социальную безопасность и стабильность повседневности;
- очертить круг ответственности и ограничений деятельности в контексте рассматриваемой тематики.

В одной статье невозможно проанализировать деятельность всех подсистем и субъектов социального контроля. Мы остановимся только на части тех, кто функционирует в легитимном поле и выполняет порой значимые для общества функции. Представители таких подсистем не называют себя агентами

социального контроля и не используют соответствующую терминологию/риторику. Однако по своей сути деятельность таких социальных подсистем и их представителей соответствует характеристикам агентов контроля, поскольку они производят смыслы и отношения в парадигме «господство-подчинение» (осознанно или неосознанно), ведущие к вовлечению в девиантность или к созданию условий для девиантизации повседневной жизни.

Механизмы влияния (нетрадиционных) агентов социального контроля на девиантизацию повседневных практик

Первую группу наиболее значимых агентов социального контроля в широком смысле образуют социальные подсистемы, институты и группы, деятельность которых порождает системно-функциональные издержки при распределении социальных благ и социальных статусов. Они имеют статус одной из ветвей власти и возвышаются над социальным контролем, разрабатывая его идеологию. Так, законодатели определяют модель социального контроля в узком смысле, перечень агентов, методы, средства, границы контроля и т. д. Без правового нормирования и регулирования невозможно представить ни одно общество, однако выполняя эту функцию, законодатели, а затем и исполнители порой принимают законы и совершают действия, которые создают условия для девиантизации повседневных практик.

Прежде всего, речь идёт о законах и нормативах, регулирующих МРОТ, размеры пенсий, прожиточного минимума, пособий и т. д., которые не позволяют в полной мере удовлетворять физиологические и социальные потребности граждан. Так, по данным Социального фонда России, средний размер пенсии на 1 января 2025 г. равнялся чуть более 23 тыс. в месяц. Средний размер социальной пенсии составил 13 511,94 руб.¹ В 2024 году размер пенсий относительно размера заработных плат впервые за 10 лет снизился до 25%². Несмотря на то, что государство планирует проиндексировать пенсии в 2025 году, по фактической инфляции на 9,5%, очевидно, что доходы пенсионеров не растут, а жизнь для них (как, впрочем, и для всего населения) дорожает: с 1 июля 2025 г. тарифы ЖКХ будут в среднем проиндексированы на 11,9%, с 1 июля 2026 г. – на 5,4%, с 1 июля 2027 г. ещё на 4,8%³; повысилась стоимость самых простых и покупаемых пенсионерами продуктов (только в январе 2025 г. картофель подорожал на 91,1%, лук на 48,2%, капуста белокочанная на 44,5% свёкла

¹ В Соцфонде раскрыли средний размер пенсии в России // РБК : сайт. 06 мая 2025. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/68199a399a79471c54cd5790> (дата обращения: 15.05.2025).

² Мануйлова А. Зарплата в четыре пенсии. В 2024 году коэффициент замещения упал до десятилетнего минимума // Коммерсантъ : сайт. 03.10.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7198661> (дата обращения: 15.05.2025).

³ Чернышова Е. Власти заложили в бюджет индексацию тарифов ЖКХ // РБК : сайт. 30 сентября 2024. 30 сентября 2024. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/09/2024/66fab4839a7947f8952f38e9> (дата обращения: 20.05.2025).

на 32,1%, сливочное масло на 36,2% и т. д.; растут расходы на мобильную связь (по итогам 2024 года – плюс 26% к декабрю 2023 г.)¹. В 2024 году, по данным Росстата, инфляция составила 9,52%², а в конце 2025 года в среднегодовом значении может дойти до 10%³. Однако повседневные практики всегда субъективны и основываются на «ансамбле субъективных значений» [17, с. 84], а потому индивиды скептически воспринимают официальную статистику, доверяя преимущественно собственному опыту. Этот опыт даёт совсем другие результаты – «население оценивает инфляцию в два раза выше официальной статистики»⁴. Исходя из этого, в дальнейшем формируются мнения, жизненные стратегии и поведение в повседневности. Например, пенсионеры Москвы и Подмосковья, которые получают хорошие доплаты от правительства, жалуются, что пенсий «хватает минимально: заплатить за квартиру, какие-то продукты купить, и всё», «прожить-то можно, но проблема в том, *какая* это жизнь»⁵. В такой ситуации говорить о пенсионерах других регионов не приходится.

Пример с пенсионерами мы выбрали не случайно, т. к. их физическая и социальная активность ограничены, они в своей массе являются законопослушными гражданами, а влияние многих факторов риска нивелировано. Тем не менее, низкий уровень жизни даёт о себе знать – пожилые люди вынуждены воровать еду в магазинах, а начиная с 2022 года «доля людей старше 50 лет среди преступников составила 10,65 процента – отметка ушла выше 10 процентов впервые за десять лет»⁶. Состав преступлений разный, но всегда связан с деньгами: кражи, хранение наркотиков, незаконная торговля алкоголем, фиктивная регистрация иностранцев на своей жилплощади и т. д. [18, с. 179]. Конечно, нельзя отрицать влияние на преступность разных факторов, но социально-экономические причины, к которым относится низкий уровень жизни (бедность и нищета), являются основополагающими [19, с. 44].

¹ Росстат назвал самые подорожавшие продукты за 2024 год // РБК : сайт. 22 января 2025. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/01/2025/678fb81c9a7947362b351587> (дата обращения: 15.05.2025).

² ЦБ объяснил, почему инфляция за год разогналась выше прогноза // РБК : сайт. 23.01.2025. URL: <https://www.rbc.ru/economics/23/01/2025/6790bf999a794709ab9b853f> (дата обращения: 15.05.2025).

³ ЦБ поднял в 1,5 раза прогноз по инфляции в 2025 году // РБК : 14.02.2025. URL: <https://www.rbc.ru/finances/14/02/2025/67af21ec9a794770b8ec45b8> (дата обращения: 15.05.2025).

⁴ ЦБ объяснил разницу между личной инфляцией и официальной // Ведомости : сайт. 02.05.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/02/05/1090286-tsb-obyasnil> (дата обращения: 15.05.2025).

⁵ Животовская В. «Просто умираем никому не нужные». Чем недовольны и чего лишены пенсионеры Москвы и Подмосковья // МСК1.ru : 17 ноября 2024. URL: <https://msk1.ru/text/gorod/2024/11/17/74335688/> (дата обращения: 15.05.2025).

⁶ Харламова А. Старики-разбойники: почему пожилые россияне стали чаще совершать преступления // Вечерняя Москва : сайт. 21 апреля 2023. URL: <https://vm.ru/news/1047346-stariki-razbojniki-pochemu-pozhilye-rossiyane-stali-chashe-sovershat-prestupleniya> (дата обращения: 10.04.2025).

Другим примером нормотворчества, создающим условия для девиантизации повседневности, является принятие так называемых «преступных законов», которые, с одной стороны, могут попирают нормы (уголовного) права, а с другой – запрещают социально полезные или нейтральные действия [20, с. 17–18]. Не углубляясь в правовую тематику, приведём примеры неудачных инициатив, с которыми выступали депутаты в последние годы: запрет на использование иностранных выражений и слов в случае, если есть русскоязычные аналоги; установление видеонаблюдения за врачами с личных устройств во время медицинского вмешательства; тотальный запрет на использование обсценной лексики; введение налога на бездетность и т. д. Говоря о подобных скороспелых предложениях¹, Председатель Госдумы РФ отметил: «вы вначале подумайте, прежде чем озвучивать инициативу. Не надо пугать общество. Это крайности»². Верность этого призыва состоит не только в том, что общество испугается, но и в том, что сразу за его принятием последуют массовые нарушения, т. е. произойдёт рост девиантности.

Любой закон или нормативно-правовой акт, регулирующий повседневную жизнь граждан, должен основываться не просто на формулировке некоего запрета, но и на обеспечении механизмов и условий для его соблюдения. Иначе неизбежно увеличение числа нарушений. Например, давно стало традицией, что на майские праздники большая часть граждан России выезжает на природу и готовит шашлыки. Подготовка к дню «Х», как и сам процесс, – это настоящий ритуал, ставший обыденной практикой. Выбор места пикника зависит от доходов граждан и характеристик жилого имущества (собственный дом, наличие дачи, квартира в многоквартирном доме). Сейчас требования противопожарной безопасности при использовании огня регулируются Правилами противопожарного режима, которые постоянно дополняются. Так, с 1 сентября 2025 г. нельзя будет жарить шашлыки вне специальных мест, в Екатеринбурге городская администрация вообще решила ввести запрет на приготовление шашлыка на открытом огне, даже на даче³. К чему это может привести? Во-первых, люди, не имеющие дачи, начнут прятаться от контроля глубже в парк или лес, что только увеличит опасность пожаров. Во-вторых, количество специально отведённых в городах мест для приготовления шашлыков недостаточно, они расположены неравномерно и доступны не для всех, следовательно, правила будут нарушаться. Правонарушения будут расти и за счёт предприимчивых лиц, которые начнут

¹ Часть инициатив была существенно доработана. Так, запрет на использование иностранных слов теперь носит не всеобщий характер, а утверждён только для вывесок, названий жилых кварталов и т. д.

² Володин призвал депутатов «думать головой» перед анонсом законопроектов // РБК : сайт. 15.10.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/10/2024/670e51259a7947f6bfc39b69> (дата обращения: 15.11.2024).

³ Качан А. Жителям российского города захотели запретить жарить шашлыки // Lenta.ru : 18 марта 2025. URL: <https://lenta.ru/news/2025/03/18/zhitelyam-rossiyskogo-goroda-zahoteli-zapretit-zharit-shashlyki/> (дата обращения: 05.05.2025).

нелегально торговать местами для пикников. Примером тому может служить опыт Москвы, где запреты уже используются. Ещё в 2023 году отмечалось, что введённые правила породили новый нелегальный бизнес. «В самый разгар сезона шашлыков появились те, кто готов занять место под мангал и держать его хоть всю ночь. Иногда это обходится дороже самого пикника». Причём в бизнес вовлечены и сотрудники парка, которые его «крышуют»¹.

Ещё большее влияние на девиантизацию общества оказывает поведение отдельных представителей агентов социального контроля. Речь идёт о коррупционерах и казнокрадах. По данным председателя Следственного комитета А. Бастрыкина, ущерб от коррупции в РФ только в 2024 году составил 14,2 млрд рублей². Наверное, эти цифры нужно воспринимать позитивно, поскольку в 2022 году, по сообщению генерального прокурора России И. Краснова, ущерб составил 37 млрд рублей, а «арестовано и изъято имущество на общую сумму более 62,2 миллиарда рублей»³. Не менее печально обстоят дела с казнокрадством. Из доклада Счётной палаты следует, что только в 2024 году после проверок в казну было возвращено 94 млрд рублей⁴.

Российский опыт борьбы с коррупцией и взяточничеством показывает, что мер по снижению их уровня явно недостаточно, ибо оба явления существуют так давно (начиная с институтов «кормления» и «посула»), что стали повседневной практикой, и «взятка не представляет собой что-то негативное, а является вполне обыденным, естественным явлением» [21, с. 57]. На низовом уровне организации общества – это подарки за услуги (врачам, учителям и т. д.), но чем выше уровень иерархии (политической, экономической), тем размеры взяток крупнее. Коррупция, как злоупотребление служебным положением, дача и получение взятки должностным лицом в целях получения выгоды, – это уровень среднего и высшего эшелонов власти. Опасность данного явления, наряду с казнокрадством, стала особенно очевидной в последнее время. Так, по данным заместителя председателя комитета ГД по экономической политике М. Делягина, на июль 2024 г. только в Минобороны РФ разворовано 11 трлн рублей⁵. Это не обычное воровство, т. к. оно передаёт определённые смыслы

¹ Битва за шашлычные места: в Москве появилась услуга «займу беседку» // Ren.tv : сайт. 27 мая 2023. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1107608-bitva-za-shashlychnye-mesta-usluga-zaimu-besedku-poiavilas-v-rossii> (дата обращения: 01.04.2025).

² Ущерб от коррупции в России в 2024 году составил 14,2 миллиарда рублей // РИА новости : сайт. 08.12.2024. URL: <https://ria.ru/20241208/bastrykin-1987956496.html> (дата обращения: 15.05.2025).

³ Ущерб России от коррупции в 2022 году превысил 37 млрд рублей // Вести : сайт. 09 декабря 2022. URL: <https://www.vesti.ru/article/3084186> (дата обращения: 15.05.2025).

⁴ Борис Ковальчук рассказал об итогах работы Счетной палаты за 2024-й // 5-tv : сайт. 13 марта 2025. URL: <https://www.5-tv.ru/news/5018238/boris-kovalchuk-rasskazal-obitogah-raboty-schetnoj-palaty-za2024j/> (дата обращения: 15.05.2025).

⁵ Абрамов Н. В Госдуме раскрыли масштаб воровства в Минобороны // Lenta.ru : сайт. URL: <https://lenta.ru/news/2024/07/12/v-gosdume-raskryli-masshtab-vorovstva-v-minoborony/> (дата обращения: 08.01.2025).

населению страны, исходящие от людей, имеющих особый статус в обществе: «кому война, а кому мать родна», «воруй, пока можешь», «интересы страны не в счёт, если ты можешь обогатиться». Такой цинизм создаёт определённый настрой в сознании населения – «жизнь рядовых членов общества ничего не стоит». Принятие этого смысла может оказать серьёзное влияние на преступность и другие виды девиаций, особенно насильственных. На данные о преступности за 2024 год можно посмотреть и под этим углом, а они таковы: прирост на 11,5% (по сравнению с 2023 годом) преступных посягательств, повлёкших смерть; увеличение веса тяжких и особо тяжких преступлений на 2%; увеличение преступлений террористического характера на 55,9% и экстремистской направленности на 28,3% [22, с. 2, 4].

Во вторую группу значимых агентов социального контроля входят все институты, системы, организации, буквально насаждающие ценности, установки, образцы поведения общества потребления, которые по своей сути и последствиям для общества являются деструктивными.

Для общества потребления характерно создание соблазнов в виде постоянно сменяющих друг друга товаров. В их список попадают также знания, информация, связи между людьми, ценности, чувства, настроение и т. д. и т. п. При этом на первый план выходит идея отношения через серию вещей, которые эту идею проявляют [23, с. 213–214]. Поддержка идеи обеспечивается развитием сверхпотребления, статусным потреблением и самоосуществлением личности через доставление себе разного рода удовольствий. В обществе формируются потребительские ценности и нормы, устойчивые потребительские практики, «язык как свод правил интерпретации потребительских актов» [24, с. 131]. Причём все они носят универсальный характер, т. к. усваиваются не только теми, кто имеет (избыточные) средства для сверхпотребления, но и теми, кто их не имеет. Для первых возникает опасность развития, например, шопоголизма, для вторых – угроза возникновения разного рода девиаций, включая преступления, совершённые ради поиска денег на покупки. Так, деньги являются главным аргументом для подростков, которые соглашаются совершить диверсию по наводке противоборствующей с Россией стороны: «40% совершивших диверсии на территории России – подростки». Известны и расценки: «слив данных о военной технике стоит 5 тысяч рублей, а поджог автомобиля – 25 тысяч. На такие гонорары клюют в основном дети»¹.

Значимое место в контроле потребительского поведения, ведущего к девиантизации населения, занимают банки. Они создали систему кредитов, дающих льготные возможности для оплаты товаров. Ещё Ж. Бодрийяр отмечал, что «благодаря системе кредита мы возвращаемся к сугубо феодальным отношениям... Однако, в отличие от феодальной, наша система основана на своеобразном

¹ Антонова Т. Названы расценки на теракты, которые предлагают совершить украинские вербовщики // МК.RU : сайт. 26.05.2025. URL: <https://www.mk.ru/politics/2025/05/26/nazvany-rascenki-na-terakty-kotorye-predlagayut-sovershit-ukrainskie-verbovshhiki.html> (дата обращения: 15.06.2025).

сообщничестве: современный потребитель непроизвольно интериоризирует и принимает как должное то бесконечное принуждение, которому он подвергается» [23, с. 173–174]. Банкам и этого оказывается недостаточно. Они устанавливают дополнительные комиссии на льготные ипотеки, дают ложную рекламу о кешбэках¹, обманывают клиентов путём начислений за дополнительные услуги и т. д. (Последнее, кстати, по данным опроса населения Великобритании, оценивается как более серьёзное преступление, чем манипуляции с похищенным товаром – так ответили 95% опрошенных [25]). Иначе говоря, тактика банков изматывает человека не только в материальном, но и в психологическом плане, что может способствовать совершению разного рода деликтов – от повышенного уровня агрессии и насилия в повседневном общении до правонарушений (напр., просрочка с выплатой кредита).

Но самое опасное, когда банки стимулируют развитие потребительства у детей. Происходит это за счёт вовлечения в приобретение карт, начиная с шести лет. Шаги по приобретению карт банки оправдывают тем, что родители могут научить детей азам финансовой грамотности. И действительно, некоторые родители идут на такое, более того, в России детские банковские карты становятся всё более популярными. Однако наряду с этим растёт и число случаев, когда дети становятся дропперами, соблазнившись на небольшие деньги от мошенников (В целом же, в России около 60% дропперов – граждане до 24 лет, которые чаще всего не подозревают, что участвуют в преступной деятельности²). Эксперты предупреждают, что «оплата «одним касанием» не даёт ощущения ценности денег, может формировать легкомысленное отношение к покупкам»³. Ребёнок с детства втягивается в неконтролируемое потребление и становится придатком бесконечного процесса «производство-потребление» со всеми вытекающими последствиями.

Одну из ведущих ролей в заманивании населения в ловушку потребления играют производители рекламы и маркетологи, которые напрямую контролируют поведение индивидов в повседневности, усиливая процесс её девиантизации. И не только потому, что реклама, благодаря научно-техническим достижениям (напр., искусственному интеллекту, улавливающему слова-триггеры для индивидуальных предложений в интернете) стала вездесущей, но и потому, что она «постоянно шантажирует... чувствами престижа и нарциссизма, аффективной привязанности и форсированной соотнесённости...» [23, с. 186]. Управление желаниями и поведением индивида, навязывание ему той или иной идентичности осуществляется посредством специальных кодов, которые вплетаются

¹ ФАС оштрафовала Альфа-Банк за недостоверную рекламу кредитной карты // ФАС: сайт. 22.05.2025. URL: <https://fas.gov.ru/news/34001> (дата обращения: 28.05.2025).

² Курносенкова Д. Подросткам запретили оформлять карты: меры борьбы с дропперами // URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/67b4786b9a794706bc7706bd> (дата обращения: 07.04.2025).

³ Лучшие детские банковские карты 2025 года: топ-11 предложений // РБК: сайт. 31.08.2025. URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/655cba2d9a7947b9fb3b56a1> (дата обращения: 11.04.2025).

в социальную коммуникацию и доминируют в ней. Навязчиво врываясь в жизнь людей, она формирует «гедонистическую мораль чистого удовлетворения» [23, с. 200], подменяя реальность обещаниями счастья.

Производители всё чаще привлекают несовершеннолетних к участию в рекламе, поскольку это хороший способ повысить продажи, воздействуя не только на взрослых, но и на детей, которых так гораздо легче убедить в необходимости предлагаемого товара. Закон о рекламе предусматривает ряд ограничений как по использованию детей в рекламе, так и запреты на определённые смыслы, передаваемые ею. Однако далеко не всегда (и не всегда сразу) недобросовестные рекламопроизводители попадают под санкции со стороны контролирующих инстанций. Поэтому «детская» реклама может нанести серьёзный вред детям, увидевшим её хотя бы раз. В качестве вреда могут быть передаваемые смыслы, запрещённые законом: дискредитация родителей, их покупательских способностей и подрыв доверия к ним; побуждение к тому, чтобы убедить родителей купить товар; создание искажённого представления о доступности товара для семей с любым уровнем достатка; внушение, что обладание товаром делает ребёнка лучше, чем его сверстники; формирование комплекса неполноценности у детей, не обладающих товаром и т. д. [26]¹. Эти смыслы глубоко западают в неокрепшие души детей, что в дальнейшем может проявиться в неуважении к родителям и непослушании, росту насилия и агрессии, буллингу в отношении других детей и т. д. В отдалённой перспективе закреплённые негативные реакции могут привести к более серьёзным девиациям.

О том, как индустрия красоты, опираясь на рекламу, контролирует поведение людей, известно давно. В первую очередь, речь здесь идёт об изменении смыслов хорошего/плохого, нормального/девиантного, распространяемых не только на потребляемые вещи, но и на образ и стиль жизни. С одной стороны, расширение интервала действия норм можно рассматривать как позитивное явление, которое делает людей более свободными за счёт увеличения конформных видов поведения, направленных на удовлетворение фантазий и установление новых отношений и взаимосвязей между людьми. С другой стороны, если и когда эти привнесённые изменения в нормы начинают противоречить обыденному сознанию и здравому смыслу, задающему границы поступков в виде социальных норм [27, с. 168], то эти новые нормы и смыслы разрушают привычную реальность. Казалось бы, они должны выступать средством легитимации новой реальности – общей для всех людей и всех социальных ситуаций в данном обществе [28, с. 366], однако в случае с размытыми интервалами действия норм и плюралистичности стандартов, «социальные экспектации становятся неопределёнными и лишёнными силы консенсуса. Как следствие, люди приходят в замешательство по поводу того, что же считать «нормальным», а что нет» [28, с. 310]. Поскольку в обществе потребления повседневная реальность

¹ Вадюхин И. Дети в рекламе и реклама для детей. Законодательные ограничения // Дело-Пресс : сайт. URL: <https://delo-press.ru/journals/law/yuridicheskaya-otvetstvennost/44600-deti-v-reklame-i-reklama-dlya-detey-zakonodatelnye-ogranicheniya/> (дата обращения: 15.04.2025).

ориентирована не на конкретных «всех», а на соблазны и изменяющиеся желания, то основным ориентиром становится стремление развивать всё новые желания и получать больше, чем ранее [3, с. 85]. Здесь берут корни гламуризация, модификация тела, пищевые аддикции и т. д. Они имеют основанием не столько удовлетворение каких-то личных фантазий, сколько стремление следовать предписанию общества спектакля – всё время изменяться, находиться в потоке событий, демонстрировать проявленную индивидуальность и получать оценки других [29]. Появление интернета обеспечило практически бесконечные возможности для следования индивидов этому предписанию. Интернет стал мощным средством девиантизации повседневности, на его просторах действуют агенты контроля разнонаправленной ориентации, многие из которых сами попадают под объекты социального контроля в узком смысле. Многообразие тематики интернет-ресурсов позволяет удовлетворить любое (извращённое) желание, «очищая и избавляя его от последних помех со стороны «принципа реальности»» [3, с. 83], который лежит в основе повседневных практик. Остаются лишь главные ориентиры общества потребления – деньги на покупки, гедонистические удовольствия, самопрезентация любым способом. Это во многом объясняет, например, получившее распространение среди подростков выкладывание в сетях видео с избиениями других детей или взрослых лиц. Однако эта тема гораздо шире и требует разбора в отдельной статье.

Заключение

В статье проанализирована деятельность лишь некоторых агентов, которые не рассматриваются в рамках традиционных представлений о социальном контроле в качестве таковых, но которые тем не менее выполняют регулятивную функцию. Они «работают» по двум направлениям: поддержание (осознанно или неосознанно) несправедливого социального неравенства населения и укоренение в сознании индивидов потребительских ценностей. Механизмы воздействия отдельных агентов контроля могут быть разными, но конечный итог одинаков – создание условий или прямое вовлечение индивидов в девиантность посредством нормализации в повседневных практиках деструктивных смыслов и их опривычивание. Так, послушное следование навязанным желаниям, стремлениям, ценностям, моделям поведения потребительского общества делает человека нечувствительным к естественной потребности «очуждения», т. е. стремления к инаковости, разнообразию, что ведёт к «банализации социального поведения» [30] и превращению общества в послушный и легко управляемый механизм, призванный обеспечивать интересы и благополучие небольшой группы агентов контроля. Данное утверждение с определёнными оговорками может быть распространено и на системно-функциональные издержки законодательной и исполнительной ветвей власти.

Придание рассмотренным институтам/социальным группам/общностям статуса агентов социального контроля (в широком смысле) даёт возможность

соотнести их деятельность с интересами населения и общества, а также создаёт предпосылки для установления ответственности за девиантзацию повседневных практик. Наконец, выделение в их деятельности явных и/или скрытых смыслов в контексте социального контроля, реализуемого в отношениях «господство-подчинение», даёт возможность анализировать их функционирование (помимо действий, караемых законом), используя такие категории, как: репутационный вред для общества (а не только для органов государственной власти), злоупотребление доверием, моральная ответственность, долг перед обществом, социальная справедливость, благополучие будущих поколений и т. д. Перевод этих категорий из разряда ценностей в нормативные (и/или законодательные) эквиваленты – дело не простое, но необходимое, если речь идёт о снижении уровня девиантзации повседневности и сохранении потенциала позитивного развития страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мэссионис Дж. Социология. 9-е изд. СПб. : Питер, 2004. 752 с. ISBN 5-94723-649-4.
2. Шели Дж. Криминология. 3 междунар. изд. / Дж. Шели ; пер. с англ. И. Малковой [и др.]. М. [др.] : Питер, 2003. 860 с. ISBN 5-318-00489-X.
3. Бауман З. Текущая современность / З. Бауман ; пер. с англ. Ю. В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008. 240 с. ISBN 978-5-469-00034-1. EDN **QOABEJ**.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с. ISBN 5-85691-036-2.
5. Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? Skizze einer konstruktivistischen Kriminalitätstheorie // Kriminologisches Journal. 1997. 29 Jg. N. 2. P. 83–155.
6. Фуко М. «Нужно защищать общество»: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учеб. году / М. Фуко ; пер. с фр. Е. А. Самарской. СПб. : Наука, 2005. 311 с. ISBN 5-02-026848-8.
7. Luhmann N. Die Wissenschaft der Gesellschaft. Frankfurt/Main : Suhrkamp, 1992. 732 p. ISBN 3-518-28601-3.
8. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации / Э. Гидденс ; пер. с англ. И. Тюрина. М. : Акад. проект, 2003. 525 с. ISBN 5-8291-0232-3.
9. Schütz A., Luckmann T. Strukturen der Lebenswelt. Bd I. Neuwied : UTB, 1975. 331 p. ISBN 3-472-72582-6.
10. Гофман И. Порядок взаимодействия / И. Гофман ; пер. с англ. А. Д. Ковалева // Теоретическая социология: антология. М. : Книжный дом «Университет»: CEU, 2002. Т. 2. С. 163–199.
11. Шюц А. О множественности реальностей / А. Шюц ; пер. А. Корбут // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 2. С. 3–34. EDN **TRRQVT**.
12. Жигунова Г. В. Повседневность как социальный феномен // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 8 (52). С. 56–71. DOI [10.12731/2218-7405-2015-8-4](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-8-4). EDN **ULUZSP**.
13. Грэхэм Дж., Беннетт Т. Стратегии предупреждения преступности в Европе и Северной Америке. Хельсинки : Европейский ин-т по предупр. преступности, 1995. 114 с.
14. Diekmann A. Die Präventivwirkung des Nichtwissens im Experiment // Zeitschrift für Soziologie. 2011. 40 Jg. N. 1. P. 74–84.

15. *Eisner M., Ribeaud D., Junger R., Meidert U.* Frühprävention von Gewalt und Aggression. Ergebnisse des Züricher Interventions- und Präventionsprojektes an Schulen. Zürich/Chur : Rüegger Verlag, 2008. 260 p.
16. Vorsicht Sicherheit! Legitimationsprobleme der Ordnung von Freiheit: 26 wissenschaftlicher Kongress der Deutschen Vereinigung für Politische Wissenschaft / G. Abels [Hrsg.]. Baden-Baden : Nomos, 2016. 339 p.
17. *Калистратова Е. А.* Человек повседневности – «ансамбль практик» // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 1 (24). С. 82–89. EDN [ZEKHPF](#).
18. *Заборовская Ю. М.* Трансформация криминальной активности: современная тенденция роста преступности среди пенсионеров // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3(52). С. 173–181. DOI [10.51980/2542-1735_2023_3_173](#). EDN [ORGZTW](#).
19. *Давитадзе М. Д.* Бедность и нищета как криминогенные факторы преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 44–47. DOI [10.24412/2073-0454-2025-1-44-47](#). EDN [UKRHAY](#).
20. *Шестаков Д. А.* Преступный закон как парадокс криминологии закона // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 1 (20). С. 16–29. EDN [NCUHKH](#).
21. *Чекушкина Е. Н., Чекушкин А. Н.* Борьба с коррупцией в России: историко-правовые аспекты // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 1 (49). С. 52–60. DOI [10.21685/2307952520251316](#). EDN [NVSARN](#).
22. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 г. // МВД России : сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 20.02.2025).
23. *Бодрийяр Ж.* Система вещей / Ж. Бодрийяр ; пер. и вступ. статья С. Н. Зенкин. М. : РУДОМИНО, 2001. 168 с. ISBN 5-7380-0038-2. EDN [PWMMKJ](#).
24. *Ильин В. И.* Потребление как дискурс. СПб. : Интерсоцис, 2008. 446 с. ISBN 978-5-94348-049-2.
25. *Ellis D., Whyte D.* Redefining criminality: Public attitudes to corporate and individual offending (Briefing 16, July 2016). URL: www.crimeandjustice.org.uk (дата обращения: 14.07.2021).
26. *Мустафина Е. О.* Влияние рекламы на психику детей и подростков // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. С. 7–19. EDN [FWKIQA](#).
27. *Делез Ж.* Различие и повторение / Ж. Делез ; пер. с фр. Н. Б. Маньковской и Э. П. Юровской. СПб. : Петрополис, 1998. 384 с. ISBN 21-304551-66. EDN [TCNXLB](#).
28. *Бергер П., Бергер Б., Коллинз Р.* Личностно-ориентированная социология / П. Л. Бергер, Б. Бергер, Р. Коллинз ; пер. с англ. В. Ф. Анурина. М. : Акад. проект, 2004. 608 с. ISBN 5-8291-0403-2. EDN [QOCTFX](#).
29. *Дебор Г.* Общество спектакля / Г. Дебор ; пер. с фр. С. Офертаса, М. Якубович. М. : Логос, 1999. 224 с.
30. *Бодрийяр Ж.* Город и ненависть. URL: <https://textarchive.ru/c-1135560.html> (дата обращения: 15.06.2025).

Сведения об авторе

Т. В. Шипунова

доктор социологических наук, доцент
профессор
SPIN-код: [8352-7051](#)

Статья поступила в редакцию 18.06.2025; одобрена после рецензирования 20.08.2025; принята к публикации 05.11.2025.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.4.4.

SOCIAL CONTROL AS A RISK OF DEVIANTIZATION OF EVERYDAY PRACTICES

Tatiana Vladimirovna Shipunova

St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia,

t.shipunova@spbu.ru,

ORCID 0000-0002-9108-8647

For citation: Shipunova T. V. Social control as a risk of deviantization of everyday practices. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(4):86–102. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.4.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.4).

Abstract. The concept of social control is based on a narrow concept of control as a universal mechanism for combating social evil, which should ensure the social security of citizens. This approach has the following disadvantages: it narrows the subject of analysis and does not allow for taking into account the negative social effects of control and competition between different players. An alternative to this approach might be to consider control in terms of dominance-subordination relationships. Various institutions/communities/social groups act as full-fledged agents of social control in the broad sense. They promote their meanings and rules of behavior and use resources to make them habitual in everyday life. If meanings and values are destructive in nature, then deviantization of everyday practices occurs. The article examines the influence on the deviantization of everyday life of individual agents whose activities generate systemic and functional costs in the distribution of social benefits and social statuses (legislative and executive authorities, banks), as well as agents who impose values, attitudes, and patterns of behavior of the consumer society on the population. It is shown that in both cases the impact of control is negative and leads to the deviantization of everyday practices. Considering social control in a broad perspective allows us to outline the scope of responsibility of its agents and apply assessments of their activities in the categories of reputational damage, abuse of trust, moral duty, social justice, etc.

Keywords: social control, deviance, deviantization, everyday life, everyday practices, values of consumer society

REFERENCES

1. Macionis J. J. Sociology. 09th adition [Sociologiya. 9-e izd.]. Saint-Petersburg: Piter; 2004. 752 p. (In Russ.). ISBN 5-94723-649-4.
2. Sheley J. F. Criminology. 3 intern. edit. [Kriminologiya. 3. mezhdunar. izd.]. Moscow: Piter; 2003. 860 p. (In Russ.). ISBN 5-318-00489-X.
3. Bauman Z. Liquid vodernity [Tekuchaya sovremennost']. Saint-Petersburg: Piter; 2008. 240 p. (In Russ.). ISBN 978-5-469-00034-1.
4. Berger P. L., Luckmann T. The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge [Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya]. Moscow: Medium; 1995. 323 p. (In Russ.). ISBN 5-85691-036-2.
5. Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? Skizze einer konstruktivistischen Kriminalitätstheorie. *Criminological journall*. 1997;(2):83–155. (In Germ.).

6. Foucault M. “We must defend society”: A course of lectures given at the collège de France in the 1975–1976 academic year [«Nuzhno zashhishhat’ obshhestvo»: Kurs lektsij, prochtanny’x v Kollezhe de Frans v 1975–1976 ucheb. godu]. Saint-Petersburg: Nauka; 2005. 311 p. (In Russ.). ISBN 5-02-026848-8.
7. Luhmann N. Die wissenschaft der gesellschaft. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1992. 732 p. ISBN 3-518-28601-3.
8. Giddens A. The constitution of society. An outline of the theory of structuration [Ustroenie obshhestva. Ocherk teorii strukturacii]. Moscow: Akad. proekt; 2003. 525 p. (In Russ.). ISBN 5-8291-0232-3.
9. Schütz A., Luckmann T. Strukturen der lebenswelt. Bd I. Neuwied: UTB; 1975. 331 p. ISBN 3-472-72582-6.
10. Goffman E. Order of interaction [Poryadok vzaimodejstviya]. In: Theoretical sociology: anthology [Teoreticheskaya sociologiya: antologiya]. Moscow: Knizhny’j dom «Universitet»: CEU; 2002. Vol. 2. P. 163–199. (In Russ.).
11. Schütz A. On the plurality of realities [O mnozhestvennosti real’nostej]. *Sociological review*=*Sociologicheskoe obozrenie*. 2003;(2):3–34. (In Russ.).
12. Zhigunova G. V. Everyday life as a social phenomenon. *Modern research of social problems*=*Sovremennyy’e issledovaniya social’ny’x problem*. 2015;(8):56–71. (In Russ.). DOI [10.12731/2218-7405-2015-8-4](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-8-4).
13. Graham J., Bennett T. Crime prevention strategies in Europe and North America [Strategii preduprezhdeniya prestupnosti v Evrope i Severnoj Amerike]. Helsinki: Evropejskij in-t po predupr. prestupnosti; 1995. 114 p. (In Russ.).
14. Diekmann A. Die Präventivwirkung des nichtwissens im experiment. *Zeitschrift für Soziologie*. 2011;(1):74–84. (In Germ.).
15. Eisner M., Ribeaud D., Junger R., Meidert U. Frühprävention von gewalt und aggression. Ergebnisse des Züricher Interventions- und Präventionsprojektes an Schulen. Zürich/Chur: Rüeegger Verlag, 2008. 260 p. (In Germ.).
16. Abels G., eds. Vorsicht Sicherheit! Legitimationsprobleme der ordnung von Freiheit: 26. wissenschaftlicher Kongress der Deutschen Vereinigung für Politische Wissenschaft. Baden–Baden: Nomos; 2016. 339. (In Germ.).
17. Kalistratova E. A. Everyday man as an ensemble of practices. *Bulletin of liberal arts university*=*Vestnik gumanitarnogo universiteta*. 2019;(1):82–89. (In Russ.).
18. Zaborovskaya Yu. M. Transformation of criminal activity: the current trend in increase of crime among pensioners. *Vestnik of siberian law institute of the MIA of Russia*=*Vestnik sibirskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2023;(3):173–181. (In Russ.). DOI [10.51980/2542-1735_2023_3_173](https://doi.org/10.51980/2542-1735_2023_3_173).
19. Davitadze M. D. Poverty and poverty as criminogenic factors in crime. *Bulletin of the Moscow university of the ministry of internal affairs of Russia*=*Vestnik moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2025;(1):44–47. (In Russ.). DOI [10.24412/2073-0454-2025-1-44-47](https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-1-44-47).
20. Shestakov D. A. Criminal law as a paradox of criminology of law. *Criminology: yesterday, today, tomorrow*=*Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. 2011;1(20):16–29. (In Russ.).
21. Chekushkina E. N., Chekushkin A. N. The fight against corruption in Russia: historical and legal aspects. *Electronic scientific journal “Science. Society. State”*=*E’lektronny’j nauchny’j zhurnal «Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo»*. 2025;(1):52–60. DOI [10.21685/2307952520251316](https://doi.org/10.21685/2307952520251316).
22. Crime situation in Russia in january-december 2024. Ministry of internal affairs of the Russian Federation: [website]. Available at: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (accessed: 20.02.2025).

23. Baudrillard J. System of things [Sistema veshhej]. Moscow: RUDOMINO; 2001. 168 p. (In Russ.). ISBN 5-7380-0038-2.
24. Ilyin V. I. Consumption as discourse [Potreblenie kak diskurs]. Saint-Petersburg: Intersocis; 2008. 446 p. (In Russ.). ISBN 978-5-94348-049-2.
25. Ellis D., Whyte D. Redefining criminality: public attitudes to corporate and individual offending (Briefing 16, July 2016). Crimeandjustice: [website]. Available at: www.crimeandjustice.org.uk (accessed: 14.07.2021).
26. Mustafina E. O. The impact of advertising on the psyche of children and adolescents. *Issues of russian justice=Voprosy' rossijskoj yusticii*. 2021;(14):7–19. (In Russ.).
27. Deleuze G. Difference and repetition [Razlichie i povtorenie]. Saint-Petersburg: Petropolis; 1998. 384 p. (In Russ.). ISBN 21-304551-66.
28. Berger P., Berger B., Collins R. Person-oriented sociology [Lichnostno-orientirovannaya sociologiya]. Moscow: Akad. proekt; 2004. 608 p. (In Russ.). ISBN 5-8291-0403-2.
29. Debord G. Society of the spectacle [Obshhestvo spektaklya]. Moscow: Logos; 1999. 224 p. (In Russ.).
30. Baudrillard J. City and hatred. Textarchive.ru: [website]. Available at: <https://textarchive.ru/c-1135560.html> (accessed: 15.06.2025).

Information about the Author

T. V. Shipunova

Doctor of Sociology, Associate Professor

Professor

ResearcherID: [K-7100-2013](#)

Scopus AuthorID: [6504448987](#)

The article was submitted 18.06.2025; approved after reviewing 20.08.2025; accepted for publication 05.11.2025.

ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ВУЗОВСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ

Дмитрий Юрьевич Нархов

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
d_narkhov@mail.ru,
ORCID 0000-0002-0104-7324

Для цитирования: Нархов Д. Ю. Поколенческие ресурсы вузовских образовательных общностей и их влияние на развитие университетской науки // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 4. С. 103–126. DOI 10.19181/snsp.2025.13.4.5. EDN SKKKMB.

Аннотация. Задача активизации участия университетской науки в обеспечении устойчивого развития страны – актуализировать проблему поиска новых источников развития вузовской науки и её социального пространства. К таким источникам относятся ресурсы общностей вузов: образовательных – научно-педагогических работников, административно-управленческих работников, студенчества и поколенческих – молодого, среднего и старшего поколений. Цель статьи: анализ влияния поколенческих ресурсов вузовских образовательных общностей на развитие университетской науки. Методологическим основанием являются поколенческий, общностный и ресурсный подходы. Эмпирические данные получены на основании анализа статистики Минобрнауки РФ и мониторинга системы высшего образования, двух волн экспертных интервью с сотрудниками вузов Уральского федерального округа (общее количество информантов – 115). Разрабатывается структура поколений вузовских образовательных общностей, приводятся их количественные характеристики и распределения поколенческих групп в них. Объясняются причины преобладания среднего поколения над молодым и старшим в общностях сотрудников вузов. Показано сохранение недостаточной наукопригодности студенчества. Анализируется структура ресурсного потенциала образовательных общностей. На основании результатов экспертных интервью вскрыт дисбаланс научных ресурсов и сохранение условий для разрастания академических девиаций. Предложены типологические основания изучения характера влияния ресурсного потенциала поколенческих общностей и групп на развитие университетской науки и соответствующий инструмент – функциональный анализ поколений в вузе. Сформулировано заключение об ограниченности условий межобщностного ресурсного обмена и конвертации ресурсов в процессах научно-исследовательского взаимодействия общностей, сдерживающих развитие университетской науки. Сделан вывод о ресурсном потенциале поколенческих общностей как характеристике стратегического порядка, ядром которого является потенциал научных школ. Последние являются пространством оптимального взаи-

модействия образовательных и поколенческих общностей, в результате которого достигается синергетический эффект от совместного использования ресурсов разных поколений в научной деятельности.

Ключевые слова: вузовские образовательные общности, научно-педагогические работники, административно-управленческие работники, студенчество, поколенческие общности, взаимодействие, поколенческие ресурсы, научные ресурсы, университетская наука

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта «Межпоколенческие и внутривоколенческие взаимодействия в российском университетском сообществе XXI в.: от кризиса к консенсусу» по гранту Российского научного фонда № 25-18-00206, URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00206/>.

Введение

Обращение к проблеме развития университетской науки связано с требованием государственной научно-технологической политики более активного, чем существующее, участия вузов в обеспечении технологической независимости и устойчивого развития страны, её федеральных округов (макро-регионов) и отдельных субъектов РФ¹. Попытки преодолеть негативные последствия «всеобщей университетизации страны» и вывести вузовскую науку на позиции мирового лидерства через поддержку части передовых вузов (Проект 5-100) дали определённый положительный импульс, но не достигли намеченной цели. Одним из результатов стало усиление неравенства между вузами «ядра», «полупериферии» и «периферии» [1, с. 247], в разной степени способных реализовать три основные миссии университетов – образовательную, научную, социальную.

Новая геополитическая ситуация и неоптимальные способы управления университетской наукой и её ресурсным потенциалом усугубили накопленные противоречия и привели к ситуации неготовности этой сферы вузовской деятельности к условиям жёстких санкций [2, с. 132].

Действующая программа «Приоритет-2030», в которой начиная с 2021 года принимают участие более 160 вузов из 56 регионов РФ (в 2025 году это 119 вузов страны)², позволила получить ряд позитивных результатов в развитии университетской науки [3]. Тем не менее, существующая ситуация всё же даёт основания говорить о проблеме ограниченности возможностей вузовских образовательных общностей в реализации функции обеспечения технологического суверенитета страны и её отдельных регионов, равно как и о необходимости поиска новых источников развития университетской науки.

---

¹ Научно-технологическое развитие Российской Федерации. Гос. программа РФ (в ред. от 09.12.2022 № 2272). Пост. Правительства РФ от 29.03.2019 № 377 // Правительство РФ : сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/121449/> (дата обращения: 03.11.2024).

² Приоритет : официальный сайт. Москва. URL: <https://priority2030.ru/> (дата обращения: 03.06.2025).

К таким источникам относятся ресурсы вузовских общностей – образовательных (научно-педагогических работников (НПР), административно-управленческих работников (АУР), студенчества¹) и поколенческих (молодое, среднее и старшее поколения). Исследование активности этих социальных субъектов в университетском научном пространстве, возможности использования их ресурсного потенциала для развития университетской науки могут быть основанием для новых подходов к решению проблемы преодоления противоречия между ограниченностью ресурсов поколений вузовских образовательных общностей и необходимостью их вовлечения в развитие университетской науки.

Объектом исследования являются поколенческие и образовательные общности вузов, предметом – их ресурсный потенциал в развитии университетской науки.

Цель статьи состоит в анализе влияния поколенческих ресурсов вузовских образовательных общностей на развитие университетской науки.

Исследовательские задачи: определение понятия «поколение вузовских образовательных общностей» и границы поколений; характеристика структуры научных ресурсов поколений вузовских образовательных общностей; выявление характера влияния ресурсов поколений на развитие университетской науки.

Теоретическая рамка

Исследование влияния поколенческих ресурсов вузовских образовательных общностей на развитие университетской науки требует обращения к трём группам теорий.

Первая из них – теории поколений, в рамках которых сформировался основной комплекс трактовок поколений как специфической социальной структуры. К. Мангейм отметил, что возрастные группы могут рассматриваться как общность, если они не просто сосуществуют в одном местоположении и в рамках одного временного диапазона. Условием бытия поколений он полагал необходимость их участия «в общей судьбе данной исторической и социальной общности» [4, с. 36], тем самым фиксируя взаимодействие как важнейшее условие существования поколенческих общностей. Методологические подходы К. Мангейма получили развитие в работах Дж. Пилчер. Она исследовала проблему различения возрастных и социальных оснований выделения и социологического изучения поколений и способ её решения через определение соотношения их качественных (идентичность, опыт, практики) и количественных (численность, возраст) параметров [5].

Теории поколений получили развитие благодаря исследованиям У. Штрауса и Н. Хоува [6], которые предложили градации поколений в рамках конкретных исторических диапазонов и составили социокультурные портреты поколений.

¹ Автор не рассматривает вспомогательные вузовские общности (учебно-вспомогательных, хозяйственных и т. п. работников), поскольку они не включены в непосредственную научную деятельность.

Их работы послужили отправной точкой «буквенно-цифровой» традиции исследования поколений (от «великого» поколения до поколений X – Y – Z и далее).

Руслу этой традиции следовали российские учёные последнего времени, в особенности изучающие молодёжь [7–10], российских профессионалов, к которым принадлежат НПР и АУР вузов [11], студенчество [12]. Последнее изучалось в разрезе его ценностного мира, социального самочувствия, процессов профессионализации, отношения к учебной и внеучебной жизни, способов формирования социального капитала, связи со старшими поколениями, а также «цифрового портрета» [13] «поколения Z».

Вторая группа теорий охватывает проблематику социальных общностей. Её базовые положения сформированы Ф. Тённисом [14]. Из многообразия западного социологического наследия необходимо отметить позицию Я. Щепаньского, который видел в социальной общности «все объединения людей, в которых создана и сохраняется, хотя бы в течение очень короткого периода, определённая социальная связь» [15, с. 117]. Соотнесение этого определения с выделяемыми учёным социальными «кругами коллег» или «обучающихся на одном курсе или в одном учебном заведении» [15, с. 122] выводит нас на понятия профессиональных, образовательных и поколенческих общностей в вузе.

Существенный эвристический потенциал сохраняют положения теории структуризации Э. Гидденса [16] в части межобщностных и внутриобщностных связей и воспроизводимых социальными агентами социальных практик. На основе его теории возможен анализ практик социального участия поколенческих и образовательных общностей вузов в развитии университетской науки.

В российской социологии значительный вклад в разработку теории социальных общностей внесён В. А. Ядовым [17], Г. Е. Зборовским [18] и их последователями. Мы будем опираться на постулаты теории социальной общности [19, с. 175–178], общностнообразующие признаки [19, с. 188] и определение образовательной общности.

Для изучения заявленной проблемы особое место занимают два тезиса теории социальной общности. 1. Признание возможности участия людей в разных типах общностей одновременно в силу разнообразия их деятельности. На этом основании базируется возможность изучения взаимно пересекающихся групп в общностях НПР, АУР и студенчества, равно как и исследование поколенческих общностей, объединяющих в себе их группы. 2. Одним из общностнообразующих признаков выступает разнообразие и объём принадлежащих или контролируемых общностью ресурсов, которые могут и используются для реализации её социальных функций, в том числе и воспроизводства университетской науки.

Изучение ресурсного потенциала изучаемых общностей ведётся на основании положений *третьей группы социологических теорий* – множественности ресурсов и капиталов [20–22], ресурсного обмена [23] и ресурсной зависимости [24].

Положения теории множественных ресурсов позволяют выделить ресурсные комплексы изучаемых общностей, включающие группы научных,

финансово-материальных, социальных, социокультурных, символических и иных. Как особый тип социальных взаимоотношений можно рассматривать капиталы образовательных и поколенческих общностей через составляющие их ресурсы.

Теория ресурсного обмена даёт основания для изучения процессов наращивания и (или) расходования общностных ресурсов в ходе их взаимодействия в университетском научном пространстве и фиксации результатов развития, стагнации или кризиса научной деятельности в вузах.

Теория ресурсной зависимости объясняет свойства ресурсов быть источником власти. Её положения выступают основанием для выявления возможностей вузов как социальной организации и (или) отдельных социальных структур, действующих в университетской среде, оказывать влияние на агентов взаимодействия путём ресурсного обмена, с позиций участия в научно-исследовательской деятельности. Такими структурами являются каждая из изучаемых нами общностей.

В российской социологии положения ресурсного подхода активно разрабатывались В. В. Радаевым, [25], Н. Е. Тихоновой [26] и её соавторами [11]. Ресурсный потенциал территориальных общностей, их социальные ресурсы в пространственно-временном ракурсе исследовались Ю. А. Дроздовой [27]. Особое значение для нас имеет комплекс публикаций, в которых разработаны теоретико-методологические положения ресурсности общности научно-педагогического сообщества вузов [28; 29]. Представления этих авторов о структуре и характере использования ресурсов применены для изучения ресурсных потенциалов вузовских поколенческих и образовательных общностей.

Для вузовских образовательных общностей научное, образовательное и научно-образовательное знание составляет фундамент социального контекста их существования. Поэтому в качестве дополнительных нами будут привлекаться концепции научного и образовательного знания, в частности, представления М. Шелера [30].

Кроме названных, для исследования имеют значения концепции, затрагивающие изучение вузовских образовательных общностей и их поколенческих групп как субъектов научной деятельности, в которых рассматриваются конкретные проблемы их функционирования в университетском научном пространстве. Они касаются проблем исследовательской культуры студенчества [31], возрастных групп НПР [32], управления вузовской наукой [33], профессиональных династий в академической среде [34], межпоколенческого взаимодействия вузовских учёных [35] и др.

Эмпирическая база

Источниковой базой избраны вузы Уральского федерального округа (УрФО) – макрорегиона с высокоразвитой университетской, академической и социально-экономической структурой, типичной для нестоличных

федеральных округов. В 2024 году в округе насчитывалось 87 вузов, включая 40 филиалов¹, 73 государственных и муниципальных, 14 частных. В УрФО расположены: один федеральный университет, один национальный исследовательский университет, два опорных университета, три – участника проекта «5-100», 10 – программы «Приоритет-2030»². Структура высшего образования округа отличается неравномерным распределением университетов и, соответственно, образовательных общностей по субъектам округа. В Свердловской области располагается 22 головных вуза, учится 125,9 тыс. студентов, работает 8,79 тыс. НПР и 3,7 тыс. АУР, в Челябинской области – 13 головных вузов, 83,93 тыс. студентов, 5,36 тыс. НПР, 2,28 тыс. АУР. В Тюменской области и ХМАО – по 5 вузов, в Курганской области – 2. ЯНАО располагает единственным филиалом с 92 студентами, поэтому данные по этому региону не учитываются.

Общая численность изучаемых вузовских общностей УрФО в 2024 году составила:

- НПР – 19 534 человека, включая 5 125 внешних совместителей³;
- АУР – 8 329 человек, в том числе 343 внешних совместителей⁴;
- студенчества – 292 659 человек⁵.

Эмпирической основой являются материалы, полученные в результате анализа статистических данных и качественных исследований.

1. Для характеристики поколенческих групп использовались статистические данные Минобрнауки РФ (своды ВПО-1 за 2024 год, далее – «Своды»)⁶ и ежегодного мониторинга эффективности вузов⁷ (далее – «Мониторинг»).

2. Особенности ресурсного потенциала образовательных общностей выявлялись в ходе исследования «Проблемы и перспективы взаимодействия образовательных общностей в научном пространстве вузов УрФО», 2024–2025 гг. Серия полуструктурированных интервью с НПР и АУР двух типов: экспертов (Э, N=43) и информантов (И, N=32). В качестве экспертов отбирались доценты,

¹ Автор не включает в совокупность исследуемых объектов филиалы и вузы, ведущие подготовку специалистов в интересах военных и других силовых структур.

² Полный список вузов «Приоритет-2030» по федеральным округам РФ // Поступи-онлайн : сайт. URL: <https://clck.ru/3MiXco> (дата обращения: 11.06.2025).

³ Рассчитаны как совокупность профессорско-преподавательского состава и научных работников.

⁴ Рассчитаны как совокупность руководящих работников, включая деканов (директоров институтов), заведующих кафедрами и административных работников. Данных о численности руководителей образовательных программ в статистике Минобрнауки РФ не выявлено.

⁵ Учитываются студенты образовательных программ бакалавриата, специалитета, магистратуры.

⁶ Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Министерство науки и высшего образования РФ : сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 12.06.2025).

⁷ Мониторинг деятельности организаций высшего образования. Характеристика системы высшего образования в РФ // МИРЭА. Главный информационно-вычислительный центр : сайт. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo> (дата обращения: 01.06.2025).

профессора, зав. кафедрами, деканы факультетов и директора институтов, руководители структурных подразделений, проректоры по науке с опытом исследовательской работы от 10 до 40 лет. Информантами выступали НПП и АУР с опытом исследовательской деятельности или управления научной работой более трёх лет, студенты выпускных курсов и аспиранты.

Интервьюирование проводилось с сотрудниками университетов Свердловской, Челябинской, Тюменской областей и ХМАО следующих типов: федеральный, национальный исследовательский, опорный университеты; вузы, имеющие специфику подготовки кадров для экономики и социальной сферы (медицинские, технические, аграрные, архитектурный вузы и др.).

3. Для выяснения характера влияния поколенческих ресурсов на развитие науки в вузах использовались результаты исследования «Межпоколенческие и внутрипоколенческие взаимодействия в университетском сообществе УрФО XXI в.», 2025 год (НПП, n=20; АУР, n=20)¹. Отбор респондентов – в соответствии с репрезентативной моделью по признакам региона, типа вуза (статусный/не статусный), распределения по направлениям подготовки (естественнонаучное и инженерно-техническое, социальное и гуманитарное), поколениям (молодое, среднее, старшее), должностям НПП и управленческому уровню (высшее руководство, руководство среднего и низшего уровня).

Результаты

1. Структура поколений вузовских образовательных общностей

Изучение поколенческой структуры требует определения базовых понятий.

Вузовское (университетское) сообщество представляет собой разнородную и полисубъектную социальную структуру – реально существующую, эмпирически фиксируемую и самовоспроизводящуюся на основе формальных правил и традиций взаимосвязь (совокупность) поколенческих и основных образовательных общностей высшей школы и групп внутри них, обладающих общим значимым основанием для совместной деятельности – реализации образовательной, научной и социальной миссий высшего образования.

Общности НПП и АУР рассматриваются нами как социально-профессиональные совокупности (взаимосвязи) сотрудников высшей школы. Для первых основными видами профессиональной деятельности являются образовательная и научная, для вторых – руководство и администрирование вузовской деятельности. Специфика НПП заключается в центральном положении в структуре университетского научно-образовательного пространства. Особенность

¹ Использованы данные, полученные научным коллективом указанного выше гранта. Руководитель: д.ф.н., проф. Г. Е. Зборовский, участники: д.с.н., проф. П. А. Амбарова, д.с.н., проф. Н. Б. Костина, д.с.н., доц. Н. В. Шаброва, к.с.н., доц. Д. Ю. Нархов, к.с.н. А. А. Дроздова, к.с.н. Е. В. Кеммет, ст. преп. Д. А. Гладырев, студенты В. Р. Нопина, С. А. Егорова.

общности АУР состоит в том, что преподавание и наука для неё является объектом управления, а для части управленцев – дополнительной профессиональной деятельностью.

Общность студенчества представляет собой совокупность (взаимосвязь) людей, участвующих в научно-образовательном процессе высшей школы в качестве обучающихся по программам высшего профессионального образования. Её важное свойство – незавершённость общекультурной, научной и профессиональной социализации как будущих работников интеллектуального труда.

Поколенческая структура университетского сообщества недостаточно разработана. Идущий от Штрауса и Хоува [6] «буквенно-цифровой» подход к поколенческим исследованиям не подходит для поставленных нами задач исследования, поскольку изначально не нацелен на фиксацию «текущего момента», необходимого для определения количественных характеристик изучаемых общностей и определения роли поколенческих структур в развитии университетской науки.

Поколения в высшем образовании целесообразно рассматривать в двух курсах. Первый – возрастной (когортный), предполагающий изучение специфики отдельных возрастных групп в рамках образовательной общности. Вторым – общностный. Поколенческую общность высшего образования можно определить как относительно единое и самостоятельное объединение (взаимосвязь) близких по возрасту представителей университетского сообщества, обладающих схожими социокультурными характеристиками (ценностями, интересами, потребностями) и общими функциями в системе поколенческих отношений вуза.

Каждую из образовательных общностей (НПР, студенчества и АУР) можно представить в виде сложной поколенческой социальной структуры, состоящей из групп-поколений молодых, средних и старших возрастов, имеющих свою структурную и функциональную специфику. Анализ нормативных требований¹ и статистических данных Минобрнауки РФ даёт основания выделить общие для НПР и АУР границы поколений, а также рассчитать их общую численность:

- молодое, до 35 лет, а при наличии учёной степени – до 39 лет;
- среднее, от 35 до 55 лет;
- старшее, от 55 лет и более.

По состоянию на 2024 год общность НПР России насчитывает 309 425 чел., из них молодое поколение – 57 735 чел., среднее поколение – 151 280 чел., старшее – 100 410 чел. Общность АУР в этот же год насчитывала 110 021 чел., в её составе молодое поколение – 26 338 чел., среднее – 54 618, старшее – 29 065 чел.²

¹ Об утверждении методики расчёта показателей мониторинга системы образования. Приказ Минобрнауки России от 11.06.2014 № 657 (ред. от 18.12.2019). Показатель 4.3. Кадровое обеспечение // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://clck.ru/3LngYf> (дата обращения: 02.06.2025).

² Расчёт автора. Источник: Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Минобрнауки России : сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 12.06.2025).

При том, что границы поколенческих групп в общностях НПР и АУР совпадают, вычислить суммарную численность поколений в этих группах вряд ли возможно в силу специфики статистического учёта ВПО. Так, управленцы среднего управленческого звена (деканаты, директора институтов и департаментов, заведующие кафедрами) учитываются в составе ППС.

На 01.01.2024 студенчество РФ насчитывало 4 431 687 чел.¹ Заметный рост в составе студенческой общности представителей старших возрастных групп, отсутствие нормативных ограничений, а также особенности ведомственной статистики позволяют определить границы поколений студенчества в иных рамках:

- молодое, до 25 лет (их численность на ту же дату – 3 443 996 чел.);
- среднее, от 25 до 40 лет (811 560 чел.);
- старшее, 40 лет и более (176 131 чел.)².

Распределение поколенческих групп в общностях рассчитано по данным Сводов и представлено на рисунках 1–3.

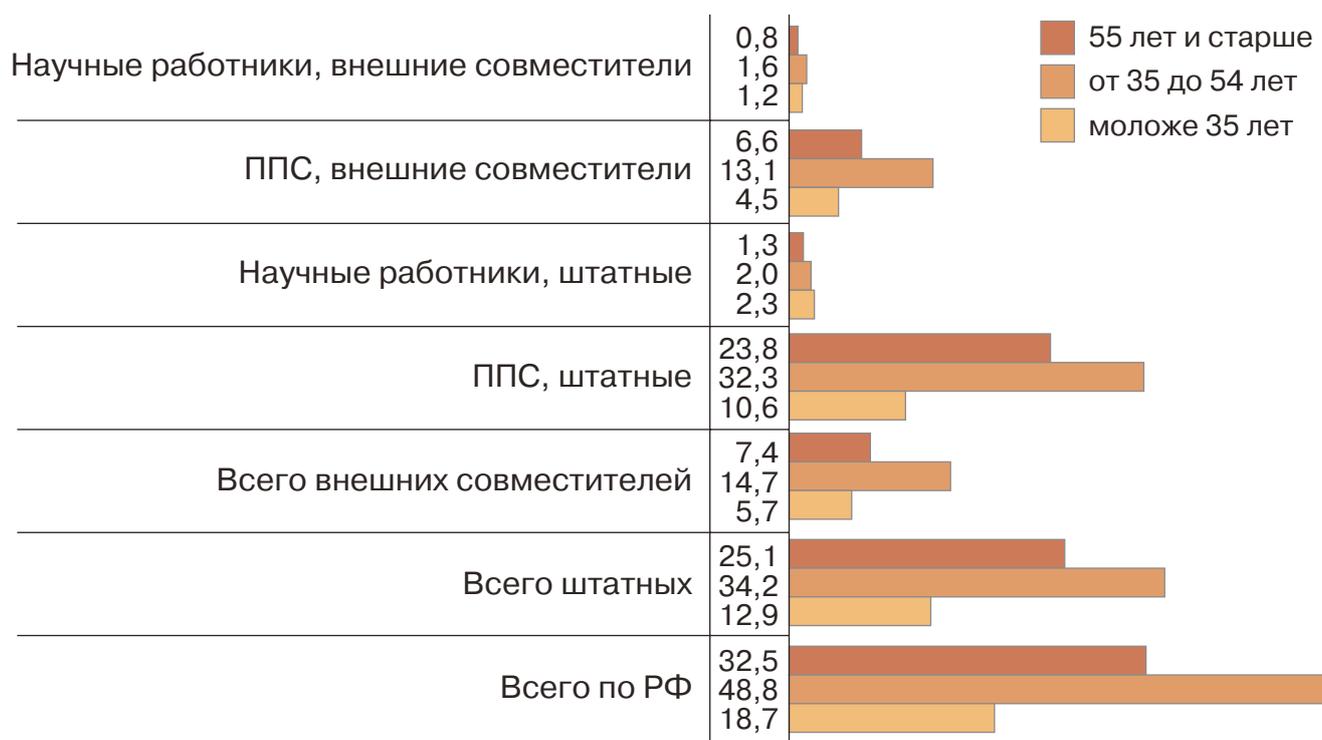

Рис. 1. Распределение поколенческих групп в общности НПР, 2024 г., % от общей численности общности в РФ

¹ Источник: Мониторинг деятельности организаций высшего образования. Характеристика системы высшего образования в РФ // ГИВЦ : сайт. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo> (дата обращения: 01.06. 2025).

² Расчёт автора. Источник: Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Минобрнауки России : сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 12.06.2025).

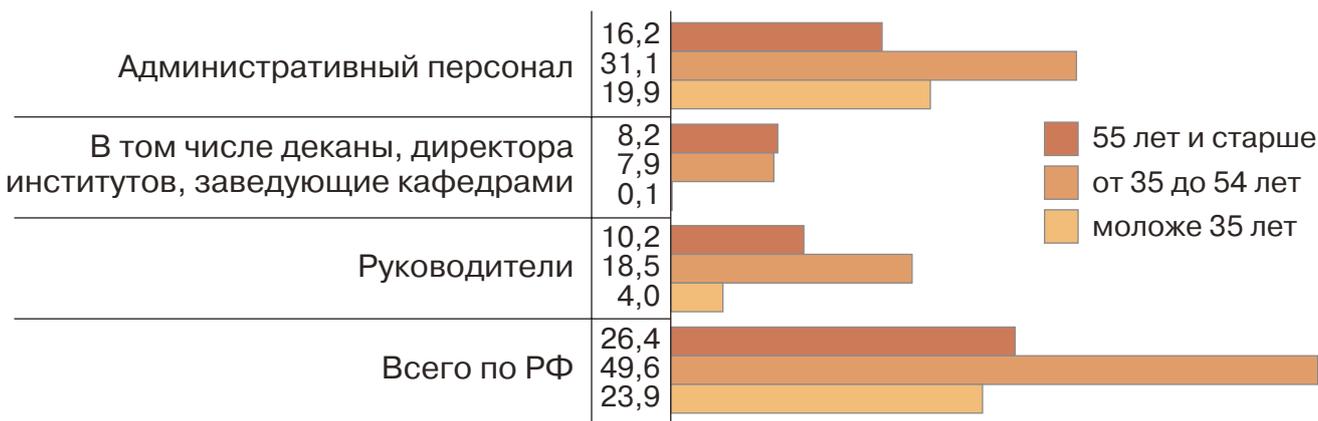

Рис. 2. Распределение поколенческих групп в общности АУР, 2024 г., % от общей численности общности в РФ

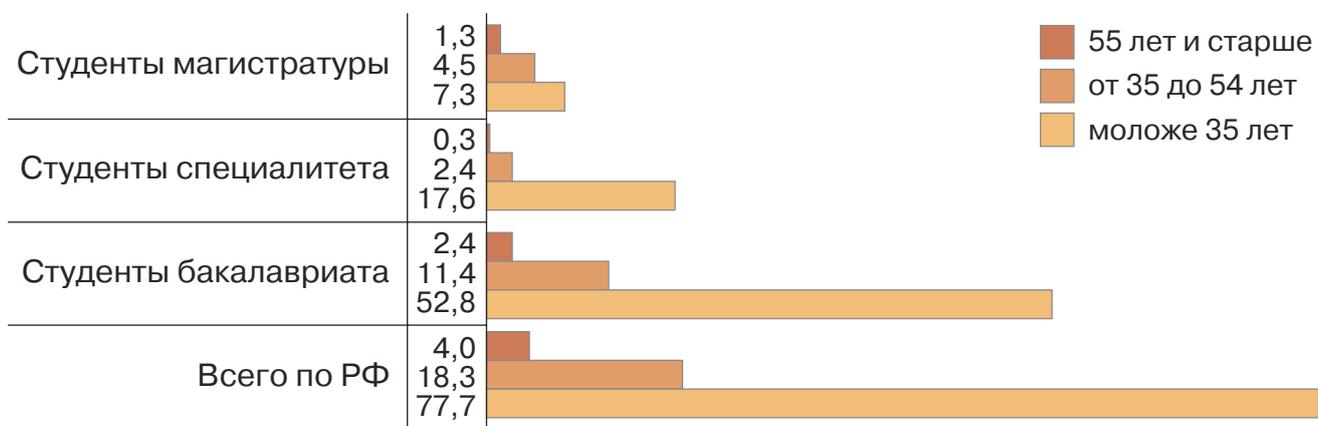

Рис. 3. Распределение поколенческих групп в студенческой общности, % от общей численности общности в РФ на 01.01.2024

В общностях НПР и АУР наблюдается преобладание средних и «отставание» численности младших возрастных групп. Объясняет этот факт ряд причин. Первая заключается в неравенстве периодов профессиональной активности в этих группах: для младшей он не превышает 10 лет (считая от возраста окончания вуза и вхождения в профессию), для средней – 20–35 лет, для старшей – 35 лет и более. Её мы считаем важной, поскольку вузовские общности являются самовоспроизводящимися структурами, для которых характерно длительное нахождение в профессии [36, с. 251].

Вторая причина – специфика вузовской профессиональной деятельности. Большая часть нагрузки в реализации научно-образовательных миссий университета традиционно лежит на корпусе доцентов – кандидатов наук [36, с. 263], преобладающих в численности среднего поколения НПР. Для АУР наблюдается схожая картина: средняя поколенческая группа более всего включена в управление самого массового в вузе «среднего уровня» (специалисты блоков проректоров, директора институтов и их заместители и др.). Обращает на себя внимание практически полное отсутствие молодёжной группы в составе АУР

среднего управленческого уровня как следствие недостатка управленческого КРІ, необходимого для занятия руководящих позиций.

Третья причина – длительность подготовки научно-педагогических кадров в сочетании с системой вузовской оплаты труда. Занимаемые в большинстве своём младшими группами НПР и АУР низкооплачиваемые должности сочетаются со сложностью продвижения по карьерной лестнице. Главный ограничитель для преодоления этого препятствия – отсутствие научной степени. Сложность в её получении сочетается с высоким потенциалом молодёжных групп к горизонтальной профессиональной мобильности, что снижает базу для воспроизводства и НПР, и АУР.

Исключение составляет небольшая группа вузовских штатных научных работников, в которой преобладают представители молодого поколения (см. рис. 1). Так проявилась политика на омоложение НПР вузов, в том числе и путём создания молодёжных научных лабораторий. В УрФО в 2024 году действовало более 40 таких лабораторий. Только в Уральском государственном медицинском университете их девять.

Студенчество остаётся в основном молодёжной общностью, более всего обучающейся в бакалавриате. Именно эта общность представляет собой базу для пополнения кадров университетской науки, впрочем, сильно ограниченную. Это связано с особенностью социализации современной молодёжи в условиях общества неопределённости, выражающейся в коротком горизонте планирования жизненных стратегий, чаще всего не далее 4–5 лет. Кроме этого, профессиональные стратегии студентов более ориентированы на обеспечение высокого качества жизни, а потому и на рабочие места с высоким уровнем дохода. В итоге, по утверждениям наших респондентов, заинтересованных в науке как профессии, в студенческой общности находится не более 5–10% от численности академических групп. *«Единицы подходят к ней [науке] серьёзно, не на последних курсах, а развиваются от года к году. В основном наука студенческая завязана на нужды студента, сиюминутной сдачи экзаменов, [...] на получение дополнительных возможностей, финансов, а не как своё развитие в науке»* (Э-2, м., д-р мед. наук, доцент).

Далее обратимся к анализу ресурсного потенциала поколений вузовских образовательных общностей.

2. Ресурсный потенциал поколений вузовских образовательных общностей

Ресурсный потенциал научно-исследовательской деятельности целесообразно рассматривать в виде сложной системы взаимосвязей комплексов средств, запасов, резервов и сил, которые могут быть привлечены и находятся в непосредственном использовании в научных целях их носителями – распоряжающимися или контролирующими их общностями. Поскольку ресурсы включены в процессы их капитализации, постоянного движения и конвертации, ресурсный потенциал университетской науки можно рассматривать как сложную,

динамичную социальную систему, основная цель которой – производство, трансляция, распространение и использование научного знания.

В рамках этой системы устанавливаются диспозиции и взаимосвязи между отдельными элементами научно-исследовательского потенциала, типами ресурсов и их носителями: индивидами, группами, общностями, организациями.

Постулат теории социальной общности о том, что люди одновременно входят во множество общностей, даёт основания сделать заключение, что поколения вузовских общностей обладают теми же ресурсами, что и общности НПР, АУР и студенчества. Существенная разница заключается в объёме контролируемых молодыми, средними и старшими поколениями ресурсов.

Центральное место в системе ресурсного потенциала занимают научные ресурсы. Также имеют значение другие типичные для вузовских общностей ресурсы: культурные, демографические, материально-технические, финансовые, темпоральные, информационные, управленческие, социальные, символические, коммуникативные и даже ресурсы здоровья. Каждый из них может влиять на состояние университетской науки и её результативность, однако наше внимание сосредоточено на первом типе.

Научные ресурсы предлагается определять как комплекс ресурсов, обеспечивающих возможность непосредственной научной деятельности. Наиболее ценный вид ресурса этого типа – научное знание, методология и технологии его генерирования и применения. При том, что научное знание имеет выраженную специфику для каждой из наук, именно оно составляет ядро деятельности научно-образовательных общностей и главный объединяющий в такие общности людей признак.

В комплекс научных ресурсов также входит множество других их видов. Обратим внимание на наиболее важные из них.

Интеллектуальные ресурсы – способность генерировать научные знания, находить нестандартные решения и получать существенные научные результаты. Их ценность состоит в способности к саморегуляции и самовоспроизводству.

Научные интересы – основной мотивирующий фактор участия в научных проектах, который «отвечает» за выбор научной отрасли, научной проблематики и степень вовлечённости конкретного исследователя в разнообразные научные практики. Научные интересы лежат в основе формирования разнообразных коллективов исследовательских проектов, в том числе выступают консолидирующим основанием научных школ.

Публикационные ресурсы – способность представлять полученные результаты НИР в виде научных публикаций. Отражают умение преобразовывать исследовательский опыт в научные тексты, ориентироваться в мире научной издательской деятельности, выбирать издателей и сотрудничать с ними, продвигать собственные труды, труды своих коллег и коллективов.

Профессионально-этические ресурсы – комплекс профессиональной этики исследователей, совокупность моральных принципов и норм, регулирующих поведение НПР, АУР и студенчества в групповом и межобщностном

взаимодействии, а также распространяющих влияние на взаимодействие университетского сообщества с местными сообществами.

Инновационные ресурсы – способность трансформации результатов научно-исследовательской деятельности в плоскости их практического применения и коммерциализации в общественно-экономическом пространстве социума. Эти ресурсы обеспечивают процессы опытно-конструкторской и производственно-внедренческой деятельности вузов и охватывают области создания новых материалов, технологий, продуктов и услуг.

Центральная функция поколенческих групп в науке – трансфер культуры научной деятельности от поколения к поколению. Её реализация возможна только путём взаимодействия в университетском научном пространстве, что даёт основания рассматривать такое взаимодействие как отдельный вид научного ресурса. Он является особым социальным ресурсом, проявляющим себя в совместной исследовательской деятельности в разных её формах. К таким формам относятся: обучение науке в рамках обязательной образовательной программы и во внеучебное время, в студенческих научных обществах; коллективные научные проекты, деятельность научных ассоциаций, научных школ и т. д.

Научные ресурсы могут быть сбалансированными, обеспечивающими функционирование и развитие университетской науки как социального института, а также находиться в состоянии рассогласованности, обусловленном дефицитом отдельных типов ресурсов. В последнем случае наблюдаются институциональные дисфункции в сфере вузовской науки и «разрастание» академических аномалий [37].

Один из самых распространённых дисбалансов – между публикационными и профессионально-этическими ресурсами. Рынок коммерческих научных изданий явился откликом на административное давление на НПП с целью обеспечения запредельных научных показателей. Как результат, негативный опыт «научных симуляций» транслируется от представителей «поколения 1990-х» (с их ценностной аномией) к молодым учёным, которые *«чтобы держать какие-то показатели, вынуждены какие-то фейковые публикации делать <...> в каких-то помоечных изданиях»* (Э-7, м., канд. физ.-мат. наук, зам. директора института по научной и инновационной деятельности). Далее этот формат распространяется на общность студентов [38, с. 189; 39]. Тем самым создаётся «контур аномального подражания» как способ взаимодействия в сфере разных наук.

Наличие подобных множественных дисбалансных состояний в ресурсном потенциале университетской науки актуализирует вопрос о влиянии ресурсов вузовских поколений на развитие университетской науки.

3. Характер влияния ресурсного потенциала поколенческих общностей и групп на развитие университетской науки

Типологическими основаниями изучения ресурсности научно-исследовательской деятельности, научного взаимодействия поколенческих групп

вузовских образовательных общностей и, соответственно, их влияния на развитие университетской науки, выступают:

- научно-исследовательский потенциал;
- отношение к науке как ценности: инструментальная (ориентированная на достижение предписанных показателей и вознаграждения за него) или терминальная (ориентированная на получение и распространение нового научного знания);
- характер межобщностного и внутригруппового взаимодействия: солидарность (консенсус) и сотрудничество, независимое сосуществование в рамках академической культуры либо противоречия, конфликты и кризис, а также «здоровая» или «нездоровая» конкуренция.

В качестве инструмента выявления степени влияния ресурсного потенциала поколенческих общностей и внутриобщностных групп на развитие вузовской науки может быть предложен функциональный анализ поколений в вузе. Сравнение функциональных характеристик поколений АУР и НПР приведено в таблице 1.

Таблица 1

Сравнение функций трёх поколений АУР и НПР ¹

Поколения	Содержание функций поколения управленцев	Содержание функций поколения НПР
Молодое поколение	<ul style="list-style-type: none"> • Основные исполнители текущей (рутинной) работы • Кадровый потенциал университетского управления • Социальная база кадровых показателей • Инноваторы–катализаторы изменений 	<ul style="list-style-type: none"> • Кадровый и научный резерв • Креативщики-инициаторы научных идей и инноваций • Исполнители-измерители текущей (рутинной) научной работы • Тьюторы
Среднее поколение	<ul style="list-style-type: none"> • «Научно-образовательные менеджеры» – агенты государственной политики • «Проектанты» – разработчики стратегии развития вуза, его подразделений и направлений • Создатели и контролёры институциональных основ университетского управления 	<ul style="list-style-type: none"> • Основные исполнители научно-образовательного труда • Социальная база воспроизводства академического сообщества (поддержка устойчивой системы академических отношений и взаимодействий, распределение человеческого капитала в вузе) • Отбор инноваций в рамках научной культуры
Старшее поколение	<ul style="list-style-type: none"> • Носители и распространители уникального управленческого опыта • Коммуникаторы: а) внутри вуза; б) между вузом, властью, бизнесом и социумом, включая местные сообщества • Наставники 	<ul style="list-style-type: none"> • Распространители и контролёры академической культуры (традиций, опыта, морали) • Академические коммуникаторы (в вузе и в рамках научных организаций и направлений) • Носители символического капитала • Наставники

¹ Составлено по: инструментарий эмпирического исследования названного выше гранта.

В студенческой общности заметной разницы в ресурсном потенциале молодого, среднего и старшего поколений не выявлено, поскольку, как отмечено выше, костяк общности – это студенты бакалавриата, которым в большинстве доступна лишь учебно-научная исследовательская деятельность в рамках академических или факультативных занятий. К тому же их ресурсность ограничена спецификой «цифровой социализации». *«Наукопригодность студенчества изменилась. И в наше время не все же могли заниматься наукой. Я думаю, как раз не поменялся процент наукопригодности. Студенты стали другими. Они, наверное, больше информированы в чём-то, чем мы. Ну вот где-то глубины знаний сильно не хватает»* (Э-11, м., канд. филол. наук, доцент, издатель).

Тем не менее, вклад студенчества в университетскую науку состоит в том, что оно остаётся основной социальной базой вузовской науки. Для успешного трансфера ресурсного потенциала студенческой общности в сферу науки недостаточно только материального (финансового) стимулирования, которое активно применяется в отношении молодых учёных. Эксперты говорят о необходимости восстановления традиции воспитания учёных, что требует значительного времени. *«Сейчас и срочно надо все силы прикладывать, чтобы ребята молодые здесь у нас были, чтобы им нравилось. И тут даже не квартира, не деньги. <...> Дело в том, что у нас у воспитательного процесса не стало, высокой цели. Мгновенно тут ничего не сделать, это поколение нужно»* (Э-4, м., д-р физ.-мат. наук, проректор).

Респонденты называют три условия вовлечения студенчества в «большую науку», которые невозможны без поколенческого взаимодействия. Это: *«а) “вековые” научные школы; б) руководитель этой школы, который умеет так интересно рассказать о том, чем он занимается, что за ним пойдут люди; в) интересные проекты, в которые школа научная будет вовлечена, а значит, у неё будут деньги, оборудование и созданные условия для занятий наукой»* (И-19, ж., преподаватель, соискатель, специалист управления безопасности).

Ограниченный научно-исследовательский потенциал студенчества и молодого поколения НПР компенсируется нестандартностью решения исследовательских задач, прежде всего рутинного характера, недоступных старшим поколениям учёных. Особенно это заметно в научных отраслях, требующих натуральных исследований, экспедиций, работы с тяжёлым оборудованием. Закрепляется определённый формат взаимодействия: молодому поколению отводятся «технические» участки НИР, требующие использования их физической выносливости. *«Надо сделать полное лесопатологическое обследование [...]. Всё со студентами, всё с аспирантами, без них практически никак. Я пошлю студента, объясню, как и что измерить, он всё померяет, я проверю»* (Э-22, ж., канд. с.-хоз. наук, учёный секретарь кафедры).

При этом молодое поколение выступает инициатором вузовских изменений, её наиболее активная часть входит в «команды преобразований». Средние и старшие поколения для подобных команд выступают своеобразным буфером, благодаря которому обеспечивается плавность необходимых изменений

без «революционных разрушений», реализуя тем самым функцию сохранения устойчивости научно-образовательной системы.

Ресурсность среднего поколения НПР в науке реализуется в двух вариантах. Первый – достижение статуса, достаточного для занятия должности, обеспечивающей основные потребности личности. Как результат, часть НПР после защиты кандидатской диссертации *«из науки, не получая нужную какую-то отдачу, <...> уходят в коммерческий сектор»* (Э-18, ж., д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой). Данная ситуация характерна для научных отраслей, не входящих в перечень критически значимых и не обладающих развитым ресурсным потенциалом. В научных отраслях, поддерживаемых государством, ситуация противоположная. *«По кандидатам, большая часть наших кандидатов в вузе стремятся защитить докторство. <...> У нас только в 2024 году было три защищённых доктора»* (И-3, ж., начальник отдела молодёжной науки).

Реализация государственной научной политики поддержки наиболее важных отраслей и нацеленность на «омоложение» университетской науки привела к парадоксальной ситуации межпоколенческого разрыва, проявившейся в сокращении представителей среднего поколения. Даже в ресурсообеспеченных отраслях сложилась ситуация, когда *«кандидаты, доктора наук молодеют. Сейчас достаточно много защит идёт в районе 40 лет. <...> Это означает, что он заранее это задумал. Ну и гигантское количество дорабатывающих карьеру профессоров, от 60 до бесконечности. <...> Они вообще разные. А среднего поколения нет»* (Э-7, м., канд. физ.-мат. наук, зам. директора института по научной и инновационной деятельности).

В «нересурсных» научных отраслях ситуация ещё жёстче: наукой занимаются в основном НПР пенсионного возраста. Более того, в таких «нересурсных» направлениях обнуляются усилия средних и старших поколений по вовлечению студентов в науку. *«Ты на лекциях зажёг <студентов>, а дальше ты куда? Тут <на кафедре> тебе физически нет места»* (Э-27, ж., ст. преподаватель, зав. редакционно-издательским отделом). В качестве результата появляется угроза для нормального воспроизводства университетской науки как социального института.

Вклад старших поколений НПР и АУР в развитие науки большей частью состоит в реализации их социального капитала, конвертация которого обеспечивает взаимосвязь традиционной для большинства вузов «научно-образовательной пирамиды», фундаментом которой выступает научная школа. Она понимается не только и не столько как формальная структура, а *«как традиция, как окормление, это название того, чем занимается <её коллектив>. Её руководитель – это лидер, скорее, человек, олицетворяющий вот эти научные исследования»* (Э-7, м., канд. физ.-мат. наук, зам. директора института по научной и инновационной деятельности).

Наши эксперты утверждают, что без научной школы, объединяющей несколько поколений, не может быть развития университетской науки. Именно в научной школе проявляется связь всех трёх поколений.

Очень важна коммуникативная функция старшего поколения АУР, связывающая университетскую науку с внешней средой – с властью, с предпринимательским сообществом, с общественными организациями. *«Россия страна особая, где важнейшую роль в успехе играют статус и коммуникация. Они взаимосвязаны. <...> Для того, чтобы добывать ресурсы, добиваться успеха, эти коммуникации нужно постоянно задействовать. У молодёжи их нет, <...> у среднего поколения, естественно, есть, но ещё большую роль здесь играют старшие поколения. Их опыт нарабатывается десятилетиями»* (АУР-2, м., канд. ист. наук, ректор).

Для старшего поколения НПР вклад в университетскую науку, помимо непосредственной исследовательской работы, состоит в сохранении академических традиций. На нём *«университет держится как на фундаменте. Потому что старшее поколение пришло, когда другие ценности были в университете, когда хотели дать свои знания, <...> даже дарить, потому что зарплата невысокая была. И, что бы ни случилось, они <...> останутся в университете»* (НПР-3, ж., канд. техн. наук, доцент).

Таким образом, университетское научное пространство консолидируется вокруг «ядра» старшего поколения, которое заложило основы научных направлений вузов и традиции соответствующих школ. Средние и младшие поколения образовательных общностей через научную деятельность развивают присущую университетской науке социальную структуру и через это участвуют в её развитии.

Заключение

Использование ресурсного потенциала вузовских образовательных и поколенческих общностей для развития университетской науки связано со множеством факторов. Наиболее значимыми в их ряду являются условия для создания и распространения научного знания, трансфера культуры научной деятельности между поколениями НПР, АУР и студенчества и возможности научного взаимодействия, на основе которых происходит ресурсный обмен и конвертация ресурсов в университетской среде. Ограниченность этих условий и ресурсные дисбалансы сдерживают возможности участия вузовских образовательных общностей в научно-исследовательской работе и развитии университетской науки.

Ресурсный потенциал поколений вузовских образовательных общностей представляет собой характеристику стратегического плана. Его ядро составляет комплекс ресурсов научных школ, который формируется на протяжении длительного времени и выступает фундаментальным основанием университетской науки. В рамках научных школ возможно оптимальное взаимодействие вузовских поколенческих и образовательных общностей, достигается синергетический эффект от совместного использования ресурсов разных поколений в научной деятельности. Ориентация на развитие научных школ в университетском социальном пространстве может выступить одним из вариантов преодоления ограничений в реализации ресурсных потенциалов поколений вузовских образовательных общностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Формирование нелинейной системы высшего образования в макрорегионе: монография / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, В. С. Каташинских [и др.] ; под ред. Г. Е. Зборовского. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2018. 251 с. ISBN 978-5-7741-0353-9. EDN [MUBVSW](#).
2. Дежина И. Г. Научная политика в России в 2018–2022 гг.: противоречивые сигналы // Социологический журнал. 2023. Т. 29, № 2. С. 132–149. DOI [10.19181/socjour.2023.29.2.10](#). EDN [FDBFDA](#).
3. Первый год реализации программы «Приоритет-2030»: позитивные результаты и проблемные направления университетов исследовательского трека / А. И. Гусева, В. М. Калашник, В. И. Каминский, С. В. Киреев // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 3. С. 9–25. DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-3-9-25](#). EDN [PQNXRI](#).
4. Мангейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции. М. : ИНИОН РАН, 2000. 164 с. ISBN 5-248-01334-8. EDN [LAFQOX](#).
5. *Pilcher J.* Mannheim's Sociology of Generations: An Undervalued Legacy // *British Journal of Sociology*. 1994. Vol. 45, № 3. P. 481–495. DOI [10.2307/591659](#). EDN [BUKSWN](#).
6. *Strauss W., Howe N.* The History of America's Future, 1584 to 2069. New York : Morrow, 1991. 538 p.
7. Радаев В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М. : ВШЭ, 2019. 224 с. ISBN 978-5-7598-1985-1. DOI [10.17323/978-5-7598-1985-1](#). EDN [STOTFS](#).
8. Омельченко Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1 (149). С. 3–27. DOI [10.14515/monitoring.2019.1.01](#). EDN [ZBJADZ](#).
9. Аврамова Е. М. Социальное позиционирование и социальные практики российских миллениалов // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 3. С. 78–95. DOI [10.19181/vis.2019.30.3.591](#). EDN [QEJXSY](#).
10. Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование : монография / Ю. А. Зубок, О. А. Александрова, М. Б. Буланова [и др.] ; под общ. ред. Ю. А. Зубок ; ФНИСЦ РАН. Белгород : «Эпицентр», 2022. 360 с. ISBN 978-5-89697-382-9. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022](#). EDN [TENQIH](#).
11. Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы / Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов, Н. В. Латова [и др.] ; отв. ред. Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 488 с. ISBN 978-5-89697-420-8. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023](#). EDN [XFSFHH](#).
12. СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала : монография / Л. Н. Банникова, О. Р. Белова, Л. Н. Боронина [и др.] ; под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : УрФУ, 2017. 904 с. ISBN 978-5-321-02540-6. EDN [ZVQSDL](#).
13. Региональные особенности цифровизации высшего образования и образовательные стратегии студенчества / Н. М. Великая, Е. А. Ирсетская, Д. Ю. Нархов, Е. Н. Нархова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 6. С. 260–278. DOI [10.15838/esc.2024.6.96.14](#). EDN [VDCZII](#).
14. Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. М. : Фонд Университет ; СПб : Владимир Даль, 2002. 451 с. ISBN 5-93615-020-8.
15. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / Я. Щепаньский ; общая ред. и посл. ак. А. М. Румянцева, пер. с польского М. М. Гуренко. М. : Прогресс, 1969. 237 с. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=6132&printmode> (дата обращения: 25.02.2024).

16. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М. : Акад. проект, 2003. 525 с. ISBN 5-8291-0232-3. EDN QOBZKN.
17. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. М. : Наука, 1972. 240 с. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=1373> (дата обращения: 11.06.2025).
18. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности : монография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. 304 с. ISBN 5-7741-0119-1. EDN QOKBWV.
19. Зборовский Г. Е. Избранное: 1972–2022. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2023. 749 с. ISBN 978-5-7741-0431-4. EDN QBDVAG.
20. Schultz T. W. Capital Formation by Education // Journal of Political Economy. 1960. № 68 (6). P. 571–583. DOI [10.1086/258393](https://doi.org/10.1086/258393).
21. Becker G. S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70, № 5-2. P. 9–49. DOI [10.1086/258724](https://doi.org/10.1086/258724).
22. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74. EDN OYUVRD. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-5/26593677.html> (дата обращения: 15.06.2025).
23. Homans G. C. Social behavior: Its elementary forms. N.Y. : Burlingame: Harcourt, Brace & World Inc., 1961. 404 p.
24. Pfeffer J., Salancik G. R. The external control of organizations: A resource dependence perspective. N.Y. : Harper & Row, 1978. 300 p. ISBN 0-06-045193-9.
25. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5–16. EDN OOQPIH.
26. Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9 (269). С. 28–40. EDN OPCJZT.
27. Дроздова Ю. А. Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 1. С. 82–103. DOI [10.19181/vis.2019.28.1.557](https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.557). EDN ZCIXOX.
28. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Мобилизация ресурсов научно-педагогического сообщества (кейс высшего образования УрФО) // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 60–71. DOI [10.31857/S013216250020845-2](https://doi.org/10.31857/S013216250020845-2). EDN BCIQFX.
29. Ресурсность научно-педагогического сообщества университетов УрФО: опыт качественного исследования / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, В. С. Каташинских, Е. В. Кеммет // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 5. С. 71–88. DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-5-71-88](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-71-88). EDN AJWHUY.
30. Шелер М. Формы знания и общество. Сущность и понятие социологии культуры / М. Шелер ; пер. с нем. А. Н. Малинкин // Социологический журнал. 1996. № 1–2. С. 122–160. EDN UCMTNX.
31. Научно-исследовательская культура студентов российских университетов / П. А. Амбарова, Н. В. Шаброва, Е. В. Кеммет, А. Н. Михайлова // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 7. С. 96–116. DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-7-96-116](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-7-96-116). EDN JQIVUL.
32. Пугач В. Ф. Ещё раз о возрасте преподавателей в российских вузах: старые проблемы и новые тенденции // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 3. С. 118–133. DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-3-118-133](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-3-118-133). EDN TRAEQT.
33. Резник С. Д., Чемезов И. С. Менеджеры университета: теория, практика и эффективность организации личной работы / С. Д. Резник, И. С. Чемезов ; 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2021. 306 с. ISBN 978-5-16-016498-4. DOI [10.12737/1168572](https://doi.org/10.12737/1168572). EDN WGSSHJ.

34. Посухова О. Ю. Роль профессиональных династий в академической среде российского общества // Власть. 2018. Т. 26, № 7. С. 89–95. DOI [10.31171/vlast.v26i7.5935](https://doi.org/10.31171/vlast.v26i7.5935). EDN XZCHID.
35. Исаев Д. П. О восприятии наставничества в научных династиях (по материалам интервью) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. С. 122–130. DOI [10.17223/1998863](https://doi.org/10.17223/1998863). EDN CNHPHD.
36. Горшков М. К., Шереги Ф. Э., Тюрина И. О. Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 383 с. ISBN 978-5-89697-413-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023). EDN DMQCRN.
37. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Аномалии в поведении и взаимодействиях вузовских общностей как проблема зарубежных и отечественных исследований // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 3. С. 8–26. DOI [10.15593/2224-9354/2021.3.1](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.3.1). EDN MPPVYE.
38. Шаброва Н. В., Амбарова П. А. Публикационная активность студентов российских вузов // Образование и наука. 2023. Т. 25, № 9. С. 171–196. DOI [10.17853/1994-5639-2023-9-171-196](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-9-171-196). EDN TDRBEQ.
39. Дремова О. В., Малошонок Н. Г., Терентьев Е. А. В поисках справедливости в университете: критика и оправдание практик академического мошенничества студентами // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 366–394. DOI [10.14515/monitoring.2020.4.972](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.972). EDN AKHHYJ.

Сведения об авторе

Д. Ю. Нархов

кандидат социологических наук, доцент

SPIN-код: [7787-0479](https://orcid.org/7787-0479)

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 24.07.2025; принята к публикации 20.08.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.4.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.5)

GENERATIONAL RESOURCES OF UNIVERSITY EDUCATIONAL COMMUNITIES AND THEIR IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF UNIVERSITY SCIENCE

Dmitry Yuryevich Narkhov

Ural Federal University named after the first

President of Russia B. N. Yeltsin,

Yekaterinburg, Russia

d_narkhov@mail.ru,

ORCID [0000-0002-0104-7324](https://orcid.org/0000-0002-0104-7324)

For citation: Narkhov D. Yu. Generational resources of university educational communities and their impact on the development of university science. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(4):103–126. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.4.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.5).

Abstract. The task of intensifying the participation of university science in ensuring the sustainable development of the country actualizes the problem of finding new sources for the development of university science and its social space. Such sources include the resources of university communities: educational – academic staff, administrative staff, students – and generational – young, middle and older generations. The purpose of the article is to analyze the impact of generational resources of university educational communities on the development of university science. The methodological basis of the article is generational, community-based and resource-based approaches. Empirical data were obtained based on an analysis of statistics from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and monitoring of the higher education system, as well as two waves of expert interviews with university staff in the Ural Federal District (n=115). The structure of generations of university educational communities is developed, their quantitative characteristics and the distribution of generational groups in them are given. The reasons for the predominance of the middle generation over the young and older in the communities of scientific, pedagogical and administrative workers are explained. The preservation of insufficient “scientific suitability” of students is shown. The structure of the resource potential of educational communities is analyzed. Based on the results of expert interviews, the imbalance of scientific resources and the preservation of conditions for the proliferation of academic deviations have been revealed. The typological bases for studying the nature of the influence of the resource potential of generational communities and groups on the development of university science and the corresponding tool, the functional analysis of generations in higher education institutions, are proposed. The conclusion is formulated about the limited conditions of inter-community resource exchange and resource conversion in the processes of scientific and research interaction of communities focused on the development of university science. The conclusion is made about the resource potential of generational communities as a characteristic of a strategic order, the core of which is the potential of scientific schools. The latter are a space for optimal interaction between educational and generational communities, as a result of which a synergetic effect is achieved from the joint use of resources of different generations in scientific activities.

Keywords: university educational communities, scientific and pedagogical staff, administrative and managerial staff, students, generational communities, interaction, generational resources, scientific resources, university science

Acknowledgments: the research was carried out at the expense of the grant “Intergenerational and intragenerational interactions in the Russian University community of the XXI century: from crisis to consensus” of the Russian Science Foundation № 25-18-00206, URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00206/>.

REFERENCES

1. Zborovsky G. E., ed. Formation of a nonlinear system of higher education in a macroregion. Yekaterinburg: Gumanitarnyj universitet; 2018. 251 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7741-0353-9.
2. Dezhina I. G. Science policy in Russia in 2018–2022: conflicting signals. *Sociological Journal=Sociologicheskij zhurnal*. 2023;2(29):132–149. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2023.29.2.10](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.2.10).
3. Guseva A. I., Kalashnik V. M., Kaminsky V. I., Kireev S. V. The first year of implementation of the Priority 2030 program: positive results and problem areas of research track

- universities. *Higher Education in Russia=Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2023;3(32):9–25. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-3-9-25](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-3-9-25).
4. Mannheim K. Essays on the sociology of knowledge. The problem of generations – competitiveness – economic ambitions [Ocherki sociologii znaniya. Problema pokolenij – sostyazatel'nost' – e'konomicheskie ambicii]. Moscow: INION RAN; 2000. 164 p. (In Russ.). ISBN 5-248-01334-8.
  5. Pilcher J. Mannheim's sociology of generations: an undervalued legacy. *British Journal of Sociology*. 1994;45(3):481–495. DOI [10.2307/591659](https://doi.org/10.2307/591659).
  6. Strauss W., Howe N. The history of America's future, 1584 to 2069. New York: Morrow; 1991. 538 p.
  7. Radaev V. V. Millennials. How Russian society is changing. Moscow: VSE; 2019. 224 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-1985-1. DOI [10.17323/978-5-7598-1985-1](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1).
  8. Omelchenko E. L. Is the Russian case of the transformation of youth cultural practices unique? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya: E'konomicheskie i social'ny'e peremeny'*. 2019;1(149):3–27. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2019.1.01](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.01).
  9. Avraamova E. M. The social positioning and social practices of Russian millenials. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2019;10(3):78–95. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2019.30.3.591](https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.591).
  10. Zubok Yu. A., ed. Self-regulation in the youth environment: typology and modeling. Belgorod: E'picentr; 2022. 360 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-382-9. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022).
  11. Tikhonova N. E., Latov Yu. V., eds. Human capital of Russian professionals: state, dynamics, factors. Moscow: FNISC RAN; 2023. 488 p. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023).
  12. Vishnevsky Yu. R. (ed.) STUDENT 1995–2016: dynamics of socio-cultural development of students in the Middle Urals. Yekaterinburg: UrFU; 2017. 904 p. (In Russ.). ISBN 978-5-321-02540-6.
  13. Velikaya N. M., Irsetskaya E. A., Narkhov D. Yu., Narkhova E. N. Educational strategies of students in the context of digitalization. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast=E'konomicheskie i social'ny'e peremeny': fakty, tendencii, prognoz*. 2024;17(6):260–278. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2024.6.96.14](https://doi.org/10.15838/esc.2024.6.96.14).
  14. Tennis F. Community and society: basic concepts of pure sociology [Obshhnost' i obshhestvo: Osnovny'e ponyatiya chistoj sociologii]. Moscow: Fond Universitet; SPb: Vladimir Dal; 2002. 451 p. (In Russ.). ISBN 5-93615-020-8.
  15. Shchepansky J. Elementary concepts of sociology [E'lementarny'e ponyatiya sociologii]. Moscow: Progress, 1969. 237 p. (In Russ.). Available at: <https://www.isras.ru/publ.html?id=6132&printmode> (accessed: 25.02.2024).
  16. Giddens E. The structure of society: an essay on the theory of structuration [Ustroenie obshhestva: ocherk teorii strukturacii]. Moscow: Akad. proekt; 2003. 525 p. (In Russ.). ISBN 5-8291-0232-3.
  17. Yadov V. A. Sociological research: methodology, programs, methods [Sociologicheskoe issledovanie: metodologiya, programmy', metody']. Moscow: Nauka; 1972. 240 p. (In Russ.). Available at: <https://www.isras.ru/publ.html?id=1373> (accessed: 11.06.2025).
  18. Zborovsky G. E. Theory of social community [Teoriya social'noj obshhnosti]. Yekaterinburg: Gumanitarny'j universitet; 2009. 304 p. (In Russ.). ISBN 5-7741-0119-1.
  19. Zborovsky G. E. Selected: 1972–2022. Yekaterinburg: Gumanitarny'j universitet; 2023. 749 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7741-0431-4.

20. Schultz T. W. Capital formation by education. *Journal of Political Economy*. 1960;68(6):571–583. DOI [10.1086/258393](https://doi.org/10.1086/258393).
21. Becker G. S. Investment in human capital: a theoretical analysis. *Journal of Political Economy*. 1962;70(5-2):9–49. DOI [10.1086/258724](https://doi.org/10.1086/258724).
22. Bourdieu P. Forms of capital. *Journal of Economic Sociology=E'konomicheskaya sociologiya*. 2002;3(5):60–74. (In Russ.). Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-5/26593677.html> (accessed: 15.06.2025).
23. Homans G. C. Social behavior: its elementary forms. New York; Burlingame: Harcourt, Brace & World Inc.; 1961. 404 p.
24. Pfeffer J., Salancik G. R. The external control of organizations: A resource dependence perspective. New York: Harper & Row; 1978. 300 p. ISBN 0-06-045193-9.
25. Radaev V. V. The concept of capital, forms of capital and their conversion [Ponyatie kapitala, formy' kapitalov i ix konvertatsiya]. *Social Sciences and Modernity=Obshchestvenny'e nauki i sovremennost'*. 2003;(2):5–16. (In Russ.).
26. Tikhonova N. E. Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies [Resursny'j podxod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikatsionny'x issledovaniyax]. *Sociological studies*. 2006;9(269):28–40. (In Russ.).
27. Drozdova J. A. Resource approach in studying territorial communities. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2019;10(1):82–103. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2019.28.1.557](https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.557).
28. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Resource mobilization of the research and pedagogical community: Russian practices and regional dimension. *Sociological studies*. 2022;(9):60–71. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250020845-2](https://doi.org/10.31857/S013216250020845-2).
29. Zborovsky G. E., Ambarova P. A., Katashinskikh V. S., Kemmet E. V. Resource capacity of academic staff of Ural Federal District Universities: qualitative research. *Higher Education in Russia=Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2023;32(5):71–88. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-5-71-88](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-71-88).
30. Sheler M. Forms of knowledge and society. The essence and concept of the sociology of culture [Formy' znaniya i obshchestvo. Sushchnost' i ponyatie sociologii kul'tury']. *Sociological journal=Sociologicheskij zhurnal*. 1996;(1-2):122–160.
31. Ambarova P. A., Shabrova N. V., Kemmet E. V., Mikhailova A. N. Research culture of Russian university students. *Higher Education in Russia=Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2023;32(7):96–116. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-7-96-116](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-7-96-116).
32. Pugach V. F. One more time about the age of teachers in Russian universities: Old Problems and new trends. *Higher Education in Russia=Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2023;32(3):118–133. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-3-118-133](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-3-118-133).
33. Reznik S. D., Chemezov I. S. University managers: theory, practice and efficiency of personal work organization. Moscow: INFRA-M; 2021. 306 p. (In Russ.). ISBN 978-5-16-016498-4. DOI [10.12737/1168572](https://doi.org/10.12737/1168572).
34. Posukhova O. Yu. The role of professional dynasties in the academic environment of Russian society. *Power=Vlast*. 2018;26(7):89–95. (In Russ.). DOI [10.31171/vlast.v26i7.5935](https://doi.org/10.31171/vlast.v26i7.5935).
35. Isaev D. P. On the perception of mentoring in scientific dynasties (based on interview materials). *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science=Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. 2021;(63):122–130. DOI [10.17223/1998863](https://doi.org/10.17223/1998863).
36. Gorshkov M. K., Sheregi F. E., Tyurina I. O. Reproduction of intellectual labor specialists: sociological analysis. Moscow: FNIS RAN; 2023, 383 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-413-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023).

37. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Anomalies in the behavior and interactions of university communities as a problem of foreign and Russian research. *Bulletin of PNRPU. Social and Economic Sciences=Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politexnicheskogo universiteta. Social'no-e'konomicheskie nauk.* 2021;(3):8–26. DOI [10.15593/2224-9354/2021.3.1](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.3.1).
38. Shabrova N. V., Ambarova P. A. Publication activity of Russian university students. *The Education and Science Journal=Obrazovanie i nauka.* 2023;25(9):171–196. (In Russ.). DOI [10.17853/1994-5639-2023-9-171-196](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-9-171-196).
39. Dremova O. V., Maloshonok N. G., Terentiev E. A. Seeking justice in academia: criticism and justification of student academic dishonesty. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya: E'konomicheskie i social'ny'e peremeny*. 2020;(4):366–394. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.4.972](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.972).

Information about the Author

D. Yu. Narkhov

Candidate of Sociology,

Associate Professor

ResearcherID: [W-1675-2017](https://orcid.org/0009-0001-9000-1675)

Scopus AuthorID: [57189687030](https://orcid.org/0009-0001-9000-1675)

The article was submitted 23.06.2025; approved after reviewing 24.07.2025; accepted for publication 20.08.2025.

УДК 316.77; 316.455
DOI: 10.19181/snsp.2025.13.4.6
EDN: JULBYD

Научная статья

РАСТУЩАЯ ВОВЛЕЧЁННОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ЗАВИСИМОСТЬ ИХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В МОЛОДЫХ ПОКОЛЕНЧЕСКИХ ГРУППАХ

Вадим Валерьевич Радаев

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
radaev@hse.ru,
ORCID 0000-0003-0152-1396

Для цитирования: Радаев В. В. Растущая вовлечённость в социальные сети и зависимость их пользователей в молодых поколенческих группах // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 4. С. 127–158. DOI 10.19181/snsp.2025.13.4.6. EDN JULBYD.

Аннотация. В работе раскрывается история появления и распространения в России социальных сетей, а также их амбивалентное влияние на повседневную жизнь пользователей. В эмпирической части через призму межпоколенческого анализа на основе репрезентативных количественных данных исследуется рост вовлечённости россиян в посещение социальных сетей (включая отдельные сети и мессенджеры), а также растущая зависимость россиян от социальных сетей. В качестве основного источника информации используются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ). Объединённый массив за 1994–2023 гг. включает 343,355 респондентов 18 лет и старше, включая 42% мужчин и 58% женщин. Кроме сопоставления доли пользователей по поколениям и периодам, применяется логистический регрессионный анализ с показателями вовлечённости и зависимости от цифровых технологий в качестве зависимых переменных. В результате установлено, что межпоколенческие различия (за которыми во многих случаях скрывается эффект возраста) значительно влияют на основные показатели вовлечённости в социальные сети, включая интенсивную (ежедневную) вовлечённость. Сопряжённая с ними зависимость от социальных сетей также значительно чаще появляется у представителей более молодых поколений. Обнаружена заметно более активная вовлечённость женщин. Но с переходом к самому молодому поколению зумеров нередко гендерные различия уменьшаются или совсем исчезают.

Ключевые слова: социальные сети, зависимость, поколения, опросы населения, Россия

Благодарности: работа выполнена в Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор благодарит рецензентов, Л. С. Кузину, М. А. Нагерняк, Е. А. Стрельцову, а также участников семинара Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ за полезные замечания к рукописи данной работы.

© Радаев В. В., 2025

Вводные замечания

Влияние на нашу повседневную жизнь социальных сетей, понимаемых как онлайн-сервисы для построения, репрезентации и поддержания социальных отношений [1], продолжает возрастать и привлекает всё большее внимание исследователей. При этом обращается внимание на возникновение межпоколенческого цифрового разрыва, утверждается, что успешная вовлечённость в социальные сети, в большей степени отличающая молодые поколения, облегчает повседневную жизнь, в то время как неспособность к их освоению порождает состояние уязвимости и отчуждённости, что особенно характерно для старших поколений [2; 3]. Соглашаясь с этими утверждениями, автор тем не менее намерен несколько усложнить картину. Данное исследование фокусируется на неоднозначности влияния самих социальных сетей, которые во взаимодействии с людьми и их социальными отношениями порождают фундаментальную двойственность, или амбивалентность, одновременно давая начало прямо противоположным трендам [4–5], которые продемонстрируем ниже

Кроме того, при растущей интенсивности занятий растущая вовлечённость способна оборачиваться зависимостью от социальных сетей, которая отражает растущий глобальный тренд. По данным метаанализа около 500 специальных статей, посвящённых ситуации в 64 странах, в 2021 году было установлено, что зависимости от социальных сетей подвержено 17% населения [6].

Механику процесса трансформации вовлечённости в зависимость можно представить следующим образом. Цифровые платформы стремятся вовлечь (кооптировать) возрастающее количество поставщиков контента и разных сервисов, а затем всё большее число пользователей [7]. Пользователям предоставляется расширяющееся число сервисов, причём на бесплатной основе – в обмен за возможность (также бесплатно) собирать их поведенческие данные, которые затем используются для улучшения работы сервисов и одновременно продаются другим коммерческим организациям [4; 8–10].

Задача цифровой платформы – не только вовлечь пользователей, но по возможности замкнуть их на данную платформу. На основе собираемых поведенческих данных алгоритмы предлагают пользователю именно то, что он(а) желает получить, точнее, то, что выбиралось ранее. Попутно тормозится использование альтернативных продуктов и внедряется чувство безальтернативности, необходимости постоянно возвращаться на эту платформу. Разработчики также активно задействовали техники провоцирования зависимости, заимствованные из игровой индустрии [11]. Далее увидим, например, что социальные сети почти никто из их пользователей не посещает раз в месяц или даже раз в неделю, большинство (более трёх четвертей во всех поколениях) делают это на ежедневной основе.

Эта натренированная потребность в постоянном возвращении в итоге превращает вовлечённость в *зависимость*, которая связана с чрезмерно интенсивной вовлечённостью в определённые занятия и неспособностью контролировать время, уделяемое этим занятиям, вызывает негативные поведенческие,

социопсихологические и физиологические последствия [12]. Зависимость, таким образом, проявляется в трёх элементах:

- неспособность отказаться от определённых практик;
- возникновение негативных психофизиологических состояний;
- замещение и вытеснение других практик.

Цифровая зависимость формируется постепенно и сходна с зависимостью от аддиктивных товаров (алкоголя, табачных изделий, психотропных веществ) или аддиктивных практик наподобие компульсивного потребления (шопоголизма) [13]. Она сопряжена с перестройкой жизненных приоритетов и реформатированием габитуса (вымыванием прежних диспозиций и привычных практик). Последствия такого состояния зависимости тоже двойственны – оно приносит временное удовольствие, которое сродни опьянению, и одновременно порождает фрустрации с чувством вины, сходные с похмельем. С течением времени зависимость может усиливаться и в какой-то момент перерастать в патологии (психические расстройства), т. е. из пристрастия превращаться в болезнь.

Для понимания механики формирования зависимости от цифровых технологий важно и то, что традиционные медиа (телевидение, радио, пресса) пытались нам что-то внушить в одностороннем порядке, а столкнувшись с новыми медиа, мы, образно говоря, попали на улицу с двусторонним движением и теперь сами усиливаем зависимость собственными же действиями. Впрочем, общих рассуждений о возрастающей зависимости от социальных сетей уже явно недостаточно¹. Применительно к российскому опыту явно недостаёт эмпирических подтверждений на основе достоверных данных. Именно такие подтверждения и планируется предоставить в этой работе вместе с данными о растущей вовлечённости пользователей.

Данная работа после обозначения специфики межпоколенческого анализа предлагает короткое изложение истории проникновения социальных сетей в повседневную жизнь россиян, затем следует общетеоретический раздел с описанием амбивалентного влияния социальных сетей на жизнь их пользователей, наконец, на основе новых количественных данных рассматривается нынешнее состояние дел через призму межпоколенческого анализа, сравнивающего самое молодое взрослое поколение зумеров с несколькими предшествующими поколениями. С помощью такого анализа попытаемся выявить наиболее важные тренды и рассмотреть, как растущая вовлечённость в социальные сети способствует возникновению зависимости от этих сетей. В ряде случаев, где есть надёжные сопоставимые данные, сравним ситуацию в нашей стране с результатами зарубежных опросов.

В эмпирической части будут проверяться две базовые гипотезы, первая из которых уже неоднократно тестировалась [2; 10; 14; 15], а вторая пока привлекла меньшее внимание.

¹ Например, делаются заявления со ссылками на результаты международных тестов PISA (Programme for International Student Assessment), что в последнее десятилетие человечество глупеет, т. е. люди всё хуже справляются с логическими задачами и сложнее концентрируются, причём в качестве основной причины называют именно цифровые технологии.

Гипотеза 1. По мере омоложения поколений возрастает вовлечённость населения в использование социальных сетей.

Гипотеза 2. По мере омоложения поколений возрастают интенсивность использования социальных сетей и зависимость пользователей от них.

Приведённые гипотезы будут тестироваться по отношению к каждой из основных социальных сетей, когда это позволяют имеющиеся количественные данные. Кроме эффекта поколения, здесь действуют эффекты исторического периода и возраста, которые не так просто разделять [16; 17]. Эффект возраста может быть измерен во всех случаях, а оценка эффектов периода и поколения в чистом виде зачастую ограничена или невозможна, поскольку соответствующие вопросы задавались только в 2020-е гг. Кроме этого, будет рассмотрено влияние других демографических и социально-экономических факторов.

Вопросы теории и истории

Специфика межпоколенческого анализа. Подойдём к теме влияния социальных сетей с позиций межпоколенческого анализа, соглашаясь с американским психологом Джин Твенге в том, что: «в первую очередь культурные изменения затрагивают молодёжь и только потом старшие поколения» [18, с. 31]. При фиксации поколений автор следует социологическому подходу и, в отличие от сугубо статистических методов, выделяет их не по формальным десятилетиям и не по годам рождения, а по общезначимым историческим периодам, когда происходило взросление их представителей (формативные годы). При таком подходе границы между поколениями производны от политико-экономических циклов и, следовательно, могут быть разной продолжительности. Автор понимает условность подобной периодизации и, в отличие от демографов, работающих с длинными волнами, изучает более короткие волны, пытаясь при этом уловить тренды, не сводимые к текущим флуктуациям [10; 14]. Автор согласен с тем, что в последний период произошла явная актуализация поколений как аналитической категории, отчасти приходящей на смену классам и другим традиционным категориям социологии [19].

В данной работе будут сравниваться пять российских поколений. Немного упрощая, можно сказать, что самое старшее из них застойное поколение взросло в брежневскую застойную эпоху увядающего социализма. Реформенное поколение формировалось в турбулентные 1990-е гг. с высоким уровнем экономической и политической нестабильности. Старшие миллениалы, напротив, выросли в 2000-е гг., наиболее благополучный и стабильный период (по крайней мере до 2008 года). Младшие миллениалы начали взрослеть на рубеже 2010-х гг., в период, связанный с длительной экономической рецессией и массовым распространением новых цифровых технологий, смартфонов и социальных сетей. Наконец, зумеры вступили в период взросления на рубеже 2020-х гг., ознаменованных приходом пандемии, началом СВО и массовым распространением искусственного интеллекта. Годы рождения и взросления этих пяти поколений приведены в таблице 1.

Таблица 1

Годы рождения и взросления поколений

Поколения	Годы рождения	Годы взросления
Застойное поколение	1947–1967	1964–1984
Реформенное поколение	1968–1981	1985–1999
Старшие миллениалы	1982–1990	2000–2007
Младшие миллениалы	1991–2000	2008–2017
Поколение зумеров	2001 и позднее	2018 и позднее

С точки зрения периода своего взросления реформенное поколение – последнее советское, а старшие миллениалы – первое постсоветское поколение, в этом отношении между ними проходит важный водораздел. Отметим, что поколение миллениалов первоначально анализировалось автором как одно целое [14], но затем было разделено на две большие группы [10; 20; 21]. Главная причина заключается не в чисто возрастных различиях, а в том, что в ходе взросления этого поколения внешние условия в России претерпели значительные изменения и взрослеющие младшие миллениалы во многом оказались в качественно иной среде.

Как социальные сети и мессенджеры проникали в жизнь россиян (фрагменты истории). Проанализируем коротко, как происходило в России распространение социальных сетей и мессенджеров. Из многочисленных открытых исторических источников и опросных данных автор собрал информацию о датах появления и распространения на российском рынке новых социальных медиа, которые, на наш взгляд, могли существенно влиять на характер развития разных поколений в их формативные годы. С некоторой степенью условности в истории их распространения выделены четыре принципиальные точки – появление социальной сети в доступе для российского населения и три последовательных уровня вовлечённости пользователей, измеряемых их долей в составе взрослого населения:

- широкая вовлечённость – доля пользователей превысила 25%;
- массовая вовлечённость – доля пользователей превысила 50%;
- всеобщая вовлечённость – доля пользователей превысила 75%.

Кроме этого, правомерно говорить о полной вовлеченности, когда доля пользователей соцсетей и мессенджеров достигнет 100%. В реальности до этого порога не добирается ни один из показателей, но может вплотную к нему приблизиться.

Используя эту терминологию, посмотрим, как возникали и распространялись *социальные сети*. Первая социальная сеть была запущена в мире в 1997 году (SixDegrees.com), но активное развитие началось позже – в 2003–2004 гг. с появлением LinkedIn, MySpace и Facebook¹. Facebook¹ достиг первого миллиарда

¹ Деятельность соцсети признана экстремистской и запрещена в России.

аккаунтов в 2015 году, русскоязычная версия сайта была открыта в 2008 году. Подобные российские сети были запущены в 2006 году («Одноклассники», «ВКонтакте»). Видеохостинговый портал YouTube основан в 2005 году, а его русская версия появилась в 2007 году. За год до этого, в 2006 году, появился видеохостинг RuTube.

Социальная сеть для публичного обмена короткими сообщениями Twitter (ныне X¹) была запущена в тот же самый период – в 2006 году, а поддерживать русский интерфейс Twitter стал в 2011 году. Приложение для обмена фотографиями и видеозаписями Instagram² возникло немного позже – в 2010 году. Международная версия TikTok – ведущей видеоплатформы для коротких видео – была запущена в 2017 году, а резкий рост её популярности начался с 2020 года.

В итоге широкой вовлечённости, в нашей терминологии, социальные сети достигли к 2010 году, когда выросли младшие миллениалы, а массовой и всеобщей вовлечённости – в 2018 и 2023 гг. соответственно, уже в период взросления зумеров (см. табл. 2).

Таблица 2

*Пороговые годы распространения социальных сетей
и мессенджеров среди населения России*

Виды технологий	Появление	Вовлечённость населения		
		широкая, 25%	массовая, 50%	всеобщая, 75%
Социальные сети	2006	2010	2018	2023
Мессенджеры	1997	2014	2021	2024

Источник: Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, ФОМ, ВЦИОМ, НАФИ, We Are Social и др.

Теперь перейдём к *мессенджерам* – системам мгновенного обмена текстовыми сообщениями для мобильных и иных платформ с поддержкой голосовой и видеосвязи. Первое SMS-сообщение было отправлено в России в 1992 году. С 1993 года началась история масштабного использования текстовых пейджеров, которая, впрочем, продлилась недолго. В 1997 году была выпущена первая версия программы ICQ, ставшая главным российским мессенджером в начале 2000-х гг. В 1998 году был запущен Yahoo! Messenger, а в 2002 году – iChat от Apple и Talk от Google. Но для российских пользователей более важным стал запуск в 2003 году первых версий программы Skype, обеспечившей текстовую, голосовую и видеосвязь через интернет между компьютерами. Skype стал популярен благодаря внедрению аудио- и видеозвонков. К 2009 году общее число учётных записей в нём превысило полмиллиарда.

Самый распространённый в России мессенджер WhatsApp, позволяющий пересылать помимо текстов изображения, видео-, аудио- и электронные документы, был запущен в 2009 году, Viber – в 2010 году, а кроссплатформенный

¹ Соцсеть заблокирована на территории России.

² Деятельность соцсети признана экстремистской и запрещена в России.

мессенджер Telegram, наиболее популярный среди молодёжных групп, – в 2013 году¹. В 2015 году появилась возможность создания Telegram-каналов. В 2016 году доля пользователей мессенджеров в России составила около 35%. А к 2021 году, по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, доля пользователей WhatsApp и/или Telegram превысила половину всех респондентов в возрасте 18 лет и старше (52%). Наконец, к 2024 году WhatsApp и Telegram стали абсолютными лидерами по числу пользователей в России, а вовлечённость в использование мессенджеров стала всеобщей.

Итак, социальные сети появились относительно недавно, в середине 2000-х гг., когда выросли старшие миллениалы. Широкою, а затем и массовую вовлечённость (на уровне половины населения) социальные сети получили уже в 2010-е гг., в период взросления младших миллениалов, которые и стали первыми реальными бенефициарами этих технологий [10; 20]. А когда начали взрослеть зумеры, социальные сети получили, наконец, всеобщее распространение, превысив порог в три четверти населения.

Осталось сказать, что по мере развития социальных сетей могут возникать *разнонаправленные тренды*. Например, на стадиях широкой и массовой вовлечённости может существенно возрасти цифровое неравенство между поколениями за счёт того, что более молодые поколения быстрее осваивают новые технологии и в части доступа, и в части навыков использования. Однако по мере распространения технологий старшие поколения способны постепенно догонять молодых, и в этом случае межпоколенческие различия могут снижаться, а цифровые разрывы преодолеваются. Также далее увидим, что в более старших поколениях могут возникать заметные гендерные различия, как правило, в пользу женщин. Но с переходом к самому молодому поколению зумеров, где вовлечённость оказывается всеобщей, нередко гендерные различия уменьшаются или вовсе исчезают.

Влияние социальных сетей на повседневную жизнь амбивалентно. Двойственность влияния цифровых технологий ярко просвечивается через всё, что происходит в современных социальных сетях. Влияние социальных сетей на повседневную жизнь и отношения между людьми можно с полным основанием назвать амбивалентным, то есть порождающим одновременно противонаправленные эффекты, позитивные и негативные, расширяющие наши возможности и в то же время превращающие нас в объект разных нежелательных воздействий².

Социальные сети предоставили невиданные до сей поры возможности для активной индивидуальной репрезентации и ставшего столь популярным селф-брендинга, причём не только для избранного круга знаменитостей и селебрити, но для самых обычных людей, имеющих доступ к интернету.

¹ Ваганова Д., Арбузова А. Что такое мессенджер, для чего он нужен и какой выбрать // РБК тренды : сайт. 13 декабря 2024. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/617a68a89a79476935d1f857?from=copу> (дата обращения: 17.10.2025).

² Подробнее о понятии амбивалентности см.: [5].

Но достигнуто это ценою утраты конфиденциальности и стирания границ между публичным и приватным, когда частная жизнь человека постоянно и практически добровольно выставляется на всеобщее обозрение, а данные о его поведении скрыто присваиваются частными компаниями и используются в коммерческих целях [4; 8].

Каждый человек получил в социальных сетях расширенные возможности для эффективного распространения информации о себе. Но одновременно, помимо растаскивания и *фрагментации идентичности*, человек постепенно утрачивает контроль над формированием собственной идентичности [11]. Социальные сети уже превратились в основной источник информации, которая используется в том числе без его/её ведома и согласия, например – при приёме на работу или при выдаче банковского кредита. Скрыто собираемая информация фильтруется уже не самим человеком, а другими людьми или/и машинными алгоритмами.

Социальные сети в сильной степени *демократизировали производство контента*, и теперь каждый может при желании не только потреблять, но и создавать и выставлять на всеобщее обозрение собственные продукты с минимальными издержками, без всякой внешней авторизации и экспертизы¹. Но в качестве оборотной стороны это неизбежно породило общий тренд к *деградации* основной массы производимого контента и накоплению информационного мусора, когда всё сложнее выловить профессиональные зёрна в растущих кучах профанного материала². Причём, кроме понижения планки качества, отсутствие реальной модерации контента привело к растущим потокам *дезинформации* и *фейков*, включая целенаправленные кампании по намеренному искажению истины, приносящие социальный вред и способные причинять ущерб здоровью и благосостоянию людей [9].

Социальные сети крайне облегчили возможности не только для индивидуального, но для *совместного производства контента* и в целом для многосторонней коммуникации. Но одновременно расширились возможности для *социального давления* на человека и скрытого контроля над его деятельностью.

Сети создали новые условия для *дистанционной работы*, что оказалось критически важным в период пандемии коронавируса и во многом сохранилось после её окончания. Но несомненное удобство удалённой работы и в целом

¹ Этими возможностями пользуются пока далеко не все. Производство контента в социальных сетях распределяется весьма неравномерно. Так, в США, по данным Pew Research Center, в 2024 году 98% видео в TikTok размещалось 25% пользователей. Сходные результаты получались и по некоторым другим социальным сетям.

² По данным Pew Research Center, в 2024 году в США 39% респондентов в возрасте 18–29 лет регулярно брали новости из TikTok, причём эта доля ежегодно возрастала (в 2020 г. – лишь 9%), а знакомились с текущей политикой по материалам TikTok 48% опрошенных в данной возрастной группе. При этом 40% взрослых американцев, потребляющих новости из социальных сетей, в 2023 году были обеспокоены их неаккуратностью (в 2018 году таких было всего 31%).

дистанционных контактов обернулось растущим *дефицитом живого общения*, тенденцией к самоизоляции.

Социальные сети колоссально расширили *возможности участия* в разных сферах социальной жизни. Но при этом были запущены массовые механизмы *социального сравнения*, когда большинство людей занимаются в социальных сетях «перфекционистскими демонстрациями», т. е. старательно изображают из себя счастливых, живущих интересной и полноценной жизнью. Иными словами, нередко пользователю навязываются нереальные стандарты поведения, порождая неизбежные фрустрации и разочарования в собственной жизни.

В социальной сети фиксируются все совершенные человеком высказывания и действия, и уничтожить их впоследствии уже нельзя, даже если совершены какие-то неприглядные поступки, *право на забвение утрачено*. В условиях тотального надзора и необратимости совершаемых действий, казалось бы, люди должны вести себя более взвешенно и аккуратно. Однако зачастую, напротив, в сети происходит видимое *размывание этических норм*, связанное с неким ощущением безнаказанности. В итоге моральные планки не повышаются, а, наоборот, роняются.

В результате создаются благоприятные условия для *киберагрессии* [22–24], в том числе в виде кибербуллинга – целенаправленной и длительной травли. Исследования показывают, что это явление чаще всего встречается именно в социальных сетях [25]. По имеющимся свидетельствам, в последние годы данное явление продолжает нарастать. Так, по данным Мониторинга цифровой трансформации экономики и общества ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, в 2024 году 41% россиян сталкивались с каким-либо проявлением киберагрессии в течение трёх предшествующих опросу месяцев, что значительно больше, чем в 2022 году (29%). Чаще всего деструктивное поведение в соцсетях проявляется в форме *коммуникативного преследования*, с которым в 2024 году сталкивались 28% пользователей соцсетей (в 2022 г. – 19%). Кроме того, 13% опрошенных встречались в социальных сетях с *враждебным поведением* (угрозами и даже групповой травлей), направленным в их адрес или в адрес их близких, и 12% становились свидетелями агрессии в адрес других людей (в 2022 г. – по 10% соответственно). Более высоким рискам столкновения с киберагрессией подвержены молодые пользователи социальных сетей (из поколения альфа и зумеров)¹. Есть и гендерные особенности: девушки чаще юношей становятся объектами нежелательного внимания, а юноши чаще сталкиваются с враждебным поведением [15, с. 141–144]. В целом не только в России, но и во многих странах интернет-агрессия смещена в сторону женщин [27].

Особой разновидностью коммуникативного преследования является *киберсталкинг* – продолжительные и навязчивые домогательства с помощью интернета и электронных устройств на основе постоянного отслеживания действий

¹ С подобными проблемами часто сталкиваются и молодые геймеры. Около 80% американских подростков из поколения альфа сталкивались с харасментом и кибербуллингом, играя в видеоигры [26].

жертвы. Важно, что, по данным «Лаборатории Касперского», с 2019 года Россия остаётся страной-лидером по количеству случаев киберсталкинга [28].

Далее, человек в социальной сети обрёл *свободу самоидентификации*, возможность представить себя кем угодно и периодически менять собственную идентичность в глазах других. Но наряду с возможностями для творческих экспериментов это породило новые формы *мошенничества*, часто остающегося безнаказанным.

Социальные сети открыли возможность для невиданно быстрой *мобилизации общественного мнения* по любому вопросу. Распространение вирусного контента стало новой формой массового поведения виртуальной толпы. Однако наряду с несомненно позитивными воздействиями это привело к росту разного рода конфликтов, *разжиганию ненависти*, когда к любому негативу нередко присоединяется масса людей, даже до конца не понимающих суть обсуждаемого вопроса.

Наконец, социальные сети значительно *расширили систему связей* человека, преодолев ограничения физического пространства. В первую очередь, речь идёт о расширении сетей слабых связей, но осуществляется и дополнительная поддержка сильных связей [29]. Одновременно социальные сети вовлекли основную массу людей в фактически *непрерывную коммуникацию*, как правило, поверхностную, но в то же время полупринудительную, из которой всё труднее выйти. Это приводит к возникновению новых форм зависимости: неспособности отключиться, социальной тревоге, боязни пропустить нечто важное (FOMO, от англ. Fear of Missing Out – синдром упущенной выгоды), которые, в свою очередь, влекут за собой депрессивные состояния [30; 31]. Исследователи показали, что использование социальных сетей способно приводить к *нарастающему стрессу*. И даже временный отказ от такого использования на несколько дней способен снизить уровень стресса, особенно в случаях чрезмерного пользования сетями [32]¹.

Изучение поднятых выше вопросов требует масштабных исследований и большого объёма данных. Представленная работа в своей эмпирической части фокусируется на значительно более узкой, но весьма важной теме вовлечённости в социальные сети и зависимости от этих сетей.

Методология эмпирического исследования

Охарактеризуем методологию нашего эмпирического исследования, включая основные источники данных, ключевые переменные и используемые аналитические методы.

Источники данных. В качестве основного источника информации в данной работе используются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ). Мониторинг представляет собой серию ежегодных общенациональных репрезентативных опросов индивидов и домашних хозяйств, проводимых на базе вероятностной

¹ По данным Pew Research Center, в 2023 году в США 69% взрослых респондентов поддерживали намерения родителей ограничить время присутствия детей в социальных сетях.

стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки. РМЭЗ организуется НИУ ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН¹. Мы используем результаты опросов индивидов. Полный массив за 1994–2023 гг. включает 343,355 респондентов 18 лет и старше, включая 42% мужчин и 58% женщин. Вопросы о посещении социальных сетей задавались в РМЭЗ НИУ ВШЭ не с самого начала мониторинга, а с 2012 года, а по отдельным сетям – с 2019–2020 гг., поэтому динамические ряды оказываются намного короче.

В качестве дополнительных источников данных по отдельным темам используются материалы Мониторинга цифровой трансформации экономики и общества ИСИЭЗ НИУ ВШЭ за 2022 и 2024 гг. (опрашивались примерно по 10 тыс. респондентов в возрасте 14 лет и старше) [15], а также данные предшествующих исследований опросных центров ФОМ, ВЦИОМ и НАФИ. Из зарубежных источников для сравнения привлекаются данные американского исследовательского центра Pew Research Center, который, в том числе, проводит активные межпоколенческие исследования, используя классификацию поколений, близкую по годам к нашей классификации.

Методы анализа. Начнём с операционализации основных понятий. Уровень *вовлечённости* населения в социальные сети определяется как комплексное понятие, включающее: наличие доступа к соцсетям и фактическое их использование, частота (интенсивность) этого использования, освоенные навыки и применяемые практики, характеризующие продвинутость пользователя. Сразу оговорим, что при характеристике вовлечённости мы в основном концентрируемся на самих фактах и частоте использования социальных сетей, не затрагивая такие важные элементы вовлечённости, как освоенные цифровые навыки и применяемые практики, по которым у нас отсутствуют данные.

Исходный показатель вовлечённости измеряется по доле респондентов, посещавших социальные сети за последние 12 месяцев. А при анализе частоты использования социальных сетей мы применяем показатель *интенсивной вовлечённости*, определяемой как ежедневное посещение социальных сетей. В литературе активно задействуется понятие *чрезмерного использования*, которое часто отождествляется с зависимостью [33]. В какой мере ежедневное использование социальных сетей является чрезмерным – дискуссионный вопрос, ибо для одной группы оно может считаться чрезмерным, а для другой уже стало неотъемлемой частью стиля жизни. И когда именно вовлечённость становится «чрезмерной», однозначно определить непросто. В любом случае, интенсивная вовлечённость рассматривается нами в качестве переходной ступени к состоянию зависимости, которое предусматривает, кроме увеличения времени использования сверх определённого конвенционального порога, появление определённых негативных последствий для благополучия человека. В данной работе уровень *зависимости* измеряется на основе специального вопроса, где

¹ Сайты обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ: <http://www.hse.ru/rfms> и <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms>.

к зависимым относятся те, кто, по их собственным заявлениям, уже не представляют свою жизнь без соцсетей.

В предшествующих исследованиях использовалось без малого полсотни разных измерителей интернет-зависимости, в том числе десятков относительно распространённых методологий, в том числе: Тест интернет-зависимости Кимберли Янг (The Internet Addiction Test – IAT), Шкала компульсивного использования интернета (The Compulsive Internet Use Scale – CIUS), Вопросник для диагностирования интернет-зависимости (The Internet Addiction Diagnostic Questionnaire – IADQ) и др. Как правило, применяется Шкала Ликерта с использованием от 12 до 29 задаваемых психометрических позиций [12]. Данное исследование ограничивается лишь двумя важными характеристиками, которые позволяют отразить имеющиеся у нас количественные данные, – интенсивного (ежедневного) использования социальных сетей и зависимости от их использования. Наличие лишь одного показателя зависимости и невозможность построить интегральный показатель зависимости являются существенным ограничением данной работы.

При *межпоколенческом анализе* привлекаются данные по пяти поколениям, начиная с поколения застоя, и не берутся представители самых пожилых поколений в возрасте 80 лет и старше. При этом при выявлении эффекта поколений имеются серьёзные ограничения. Поскольку основной источник информации (РМЭЗ НИУ ВШЭ) содержит опросные данные самое раннее с 2012 года, а многие вопросы задавались лишь в 2020-е гг., у автора нет возможности элиминировать прямое влияние возраста, используя ретроспективный анализ [10], т. е. сравнить поколения в период их взросления. Поэтому используются данные 2023 года, и на межпоколенческих различиях неизбежно сказывается эффект возраста.

При изложении результатов указываются только статистически значимые межпоколенческие различия при $p < 0,05$ без проставления каждый раз уровней значимости. Для проверки устойчивости межпоколенческих различий, кроме непараметрических парных корреляций, автором используется *логистический регрессионный анализ* с наличием или отсутствием вовлечённости или зависимости в качестве зависимых бинарных переменных. А в качестве основной независимой переменной использовалась категориальная переменная из выделенных пяти поколений. В тех случаях, когда в распоряжении автора есть временные ряды из нескольких опросных волн, вставлялась переменная периода в годах. Кроме того, в регрессии включался набор стандартных независимых переменных, в том числе:

- гендер (женщины или мужчины);
- семейный статус (находится ли в официальном или гражданском браке);
- получение высшего образования (имеет высшее образование или является студентом вуза);
- занятость (есть ли постоянная оплачиваемая работа);
- уровень индивидуального дохода (натуральный логарифм);
- место проживания (городские или сельские поселения).

Проверка мультиколлинеарности независимых переменных проведена с помощью коэффициента инфляции дисперсии (VIF), значение которого во всех случаях не превысило 2. Данные переменные использовались преимущественно как контрольные для того, чтобы определить, насколько устойчиво влияние межпоколенческих различий. Тем не менее связи с этими переменными будут коротко рассмотрены. Кроме того, ввиду особой значимости гендерных различий и предполагаемого существования гендерного неравенства в использовании цифровых технологий [34], основные результаты приводятся отдельно для женщин и мужчин.

Эмпирические результаты

Изложение эмпирических результатов начинается с данных по общему посещению социальных сетей, затем перейдём к отдельным сетям и мессенджерам, наконец, рассмотрим показатели интенсивной вовлечённости и зависимости от социальных сетей.

Доля пользователей социальных сетей растёт с годами и с омоложением поколений. Переходя к анализу социальных сетей и мессенджеров (в целом и по основным видам), начнём с измерения уровня вовлечённости взрослых россиян в их использование, а затем проанализируем двойственные последствия этой вовлечённости. В распоряжении автора есть данные РМЭЗ НИУ ВШЭ о *пользователях социальных сетей* за период 2012–2023 гг. Доля всех взрослых респондентов в возрасте 18 лет и старше, пользовавшихся сайтами социальных сетей в последние 12 месяцев, за этот период выросла более чем вдвое – с 37% до 77%, а при расчёте от доли пользователей интернета она увеличилась с 69% до 97% (см. рис. 1), т. е. к 2023 году в социальные сети погрузились уже фактически все пользователи интернета¹. Таким образом, если широкая вовлечённость в социальные сети наступила в период взросления младших миллениалов, то массовая и всеобщая вовлечённость – уже в период взросления зумеров (в 2018 и 2023 гг. соответственно).

Теперь посмотрим на межпоколенческие различия в доле пользователей социальных сетей в 2023 году (по сути, в данном случае речь идёт о возрастных различиях). Значительный рывок от массовой ко всеобщей вовлечённости случился здесь ещё при переходе от застойного к реформенному поколению – с 52% до 83% пользователей интернета у мужчин и с 63% до 91% – у женщин. У старших миллениалов эта доля уже превышает 90% и у мужчин, и у женщин, а у зумеров она приблизилась к предельному порогу в 98–99%. Во всех поколениях женщины пользовались социальными сетями чаще мужчин, но гендерные различия постепенно уменьшались и у зумеров фактически исчезли (см. рис. 2).

¹ Здесь наблюдаются серьёзные различия по странам. Например, в 2023 году 93% взрослых жителей Германии использовали интернет (доля была выше, чем в России), в то же время посещали социальные сети лишь половина (51%), т. е. значительно меньше, чем в России [35].

Рис. 1. Доля пользователей сайтов социальных сетей в России в последние 12 месяцев, предшествовавших опросу, 2012–2023 гг., % (возраст 18+, n = 343 355)

Источник: Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ.

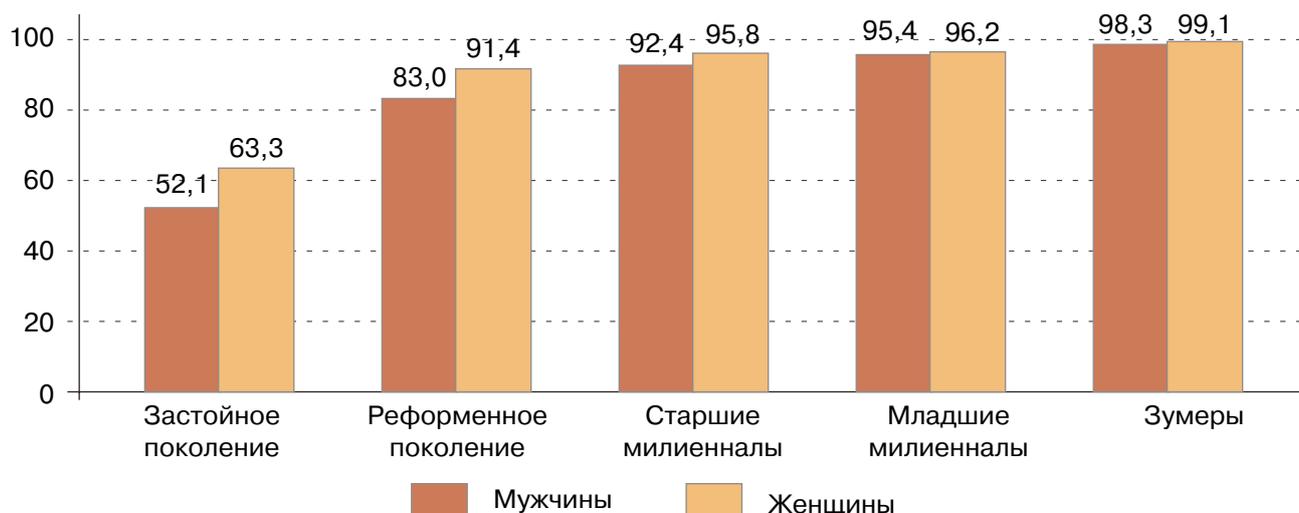

Рис. 2. Доля интернет-пользователей, посещавших сайты социальных сетей в последние 12 месяцев, предшествовавших опросу, мужчины и женщины, по поколениям, 2023 г., % (возраст 18+, n = 13 345)

Источник: Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Рис. 3. Доля пользователей основных социальных сетей в последние 12 месяцев, предшествовавших опросу, 2012–2023 гг., % (пользователи соцсетей, возраст 18+, n = 92 447)

Источник: Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Если же возьмём представителей двух младших поколений в их двадцатилетнем возрасте (взять большее число поколений не позволяют данные), то окажется, что среди младших миллениалов посещали социальные сети почти все (92%), а у зумеров буквально все (99%).

Как показывает анализ, популярность основных социальных сетей меняется разнонаправленно (см. рис. 3). Популярность основных социальных сетей измерялась как доля пользователей каждой отдельной сети в последние 12 месяцев, предшествовавших опросу.

В начале 2010-х гг. наиболее популярной сетью были «Одноклассники» (80% в 2012 г.), затем доля пользователей этой сети устойчиво снижалась до 43% в 2023 году и сеть потеряла массовость, перейдя в категорию широко распространённых. Социальная сеть «ВКонтакте» (VK) в 2012 году начинала с более скромного уровня (62% пользователей), но затем её популярность понемногу росла и в 2017 году данная сеть опередила «Одноклассники», достигнув пика популярности (72%), но к 2023 году доля её пользователей снизилась до прежнего уровня в 63%, продемонстрировав относительную устойчивость за весь период наблюдения. Данные по сети YouTube собирались лишь в 2019–2023 гг., и данные фиксируют переход к массовой вовлечённости в результате значительного роста доли пользователей с 35% до 51% с небольшим проседанием в 2022 году¹. Наконец, доля пользователей TikTok в 2021–2023 гг.

¹ Аналогичные данные получены ФОМ в 2024 году: видео в YouTube просматривали 52% российских пользователей интернета, в том числе каждый третий (34%) делал это ежедневно

понемногу росла с 35% до 37%, несмотря на все ограничения, введённые в 2022 году, но уровня массовой вовлечённости пока не достигла.

Насколько велики различия между поколениями в доле пользователей разными социальными сетями? Возьмём данные 2023 года, двигаясь от застойного поколения к зумерам (см. рис. 4).

По мере омоложения поколений доля пользователей сети «Одноклассники» снижается с 49% до 31%, а доля пользователей остальных сетей, напротив, возрастает: «ВКонтакте» – с 37% до 89%, YouTube – с 39% до 69%¹ и TikTok – с 26% до 56%². Сильнее всего в молодых поколениях растёт вовлечённость в сеть «ВКонтакте», делая сеть наиболее популярной. Уже в реформенном поколении её использование стало массовым, а у младших миллениалов всеобщим. Но следует учесть, что, в отличие от YouTube и TikTok, на использование «ВКонтакте» после 2022 года не вводилось никаких ограничений.

Добавим, что средний возраст опрошенных пользователей «ВКонтакте», YouTube и TikTok на удивление сходный (в 2023 году на уровне 37–39 лет), и он явно ниже, чем средний возраст пользователей «Одноклассников» (45 лет) (брались респонденты в возрасте 18 лет и старше).

Посмотрим, как выглядят в 2023 году *гендерные различия*. Выяснилось, что среди пользователей сети «Одноклассники» женщины во всех поколениях опережают мужчин на 12–15 п. п. Среди пользователей «ВКонтакте» женщины вновь опережают мужчин во всех поколениях, но различия уменьшаются с 14 п. п. в реформенном поколении до 4 п. п. у зумеров. В использовании YouTube, наоборот, более активны мужчины, опережающие женщин во всех поколениях, кроме зумеров, примерно на 5 п. п., а у зумеров это различие полностью исчезает. Наконец, среди пользователей TikTok вновь женщины, пусть и незначительно, но опережают мужчин, причём от застойного поколения к зумерам различие возрастает с 2 до 7 п. п.

Короткие временные ряды не позволяют автору элиминировать влияние возраста и сравнить представителей разных поколений в одном и том же возрасте. Единственное исключение – возможность сравнить доли двадцатилетних

(Видеохостинг YouTube. YouTube: как россияне используют сервис и относятся к возможной блокировке // ФОМ : сайт. 29 Августа 2024. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/15064> (дата обращения: 17.10.2025).

¹ В России YouTube тормозится, и число активных авторов в 2024 году падало, поэтому его потенциал используется не полностью. Например, в США, по данным Pew Research Center, в 2024 году YouTube был самой популярной платформой, ею пользовались 85% взрослых американцев, в том числе 93% в возрасте 18–29 лет. В России, по данным ФОМ, в том же 2024 году аналогичный показатель по молодёжной когорте составлял 76% пользователей интернета (Видеохостинг YouTube. YouTube: как россияне используют сервис и относятся к возможной блокировке // ФОМ : сайт. 29 Августа 2024. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/15064> (дата обращения: 17.10.2025).

² Этот результат близок к цифрам по США. По данным Pew Research Center, в 2023 году использовал TikTok каждый третий взрослый американец (33%), а среди молодёжи в возрасте 18–29 лет – 62%.

пользователей «Одноклассников» и «ВКонтакте» у младших миллениалов и зумеров. В пользовании сетью «Одноклассники» выявлено радикальное падение с 55 до 34%, а в пользовании сетью «ВКонтакте» различий нет: два самых молодых поколения к 20 годам использовали её в равной мере – по 90%.

У молодых поколений в социальных сетях больше друзей. Чтобы понять степень активности и укоренённости респондентов в социальных сетях, в РМЭЗ НИУ ВШЭ задавался вопрос: «Сколько примерно у Вас друзей в социальных сетях, не считая подписчиков?». Выяснилось, что если в застойном поколении среднее число друзей не превышает 20 человек, в реформенном остаётся в пределах 50 человек, то у миллениалов и зумеров оно составляет уже от 50 до 100 человек. Далее были отобраны те, у кого, судя по их ответам, больше 100 друзей (23% всех ответивших на данный вопрос). Здесь наблюдается фактическое утроение доли от застойного поколения к зумерам с 12% до 35%. При этом у женщин скачок происходит в реформенном поколении с 12% до 23%, а у мужчин позднее – в старших миллениалах с 15% до 25% (см. рис. 5). Вплоть до зумеров женщины по данному показателю опережали мужчин, у зумеров же, в который раз, гендерные различия фактически схлопнулись.

Возрастает популярность основных мессенджеров. Рассмотрим динамику использования двух основных мессенджеров, которые также являются разновидностью социальных сетей и в возрастающей мере конкурируют с обычными социальными сетями, постепенно отбирая у них сначала коммуникативные, затем новостные и презентационные функции. Наиболее популярен в России мессенджер WhatsApp, и его популярность продолжает возрастать,

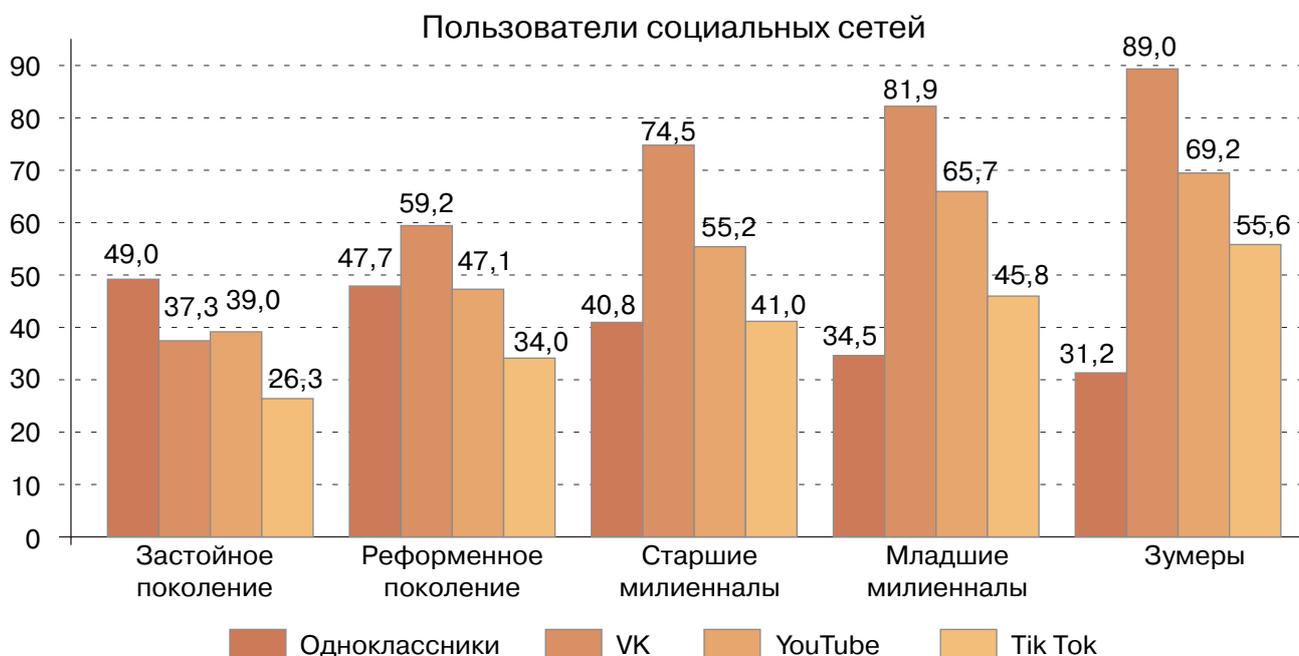

Рис. 4. Доля пользователей основных социальных сетей в последние 12 месяцев, предшествовавших опросу, по поколениям, 2023 г., % (пользователи соцсетей, возраст 18+, n = 10 116)

Источник: Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ.

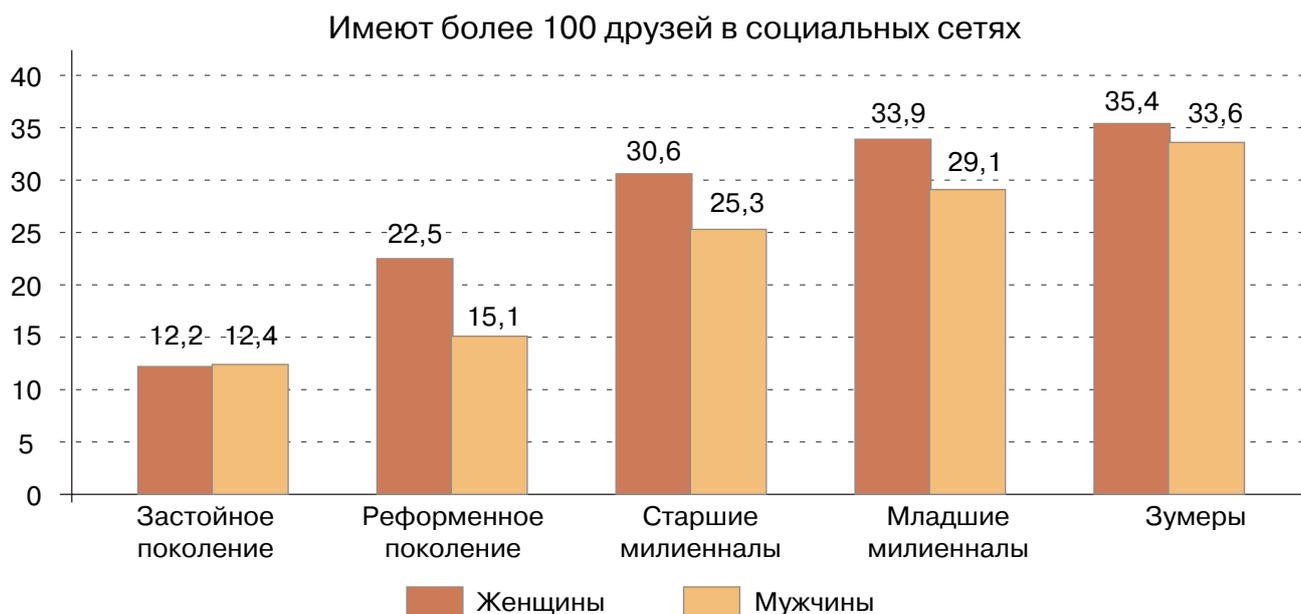

Рис. 5. Доля пользователей основных социальных сетей, имеющих более 100 друзей, не считая подписчиков, женщины и мужчины, по поколениям, 2023 г., % (возраст 18+, n = 8524)

Источник: Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ.

увеличившись в 2020–2023 гг. с 66% до 88% (с 2022 года вовлечённость стала всеобщей). Появившийся позднее Telegram ему пока заметно уступает, но зато его популярность растёт значительно быстрее – доля его пользователей в 2019–2023 гг. увеличилась с 8% до 55%, преодолев планку массовой вовлечённости (см. рис. 6)¹. Рост Telegram продолжался, несмотря на попытки его блокировки Роскомнадзором с апреля 2018 г. по июнь 2020 г.

Различия между поколениями по доле пользователей разными мессенджерами в 2023 году складывались следующим образом. В использовании WhatsApp сталкиваемся с практически уникальной ситуацией: этот мессенджер одинаково популярен во всех поколениях (86–90% пользователей). А вот использование Telegram устойчиво растёт от 35% пользователей в застойном поколении до 78% у зумеров, хотя от поколения к поколению этот рост постепенно замедляется (см. рис. 7).

Самый большой скачок наблюдается в реформенном поколении, в котором вовлечённость в Telegram стала массовой, а у зумеров его использование уже можно назвать всеобщим². И в целом Telegram больше привлекает

¹ В РМЭЗ НИУ ВШЭ, к сожалению, отсутствуют данные по мессенджеру Viber, к услугам которого прибегает в России, по оценкам, примерно одна пятая часть пользователей.

² По данным TGStat, в 2024 году Россия находилась на первом месте в мире по числу телеграм-каналов. По данным Brand Analytics, Telegram в 2025 году являлся лидером в русскоязычном медиаполе по активным авторам и по объёму контента (Черный В. Социальные сети в России: цифры и тренды, весна 2025 // Brand Analytics : сайт. 4 июня 2025. URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-spring-2025> (дата обращения 17.10.2025). Подробнее об особенностях и преимуществах Telegram см.: [36].

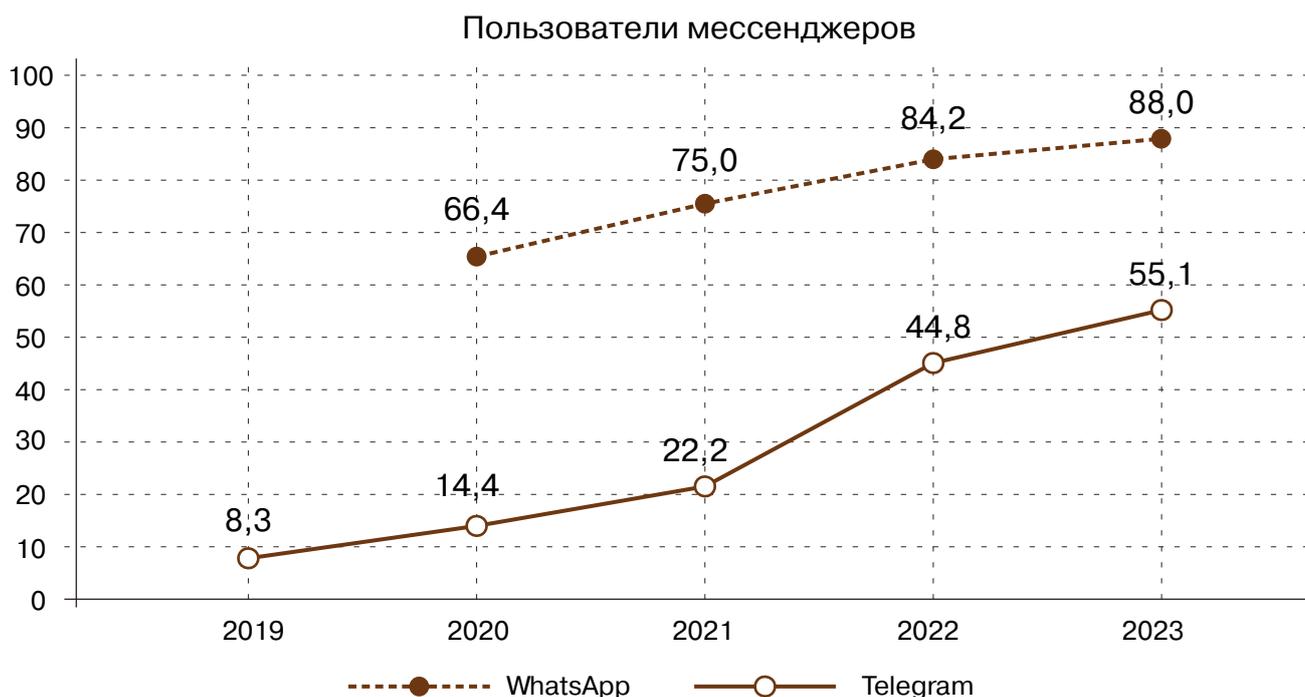

Рис. 6. Доля пользователей основных мессенджеров в России в последние 12 месяцев, предшествовавших опросу, 2019–2023 гг., % (пользователи соцсетей, возраст 18+, n = 45 461)

Источник: РМЭЗ НИУ ВШЭ.

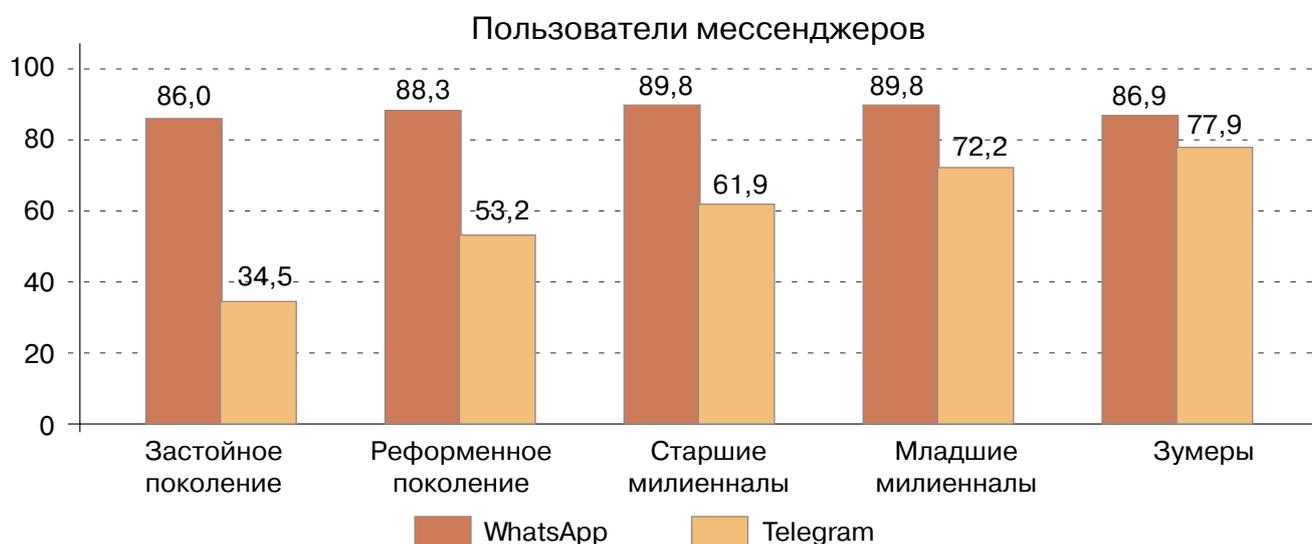

Рис. 7. Доля пользователей основных мессенджеров в России в последние 12 месяцев, предшествовавших опросу, по поколениям, 2023 г., % пользователи соцсетей, возраст 18+, n = 10 128).

Источник: Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ.

молодых – средний возраст его пользователей в 2023 году был ниже, чем возраст пользователей WhatsApp (38 лет против 42).

Гендерные различия в 2023 году среди пользователей WhatsApp сложились в пользу женщин, хотя были невелики, и у младших миллениалов почти

исчезли, но у зумеров они внезапно вновь выросли до 5 п. п. Что же касается пользователей Telegram, то, начиная с реформенного поколения, женщины опережали мужчин на 4–7 п. п. от поколения к поколению вплоть до зумеров, у которых гендерные различия, как и во многих других случаях, исчезли.

Социальные сети в основном посещаются ежедневно. Вместе с расширением возможностей у пользователей неизбежно возникли новые цифровые риски [37]. По данным Мониторинга цифровой трансформации экономики и общества ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, в 2024 году более 75% российских интернет-пользователей отмечали какие-либо выгоды от использования онлайн-ресурсов. В качестве главного преимущества 59% опрошенных заявили, что благодаря соцсетям и мессенджерам им стало проще общаться с родственниками и друзьями [15, с. 154, 161]. В то же время одна треть российских пользователей в возрасте 14 лет и старше испытали на себе какие-либо негативные последствия использования интернета. Каждый третий интернет-пользователь (33%) сталкивался с различными угрозами кибербезопасности, в том числе каждый пятый (21%) получал по разным каналам мошеннические письма и каждый второй встречал в сети явно сомнительную информацию [15, с. 132, 135, 137].

Кроме самого факта использования, отдельным показателем является **интенсивность использования социальных сетей**. С 2016 года в мониторинге РМЭЗ НИУ ВШЭ задавался отдельный вопрос: «Как часто Вы посещаете социальную сеть, которой пользуетесь чаще всего?». Для анализа взята доля наиболее активных пользователей, которые посещали названную ими сеть ежедневно (см. рис. 8).

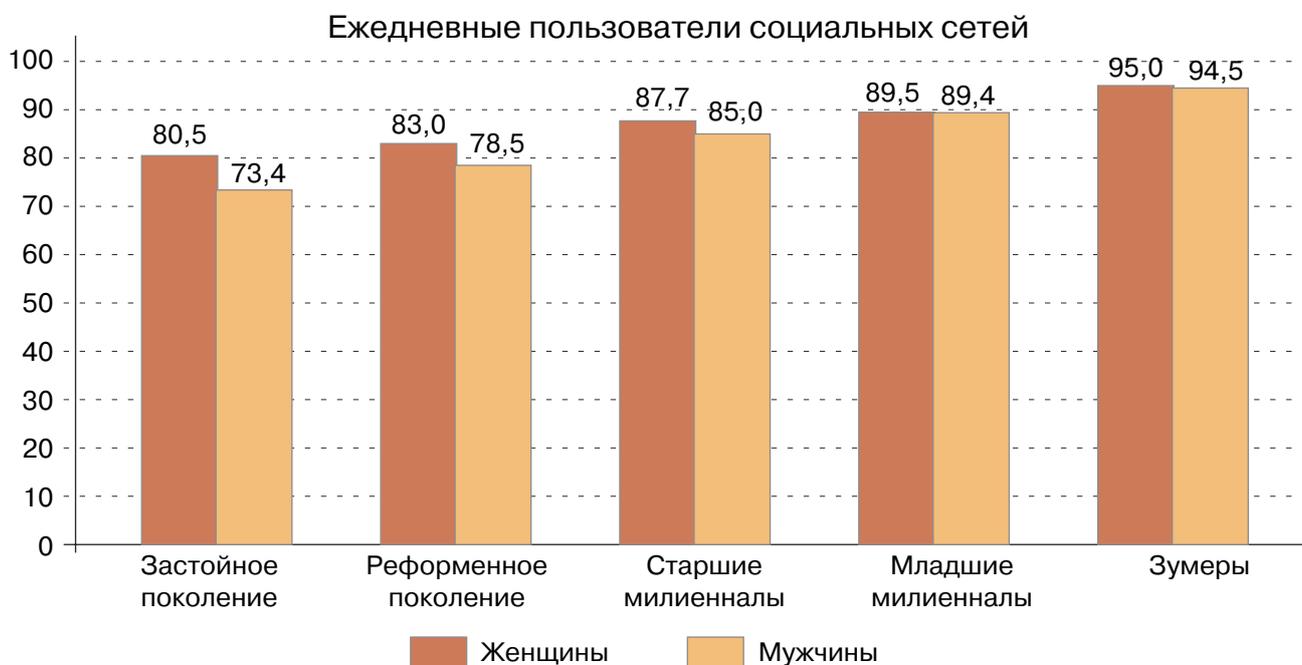

Рис. 8. Доля ежедневных пользователей социальных сетей в России в последние 12 месяцев, предшествовавших опросу, женщины и мужчины, по поколениям, 2023 г., % (пользователи соцсетей, возраст 18+, n = 9804)

Источник: Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Эта доля в 2023 году устойчиво возрастала с 78% в застойном поколении до 95% у зумеров. Что же касается представителей двух младших поколений в их двадцатилетнем возрасте (взять больше поколений не позволяют данные), то среди младших миллениалов ежедневно посещали социальные сети большинство опрошенных (87%), а среди зумеров, как было отмечено выше, практически все (95%) (см. рис. 8). Таким образом, редкое или периодическое посещение для пользователей социальных сетей не характерно, большинство посещают их ежедневно.

С какими целями посещаются социальные сети? По данным Мониторинга ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, в 2022 году основная часть пользователей вели личную переписку и читали новости. Но лишь каждый четвёртый респондент (26%) ограничивался перепиской, используя сети преимущественно как мессенджеры. Почти две трети пользователей (62%) также генерировали собственный контент или делали репосты [15, с. 56–57]. Добавим, что постоянное посещение социальных сетей, по данным предшествующих исследований, может быть связано с тревожностью, порождаемой боязнью пропустить нечто приятное или важное (FOMO) и низкой самооценкой [30].

Зависимость от социальных сетей в молодых поколениях возрастает.

Интенсивное использование социальных сетей может повышать уровень зависимости от них, измеряемый *долей пользователей*, которые, по их собственным заявлениям, уже не *представляют без них свою жизнь* (см. рис. 9).

В 2023 году такая зависимость устойчиво возрастает по мере омоложения поколений. И в целом от застойного поколения к зумерам она выросла более

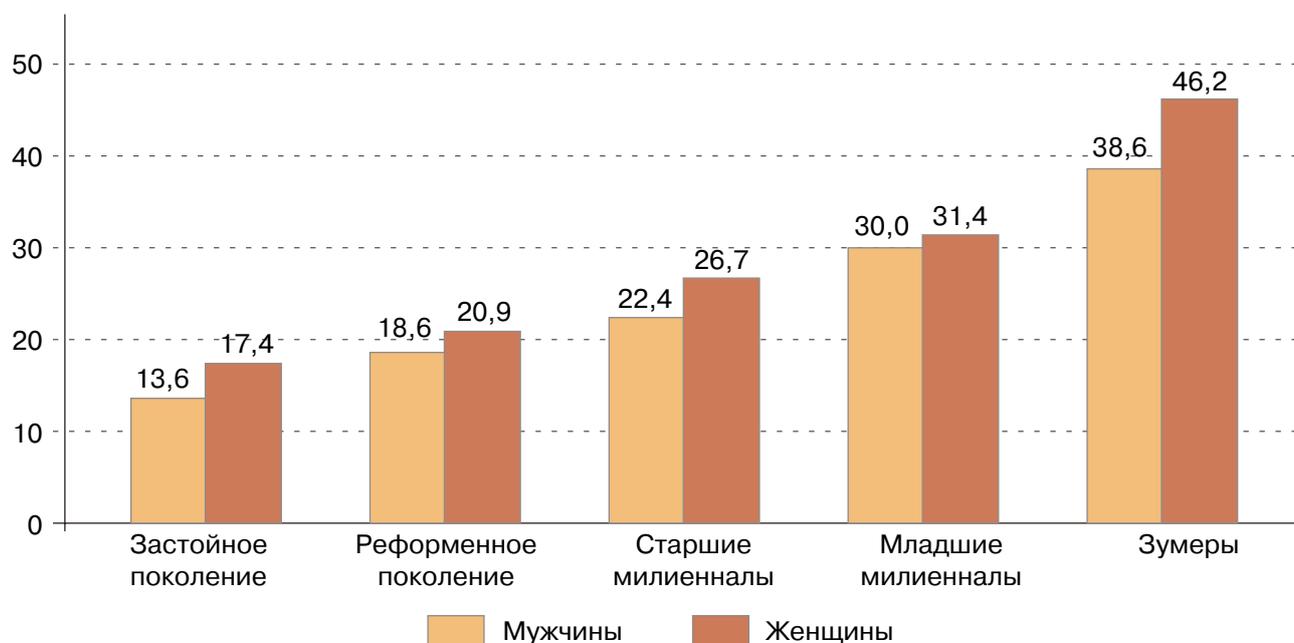

Рис. 9. Доля пользователей социальных сетей, не представляющих свою жизнь без них, мужчины и женщины, по поколениям, 2023 г., % (возраст 18+, n = 10 705)

Источник: Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ.

чем значительно – у мужчин в 2,8 раза (с 14% до 39%), а у женщин в 2,7 раза (с 17% до 46%). В основном это увеличение было плавным, но именно у зумеров произошёл серьёзный рывок – с 30% до 39% у мужчин и с 31% до 46% у женщин. Добавим, что во всех поколениях женщины опережали мужчин, но ненамного (в пределах 4 п. п.), за исключением зумеров, у которых доля зависимых от социальных сетей женщин опередила долю мужчин на 7 п. п.

Основные факторы вовлечённости в социальные сети (результаты регрессионного анализа). Результаты регрессионного анализа подтверждают значимое влияние межпоколенческих различий буквально на все применённые показатели вовлечённости в социальные сети и зависимости от их использования. Чем моложе поколение, тем эти эффекты выше, причём это касается, кроме общего показателя, также всех отдельных сетей и мессенджеров, кроме сети «Одноклассники», которой молодые поколения, наоборот, пользуются меньше. Выявляется и эффект периода, указывающий на рост общей вовлечённости в социальные сети с течением времени (вновь кроме сети «Одноклассники»).

Женщины значимо активнее мужчин по всем показателям, кроме посещения YouTube, где они всё же уступают мужчинам. Респонденты с высшим образованием и обучающиеся студенты заметно больше вовлечены в социальные сети, они также имеют значительно больше сетевых друзей. Высокообразованные и обучающиеся больше посещают «ВКонтакте» и меньше «Одноклассники», чаще используют YouTube и Telegram, реже – TikTok. Они посещают социальные сети интенсивнее, но с возникновением зависимости в данном случае значимой связи нет.

Имеющие оплачиваемую занятость также активнее представлены в социальных сетях, причём не только в «ВКонтакте», YouTube и Telegram, но даже и в «Одноклассниках». Но с возникновением зависимости значимая связь и здесь отсутствует.

Состоящие в браке более вовлечены в социальные сети, но интенсивность их посещения у них меньше, а зависимость возникает реже. Видимо, семейные заботы отбирают время у сетей. Характерно, что семейные люди чаще посещают «Одноклассники» и реже – «ВКонтакте» и YouTube, здесь, скорее всего, у них сказывается эффект возраста.

Уровень душевого дохода оказывает статистически значимое влияние на общую вовлечённость в социальные сети, но это влияние слабое и к возникновению зависимости оно не приводит. Наконец, сельские жители демонстрируют меньшую вовлечённость по сравнению с горожанами и, соответственно, реже испытывают зависимость от социальных сетей. При этом они чаще используют «Одноклассники» и TikTok и относительно реже посещают «ВКонтакте» и YouTube.

Регрессионные коэффициенты представлены в таблицах 1П–2П в Приложении.

Основные выводы

Влияние социальных сетей на повседневную жизнь людей можно назвать амбивалентным, то есть порождающим одновременно противонаправленные эффекты, расширяющие возможности в части саморепрезентации, производства контента и коммуникации с другими людьми и в то же время превращающие людей в объект разных нежелательных воздействий в виде скрытого контроля, социального давления и открытой агрессии.

На стадиях широкой и массовой вовлечённости в социальные сети в ряде случаев существенно возросло *цифровое неравенство* между поколениями, поскольку более молодые поколения быстрее осваивают новые технологии и в части доступа, и в части навыков использования [2–3]. Однако по мере распространения социальных сетей межпоколенческие различия могут снижаться.

За десятилетие (2012–2023 гг.) доля взрослых пользователей социальных сетей выросла более чем вдвое, превысив три четверти россиян, а от доли пользователей интернета она добралась почти до 100%, т. е. к 2023 году в социальные сети погрузились уже фактически все пользователи интернета. При этом широкая вовлечённость в социальные сети произошла в период взросления младших миллениалов, а массовая и всеобщая вовлечённость – уже в период взросления зумеров.

При сравнении поколений в 2023 году значительный рывок от массовой ко всеобщей вовлечённости в социальные сети случился здесь ещё при переходе от застойного к реформенному поколению. У старших миллениалов (у мужчин и женщин) эта доля уже превысила 90%, а у зумеров приблизилась к стопроцентному порогу. *Во всех поколениях женщины пользовались социальными сетями чаще мужчин*, но гендерные различия постепенно уменьшались и у зумеров фактически исчезли.

Популярность основных социальных сетей с годами менялась разнонаправленно. Доля пользователей сети «Одноклассники» устойчиво снижалась, а сети «ВКонтакте» понемногу росла. Продолжали расти в последние годы, несмотря на ограничения, доли пользователей YouTube и TikTok, но уровня массовой вовлечённости они пока не достигли. По мере омоложения поколений доля пользователей сети «Одноклассники» снижалась (особенно радикальное падение наблюдалось у зумеров), а роль остальных сетей, напротив, возрастала. Во всех указанных социальных сетях женщины всех поколений опережали мужчин по доле пользователей, за исключением YouTube, где, наоборот, более активны мужчины, хотя у зумеров это различие полностью исчезает.

У молодых поколений в социальных сетях в среднем больше друзей. Если в застойном поколении среднее число друзей не превышает 20 человек, в реформенном остаётся в пределах 50 человек, то у миллениалов и зумеров оно составляет уже от 50 до 100 человек. И более чем у каждого третьего зумера насчитывается больше 100 друзей. Причём от поколения к поколению вплоть

до зумеров женщины по данному показателю опережали мужчин, а у зумеров различия фактически схлопнулись.

Среди основных мессенджеров *наиболее популярен в России WhatsApp*, причём фактически одинаково во всех поколениях, но популярность появившегося позднее Telegram *растёт значительно быстрее*. Он больше привлекает молодых, и доля его пользователей устойчиво увеличивается с каждым более молодым поколением. У зумеров использование Telegram уже можно назвать всеобщим. И если среди пользователей Telegram, начиная с реформенного поколения, женщины опережали мужчин, то у зумеров гендерные различия исчезли.

Интенсивность использования социальных сетей высока и возрастает в более молодых поколениях Редкое или периодическое посещение для пользователей социальных сетей не характерно, в целом более трёх четвертей посещают их ежедневно, а у зумеров эта доля доходит до 95%. *В молодых поколениях также возрастает зависимость от социальных сетей*. Доля пользователей соцсетей, уже не представляющих без них свою жизнь, судя по ответам, устойчиво возрастает от застойного поколения к зумерам почти в три раза и начинает приближаться к половине всех пользователей сетей.

Значимое влияние межпоколенческих различий буквально на все показатели вовлечённости в социальные сети и зависимости от их использования подтверждается результатами регрессионного анализа, эффекты возрастают с каждым более молодым поколением, за единственным исключением сети «Одноклассники». Женщины значимо активнее мужчин по всем показателям, кроме посещения YouTube. Респонденты с высшим образованием, студенты и занятые на рынке труда больше вовлечены в социальные сети, но с возникновением зависимости здесь значимых связей нет. Состоящие в браке посещают социальные сети менее интенсивно и реже подвержены зависимости. Уровень душевого дохода влияет относительно слабо. А сельские жители по сравнению с горожанами менее вовлечены и реже испытывают сетевую зависимость.

Можно заключить, что вовлечённость в социальные сети и их интенсивное (ежедневное) использование нередко сопровождаются зависимостью, и это заметно чаще происходит у представителей более молодых поколений. В большинстве случаев более активны женщины, чем мужчины, но с переходом к зумерам гендерные различия уменьшаются или вовсе исчезают. Добавим, что полученные выводы по России подтверждаются доступными результатами других российских опросов, а также зарубежными исследованиями Pew Research Center. Поскольку число использованных в данном исследовании показателей было ограничено, в будущем проблема зависимости от социальных сетей заслуживает более обстоятельного изучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Boyd D. M., Ellison N. B.* Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2008. Vol. 13, № 1. P. 210–230. DOI [10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x](https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x).
2. *Варламова Ю. А.* Межпоколенческий цифровой разрыв в России // *Мир России. Социология. Этнология*. 2022. Т. 31, № 2. С. 51–74. DOI [10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74). EDN [LMITQU](https://www.edn.ru/LMITQU).
3. *The Physical–Digital Divide: Exploring the Social Gap Between Digital Natives and Physical Natives / C. Ball, J. Francis, K.-T. Huang [et al.] // Journal of Applied Gerontology*. 2019. Vol. 38, № 8. P. 1167–1184. DOI [10.1177/0733464817732518](https://doi.org/10.1177/0733464817732518).
4. *Варуфакис Я.* Технофеодализм: что убило капитализм. М. : Ад Маргинем Пресс, 2025. 304 с. ISBN 978-5-91103-974-8.
5. *Kotelnikova Z., Radaev V.* Introduction // *The Ambivalence of Power in the Twenty-First Century Economy: Cases from Russia and beyond / Eds. V. Radaev, Z. Kotelnikova*. London : UCL Press, 2022. P. 1–11.
6. *Global Prevalence of Digital Addiction in General Population: A Systematic Review and Meta-Analysis / S.-Q. Meng, J.-L. Cheng, Y.-Y. Li [et al.] // Clinical Psychology Review*. 2022. Vol. 92. P. 102128. DOI [10.1016/j.cpr.2022.102128](https://doi.org/10.1016/j.cpr.2022.102128). EDN [OCENPT](https://www.edn.ru/OCENPT).
7. *Старк Д., Паус И.* Алгоритмическое управление в экономике платформ // *Экономическая социология*. 2021. Т. 22, № 3. С. 71–103. DOI [10.17323/1726-3247-2021-3-71-103](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-3-71-103). EDN [CKZVNK](https://www.edn.ru/CKZVNK).
8. *Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф ; пер. с англ. А. Ф. Васильева ; под науч. ред. Я. Охонько, А. Смирнова. М. : Издательство Института Гайдара, 2022. 782 с. ISBN 978-5-93255-613-9.
9. *Зубофф Ш.* Надзорный капитализм или демократия? / Ш. Зубофф ; пер. с англ. под науч. ред. А. Смирнова. М. : Издательство Института Гайдара, 2025. 360 с. ISBN 978-5-93255-692-4.
10. *Радаев В. В.* Миллениалы: как меняется российское общество / В. В. Радаев ; 3-е изд., перераб. и дополн. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 296 с. ISBN 978-5-7598-2792-4. EDN [RWCXHG](https://www.edn.ru/RWCXHG).
11. *Burrell J., Fourcade M.* The Society of Algorithms // *Annual Review of Sociology*. 2021. Vol. 47, № 1. P. 213–237. DOI [10.1146/annurev-soc-090820-020800](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-090820-020800). EDN [JCQDWI](https://www.edn.ru/JCQDWI).
12. *Laconi S., Rodgers R. F., Chabrol H.* The Measurement of Internet Addiction: A Critical Review of Existing Scales and Their Psychometric Properties // *Computers in Human Behavior*. 2014. Vol. 41. P. 190–202. DOI [10.1016/j.chb.2014.09.026](https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.09.026).
13. *Радаев В. В.* Нестандартное потребление. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. 216 с. ISBN 978-5-7598-4131-9. DOI [10.17323/978-5-7598-4131-9](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-4131-9). EDN [PFROVD](https://www.edn.ru/PFROVD).
14. *Радаев В. В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // *Социологические исследования*. 2018. № 3. С. 15–33. DOI [10.7868/S0132162518030029](https://doi.org/10.7868/S0132162518030029). EDN [YVQXQU](https://www.edn.ru/YVQXQU).
15. *Жизнь онлайн: цифровая трансформация российского общества / Е. А. Стрельцова, Л. С. Кузина, В. В. Полякова [и др.] ; отв. ред. Е. А. Стрельцова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. 188 с. ISBN 978-5-7598-3031-3.*
16. *Fosse E., Winship C.* Analyzing Age-Period-Cohort Data: A Review and Critique // *Annual Review of Sociology*. 2019. Vol. 45. P. 467–492. DOI [10.1146/annurev-soc-073018-022616](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-073018-022616).
17. *Radaev V., Roshchina Y.* Young cohorts of Russians drink less: Age-period-cohort modelling of alcohol use prevalence, 1994–2016 // *Addiction*. 2019. Vol. 114, № 5. P. 823–835. DOI [10.1111/add.14535](https://doi.org/10.1111/add.14535). EDN [RUHZCS](https://www.edn.ru/RUHZCS).

18. Твенге Дж. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым – и абсолютно не готовым ко взрослой жизни. М. : Рипол-Классик, 2019. 464 с. ISBN 978-5-386-12783-1.
19. Соколов М. М. Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России // Социология власти. 2019. Т. 31, № 1. С. 71–91. DOI [10.22394/2074-0492-2019-1-71-91](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-71-91). EDN ZDDCZN.
20. Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть) // Социологический журнал. 2020а. Т. 26, № 3. С. 30–63. DOI [10.19181/socjour.2020.26.3.7395](https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395). EDN PCGGMH.
21. Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Окончание) // Социологический журнал. 2020б. Т. 26, № 4. С. 31–60. DOI [10.19181/socjour.2020.26.4.7641](https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7641). EDN VI0CXX.
22. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 3. С. 177–191. EDN TWHXXF.
23. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Чигарькова С. В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодёжи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2. С. 3–20. DOI [10.11621/npj.2020.0201](https://doi.org/10.11621/npj.2020.0201). EDN YJIBIE.
24. Кибербуллинг: масштаб проблемы в России // ВЦИОМ : сайт. 06 июля 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kiberbulling-masshtab-problemy-v-rossii> (дата обращения: 12.08.2025).
25. Hate Knows no Boundaries: Online Hate in Six Nations / A. Reichelmann, Ja. Hawdon, M. Costello [et al.] // Deviant Behavior. 2021. Vol. 42, № 9. P. 1100–1111. DOI [10.1080/01639625.2020.1722337](https://doi.org/10.1080/01639625.2020.1722337). EDN TCDURE.
26. Gottfried J., Sidoti A. Teens and Video Games Today // Pew Research Center : сайт. 9 May 2024. URL: <https://www.pewresearch.org/?p=165467> (дата обращения: 12.08.2025).
27. Результаты глобального опроса по безопасности в Интернете // Microsoft : сайт. 2024. URL: <https://www.microsoft.com/ru-ru/DigitalSafety/research/global-online-safety-survey> (дата обращения: 12.08.2025).
28. Ларина Е. В. Киберсталкинг как современная угроза общественной безопасности: меры противодействия в России и за рубежом // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 1. С. 170–189. DOI [10.19181/snsp.2025.13.1.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.8). EDN GVL0LM.
29. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50. EDN OYNYKJ.
30. Buglass S., Binder J., Betts L., Underwood J. Motivators of online vulnerability: The impact of social network site use and FOMO // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 66. P. 248–255. DOI [10.1016/j.chb.2016.09.055](https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.09.055).
31. Fear of missing out: Testing relationships with negative affectivity, online social engagement, and problematic smartphone use / J. Elhai, J. Levine, A. Alghraibeh [et al.] // Computers in Human Behavior. 2018. Vol. 89. P. 289–298. DOI [10.1016/j.chb.2018.08.020](https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.08.020).
32. Turel O., Cavagnaro D. R., Meshi D. Short Abstinence from Online Social Networking Sites Reduces Perceived Stress, Especially in Excessive Users. Psychiatry Research. 2018. Vol. 270. P. 947–953. DOI [10.1016/j.psychres.2018.11.017](https://doi.org/10.1016/j.psychres.2018.11.017).
33. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Чрезмерное использование интернета: факторы и признаки // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 4. С. 79–88. EDN PHEPGL.
34. Воронина Н. С. Гендерный аспект цифрового неравенства в России: результаты эмпирического анализа // Мир России. 2023. Т. 32, № 3. С. 52–74. DOI [10.17323/1811-038X-2023-32-3-52-74](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-3-52-74). EDN CGOUIH.

35. Gramlich J. Germans stand out for their comparatively light use of social media // Pew Research Center : сайт. 2024. URL: <https://pewrsr.ch/3IoAvnB> (дата обращения: 12.08.2025).
36. Богомяжкова Е. С., Харманская Э. Ю. Социальные сети как фреймы: анализ пользовательского опыта // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. Т. 27, № 3. С. 168–195. DOI [10.31119/jssa.2024.27.3.6](https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.6). EDN [HWJTVS](https://www.edn.ru/HWJTVS).
37. Sundberg L. Towards the Digital Risk Society: A Review // Human Affairs. 2024. Vol. 34, № 1. P. 151–164. DOI [10.1515/humaff-2023-0057](https://doi.org/10.1515/humaff-2023-0057). EDN [KKOGCW](https://www.edn.ru/KKOGCW).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Основные предикторы вовлечённости населения в социальные сети
(коэффициенты логистической регрессии), 2023 г.

Предикторы	Пользователи социальных сетей			
	Посещают социальные сети, 2012–2023	Имеют более 100 друзей	Посещают ежедневно	Не представляют жизнь без сетей
Реформенное поколение	3,550*** (,016)	3,446*** (,095)	1,340*** (,080)	1,330*** (,077)
Старшие миллениалы	7,867*** (,018)	8,184*** (,094)	1,938*** (,089)	1,793*** (,079)
Младшие миллениалы	25,982*** (,027)	17,672*** (,101)	2,514*** (,112)	2,303*** (,086)
Зумеры	38,510*** (,099)	15,915*** (,111)	5,205*** (,167)	3,653*** (,095)
Период	1,424*** (,002)			
Гендер (женщины)	1,823*** (,013)	1,255*** (,057)	1,251*** (,061)	1,211*** (,050)
Высшее образование или/и студенты	2,028*** (,013)	6,968*** (,056)	1,336*** (,063)	,947 (,051)
Оплачиваемая занятость	2,061*** (,015)	2,248*** (,074)	,883 (,078)	1,101 (,066)
Состоят в браке	1,282*** (,014)	1,258*** (,063)	,875* (,066)	,810*** (,064)
Душевой доход (ln)	1,005* (,002)	1,019*** (,010)	1,029* (,011)	,992 (,008)
Тип поселения (сёла)	,688*** (,014)	,456*** (,065)	,892 (,069)	,852* (,062)
Константа	,000*** (,054)	,025*** (,161)	1,981*** (,173)	,173*** (,136)
R2 Нэйджелкерка	,644	,071	,048	,054
Число респондентов	270 679	8105	9281	10 054

Среднеквадратичная ошибка в скобках, * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Таблица 2

Основные предикторы вовлечённости населения в социальные сети
(коэффициенты логистической регрессии), 2023 г.

Предикторы	Пользователи социальных сетей					
	Одно-классники, 2012–2023	ВКонтакте, 2012–2023	YouTube	TikTok	WhatsApp	Telegram
Реформенное поколение	,866*** (,024)	1,888*** (,021)	1,368*** (,064)	1,458*** (,069)	1,315** (,093)	1,875*** (,065)
Старшие миллениалы	,553*** (,024)	4,481*** (,022)	1,826*** (,067)	2,165*** (,071)	1,541*** (,101)	2,575*** (,068)
Младшие миллениалы	,345*** (,026)	9,683*** (,031)	2,769*** (,078)	2,621*** (,079)	1,519* (,117)	4,192*** (,081)
Зумеры	,333*** (,044)	12,743*** (,061)	3,301*** (,092)	3,796*** (,091)	1,322*** (,130)	6,995*** (,101)
Период	,843*** (,002)	1,010*** (,002)				
Гендер (женщины)	1,864*** (,016)	1,079*** (,016)	,794*** (,045)	1,232*** (,046)	1,451*** (,066)	1,139** (,046)
Высшее образование или/и студенты	,725*** (,016)	1,329*** (,016)	1,269*** (,045)	,626*** (,047)	1,124 (,068)	2,042*** (,047)
Оплачиваемая занятость	1,169*** (,020)	1,247*** (,020)	1,090* (,057)	1,070 (,059)	,990 (,085)	1,479*** (,059)
Состоят в браке	1,185*** (,017)	,870*** (,018)	,867*** (,048)	,974 (,050)	1,023 (,073)	,953 (,050)
Душевой доход (ln)	,986*** (,003)	1,002 (,003)	,999 (,008)	,994 (,008)	1,037*** (,011)	1,006 (,008)
Тип поселения (села)	2,243*** (,021)	,554*** (,019)	,656*** (,053)	1,650*** (,053)	1,094 (,080)	,908 (,054)
Константа	104,969*** (,075)	,443*** (,073)	,997 (,124)	,271*** (,127)	2,126*** (,175)	,275*** (,130)
R2 Нэйджелкерка	,188	,189	,078	,077	,014	,155
Число респондентов	88245	88145	9635	9536	9549	9537

Среднеквадратичная ошибка в скобках, * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Сведения об авторе

В. В. Радаев

доктор экономических наук, профессор
заведующий Лабораторией
экономико-социологических исследований,
Первый проректор НИУ ВШЭ
SPIN-код: 2142-2173

Статья поступила в редакцию 13.08.2025; одобрена после рецензирования 01.10.2025;
принята к публикации 03.11.2025.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.4.6

INCREASING ENGAGEMENT IN SOCIAL MEDIA AND ADDICTION OF USERS FROM YOUNGER GENERATIONAL COHORTS

Vadim Valerievich Radaev

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia
radaev@hse.ru,
ORCID 0000-0003-0152-1396

For citation: Radaev V. V. Increasing engagement in social media and addiction of users from younger generational cohorts. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(4):127–158. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2025.13.4.6.

Abstract.¹ This paper explores the history of the emergence and spread of social media in Russia as well as their ambivalent impact on the everyday life of users. Empirically, through the lens of intergenerational analysis, based on representative quantitative data, it examines the growth of Russians' engagement with social media (including individual media and messengers), as well as the increasing addiction of Russians on social media. The primary data source is the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS–HSE) conducted by the National Research University Higher School of Economics (HSE) for the years 1994–2023. The combined dataset includes 343,355 respondents aged 18 and older, comprising 42% men and 58% women. In addition to comparing prevalence use by generations and periods, logistic regression analysis is applied with indicators of engagement and addiction on social media as dependent variables. The results show that intergenerational differences (often confounded by age effects) significantly influence key indicators of social media engagement, including excessive engagement. Addiction on social media also occurs significantly more frequently among younger generations. A markedly higher level of engagement is observed among women. However, with the transition to the youngest cohort of Zoomers, gender differences often diminish or disappear altogether.

Keywords: social media, addiction, generations, population surveys, Russia

Acknowledgements: this work was conducted at the Laboratory for Studies in Economic Sociology and funded by the Program for Basic Research of the National Research Univer-

¹ Перевод аннотации выполнен с помощью Perplexity.AI.

sity Higher School of Economics (HSE University). We thank an anonymous reviewer, Lilia Kouzina, Maria Nagernyak, and Ekaterina Streltsova as well as all participants of the LSES seminar for useful comments on the manuscript of this paper.

REFERENCES

1. Boyd D. M., Ellison N. B. Social network sites: definition, history, and scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2008;13(1):210–230. DOI [10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x](https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x).
2. Varlamova Yu. A. The intergenerational digital divide in Russia. *Universe of Russia=Mir Rossii*. 2022;31(2):51–74 (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74).
3. Ball C., Francis J., Huang K.-T. [et al.]. The physical–digital divide: exploring the social gap between digital natives and physical natives. *Journal of Applied Gerontology*. 2019;38(8):1167–1184. DOI [10.1177/0733464817732518](https://doi.org/10.1177/0733464817732518).
4. Varoufakis Y. *Technofeudalism: what killed capitalism*. Moscow: Ad Marginem Press; 2025. 304 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91103-974-8.
5. Kotelnikova Z., Radaev V. Introduction. In: Radaev V., Kotelnikova Z., eds. *The Ambivalence of power in the twenty-first century economy: cases from Russia and beyond*. London: UCL Press, 2022; P. 1–11.
6. Meng S.-Q., Cheng J.-L., Li Y.-Y., [et al.]. Global prevalence of digital addiction in general population: a systematic review and meta-analysis. *Clinical Psychology Review*. 2022;(92):102128. DOI [10.1016/j.cpr.2022.102128](https://doi.org/10.1016/j.cpr.2022.102128).
7. Stark D., Pais I. Algorithmic management in the platform economy. *Journal of Economic Sociology=Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2021;22(3):71–103 (In Russ.). DOI [10.17323/1726-3247-2021-3-71-103](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-3-71-103).
8. Zuboff S. *The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara; 2022. 782 p. (In Russ.). ISBN 978-5-93255-613-9.
9. Zuboff S. *Surveillance capitalism or democracy?* Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara; 2025. 360 p. (In Russ.). ISBN 978-5-93255-692-4.
10. Radaev V. V. *Millennials: how Russian society is being changed*. 3d ed. Moscow: Izd. dom Vy'sshej shkoly' e'konomiki; 2023. 296 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-2792-4.
11. Burrell J., Fourcade M. The Society of Algorithms. *Annual Review of Sociology*. 2021;47(1):213–237. DOI [10.1146/annurev-soc-090820-020800](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-090820-020800).
12. Laconi S., Rodgers R. F., Chabrol H. The measurement of internet addiction: a critical review of existing scales and their psychometric properties. *Computers in Human Behavior*. 2014;(41):190–202. DOI [10.1016/j.chb.2014.09.026](https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.09.026).
13. Radaev V. V. *Nonstandard consumption*. Moscow: Izd. dom Vy'sshej shkoly' e'konomiki; 2025. 216 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-4131-9. DOI [10.17323/978-5-7598-4131-9](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-4131-9).
14. Radaev V. V. Millennials compared to previous generations: an empirical analysis. *Sociological Studies= Sotciologicheskie Issledovaniya*. 2018;(3):15–33. (In Russ.). DOI [10.7868/S0132162518030029](https://doi.org/10.7868/S0132162518030029).
15. Streltsova E. A., Kouzina L. S. [et al.] *Life online: digital transformation of the Russian society*. Moscow: Izd. dom Vy'sshej shkoly' e'konomiki; 2025. 188 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-3031-3.
16. Fosse E., Winship C. Analyzing age-period-cohort data: a review and critique. *Annual Review of Sociology*. 2019;(45):467–492. DOI [10.1146/annurev-soc-073018-022616](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-073018-022616).
17. Radaev V., Roshchina Y. Young cohorts of Russians drink less: age-period-cohort modelling of alcohol use prevalence, 1994–2016. *Addiction*. 2019;114(5):823–835. DOI [10.1111/add.14535](https://doi.org/10.1111/add.14535).

18. Twenge J. iGen: Why today's super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy and completely unprepared for adulthood. Moscow: Ripl-Classic; 2019. 464 p. (In Russ.). ISBN 978-5-386-12783-1.
19. Sokolov M. M. Generations instead of classes? Age and consumer revolution in Russia. *Sociology of Power=Sotsiologiya vlasti*. 2019;(1):71–91. (In Russ.). DOI [10.22394/2074-0492-2019-1-71-919](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-71-919).
20. Radaev V. V. The divide among the millennial generation: historical and empirical justifications (Part one). *Sociological Journal=Sotsiologicheskij zhurnal*. 2020a;26(3):30–63 (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2020.26.3.7395](https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395).
21. Radaev V. V. The divide among the millennial generation: historical and empirical justifications (Part two). *Sociological Journal=Sotsiologicheskij zhurnal*. 2020b;26(4):31–60. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2020.26.4.7641](https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7641).
22. Bochaver A. A., Khlomov K. D. Cyberbullying: harassment in the space of modern technologies. *Psychology: Journal of the Higher School of Economics=Psikhologiya: zhurnal vysshey shkoly ekonomiki*. 2014;11(3):177–191. (In Russ.).
23. Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Chigarkova S. V. Types of cyberaggression: experience of adolescents and youth. *National Psychological Journal=Natsional'nyi psikhologicheskij zhurnal*. 2020;(2):3–20. (In Russ.). DOI [10.11621/npj.2020.0201](https://doi.org/10.11621/npj.2020.0201).
24. Cyberbullying: Scale of the problem in Russia [webcite] Russian public opinion research center. 2021. (In Russ.). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kiberbullingmasshtab-problemy-v-rossii> (accessed: 12.08.2025).
25. Reichelmann A., Hawdon J., Costello M. [et al.] Hate knows no boundaries: online hate in six nations. *Deviant Behavior*. 2021;42(9):1100–1111. DOI [10.1080/01639625.2020.1722337](https://doi.org/10.1080/01639625.2020.1722337).
26. Gottfried J., Sidoti A. Teens and video games today [webcite]. Pew research center, 2024. Available at: <https://www.pewresearch.org/?p=165467> (accessed: 12.08.2025).
27. Global online safety survey 2024: worldwide. Parents' and kids' perceptions of online safety? [webcite] 2024. Available at: <https://www.microsoft.com/ru-ru/DigitalSafety/research/global-online-safety-survey> (accessed: 12.08.2025).
28. Larina E. V. Cyberstalking as a modern threat to public security: countermeasures in Russia and abroad. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(1):170–189. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.1.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.8).
29. Granovetter M. Strength of weak ties. *Journal of Economic Sociology=Ekonomicheskaya sociologiya*. 2009;10(4):31–50. (In Russ.).
30. Buglass S., Binder J., Betts L., Underwood J. Motivators of online vulnerability: the impact of social network site use and FOMO. *Computers in Human Behavior*. 2016;(66):248–255. DOI [10.1016/j.chb.2016.09.055](https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.09.055).
31. Elhai J., Levine J., Alghraibeh A. [et al.]. Fear of missing out: testing relationships with negative affectivity, online social engagement, and problematic smartphone use. *Computers in Human Behavior*. 2018;(89):289–298. DOI [10.1016/j.chb.2018.08.020](https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.08.020).
32. Turel O., Cavagnaro D. R., Meshi D. Short abstinence from online social networking sites reduces perceived stress, especially in excessive users. *Psychiatry Research*. 2018;(270):947–953. DOI [10.1016/j.psychres.2018.11.017](https://doi.org/10.1016/j.psychres.2018.11.017).
33. Soldatova G. U., Rasskazova E. I. Excessive use of the internet: signs and factors. *Psychological Journal=Psikhologicheskij Zhurnal*. 2013;34(4):79–88. (In Russ.).
34. Voronina N. S. The gender aspect of the digital divide in Russia: findings from an empirical study. *Universe of Russia=Mir Rossii*. 2023;32(3):52–74. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2023-32-3-52-74](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-3-52-74).

35. Gramlich J. Germans stand out for their comparatively light use of social media. [webcite] Pew research center. 2024. Available at: <https://pewrsr.ch/3IoAvnB> (accessed: 12.08.2025).
36. Bogomyagkova E., Kharmanskaya E. Social networks as frames: user experience analysis. *The Journal of Sociology and Social Anthropology=Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. 2024;27(3):168–195 (In Russ.). DOI [10.31119/jssa.2024.27.3.6](https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.6).
37. Sundberg L. Towards the digital risk society: a review. *Human Affairs*. 2024;34(1):151–164. DOI [10.1515/humaff-2023-0057](https://doi.org/10.1515/humaff-2023-0057).

Information about the Author

V. V. Radaev

Doctor of Economics, Professor,
Head of the Laboratory for Studies in Economic Sociology,
First Vice-rector
ResearcherID: [F-8501-2014](https://orcid.org/0009-0001-8501-2014)
Scopus AuthorID: [57198420405](https://orcid.org/0009-0001-8501-2014)

The article was submitted 13.08.2025; approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 03.11.2025.

РЕЖИМЫ РАБОТЫ И НЕДЕЛЬНЫЙ РИТМ ПОВСЕДНЕВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОЖАН В КОНТЕКСТЕ ИХ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Галина Петровна Бессокирная¹
Ольга Александровна Большакова²
Татьяна Муртазаевна Караханова³

^{1, 2, 3} Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

¹ gala@isras.ru,

ORCID 0000-0001-7099-7772

² baolga7@rambler.ru,

ORCID 0000-0003-2501-6001

³ patruhev@isras.ru,

ORCID 0000-0002-6497-9188

Для цитирования: Бессокирная Г. П., Большакова О. А., Караханова Т. М. Режимы работы и недельный ритм повседневной деятельности горожан в контексте их социальной адаптации // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 4. С. 159–194. DOI 10.19181/snsp.2025.13.4.7. EDN FECVGI.

Аннотация. В статье анализируется влияние режимов работы и недельного ритма жизнедеятельности на социальную адаптацию занятого населения. С этой целью использованы данные мониторинга повседневной деятельности и бюджета времени городских жителей, который осуществляется в Институте социологии ФНИСЦ РАН. По результатам исследований (с 1970-х по 2020 гг.) рассмотрены применяемые режимы рабочей недели. Выявлено, что, несмотря на формирующееся разнообразие режимов рабочей недели, преобладающей для наёмных работников остаётся пятидневная рабочая неделя с двумя выходными днями («пятидневка»). Установлено, что показатели использования времени наёмными работниками в рабочие и нерабочие дни различаются в зависимости от режима рабочей недели («пятидневка» или «другие режимы рабочей недели») и гендерного статуса. «Пятидневка» отличается определёнными адаптационными преимуществами как для мужчин, так и для женщин. Четырёхдневная рабочая неделя предоставляет лучшие времяресурсные возможности для осуществления восстанавливающей и развивающей деятельности, что, однако, не тождественно лучшей реализации этих возможностей. Анализ показателей использования времени в группе предпринимателей и самозанятых установил, что бюджет времени этой группы респондентов не отличается более высокой степенью напряжённости, более

© Бессокирная Г. П., 2025

© Большакова О. А., 2025

© Караханова Т. М., 2025

активным досугом и сильнее выраженной развивающей составляющей по сравнению с бюджетом времени наёмных работников. Как при «пятидневке», так и при других режимах рабочей недели у наёмных работников выявлены одни и те же дни наивысшего уровня работоспособности, а именно – вторник, среда, четверг и «примкнувший» к ним понедельник. Такая конфигурация недельной работоспособности у мужчин оправданно ложится в пространство четырёхдневной рабочей недели с тремя выходными днями. Показатели удовлетворённости работающих горожан использованием времени в сферах труда, быта и отдыха также различаются в зависимости от режима работы и гендерного статуса. Высказано предположение, что выбор отличного от «пятидневки» режима рабочей недели для определённой части тружениц (даже при менее благоприятных условиях труда) является фактором, который позволяет им осуществлять баланс «работа – семья» в повседневной деятельности. Удовлетворённость работой и удовлетворённость жизнью выше в группе предпринимателей и самозанятых, что позволяет считать эти новые формы занятости потенциально эффективными способами адаптации горожан в новой социальной реальности.

Ключевые слова: режимы работы, использование времени, виды повседневной деятельности, недельный ритм повседневной деятельности, наёмные работники, предприниматели и самозанятые, социальная адаптация

Введение

В последние годы в трудовой деятельности российского населения произошли и продолжают происходить существенные изменения. Наряду со стандартной занятостью (по найму в режиме полного рабочего дня на основе трудового договора) сложились, во-первых, новые её виды – предпринимательство, самозанятость, а во-вторых – различные типы и формы занятости, такие как вторичная, неустойчивая (прекарная), платформенная, проектная, вахтовая. Происходят существенные изменения и в самих режимах работы. Обсуждаются, в частности, возможности перехода с пятидневной работы (режима рабочей недели, стандартного для России) на четырёхдневную рабочую неделю. Получают распространение дистанционная (удалённая) работа, гибридный формат работы (совмещённый офлайн- и онлайн-режим работы), гибкий режим работы, неполная рабочая неделя, свободный график (отсутствует установленный режим работы). Повседневная деятельность городских работающих жителей в сферах труда, быта и отдыха не может не иметь определённых различий в зависимости от меняющихся условий занятости (как важной составляющей условий жизнедеятельности), прежде всего структурных, с вытекающими из них социальными последствиями. Эти последствия могут рассматриваться в качестве свидетельств характера (положительного или отрицательного) социальной адаптации работающего городского населения к условиям занятости, исследование которых, с нашей точки зрения, безусловно актуализировано в настоящее время.

Цель настоящей статьи – выявить характер взаимосвязи режима работы и недельного ритма жизни с состоянием использования времяресурса (бюджета времени) горожанами на различные группы видов повседневной деятельности и последствия социальной адаптации работников.

В русле поставленной цели статьи сформулированы следующие задачи.

1. Кратко рассмотреть на основе данных собственных исследований (с 1970-х по 2020 гг.) применяемые режимы рабочей недели и социально-демографические характеристики современных работников.
2. Проанализировать показатели использования фонда времени городскими наёмными работниками, предпринимателями и самозанятыми в зависимости от режимов рабочей недели.
3. Определить недельный ритм повседневной деятельности работающих по найму горожан в показателях времяиспользования.
4. Выявить показатели удовлетворённости работающих горожан использованием времени в сферах труда, быта и отдыха как значимых характеристик их социальной адаптации в зависимости от режимов работы.

В работе использованы данные мониторинга повседневной деятельности и бюджета времени городских жителей, который осуществляется в Институте социологии ФНИСЦ РАН¹ с 1970-х гг. Для анализа привлечены также данные госстатистики и результаты исследований, выполненных в НИУ ВШЭ, ВЦИОМ и в других организациях (учреждениях).

Статья приурочена к 100-летию со дня рождения профессора, доктора экономических наук В. Д. Патрушева (1925–2008) и подготовлена его учениками. Он руководил сектором изучения повседневной деятельности и бюджета времени ИС РАН с 1975 по 2008 г., был в числе ведущих учёных страны, изучавших вопросы использования времени. Им опубликовано более 250 научных работ по проблемам рабочего и вне рабочего времени.

Режимы работы в современной России

В середине 1960-х гг. для большинства работающего населения в СССР была установлена пятидневная рабочая неделя с двумя выходными днями. Рабочие смены удлинились с 7 до 8 ч. 15 мин. В условиях того времени значительная часть домашнего труда, образовательных и досуговых занятий сконцентрировалась в двух выходных днях [1, с. 168–169]. Анализ взаимосвязи показателей использования времени и режимов работы выявил, что переход на «пятидневку» создал новые возможности для повышения эффективности использования вне рабочего и свободного времени [2; 3]. И сегодня проявляется интерес к ретроспективному анализу проблем того перехода [4]. Наряду с «пятидневкой» применялись и другие режимы рабочей недели. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы исследований бюджета времени за период с 1970-х гг. до 2020 года, проведённых сектором изучения повседневной деятельности и бюджета времени ИС РАН и другими научными коллективами, позволяют проследить, как менялось соотношение применяемых режимов рабочей недели горожан. В 1976 году на крупнейшем промышленном предприятии Омска

---

¹ ИС РАН в 2017 году вошёл в состав Федерального научно-исследовательского социологического центра и был переименован в ИС ФНИСЦ РАН.

Омском шинном заводе, позднее преобразованном в объединение «Омскшина», в условиях пятидневной рабочей недели трудились 39,6% работников, шестидневной – 53,8%, четырёхдневной – 5%, другие режимы работы были у 1,6% опрошенных [5, с. 50]. По результатам исследования бюджета времени населения Керчи в 1982 году (рук. В. Д. Патрушев, С. Н. Бардакова), «пятидневку» имели 69,6% работающих горожан, шестидневный режим – 22,1%, трёх-четырёхдневный – 2,7%, другие режимы – 5,6% горожан [6, с. 95–96]. К 1986 году, по данным исследования бюджета времени, проведённого в Пскове (советско-американский проект, 1986 года, базовые территории – Псков, Джексон [7, р. 18–41]), уже 82,7% работающих горожан имели пятидневную рабочую неделю, 8,8% – шестидневную и 8,5% – другие режимы работы [8, с. 69]. В 2007–2008 гг. (исследование, проведённое в Пскове и Саратове) применение шестидневного рабочего режима не только сохранилось, но и расширилось до 23,7%, «пятидневку» же имели меньше работников – 48,6%, четырёхдневную неделю с 3 выходными – 5,4%, существенно увеличилась доля других режимов работы, выявленных у 22,2% опрошенных. А в 2014 году на промышленных предприятиях Омска, Кирова, Пскова, Владимира, Брянска шестидневный режим был зафиксирован практически в «следовых» значениях – 2,3%, остальные, соответственно, составили 91,6%, 2,4% и 3,7%.

В 2019–2020 гг. ситуация существенно поменялась: например, 6 рабочих, 1 выходной день среди работающего населения Пскова имели 5,1% работников, 5 рабочих, 2 выходных – 56,1%, не было установленного режима работы – у 19,4%, другие рабочие режимы были у 19,4% опрошенных. В составе перечисленных режимов работы выявлены разнообразные её графики. Обычный, односменный график работы имели 52,4% работающего населения, сменный – 23,5%, ненормированный – 6,3% и гибкий – 5,8%, другие графики работы (в том числе раздробленный, сокращённый) – 2,3%. Ниже в таблице 1 приведены данные о графиках работы наёмных работников при разных режимах рабочей недели.

Таблица 1

Графики работы при разных её режимах у работающих по найму жителей Пскова, 2019–2020 гг., % от числа ответивших

Режимы работы	Графики работы			
	обычный односменный	ненормированный	гибкий	сменный
Нет установленного графика (режима) работы	0,4	6,1	1,5	3,1
6 рабочих, 1 выходной день	2,7	1,1	0,8	0,4
5 рабочих, 2 выходных дня	52,1	1,9	1,1	5,7
Другой режим работы	1,5	0,0	1,9	17,2

Несмотря на увеличение нестандартных режимов и графиков работы, пятидневная рабочая неделя с двумя выходными при обычном односменном

графике работы, так называемая «пятидневка», продолжает преобладать. Такой режим работы у 52,1% наёмных работников.

В условиях необходимости адаптации населения к рынку труда происходили изменения в структуре занятости, которые нашли отражение в научных публикациях, опирающихся на данные статистики и эмпирических исследований. Наибольшее внимание уделялось росту неустойчивой (прекарной) занятости и цифровых форм занятости (дистанционной занятости и платформенной занятости). Однако в период пандемии и с началом СВО наблюдался рост стандартно занятых россиян [9]. А результаты анализа цифровых форм занятости, по данным обследования рабочей силы Росстата за 2022–2023 гг., не дают оснований ожидать, что цифровые формы занятости способны в обозримом будущем вытеснить «стандартную» занятость [10; 11]. В научной литературе регулярно рассматриваются проблемы перехода и на четырёхдневную рабочую неделю [12; 13; 14], и на сокращённую рабочую неделю [15], и на гибкие режимы рабочего времени [16].

В связи со сказанным выше заслуживают внимания результаты исследования, проведённого на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2001–2017 гг., режимов часов работы на предмет выявления структуры их распределения (стандартный, переходный и нестандартный) и детерминант распространения в России [17]. Важным также является освещение по результатам опросов РМЭЗ НИУ ВШЭ за 1994–2021 гг. динамики продолжительности рабочего времени в постсоветский период [18].

Исходя из цели и задач нашего исследования, при определении объекта анализа мы опирались на классификацию МКСЗ-18В, внедрённую с 2022 года, с использованием микроданных рабочей силы Росстата за 2022–2023 гг. В классификации выделены две укрупнённые группы занятых: зависимые работники и независимые работники. В 2022 году зависимые работники составляли 93,8% от всего занятого населения, а в 2023 году – 93,7%. Среди занятых мужчин – 92,8% и 92,9% соответственно, а среди занятых женщин – 94,7% и 94,4%. Среди зависимых работников наёмные работники составляли в 2022 году 92,0%, а в 2023 году – 92,2%. Среди независимых работников самозанятые, не использующие наёмный труд, в 2022 году составляли 5,0%, а в 2023 году – 4,9%.

Ниже приводится половозрастной и образовательный состав работников по данным статистики (табл. 2).

Как следует из данных таблицы 2, в обеих группах работников и среди мужчин, и среди женщин представлены все возрастные группы, но среди независимых работников меньше молодых мужчин в возрасте до 30 лет и больше мужчин и женщин в возрасте старше 60 лет. Уровень образования независимых работников (особенно женщин) ниже уровня образования зависимых работников.

Самозанятые работники, которые составляют абсолютное большинство независимых работников, являются популярным объектом изучения у отечественных исследователей. Численность самозанятых на 30.04.2025. составляет

Таблица 2

Социально-демографический профиль зависимых и независимых работников,
2022 и 2023 гг., %

Социально-демографические группы	Зависимые работники				Независимые работники			
	все занятые		муж.	жен.	все занятые		муж.	жен.
	2022	2023	2022	2023	2022	2023	2022	2023
<i>Возраст, лет</i>								
15–29	5,1	14,7	16,0	13,3	13,7	12,5	10,6	15,1
30–39	30,4	29,9	30,5	29,3	27,6	28,9	28,4	29,7
40–49	26,6	26,9	25,5	28,4	25,3	25,3	27,0	22,9
50–59	21,1	21,1	19,9	22,3	20,2	20,3	21,6	18,6
60–69	6,6	7,2	7,9	6,4	10,9	11,2	11,1	11,4
70 и старше	0,3	0,3	0,2	0,3	2,3	1,8	1,3	2,4
<i>Уровень образования</i>								
Высшее	35,4	36,1	31,1	41,2	25,7	26,3	25,4	27,4
Среднее профессиональное*	45,8	45,8	47,5	44,0	40,9	43,0	41,9	44,4
Среднее общее	15,1	14,5	16,7	12,2	25,1	23,1	24,4	21,4
Основное общее	3,6	3,6	4,6	2,7	7,8	7,1	7,6	6,4
Ниже основного общего	0,1	0,1	0,2	0,1	0,6	0,6	0,6	0,5

* Включая начальное профессиональное образование.

Источники: [19, с. 44, 46; 20, с. 36, 37].

свыше 13 млн человек¹. В исследованиях самозанятость рассматривалась как ответ части экономически активного населения на кризис стандартных трудовых отношений [21], анализировалась природа самозанятости в России [22], её современное состояние и перспективы развития в стране [23; 24] и в отдельных её регионах [25], сферы деятельности самозанятых в РФ [26].

В нашем исследовании базой данных о социальных последствиях различных режимов работы будут служить материалы исследования бюджета времени работающих жителей Пскова, проведённого в 2019–2020 гг. Опрос респондентов осуществлён по территориальной маршрутной выборке. Объём выборки – 302 человека. При анализе использования фонда времени работающими горожанами при разных режимах работы нами выделялись две группы работников: наёмные работники, а также предприниматели и самозанятые. Среди наёмных работников поровну мужчин и женщин. Средний возраст мужчин – 38,3 года,

¹ Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Росстат : сайт. 30.06.2025. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 28.05.2025).

женщин – 40,6 года. Большинство и мужчин (61%), и женщин (76%) имеют среднее или высшее профессиональное образование. В группе предпринимателей и самозанятых преобладают мужчины (59%). Средний возраст мужчин – 36,6 года, женщин – 35,4 года. И в этой группе большинство мужчин (68%) и женщин (71%) имеют среднее или высшее профессиональное образование. Руководитель исследования – Т. М. Караханова.

Режимы рабочей недели и использование фонда времени

Для сравнительного анализа использования бюджета времени наёмными работниками в зависимости от режимов рабочей недели привлечены данные об их реальном поведении в условиях пятидневной рабочей недели с 2 выходными днями и совокупной группы режимов, представленных как другие режимы работы. Режим шестидневной работы с одним выходным днём из анализа исключён в силу малочисленности группы работников, его имеющих. Другие режимы работы – это различные варианты сочетаний количества рабочих и нерабочих дней в течение недели, а также ненормированное рабочее время и работа в отсутствие установленного графика.

Анализ поведения самозанятых и предпринимателей основывается на данных о режимах работы в условиях ненормированного рабочего времени и не установленного режима работы.

Использование времени наёмными работниками. Как меняется структурирование работниками суточного фонда времени в рабочий день в зависимости от режима рабочей недели показано на рисунке 1.

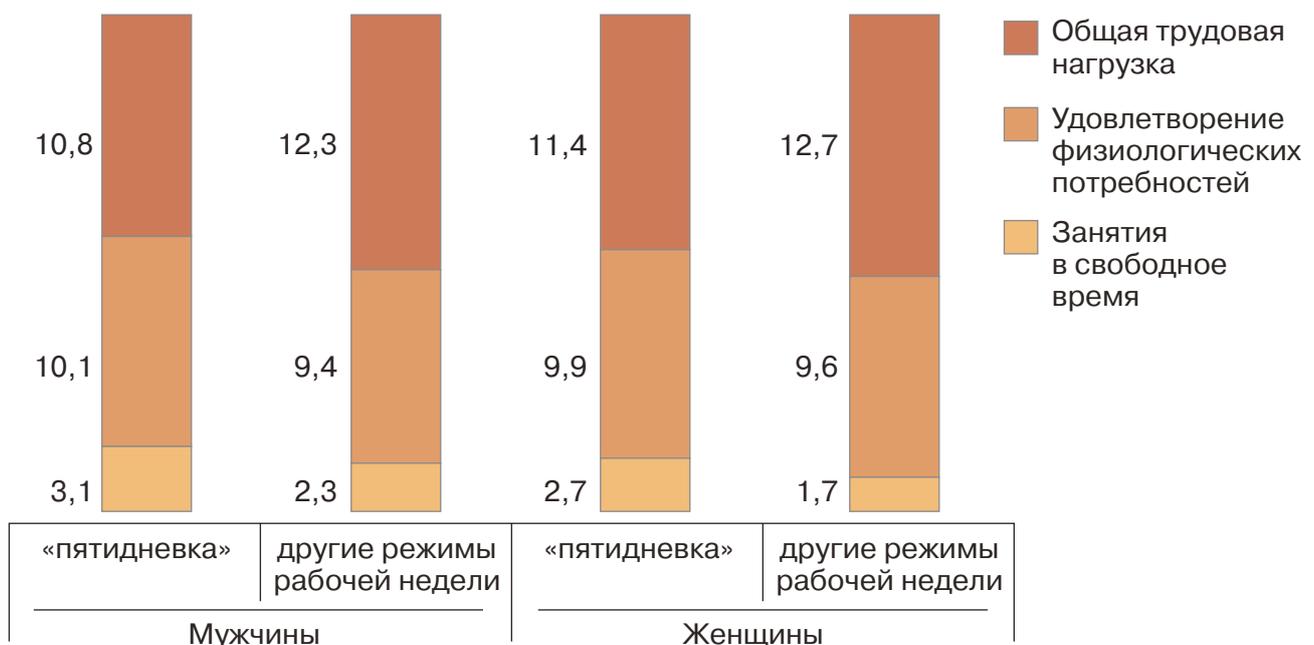

Рис. 1. Бюджет времени наёмных работников при разных режимах рабочей недели, 2019–2020 гг., в среднем на одного опрошенного, в рабочий день, часы

Различия в реальном поведении наёмных работников наблюдаются во всех трёх агрегированных группах (сферах) видов деятельности, отвечающих за трудовую (оплачиваемую и неоплачиваемую), восстанавливающую и развивающую деятельность. Общая трудовая нагрузка наёмных работников увеличивается при других режимах у мужчин и женщин в рабочий день на 15% и 11% соответственно. В её составе возрастает, прежде всего, длительность оплачиваемого труда в сумме с видами деятельности, связанными с ним (или накладнымиремязатратами), – на 18% и 26% соответственно. При этом виды деятельности, связанные с работой – передвижения на работу / с работы, уход за собой и прочие виды, – почти не меняют своей продолжительности. Величина рабочего времени (оплачиваемый труд в сумме с накладными времязатратами) при других режимах достаточно велика и составляет у мужчин и женщин 11,1 и 11,0 часа в рабочий день соответственно, а при «пятидневке» она существенно меньше – 9,4 и 8,7 часа.

Сравнение загруженности работой и степени усталости после рабочего дня при «пятидневке» и других режимах работы показало, что в первом случае не работают в установленные графиком выходные 57% мужчин и 78% женщин. Из мужчин и женщин, имеющих такую работу, привлекаются к ней 1–2 раза в месяц 81% и 87% работников соответственно и 3–4 раза в месяц – 19% и 12%. Во втором случае (при других режимах работы) сталкивающихся с привлечением к работе в установленные графиком выходные выявлено значительно больше, т. е. доля привлекавшихся составляла две трети среди мужчин и немного меньше половины среди женщин. Среди них основная масса работников также трудилась в выходные 1–2 раза в месяц (67% мужчин и 59% женщин), но доля работавших 3–4 раза в месяц сильно превышает аналогичную долю наёмных работников, имевших пятидневный режим работы (33% и 41% соответственно). Весьма важный показатель загруженности – «усталость после рабочего дня». При «пятидневке» очень уставшими чувствуют себя 18% мужчин и 16% женщин, уставшими – 65 и 74% соответственно. Среди работающих в условиях других режимов труда, очень уставших в 1,5 раза больше среди мужчин и в 2,5 раза – среди женщин.

Время неоплачиваемого труда (труд по дому, уход за детьми и их воспитание, пользование услугами, совершение покупок), наоборот, снижается в условиях других режимов работы в сравнении с «пятидневкой», причём у женщин заметнее, чем у мужчин – на 40% и 14% соответственно (рис. 2).

Сама структура неоплаченного труда при других режимах работы у мужчин меняется значительно. Из её состава уходят такие группы видов деятельности, как «пользование услугами» и «совершение покупок», а времязатраты на воспитание детей и на «труд по дому» (в составе домашнего труда – «труд по дому» и «труд вне дома») сокращаются в 3 и 2 раза соответственно. Вместе с этим время «труда вне дома», который содержит в себе в основном виды работ на земельном участке, увеличивается в 7 раз по сравнению с аналогичным временем в условиях пятидневного режима работы.

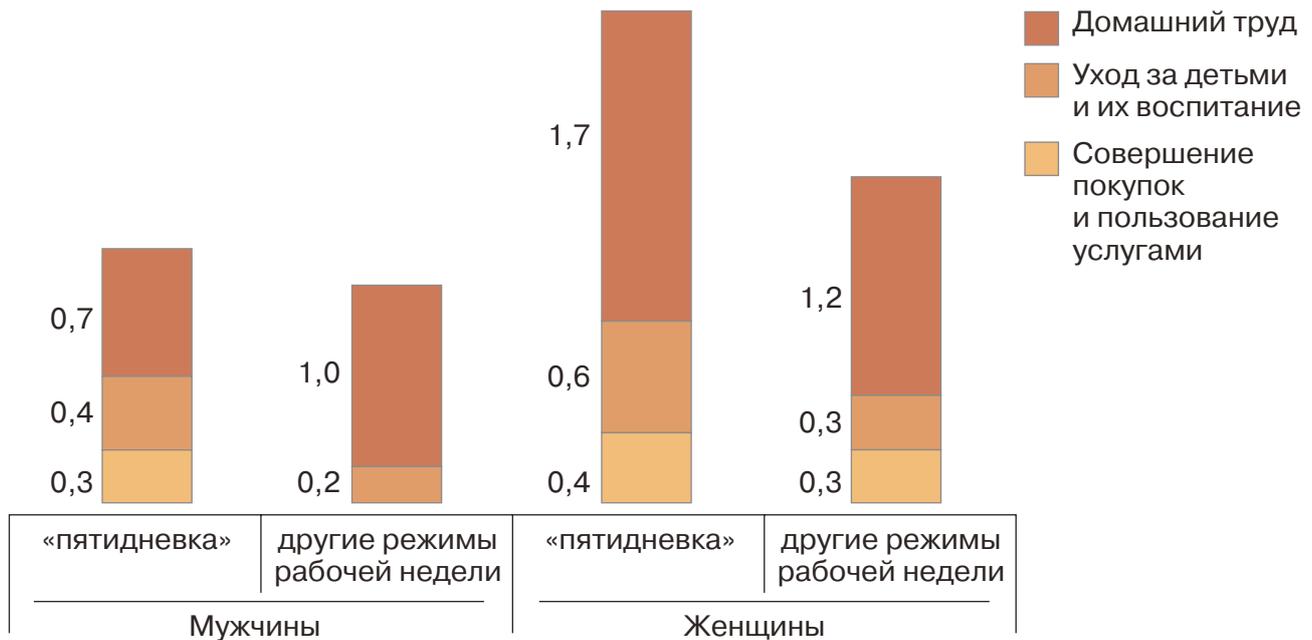

Рис. 2. Бытовая деятельность наёмных работников в рабочие дни при разных режимах рабочей недели, 2019–2020 гг., в среднем на одного опрошенного, в рабочий день, часы

У женщин в рабочий день при других режимах работы, на первый взгляд, мы видим значительное уменьшение бремени неоплачиваемой трудовой составляющей общей трудовой нагрузки. Однако, во-первых, все группы их бытовой деятельности сохраняются при всех режимах работы. Во-вторых, вместе с сокращением «работ по дому» (в 1,4 раза в сравнении с работой по дому при пятидневном режиме работы) и «работ вне дома» (в 2 раза) снижаются вдвое суммарные времязатраты на занятия с детьми, являющиеся социально значимой группой видов деятельности. Вместе с тем нужно иметь в виду, что из тех женщин, кто трудится при «пятидневке», 59% замужем, 46% имеют детей до 18 лет, а в условиях других режимов работы замужних 35% и только 20% из них проживают с супругом и несовершеннолетними детьми.

Меньше расходуется времени при других режимах работы, чем при «пятидневке», и на удовлетворение физиологических потребностей – на 7% у мужчин и на 3% у женщин. Наёмные работники жертвуют в его структуре главным образом затратами времени на все виды ухода за собой (гигиенический, физиологический, медицинский) – на 20% уменьшаются времязатраты у мужчин и на 17% у женщин. Вместе с тем у женщин на 20% увеличивается время, расходуемое на питание, у мужчин же оно сокращается на 8%. При других режимах и время сна работников отличается меньшей по сравнению с «пятидневкой» величиной – на 4% у мужчин и женщин.

Но самые большие времяресурсные (количественные и качественные) потери несут занятия в свободное время (оно образуется после вычитания из суточного фонда времени времязатрат на оплачиваемый и неоплачиваемый труд, удовлетворение физиологических потребностей). Их длительность в рабочий

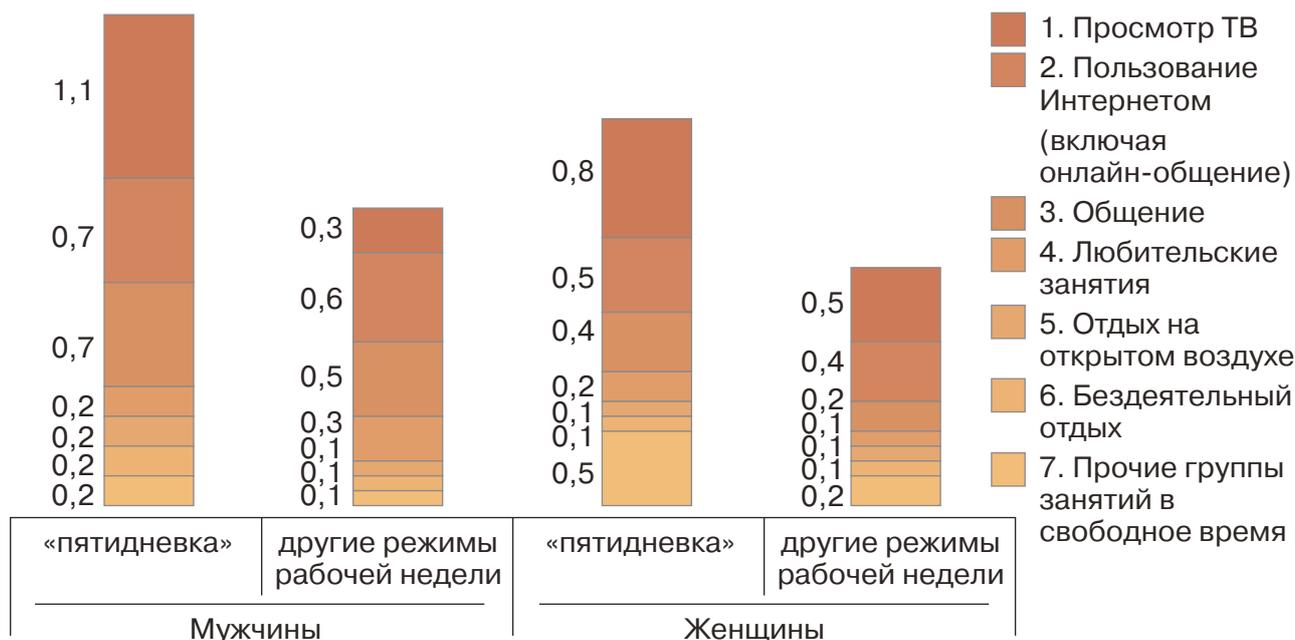

Рис. 3. Структурирование свободного времени наёмных работников при разных режимах рабочей недели, 2019–2020 гг., в среднем на одного опрошенного, в рабочий день, часы

день при других режимах в сопоставлении с «пятидневкой» сокращается у мужчин и женщин на 26% и 37% соответственно (рис. 3).

На рисунке 3 видно, как меняется значимость занятий для наёмных работников при других режимах работы по сравнению с «пятидневкой» в рабочий день. Времяресурс, расходуемый на все группы занятий в условиях этих режимов работы, меньше по отношению к «пятидневке». Виды деятельности, совершаемые в свободное время и на которые работники в силу ограниченности времяресурса в рабочий день практически не выделяют времени при всех перечисленных режимах труда, объединены под названием «прочие группы занятий». Сюда, прежде всего, вошли: «физкультура и спорт», «посещение учреждений культуры», «общественная и религиозная деятельность», «чтение» и отчасти «учёба и самообразование». Если положение с названными видами деятельности можно оценить при «пятидневке», как «плохое», то в случае с другими режимами – как «очень плохое». Последнее определение относится к мужчинам в большей степени, чем к женщинам. Вид деятельности «учёба и самообразование» в рабочий день исчезает из числа занятий у работников обоего пола именно в условиях других режимов рабочей недели. Что сохраняет свою актуальность, так это «любительские занятия», т. е. фактически занятия играми, у мужчин – в большей степени.

Оценивая в целом использование наёмными работниками времяресурса в рабочие дни, приходим к выводу, что при других режимах рабочей недели оно представляется более напряжённым и менее продуктивным, чем жизнедеятельность в условиях пяти рабочих и двух выходных дней, которая отличается определёнными адаптационными преимуществами.

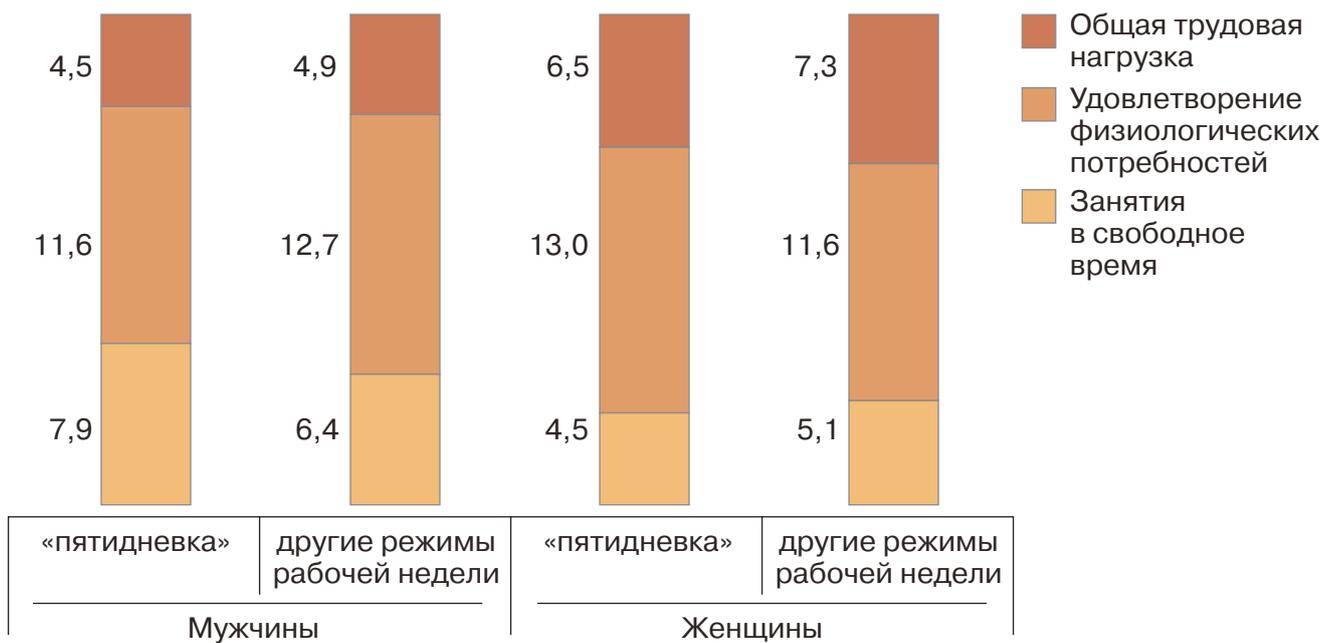

Рис. 4. Бюджет времени наёмных работников при разных режимах рабочей недели, 2019–2020 гг., в среднем на одного опрошенного, в нерабочий день, часы

В характере изменений в величине времени общей трудовой нагрузки наёмных работников, происходящих в нерабочие дни по отношению к рабочим дням, как в условиях «пятидневки», так и в целом по группе «другие режимы работы», фиксируются одинаковые закономерности, т. е. у мужчин времяресурс общей трудовой нагрузки снижается к нерабочему дню в 2,4–2,5 раза, а у женщин в 1,7 раза.

Одновременно с этим зафиксировано влияние режимов работы на изменение времени, расходуемого на удовлетворение физиологических потребностей (уход за собой, сон, питание) в нерабочий день по отношению к рабочему дню. У мужчин при других режимах работы времязатраты увеличиваются в 1,3 раза, а при «пятидневке» – в 1,1 раза. Происходит это в основном за счёт существенного роста их времязатрат на все виды ухода за собой. Время их сна в нерабочий день также больше возрастает при других режимах работы, чем при «пятидневке». В отличие от мужчин, у женщин, во-первых, выявлена в тех же случаях очень слабая зависимость от режимов рабочей недели, а во-вторых, зависимость ещё отличается и тем, что сильнее возрастают их времязатраты на удовлетворение физиологических потребностей при «пятидневке», а не наоборот.

Общая величина свободного времени наёмных работников в нерабочий день при «пятидневке» больше, чем в условиях других режимов работы, при которых она сильнее повышается по отношению к рабочему дню в сопоставлении с «пятидневкой» (в 2,8 раза против 2,5 раза у мужчин и в 3,0 раза против 1,7 раза у женщин). То есть при других режимах работы своего рода эффект отложенной реализации актуальных занятий в границах свободного времени выражен сильнее, особенно у женщин (см. рис. 4).

Из числа опрошенных наёмных работников была выделена группа, имеющая такое соотношение рабочих и нерабочих дней, которое позволило проанализировать особенности их реального поведения в показателях времени в условиях четырёхдневной рабочей недели (4 рабочих и 3 нерабочих дня) и сравнить их с ситуацией, выявленной при «пятидневке». В числе этой группы работников оказалось значительно меньше, чем среди трудившихся при «пятидневке», состоящих в браке мужчин и женщин – 46% и 31% против 64% и 59% соответственно – и выявлена в разы превосходящая доля «никогда не состоящих в браке» без детей до 18 лет – т. е. 46% и 31% против 21% и 16% соответственно. Большинство мужчин (73%) младше 35 лет, напротив, большинство женщин (70%) старше 35 лет. Рабочих и специалистов высокой квалификации среди мужчин и женщин – 45% и 15% соответственно.

Таблица 3

Использование суточного фонда времени наёмными работниками в условиях четырёхдневной рабочей недели с тремя выходными днями, 2019–2020 гг., в среднем на одного опрошенного в день, часы

Группа видов деятельности	Мужчины		Женщины	
	рабочий день	нерабочий день	рабочий день	нерабочий день
1. Оплачиваемый труд	11,0	0,0	10,8	0,0
2. Виды деятельности, связанные с оплачиваемым трудом	2,0	0,0	1,4	0,0
3. Труд в домашнем хозяйстве	0,1	3,8	1,1	5,0
4. Уход за детьми и их воспитание	0,1	0,0	0,2	0,0
5. Совершение покупок	0,1	0,4	0,2	0,4
6. Пользование услугами	0,0	0,2	0,1	0,6
Вся бытовая деятельность (3+4+5+6)	0,3	4,4	1,6	6,0
Общая трудовая нагрузка (1+2+3+4+5+6)	13,3	4,4	13,7	6,0
7. Удовлетворение физиологических потребностей (уход за собой, питание, сон)	9,1	13,7	8,9	11,8
8. Занятия в свободное время	1,6	5,9	1,3	6,2
Весь суточный фонд времени	24,0	24,0	24,0	24,0

Длительность оплачиваемого труда при «четырёхдневке» по сравнению с «пятидневкой» увеличивается в рабочий день в 1,4 у мужчин и в 1,5 раза у женщин (табл. 3). Времярасход на виды деятельности, связанные с работой (главным образом передвижения с работы / на работу), заметно возрастает именно у мужчин. А вот на всю бытовую деятельность наёмные работники в рабочий день расходуют в 3,5 (мужчины) и в 2,0 (женщины) раза меньше времени, чем при «пятидневке». В том числе на уход за детьми и их воспитание

выявлены нулевые значения затрат времени. При этом 33% мужчин и 44% женщин имели детей до 18 лет.

Величина общей трудовой нагрузки наёмных работников при «четырёхдневке» в рабочий день, таким образом, больше, чем при «пятидневке» (13,3 часа мужчин и 13,7 часа у женщин при «четырёхдневке» и 10,8 часа у мужчин и 11,4 часа у женщин при «пятидневке»). При этом гендерные различия, как видим, в первом случае очень небольшие и меньше, чем во втором случае. Однако в нерабочий день по отношению к рабочему дню у мужчин при «четырёхдневке» времяресурс общей трудовой нагрузки снижается на две трети, а у женщин – наполовину, что превышает аналогичные показатели снижения при «пятидневке». Следовательно, в нерабочие дни при «четырёхдневке» наёмные работники располагают по сравнению с «пятидневкой» в целом лучшими времяресурсными возможностями (учитывая и то, что они имеют три нерабочих дня в неделю) для осуществления восстанавливающей и развивающей деятельности, что не тождественно лучшей реализации этих возможностей.

Вместе с тем гендерные различия во времязатратах на удовлетворение физиологических потребностей (сон, питание, уход за собой) противоположные при рассматриваемых режимах работы. На наш взгляд, по показателям, характеризующим эту группу видов деятельности, можно судить о своего рода «адаптационном давлении», которое испытывают в зависимости от пола наёмные работники при двух рассматриваемых режимах рабочей недели. Времярасход на данную группу видов деятельности при «четырёхдневке» в нерабочий день у женщин на 1,9 часа меньше, чем у мужчин, а при «пятидневке», наоборот, на 1,4 часа больше, чем у мужчин (табл. 3 и рис. 4).

В величине времяресурса, расходуемого на занятия в свободное время в средний нерабочий день, выигрывают мужчины, работающие в условиях «пятидневки» (7,9 часа), и женщины, которые трудятся четыре дня в неделю (6,2 часа). Анализ структурирования фонда времени при «четырёхдневке» выявил вместе с тем серьёзные сдвиги в гендерном выравнивании величины свободного времени вплоть до того, что женщины в среднем в нерабочий день располагают 6,2 часа против 5,9 часа у мужчин. Структура занятий в свободное время весьма схожа при «пятидневке» и «четырёхдневке», хотя влияние его величины присутствует. Так, и в первом, и во втором случаях, независимо от величины свободного времени, базовыми группами занятий в нерабочий день являются «просмотр ТВ» и «пользование интернетом». В этой связке видов деятельности 70–80% суммарных времязатрат приходится на ТВ, около 20–30% – на пользование интернетом. На втором месте в среднем находятся общение, отдых на открытом воздухе, в которые мужчины, трудившиеся при «пятидневке», вовлечены заметно больше, чем те, кто работал в условиях «четырёхдневки». Тем не менее у мужчин пятидневная рабочая неделя отличается в целом более сбалансированной (не означает оптимальной) структурой использования свободного времени: оно равномерно распределено между просмотром ТВ, использованием интернетом, общением, отдыхом на открытом воздухе. А в условиях

«четырёхдневки» (хотя и величина свободного времени у мужчин существенно меньше) они предпочитают любительские занятия (треть свободного времени в нерабочий день), сокращая до минимума отдых на открытом воздухе и общение (учитывая, что любительские занятия – в значительной степени игры). Женщины же как раз при пятидневном режиме работы наименее сбалансированно проводят свободное время. Но даже в условиях наличия трёх нерабочих дней в неделю и при бóльшей в среднем величине свободного времени в нерабочий день у женщин по сравнению с мужчинами, вовлечённость в такие виды деятельности, как «учёба и самообразование», «посещение учреждений культуры», «физкультура и спорт», практически не зафиксирована.

Использование времени самозанятыми и предпринимателями. Среди самозанятых и предпринимателей мужчины разделились поровну: женатые и неженатые (разведённые, никогда не состоявшие в браке), среди женщин больше замужних (62%), но в сопоставимых долях с работавшими по найму при «пятидневке». Преобладают доли мужчин, которым за 35 лет (60%) и женщин младше 35 лет (85%). Около половины и мужчин, и женщин проживают с семьёй и детьми до 18 лет. Однако 40% мужчин проживают в домохозяйстве, состоящем из одного человека, среди женщин таких 15%.

Оценивая картину времяиспользования в первом приближении, следует сказать, что его структурная конфигурация в группе предпринимателей и самозанятых имеет более выраженные гендерные различия, чем у наёмных работников, имеющих пятидневный режим рабочей недели (см. табл. 4).

Этот вывод касается, прежде всего, оплачиваемого труда. Длительность его у наёмных работников обоего пола почти одинаковая. У женщин из числа предпринимателей и самозанятых она меньше на 6,4 часа в неделю, чем у мужчин (в 1,5 раза меньше и их накладные времязатраты, т. е. главным образом передвижения дом/работа). Уступает величина их оплачиваемого труда и продолжительности его у женщин – наёмных работников (34,1 часа против 38,8 часа в неделю у мужчин). Вообще, виды деятельности, связанные с работой, у предпринимательниц и самозанятых требуют (в сравнении со всеми участниками в обеих группах работающих) самых малых времязатрат (4,7 часа в неделю против, например, 7,7 часа у мужчин из этой же группы), при этом 50% женщин после рабочего дня чувствуют себя «очень уставшими», аналогично себя чувствуют 38% мужчин, а среди наёмных работников – 16 и 18% соответственно.

Времярасход на вторую составляющую общей трудовой нагрузки – неоплачиваемый труд (бытовую деятельность) – наоборот, много больше у предпринимательниц и самозанятых, чем у мужчин в той же группе (на 15,5 часа в неделю), не говоря уже о том, что они вообще самые значительные (31,3 часа). У наёмных работников в этом случае наблюдается та же закономерность, но разница все-таки меньше – 9,7 часа в неделю. Однако, несмотря на такую основательную загруженность бытовой деятельностью женщин-предпринимателей и самозанятых, их общая трудовая нагрузка является менее

Таблица 4
**Реальное поведение предпринимателей и самозанятых, 2019–2020 гг.,
 в среднем на одного опрошенного в неделю, часы**

Группа видов деятельности	Мужчины		Женщины	
	предприниматели и самозанятые	наёмные работники, «пятидневка»	предприниматели и самозанятые	наёмные работники, «пятидневка»
1. Оплачиваемый труд	40,5	38,7	34,1	38,8
2. Виды деятельности, связанные с оплачиваемым трудом	7,7	7,5	4,7	7,0
3. Труд в домашнем хозяйстве	5,8	11,0	19,1	17,0
4. Уход за детьми и их воспитание	7,4	3,3	7,9	4,9
5. Совершение покупок и пользование услугами	2,6	2,0	4,3	3,9
Вся бытовая деятельность (3+4+5)	15,8	16,3	31,3	25,8
Общая трудовая нагрузка (1+2+3+4+5)	64,0	62,5	70,1	71,6
7. Удовлетворение физиологических потребностей (уход за собой, питание, сон)	76,5	73,7	76,1	74,6
8. Занятия в свободное время, в том числе:	27,5	31,8	21,8	21,8
пользование интернетом, включая онлайн-общение	7,9	4,3	7,1	3,7
общение без общения в интернете	7,4	7,5	3,9	3,4
физкультура, спорт и активный досуг	5,0	8,5	2,6	3,4
просмотр ТВ, прослушивание радио	4,9	8,6	5,6	7,9
учёба и самообразование	0,5	0,7	0,0	1,4
религиозная и общественная деятельность	0,0	0,3	0,0	0,2
чтение	0,1	0,4	1,3	0,6
бездеятельный отдых	1,7	1,5	1,3	1,2
Весь недельный фонд времени	168,0	168,0	168,0	168,0

обременительной по сравнению с нагрузкой женщин – наёмных работников. В то же время мужчины – наёмные работники, в силу меньшей, чем у предпринимателей и самозанятых продолжительности оплачиваемого труда, отличаются и самой малой величиной общей трудовой нагрузки (62,5 часа против 64,0 часа в неделю соответственно). Меньше всех (73,7 и 76,5 часа в неделю соответственно) они расходуют времени и на восстанавливающую деятельность (удовлетворение физиологических потребностей), что вполне логично.

Наиболее ущемлёнными в этом смысле оказываются предпринимательницы и самозанятые, которые, имея на 6,1 часа в неделю большую общую трудовую нагрузку по сравнению с мужчинами той же группы, на восстановление расходуют меньше времени (на 0,4 часа) (см. табл. 4).

Гендерный фактор особенно сильно проявил себя в показателях, характеризующих величину и структуру проведения свободного времени. Несколько неожиданным оказался вывод об абсолютно идентичной величине свободного времени у предпринимателей, самозанятых и наёмных работников из числа женщин, трудившихся в условиях «пятидневки», – 21,8 часа в неделю. А величина свободного времени, выявленная у мужчин – наёмных работников, как и ожидалось, значительно превысила аналогичную величину у предпринимателей и самозанятых – на 4,3 часа в неделю. Надо признать, что наёмные работники отличаются и наибольшими времязатратами на группу занятий «физкультура, спорт и активный досуг» (8,5 часа в неделю), на просмотр ТВ и прослушивание радио (8,6 часа), на «общение без общения в интернете» (7,5 часа). У предпринимателей и самозанятых (мужчин) определились свои предпочтения: «пользование интернетом, включая онлайн-общение» (7,9 часа) и «общение без общения в интернете» (7,4 часа). Однако развивающие занятия не являются для них сферой особого предпочтения.

Реальное поведение женщин рассматриваемой группы отличается от поведения мужчин, но характеризуется большей структурной близостью с женщинами, работающими по найму. В активный досуг женщины вовлечены больше мужчин (67% женщин против 50% мужчин, имевших затраты времени в день опроса), среди опрошенных есть и те, которые не имели затрат времени в день опроса, поэтому рассчитываются затраты времени в среднем для всех опрошенных, куда входят и «неучастники», а также при необходимости рассчитываются затраты времени только для «участников» вида деятельности, но сами занятия группы «физкультура, спорт и активный досуг» менее длительные, чем у мужчин (2,6 часа у женщин против 5,0 часа у мужчин в неделю). Их времярасход на чтение в 13 раз превышает аналогичный показатель у мужчин. Однако не выявлено ни одной участницы в группе занятий «учёба и самообразование», а среди мужчин таких 25%. На эти занятия женщины из среды работающих по найму тратят 1,4 часа в неделю, хотя читают они много меньше женщин-предпринимателей и самозанятых (см. табл. 4). Предпринимательницы и самозанятые значительно меньше, чем мужчины из этой группы, общаются вне интернета.

В отличие от наёмных работников, у предпринимателей и самозанятых не зафиксированы времязатраты на религиозную и общественную деятельность.

В целом бюджет времени предпринимателей и самозанятых не относится к типу использования фонда времени, который характеризуется высокой степенью его напряжённости, более активным досугом и сильнее выраженной развивающей составляющей, то есть данная гипотеза не получила подтверждения в ходе анализа. Скорее всего, именно поведение самозанятых, присутствующих в составе группы, повлияло на содержание вывода.

Недельный ритм повседневной деятельности наёмных работников в показателях времяиспользования

Изучение недельного ритма жизнедеятельности позволяет углубить представление о направленности использования работающим населением имеющихся возможностей организации жизни в сферах оплачиваемого труда, быта, отдыха и саморазвития. Его можно проследить по данным бюджета времени работников, занятых по найму, по каждому из семи дней недели. На рисунках 5 и 6 показано распределение трудовой, восстанавливающей и развивающей групп видов деятельности в условиях пятидневной рабочей недели.

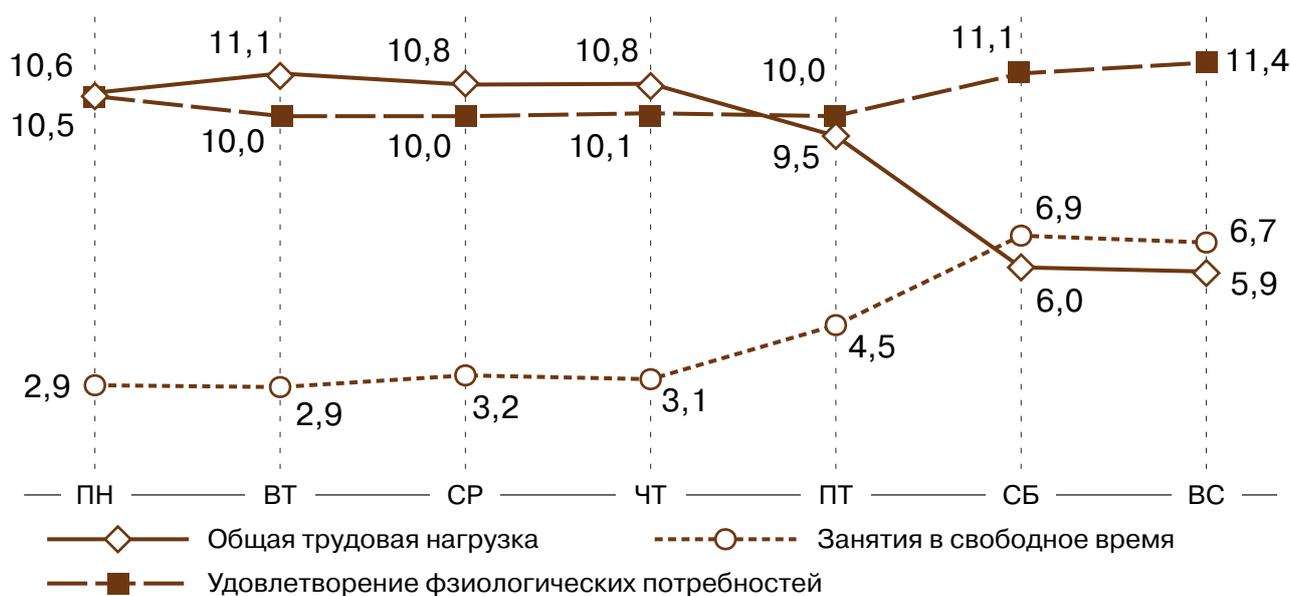

Рис. 5. Недельный ритм времяиспользования у мужчин при пятидневной рабочей неделе, 2019–2020 гг., на одного опрошенного в день, часы

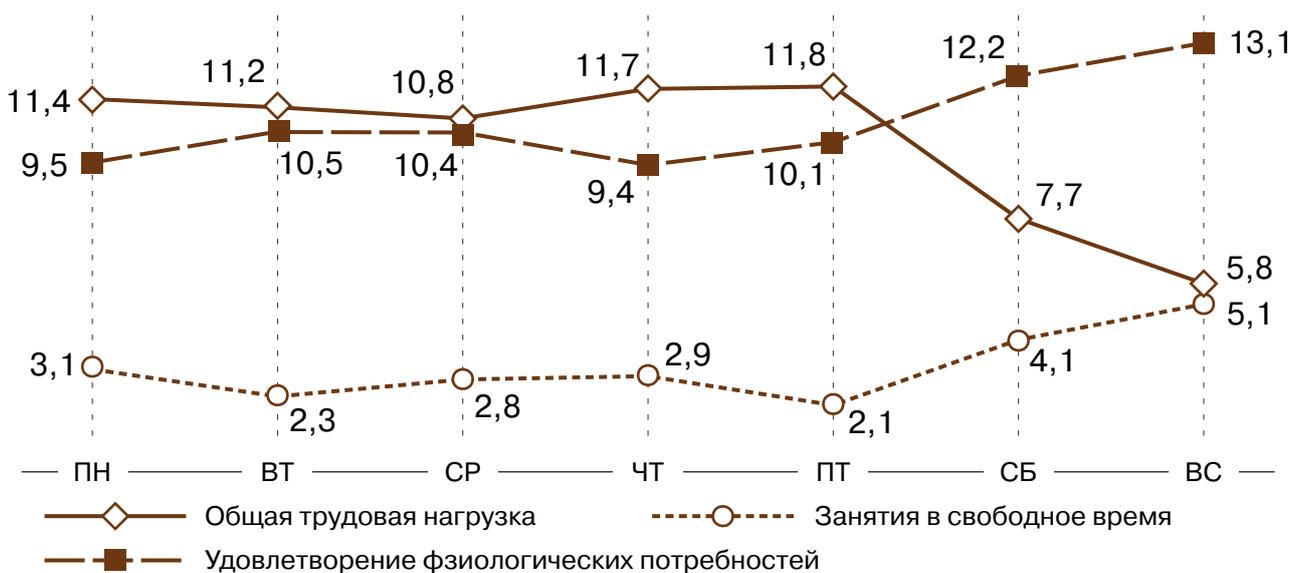

Рис. 6. Недельный ритм времяиспользования у женщин при пятидневной рабочей неделе, 2019–2020 гг., на одного опрошенного в день, часы

Ещё в 70-х годах прошлого столетия при изучении межотраслевой динамики недельной работоспособности человека были выявлены дни её максимального уровня: вторник, среда, четверг [27, с. 87]. Распределение показателей времени общей трудовой нагрузки в течение будних дней при «пятидневке», показанное на рисунке 5 для мужчин, иллюстрирует и сегодня именно это своего рода правило: 11,1 часа (вторник), 10,8 часа (среда), 10,8 часа (четверг). Однако на распределение аналогичных показателей общей трудовой нагрузки женщин (рис. 6) это правило распространить не получилось. Самые высокие показатели трудоспособности у женщин пришлось на понедельник (11,4 часа), четверг (11,7 часа), пятницу (11,8 часа).

У мужчин обеим составляющим общей трудовой нагрузки – оплачиваемому труду вместе с видами деятельности, связанными с работой, и неоплачиваемому труду – соответствует максимальный времярасход на них во вторник – 9,5 и 1,6 часа соответственно. В среду – 9,0 и 1,8 часа соответственно, в четверг – 9,3 и 1,5 часа соответственно. Однако следует заметить, что в понедельник время оплачиваемого труда с накладными времязатратами также представляется сопоставимым – 9,1 и 1,5 часа соответственно. Длительность неоплачиваемого труда у мужчин, которая держится в названные выше три дня и, кроме того, в понедельник в пределах 1,5–1,8 часа, формируется, по-видимому, независимо от величины оплачиваемого труда вместе с накладными времязатратами. Заметное ослабление трудовой нагрузки происходит у мужчин только в последний будний день – пятницу (8,3 и 1,2 часа). В течение двух выходных дней (субботы и воскресенья) она снижается по отношению к максимальной её величине (во вторник) почти в 2 раза в каждый из этих нерабочих дней.

Времязатраты мужчин на удовлетворение физиологических потребностей (сон, уход за собой, питание) распределяются по будням практически равномерно (10,0–10,1 часа), за исключением понедельника (10,5 часа), хотя ему предшествуют два выходных дня с расходом времени на восстанавливающую группу видов деятельности: 11,1 часа в субботу и 11,4 часа в воскресенье. Кроме того, в понедельник у работников выявлен самый продолжительный с понедельника по пятницу сон (8,3 часа). Объяснить данный факт можно тем, что первый рабочий день недели – это в известном смысле переходный период, в который организм человека адаптируется к началу новой рабочей недели, отсюда и дополнительная потребность в восстановлении в понедельник, даже при не самой высокой трудовой нагрузке. Эта интерпретация указанного факта подтверждается выявленной у мужчин достаточностью времяресурса на физическое восстановление в течение остальных будних дней, так как его величина практически постоянная.

Показатели наибольших времяресурсных возможностей для занятий в свободное время в будние дни (в сравнении с трудовой деятельностью) у мужчин сдвигаются на среду (3,2 часа), четверг (3,1 часа) и пятницу (4,5 часа). Особенным разнообразием наполнения занятиями отмеченные дни не отличаются, даже пятница. Хотя затраты времени на «учёбу и самообразование» выявлены как раз только в четверг (0,2 часа), пятницу (0,5 часа) и воскресенье

(0,1 часа). Основная доля времяресурса, по дням недели, расходуется на «просмотр ТВ, интернет, включая интернет-общение, другие виды общения, чтение, прослушивание радио», при этом самые значительные времязатраты мужчин в будни происходят именно в среду (2,4 часа) и пятницу (2,6 часа). Занятия физкультурой, спортом отсутствуют во все дни недели. Понедельник, кроме более низких показателей трудовой нагрузки и высоких показателей по восстановлению, отличается у мужчин от других будних дней ещё и тем, что этот день отмечен в 2 с лишним раза бóльшим времярасходом на игры (не настольные).

Общая трудовая нагрузка в субботу и воскресенье складывается также из оплачиваемого и неоплачиваемого труда, т. к. имеет распространение практика работы в установленные графиком выходные дни и привлечение к ней некоторого числа работников. В субботу общая трудовая нагрузка состоит из 2,6 часа оплачиваемого труда и 3,4 часа бытовой деятельности, в воскресенье – из 1,7 и 4,2 часа соответственно (в среднем на опрошенного как имевших, так и не имевших часы работы в установленные выходные, вместе взятых). Понятно, что на одного опрошенного, имевшего часы работы в выходные, показатели оплачиваемого труда и видов деятельности, связанных с ним, выше. Около половины бытовых времязатрат приходится у мужчин на работы на земельном участке, в саду, огороде.

Такое положение, которое характеризуется не только наличием у мужчин значительной величины неоплачиваемого труда и часов оплачиваемой работы в субботу и воскресенье (в большинстве случаев – это установленные нерабочие дни), трудно считать удовлетворительным. Также трудно ожидать, что в этих условиях мужчины предпочтут активный и развивающий досуг пассивному времяпрепровождению в свободное время в нерабочие дни.

У женщин, как сказано выше, при «пятидневке» периодам наибольшей работоспособности соответствуют другие дни недели: понедельник (11,4 часа), четверг (11,7 часа) и пятница (11,8 часа). Говоря иначе, после выходных дней они включаются в работу «без раскачивания», но затем ко вторнику и далее к среде происходит спад их трудовой нагрузки (рис. 6), а в четверг и пятницу выявлены самые высокие показатели трудовой нагрузки. По трём дням повышенной работоспособности женщин – понедельник, четверг, пятница – соотношение оплачиваемого труда вместе с накладными времязатратами и бытовой деятельности выглядит следующим образом: 8,7 и 2,7 часа, 8,7 и 3,0 часа, 9,6 и 2,2 часа соответственно. Длительность оплачиваемого труда по двум из трёх дней меньше, чем у мужчин, а вот в пятницу она не только достигает «пика», но и превосходит наибольшую величину её у мужчин (9,5 часа во вторник). В субботу (рассматриваем её как нерабочий день) время общей трудовой нагрузки женщин, работающих по найму, практически достигает 8-часового рабочего дня – 7,7 часа, из которых 6,8 часа – неоплачиваемая бытовая деятельность, а в воскресенье – 5,8 часа, но уже только неоплачиваемого труда.

Логика распределения затрат времени на физическое восстановление у женщин не согласуется с циклом работоспособности. В понедельник и четверг (дни

повышенной работоспособности) время восстановления – 9,5 и 9,4 часа соответственно (здесь самая низкая длительность сна – 7,3 и 7,4 часа), а в дни спада работоспособности (вторник и среду) – 10,5 и 10,4 часа (сон составляет 8,0 и 7,8 часа). Согласование обнаруживается только при самой большой дневной трудовой нагрузке в пятницу, времярасход женщин на удовлетворение физиологических потребностей составляет 10,1 часа, из них на сон тратится 8,0 часа. Как следствие распределения суточного фонда времени по будним дням, в субботу и воскресенье значительная его часть при «пятидневке» употребляется женщинами именно на восстановление: в частности, сон отнимает 9,8 и 10,9 часа соответственно.

Использование свободного времени женщинами, работающими по найму, при меньшей его величине по дням недели (при сравнении с мужчинами) характеризуется похожими закономерностями, т. е. скорее пассивным его проведением. Вместе с тем, в отличие от мужчин, у женщин зафиксированы хотя и небольшие, но ежедневные (кроме субботы и воскресенья) затраты времени на «учёбу и самообразование», в том числе в дни высокой работоспособности (0,2, 0,3 и 0,3 часа в понедельник, четверг и пятницу соответственно). Однако малы их времязатраты на отдых на открытом воздухе (в будни не превышают 6 мин., кроме четверга (24 мин.), но и в воскресенье всего 1,2 часа), хотя относительно невелико, в сравнении с мужчинами, и увлечение играми.

Анализ недельного ритма времяиспользования у мужчин и женщин, работающих по найму в условиях пятидневной рабочей недели, выявил гендерные особенности адаптационных практик. Недельный ритм времяиспользования у мужчин представляется более щадящим с точки зрения сохранения физического здоровья, чем у женщин, однако в обоих случаях отличается во многом пассивным характером, мало отвечающим целям саморазвития работников, т. е. является далёким от оптимального варианта поведения.

Исследования недельного ритма времяиспользования горожан, работающих по найму, были продолжены и для группы «другие режимы рабочей недели». В ходе анализа мы сочли целесообразным дополнить указанную группу наёмными работниками, имевшими шестидневную рабочую неделю с одним выходным днём.

На рисунке 7 видно, что, в сравнении с «пятидневкой», при других режимах рабочей недели у мужчин зафиксированы те же два дня (вторник – 12,6 часа, четверг – 10,3 часа) повышенной работоспособности (общая трудовая нагрузка) из выявленных трёх дней недели. Третьим днём является понедельник (10,6 часа). Нужно отметить, что в понедельник, как в условиях «пятидневки», так и при других режимах рабочей недели, показатели общей трудовой нагрузки у мужчин идентичны, но соотношение времени оплачиваемой работы вместе с накладными времязатратами и неоплачиваемого труда в этот день существенно различается – 9,1 и 1,5 часа и 7,3 и 3,3 часа соответственно. «Пик» работоспособности при других режимах рабочей недели приходится у мужчин на вторник (11,1 и 1,5 часа), т. е. такая же закономерность, как при «пятидневке». В четверг – третий день повышенной работоспособности при других

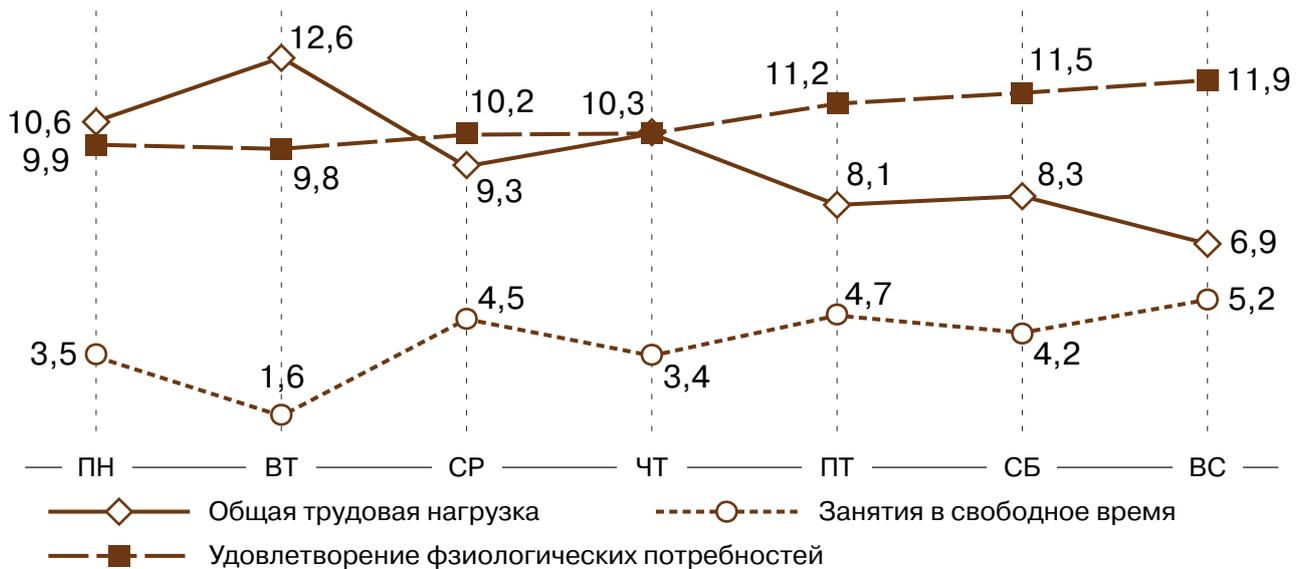

Рис. 7. Недельный ритм времяиспользования у мужчин при других режимах рабочей недели, 2019–2020 гг., на одного опрошенного в день, часы

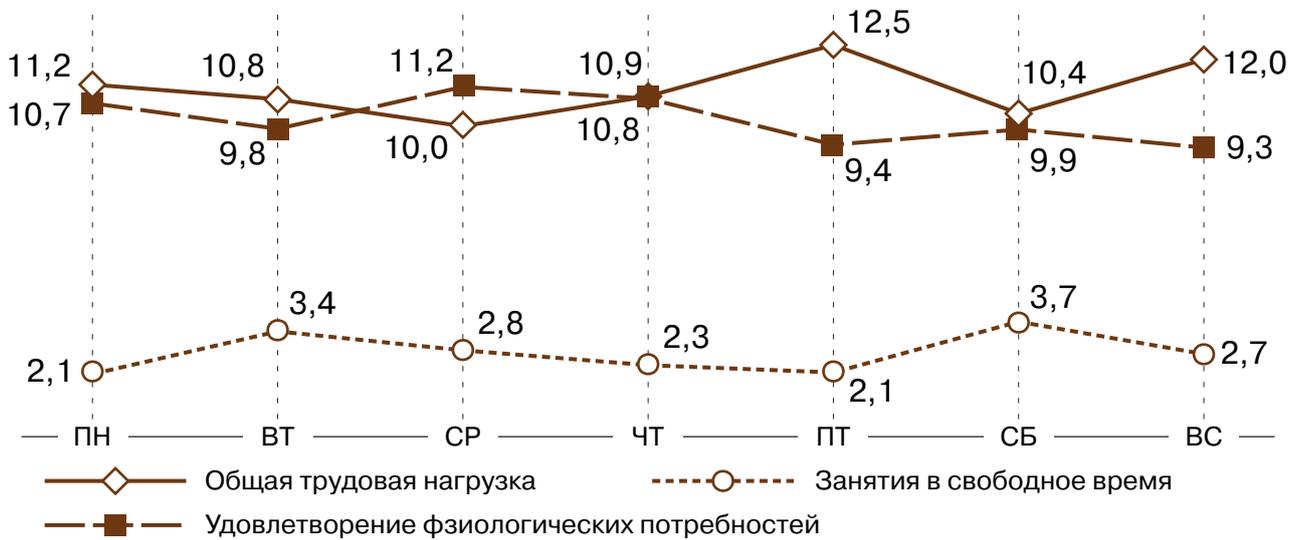

Рис. 8. Недельный ритм времяиспользования у женщин при других режимах рабочей недели, 2019–2020 гг., на одного опрошенного в день, часы

режимах рабочей недели выявлено рабочее время, идентичное зафиксированному в четверг при «пятидневке», равное 9,3 часа, а бытовая деятельность потребовала всего 1,0 часа. Учитывая, что в условиях других режимов рабочей недели присутствует «шестидневка», а также варианты, когда нет установленного графика работы или режим работы ненормированный, предполагалось, что использование времени в субботу и воскресенье будет иметь существенные особенности по сравнению с «пятидневкой». Однако оказалось, эти дни недели для большинства мужчин выполняют функцию выходного дня, хотя их рабочее время при «пятидневке» в субботу в 1,8 раза меньше, а в воскресенье, наоборот, в 1,2 раза больше.

Закономерности в сфере удовлетворения физиологических потребностей, на первый взгляд, совершенно алогичны. Самой большой величине общей

трудовой нагрузки соответствуют самые малые времязатраты на восстановление (во вторник 9,8 часа) и, наоборот, наименьшей её величине – весьма значительные времязатраты (в пятницу 11,2 часа). При этом в дни с понедельника по среду сон составляет 7,8 часа, в четверг – 7,7 часа, а в пятницу резко возрастает до 8,5 часа. Объясняется такое положение, на наш взгляд, тем, что к концу рабочей недели проявляется своего рода эффект накопленной усталости: трудовая нагрузка падает и требуется значительная физиологическая компенсация, в отличие от начала недели, когда запрос на подобную компенсацию ещё не оформился. Таким образом, картина ритма восстанавливающей деятельности при других режимах рабочей недели демонстрирует более сложную адаптационную конфигурацию по сравнению с «пятидневкой».

Величина свободного времени при других режимах рабочей недели у мужчин меньше, чем при «пятидневке» (особенно в субботу и воскресенье: в 1,6 и 1,3 раза), но структура их занятий отличается несколько лучшими по сравнению с «пятидневкой» характеристиками. В плане использования времяресурса выделяется именно пятница (не только большими затратами на восстановление), её ресурс свободного времени у мужчин для буднего дня огромный – 4,7 часа, – из которого собственно досуг потребляет 4,5 часа, и он относительно разнообразен. В пятницу мужчины посещают учреждения культуры (0,7 часа), гуляют на открытом воздухе (0,4 часа), понятно, что самый значительный времяресурс употребляется на «просмотр ТВ, прослушивание радио, интернет, включая интернет-общение» (1,7 часа) и, конечно, на разные игры (0,9 часа) и другие досуговые занятия. Остальное время расходуется на «учёбу и самообразование» (0,3 часа), это единственный день, когда зафиксирована данная группа занятий.

К какому общему выводу приводит анализ распределения времязатрат на общую трудовую нагрузку по семи дням недели у мужчин? Как при «пятидневке», так и при других режимах рабочей недели выявлены одни и те же дни наивысшего уровня работоспособности, а именно: вторник, среда, четверг и «примкнувший» к ним понедельник. Такая конфигурация недельной работоспособности у мужчин оправданно ложится в пространство четырёхдневной рабочей недели с тремя выходными днями. Понятно, что требуется дальнейшее более углублённое изучение данного подхода, но в первом приближении такая постановка вопроса, как нам представляется, заслуживает внимания.

Какова картина распределения времяресурса по дням недели при других режимах рабочей недели у женщин? Рисунок 8 иллюстрирует аналогичную по характеру работоспособности волну, определившуюся при «пятидневке». Во-первых, выявлены те же дни повышенной трудоспособности: понедельник (11,2 часа общей трудовой нагрузки, 7,0 часа оплачиваемой работы с накладными затратами времени, 4,2 часа бытового неоплачиваемого труда), четверг (10,9, 8,8 и 2,1 часа соответственно) и пятница (12,5, 9,8 и 2,7 часа). Во-вторых, также зафиксирован спад работоспособности во вторник (10,8, 8,1 и 2,7 часа соответственно) и среду (10,0, 4,0 и 6,0 часа) и её «пик» в пятницу, только

сильнее выраженный, чем при «пятидневке». Надо заметить, что в «пиковые» сутки у женщин (в пятницу) и у мужчин (во вторник) величина общей трудовой нагрузки практически одинаковая – 12,5 и 12,6 часа, хотя у женщин рабочее время в её составе в 1,1 раза меньше, чем у мужчин.

Есть ещё одна особенность, выявленная в условиях труда при других режимах рабочей недели только у женщин: на протяжении всей недели единственный день, который может (хотя бы относительно) претендовать на роль выходного дня, – среда (4,0 часа рабочего времени и 6,0 часа бытовой деятельности), хотя и в этом случае «с натяжкой». Поведение женщин, работающих при других режимах рабочей недели, ни в субботу (6,8 часа рабочего времени и 3,6 часа бытовой деятельности), ни в воскресенье (9,9 и 2,1 часа соответственно) абсолютно не соотнобразуется с днями отдыха и восстановления.

Также, как у мужчин, работающих при других режимах рабочей недели, у женщин при самой большой общей трудовой нагрузке – самые низкие суточные времязатраты на удовлетворение физиологических потребностей, и наоборот (в пятницу – 12,5 часа и 9,4 часа, в среду – 10,0 часа и 11,1 часа). Эта закономерность схожа с той, что наблюдается и при «пятидневке». В отличие от неё, при других режимах рабочей недели сон с понедельника по четверг требует у женщин большей длительности. Но в пятницу (7,5 часа), субботу (7,3 часа) и воскресенье (7,7 часа) продолжительность такого важнейшего вида отдыха и восстановления уступает их времязатратам при «пятидневке» и меньше, чем у мужчин при других режимах рабочей недели (8,5, 8,9 и 9,5 часа соответственно).

Показатели свободного времени по дням недели у женщин в целом хуже, чем в условиях их работы при «пятидневке» (рис. 6 и 8). Они также хуже значений, выявленных у мужчин при других режимах рабочей недели, особенно в пятницу (в 2,2 раза), воскресенье (в 2,0 раза), понедельник (в 1,7 раза) и четверг (в 1,5 раза). Проведение свободного времени при других режимах рабочей недели у женщин (и досуговые занятия, и развивающие) отмечено значительно меньшими времяресурсными показателями, чем при «пятидневке». Таким образом, далеко не самый оптимальный ритм повседневной деятельности женщин из группы наёмных работников, которые трудятся при других режимах рабочей недели, является результатом преодоления больших трудностей на пути социальной адаптации, и далеко не самым лучшим образом.

Режимы работы и удовлетворённость использованием времени в сферах труда, быта и отдыха, социальное самочувствие горожан

Удовлетворённость состоянием времяиспользования в сферах труда, быта и отдыха в зависимости от режимов работы, социальное самочувствие работающих горожан рассматриваются нами как значимые характеристики их социальной адаптации.

Проблемы влияния изменений и условий занятости на повседневную жизнь работников, являясь предметом эмпирических исследований, получают, под

разным углом зрения, отражение в публикациях последних лет. Анализируется влияние: нестандартных трудовых графиков на баланс между работой и жизнью [28; 29], характера занятости на качество трудовой жизни [30], альтернативных форм занятости на адаптационные процессы в системе управления персоналом [31]; баланс «работа – дети» [32]. Рассматриваются трудовые ценности самостоятельной и организационной занятости [33].

В логике поставленной цели и задач настоящей статьи продолжение анализа сконцентрировано на результатах исследования влияния режимов работы на удовлетворённость использованием времени на разные виды повседневной деятельности и на социальное самочувствие горожан.

Предварим анализ удовлетворённости использованием времени данными, показывающими, для какой группы наёмных работников их график работы, по самооценке, является более удобным: «пятидневка» – для 96% мужчин и для 88% женщин; «четырёхдневка» – для 91% и 92%; «другие режимы рабочей недели» – для 66% и 78% соответственно. Называли график неудобным в последней группе каждая вторая женщина, имеющая детей до 18 лет, и каждый третий мужчина, состоящий в браке и имеющий детей до 18 лет. Но такой же график считают удобным состоящие в браке мужчины и женщины без детей до 18 лет (79% и 83% соответственно) и одинокие женщины (одна в домохозяйстве), которые такую оценку давали в 100% случаях.

Для оценки удовлетворённости использованием времени в сферах труда, быта и отдыха использованы ответы респондентов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы количеством времени, которое Вы расходуете на следующие виды повседневной деятельности и насколько?». Варианты ответа (5-балльная шкала): 1 – совершенно не удовлетворены; 2 – скорее не удовлетворены, чем удовлетворены; 3 – частично удовлетворены, частично нет; 4 – скорее удовлетворены, чем нет; 5 – полностью удовлетворены. Показатели удовлетворённости использованием времени на разные виды повседневной деятельности при различных режимах работы представлены в таблице 5.

При «пятидневке», судя по среднему баллу, мужчины удовлетворены затратами времени на все виды повседневной деятельности в большей степени, чем женщины. Почти половина работающих мужчин «полностью удовлетворены» затратами времени на уход за детьми и на воспитание детей. Среди женщин аналогичный вариант ответа на оба вопроса выбрали только около трети. Особенно заметными по данному показателю являются гендерные различия в оценках рабочего времени и затрат времени на занятия в свободное время: по этим параметрам оценки мужчин в 2,5 и в 3 раза превышают оценки женщин.

Оценки величины затрат времени на все виды повседневной деятельности у мужчин, работающих по другим режимам рабочей недели (напоминаем, что это наёмные работники, у которых нестандартные графики работы или нет установленного графика работы), более низкие, чем у мужчин, работающих на «пятидневке». Однако оценки величины затрат времени на разные виды повседневной деятельности у женщин с другими режимами рабочей недели,

Таблица 5

Удовлетворённость работающих горожан затратами времени на разные виды повседневной деятельности, 2019–2020 гг., средний балл и доля респондентов, выбравших вариант ответа 5

Вид повседневной деятельности	Наёмные работники				Предприниматели, самозанятые	
	пятидневная рабочая неделя		другие режимы рабочей недели			
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Рабочее время на основной и дополнительной работе	3,8 (32)	3,5 (13)	3,7 (26)	3,7 (24)	3,9 (44)	3,6 (25)
Труд по дому	4,0 (36)	3,7 (25)	3,7 (24)	3,8 (35)	3,9 (47)	3,8 (25)
Посещение предприятий торговли	4,0 (34)	3,7 (20)	3,7 (23)	3,8 (33)	3,9 (41)	3,9 (33)
Посещение предприятий и учреждений сферы услуг	3,9 (23)	3,6 (15)	3,8 (19)	3,8 (28)	4,1 (50)	3,7 (50)
Медицинское обслуживание	3,5 (18)	3,1 (12)	3,3 (13)	3,3 (20)	3,1 (25)	3,3 (8)
Труд в саду, огороде	3,8 (38)	3,7 (27)	3,5 (30)	4,0 (23)	3,6 (21)	3,3 (27)
Уход за собой	4,1 (40)	3,8 (28)	3,8 (28)	3,9 (38)	3,9 (41)	3,8 (33)
Сон	4,1 (35)	3,8 (45)	3,6 (23)	3,8 (45)	3,7 (35)	3,7 (17)
Питание	4,2 (38)	3,9 (27)	3,8 (30)	3,7 (23)	3,8 (35)	3,9 (25)
Уход за детьми	4,1 (46)	3,8 (33)	3,8 (35)	4,1 (38)	3,7 (31)	3,6 (18)
Воспитание детей	4,2 (46)	3,8 (36)	3,8 (33)	4,3 (42)	3,6 (31)	3,6 (18)
Занятия в свободное время	3,9 (36)	3,3 (12)	3,5 (23)	3,7 (28)	3,7 (29)	3,6 (17)

как правило, выше, чем у женщин, работавших на «пятидневке». При этом, судя по средним баллам, оценки затрат времени на уход за детьми и на воспитание детей у женщин даже выше, чем у мужчин (4,1 и 3,8 и 4,3 и 3,8 балла соответственно). Превышают аналогичные показатели у них и оценки времени на занятия в свободное время (3,7 и 3,3 балла).

Особое внимание обратим на тот факт, что оценки рабочего времени на основную и дополнительную работу у женщин, занятых на рабочих местах с другими режимами рабочей недели, выше, чем у женщин, работающих на «пятидневке» (3,7 и 3,5 балла соответственно), хотя фактические затраты времени у них бóльшие (9,6 и 7,4 часа в среднем за рабочий день соответственно). Кроме того, при других режимах рабочей недели женщинам приходится почти в 3 раза чаще работать в установленные графиком выходные дни. Женщины в 2,5 раза чаще чувствуют себя очень уставшими после работы. Они меньше удовлетворены своей работой (3,4 и 3,7 балла). Можно предположить, что выбор отличного от «пятидневки» режима рабочей недели для определённой части тружениц (даже при менее благоприятных условиях труда) является фактором, который

оказывает позитивное влияние на их социальную адаптацию. Действительно, удовлетворённость жизнью в целом у них такая же, как и у женщин, работающих по «пятидневке» (3,7 балла в обеих группах).

Женщины из группы предпринимателей и самозанятых так же, как и женщины, работающие по другим графикам, в большей степени, чем женщины, работающие по «пятидневке», удовлетворены величиной и рабочего, и свободного времени. Удовлетворённость жизнью в целом у них выше (3,9 балла), чем у женщин – наёмных работников. Нельзя не отметить, что оценки удовлетворённости затратами времени на уход за детьми и на воспитание детей в группе предпринимателей и самозанятых ниже, чем в группе занятых на «пятидневке» и у мужчин, и у женщин.

Для обобщённой оценки использования времени обратимся к ответам респондентов на вопрос: «*Ощущаете ли Вы в повседневной жизни нехватку времени или, наоборот, у Вас бывает время, которое Вы не знаете, чем занять?*» Как выяснилось, только примерно треть респондентов, как среди наёмных работников, так и среди предпринимателей и самозанятых, выбрали вариант ответа «*Не ощущаю ни нехватки, ни излишка времени*» (37 и 35% соответственно). Варианты ответа «*Ощущаю излишек времени изредка*» и «*Ощущаю излишек времени очень часто*» выбирали единицы (по 3% в обеих группах). Большинство и наёмных работников, и предпринимателей и самозанятых выбрали варианты ответа «*Ощущаю нехватку времени очень часто*» и «*Ощущаю нехватку времени изредка*» (60 и 62% соответственно).

Важным является вопрос, влияют ли режимы работы на удовлетворённость работой и удовлетворённость жизнью в целом, т. е. на два важнейших показателя социальной адаптации в меняющихся условиях занятости. Как выяснилось, большинство работников удовлетворены в той или иной степени и работой (60%), и жизнью в целом (66%), средние баллы (по 5-балльным шкалам), соответственно, у наёмных работников на «пятидневке» – 3,8 и 3,7 балла, а у наёмных работников, трудящихся в условиях других режимов рабочей недели, – 3,7 и 3,8 балла, у предпринимателей и самозанятых – 4,4 и 4,0 балла.

Закономерно предположить, что на удовлетворённость жизнью в целом при различных режимах работы будет влиять обобщённая оценка использования времени. Судя по данным, приведённым на рисунке 9, доля удовлетворённых жизнью работников («пятидневка»), при нехватке времени у них *очень часто*, практически вдвое меньше доли удовлетворённых жизнью в случае, когда респонденты *не ощущают ни нехватки, ни излишка времени* (39 и 80% соответственно).

При других режимах рабочей недели доля удовлетворённых жизнью работников при *нехватке времени* у них *очень часто* также меньше доли удовлетворённых жизнью в случае, когда респонденты *не ощущают ни нехватки, ни излишка времени*, но различия не так уж велики (67% и 81% соответственно).

На какие виды деятельности работающим жителям не хватает времени, можно судить по их ответам на вопрос: «Если бы Ваше свободное время значительно возросло, то на какие занятия Вы бы увеличили затраты времени?».

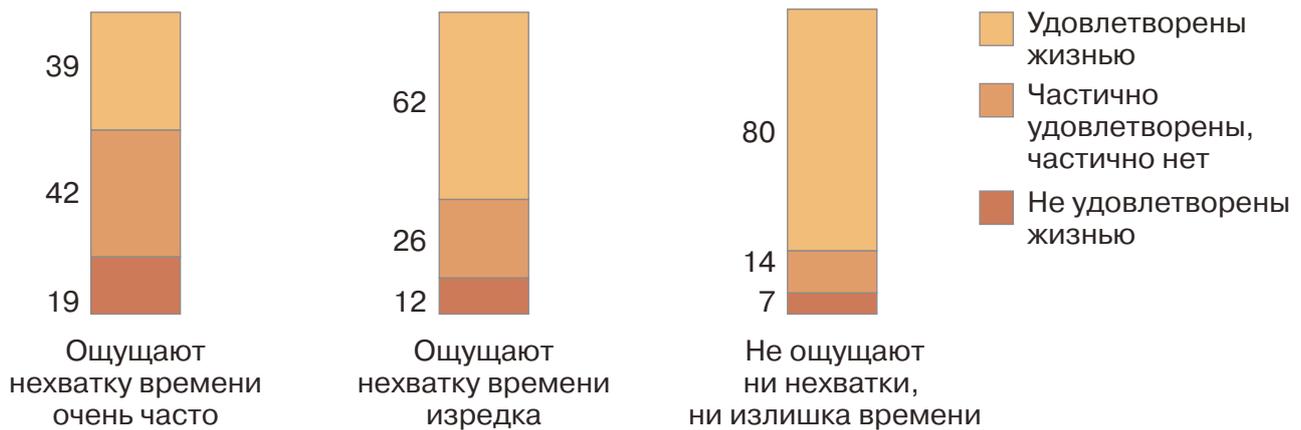

Рис. 9. Удовлетворённость жизнью в целом наёмных работников при «пятидневке», в зависимости от обобщённой оценки использования времени, 2019–2020 гг., %

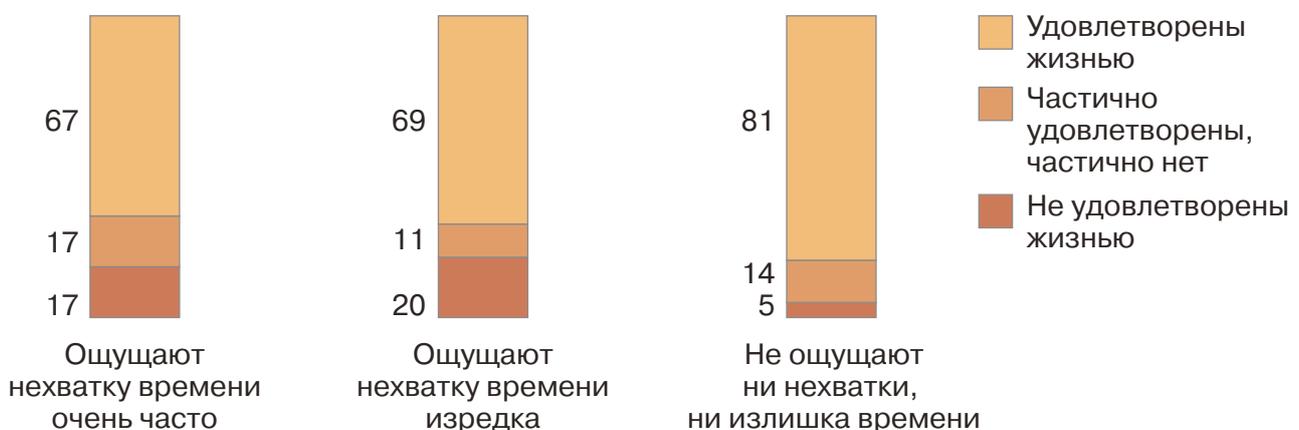

Рис. 10. Удовлетворённость жизнью в целом наёмных работников при других режимах работы, в зависимости от обобщённой оценки использования времени, 2019–2020 гг., %

Половина предпринимателей и самозанятых (50%) и почти половина наёмных работников (44%) увеличили бы затраты времени на занятия с детьми, с семьёй. Не менее четверти респондентов в обеих группах работающих горожан хотели бы в прожективной ситуации потратить свободное время на посещение кинотеатров, театров и других зрелищ (по 32% соответственно), на занятия спортом и туризмом (27 и 24%), т. е. на досуг вне дома. Однако примерно такое же число респондентов потратили бы его на просмотр телепередач (28 и 21% соответственно) и предпочли бы просто отдыхать, ничего не делая (27 и 39%), т. е. предпочли бы пассивный досуг. Примечательно, что в группе предпринимателей и самозанятых втрое больше, чем среди наёмных работников, тех, кто выразил пожелание потратить свободное время на повышение квалификации (47% первых против 14% вторых) и на интернет для самообразования, расширения культурного кругозора (24% против 10%). Отметим, что желаемые занятия практически одинаковые и у работников, которые трудятся на «пятидневке», и у работников, которые работают по нестандартным графикам или без установленного графика работы.

Выводы

Влияние режимов работы на использование времени являлось предметом анализа при проведении обследований бюджетов времени работающего населения уже с 1970-х гг. Особое внимание уделялось социальным последствиям перехода с шестидневной на пятидневную рабочую неделю. В современной России, в связи с существенными изменениями в видах и формах занятости и широким распространением наряду со стандартной «пятидневкой» других режимов работы, вопрос о влиянии режимов работы на использование времени в сферах труда, быта и отдыха вновь актуализируется. Уже до периода пандемии, по данным наших исследований, только чуть больше половины наёмных работников трудились в условиях «пятидневки», у остальных работающих по найму были другие режимы рабочей недели. Выбор новых видов занятости (предпринимательство, самозанятость) можно рассматривать как активный способ адаптации горожан к новой социальной реальности.

Сравнение структурирования наёмными работниками суточного фонда времени в рабочий день при «пятидневке» и других режимах работы выявило возрастание во втором случае общей трудовой нагрузки, прежде всего – за счёт увеличения времени оплачиваемого труда в сумме с накладными времязатратами. Время неоплачиваемого труда (бытовой деятельности), наоборот, меньше в условиях других режимов работы, а в его составе вдвое сокращается времярасход на социально значимый уход за детьми и их воспитание. Уменьшается и времяресурс, расходуемый на удовлетворение физиологических потребностей (сон, питание, уход за собой). Самые большие времяресурсные (количественные и качественные) потери при других режимах работы несут занятия в свободное время. В целом использование наёмными работниками времяресурса в рабочие дни при других режимах работы представляется более напряжённым и менее продуктивным, «пятидневка» отличается определёнными адаптационными преимуществами. Величина общей трудовой нагрузки наёмных работников при «четырёхдневке» в рабочий день больше, чем при «пятидневке». В нерабочий день по отношению к рабочему дню нагрузка снижается сильнее, чем при «пятидневке», что обеспечивает четырёхдневному режиму работы лучшие времяресурсные возможности для осуществления восстанавливающей и развивающей деятельности, что, однако, не тождественно лучшей реализации этих возможностей. Бюджет времени предпринимателей и самозанятых не относится к типу использования фонда времени, который характеризуется высокой степенью его напряжённости, более активным досугом и сильнее выраженной развивающей составляющей.

«Пятидневка» является более предпочтительной для наёмных работников с детьми до 18 лет. Женщин, не имеющих семью и детей до 18 лет, молодых, невысокого образовательного и квалификационного уровня наёмных работников больше выявлено в группе работающих при других режимах работы.

Изучение недельного ритма жизнедеятельности позволило расширить представление об использовании наёмными работниками имеющихся возможностей

организации повседневной жизни и адаптации к её условиям. Как при «пятидневке», так и при других режимах работы выявлены одни и те же дни наивысшего уровня работоспособности, а именно – вторник, среда, четверг и «примкнувший» к ним понедельник. Такая конфигурация недельной работоспособности у мужчин оправданно ложится в пространство четырёхдневной рабочей недели с тремя выходными днями. При других режимах работы только у женщин на протяжении всей недели единственный день, который может претендовать на роль выходного дня, – среда, хотя и в этом случае «с большой натяжкой».

Удовлетворённость времяиспользованием и социальное самочувствие при разных режимах работы рассматриваются нами как значимые показатели социальной адаптации. Оценки удовлетворённости количеством времени на разные виды повседневной деятельности в сферах труда, быта и отдыха выше 3 баллов у всех трёх групп работников, выделенных нами по режиму работы. Однако доля полностью удовлетворённых (5 баллов) незначительна. При «пятидневке» мужчины удовлетворены затратами времени на все виды повседневной деятельности в большей степени, чем женщины, особенно это касается рабочего времени и времязатрат на занятия в свободное время. Оценки аналогичных времязатрат у мужчин при других режимах работы ниже, чем у мужчин, работающих на «пятидневке», а у женщин, наоборот, выше именно в условиях работы при других режимах. Женщины из группы предпринимателей и самозанятых больше, чем женщины на «пятидневке», удовлетворены величиной и рабочего, и свободного времени. Только треть работников (независимо от режима работы) не ощущают ни нехватки, ни избытка времени в повседневной жизни.

Анализ показателей социального самочувствия позволяет сделать вывод, что удовлетворённость работой и удовлетворённость жизнью в целом выше у предпринимателей и самозанятых, чем у наёмных работников. Режимы работы у наёмных работников («пятидневка» или «другие режимы рабочей недели») не оказывают существенного влияния на оба показателя социального самочувствия. Однако ощущение нехватки времени в повседневной жизни ведёт к снижению удовлетворённости жизнью в целом в большей степени у работающих на «пятидневке».

Проблема влияния режимов работы на социальную адаптацию работников является весьма актуальной и требует дальнейшего изучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Советская социология. В 2-х т. Т. 2 (Динамика социальных процессов в СССР) / Г. В. Осипов, В. Г. Андреев, П. М. Козырева [и др.] ; отв. ред. Т. В. Рябушкин, Г. В. Осипов. М. : Наука, 1982. 257 с. EDN **YTNCOT**.
2. *Иваньков А. И.* Пятидневная рабочая неделя и использование свободного времени // Проблемы внепроизводственной деятельности трудящихся / Отв. ред. В. Д. Патрушев. М. : ИСИ АН СССР, 1976. С. 206–215.
3. *Патрушев В. Д.* Влияние продолжительности рабочего времени и режима рабочей недели на структуру бюджета времени // Время населения: динамика его использования / Отв. ред. В. Д. Патрушев. М. : Институт социологии РАН, 1992. С. 79–93.

4. Попов А. Д. Проблема перехода на пятидневную рабочую неделю в СССР: Власть, общество и публичные обсуждения 1960-х гг. // Научный вестник Крыма. 2021. № 6 (35). С. 1–13. DOI [10.24412/2499-9911-2021-635-9](https://doi.org/10.24412/2499-9911-2021-635-9). EDN [CQWIDS](#).
5. Бюджет времени трудящихся промышленности (методические рекомендации и материалы исследования) / Отв. ред. В. Д. Патрушев. М. : ИСИ АН СССР, 1984. 136 с.
6. Рабочее и свободное время (материалы исследования населения города). В 2 кн. Кн. 2 / Отв. ред. В. Д. Патрушев. М. : ИСИ АН СССР, 1987. 259 с.
7. Robinson J. P., Andreyenkov V. G., Patrushev V. D. The Rhythm of Everyday Life. How Soviet and American Citizens Use Time. Boulder, San Francisco, London : Westview press, 1989. 148 p. ISBN 0-8133-7576-2. EDN [WKOGMF](#).
8. Патрушев В. Д., Петрухина Л. А. Продолжительность рабочей недели, режим труда в промышленности и их изменение в течение 1950–80 гг. // Труд, быт и отдых трудящихся (динамика показателей времени за 1960–80 годы) / Отв. ред. В. Д. Патрушев. М. : Институт социологии АН СССР, 1990. С. 63–74. EDN [WMKUEL](#).
9. Анисимов Р. И. Динамика занятости в России (2018 – середина 2023 г.) // Социологические исследования. 2024. № 1. С. 73–84. DOI [10.31857/S0132162524010078](https://doi.org/10.31857/S0132162524010078). EDN [FQITDE](#).
10. Капелюшников Р. И., Зинченко Д. И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть I: дистанционная занятость // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6 (184). С. 157–181. DOI [10.14515/monitoring.2024.6.2654](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2654). EDN [JOEAJB](#).
11. Капелюшников Р. И., Зинченко Д. И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть II: платформенная занятость // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1 (185). С. 107–129. DOI [10.14515/monitoring.2025.1.2782](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2782). EDN [HKCBVZ](#).
12. Дьяченко В. Е, Воронкова О. В. Четырёхдневная рабочая неделя: экономические последствия перехода // Интеграция науки и производства. 2019. № 6. С. 44–47. EDN [SEOFXK](#).
13. Веденина А. С. Переход на четырёхдневную рабочую неделю: за и против // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 3, № 1 (121) С. 101–112. DOI [10.36871/ek.up.p.r.2022.01.03.013](https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2022.01.03.013). EDN [TMQEJR](#).
14. Андриановская И. И. К вопросу о введении режима четырёхдневной рабочей недели // Образование и право. 2024. № 10. С. 435–440. DOI [10.24412/2076-1503-2024-10-435-440](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-10-435-440). EDN [LPZNZD](#).
15. Шутин В. В., Григорьева Н. Ю. Анализ оптимизации бизнес-процессов и перехода на сокращённую рабочую неделю // Наука настоящего и будущего. 2023. Т. 3. С. 49–54. EDN [JGKAJN](#).
16. Золотов С. А. Теоретические основы мотивирования работников гибким режимом рабочего времени // Казанский экономический вестник. 2019. № 5 (43). С. 69–76. EDN [OQQLAN](#).
17. Бобков В. Н., Вередюк О. В. Часы работы в России: модели занятости и факторы выбора // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 5. С. 109–123. DOI [10.15838/esc.2019.5.65.7](https://doi.org/10.15838/esc.2019.5.65.7). EDN [PNTTMV](#).
18. Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Динамика продолжительности рабочего времени в постсоветский период // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 27–38. DOI [10.31857/S0132162524050021](https://doi.org/10.31857/S0132162524050021). EDN [GXQMUM](#).
19. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2024: Стат. сб./Росстат. М., 2024. 152 с.
20. Труд и занятость в России. 2023: Стат. сб./Росстат. М., 2023. 180 с.

21. Пациорковский В. В. Самозанятость – ответ части экономически активного населения на кризис стандартных трудовых отношений // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 1. С. 88–103. DOI [10.19181/population.2020.23.1.8](https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.8). EDN [KSWASO](#).
22. Карпов Р. Е. Природа самозанятости в России // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. 2022. № 39. С. 791–794. EDN [LXPIMM](#).
23. Вилисова М. Л., Шершова Е. В. Исследование самозанятости населения в России: Современное состояние и перспективы развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 5-1. С. 18–24. DOI [10.17513/vaael.1682](https://doi.org/10.17513/vaael.1682). EDN [ETQHXF](#).
24. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В., Газиева И. А. Развитие самозанятости на современном рынке труда // Экономическое развитие России. 2022. Т. 29, № 1. С. 56–63. EDN [VFBMNT](#).
25. Гавриленко А. В. Самозанятость населения Московского региона: социологическое измерение // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20, № 4 (141). С. 53–63. DOI [10.17922/2071-3665-2021-20-4-53-63](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-4-53-63). EDN [BAEMSE](#).
26. Троицкая М. С., Яситникова А. И., Пророков А. Н. Сферы деятельности самозанятых в Российской Федерации // Вестник Академии управления и производства. 2023. № 2 С. 92–99. EDN [WNTOVW](#).
27. Межотраслевые рекомендации по разработке рациональных режимов труда и отдыха. М. : Экономика, 1975. 134 с.
28. Стребков Д. О., Шевчук А. В. Ловушка гибкой занятости: как нестандартный график работы влияет на баланс между работой и жизнью фрилансеров // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 86–102. DOI [10.14515/monitoring.2019.3.06](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.06). EDN [FXUOQE](#).
29. Шевчук А. В., Красильникова А. В. Влияние нестандартных трудовых графиков на баланс между работой и жизнью (по данным Европейского социального исследования в России) // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17, № 2. С. 223–236. DOI [10.17323/727-0634-2019-17-2-223-236](https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-223-236). EDN [SMVOOJ](#).
30. Влияние характера занятости на качество трудовой жизни / В. Ю. Бабышев, Г. А. Барышева, Н. Т. Б. Чан, Д. Т. Бинь // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2021. № 54. С. 170–188. DOI [10.17223/19988648/54/9](https://doi.org/10.17223/19988648/54/9). EDN [DLCBJE](#).
31. Ледович Т. С., Зацарина А. В. Оценка альтернативных форм занятости и адаптационных процессов в системе управления персоналом // Вестник института дружбы народов Кавказа (теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. 2022. № 1 (61). С. 61–68. EDN [OYBFBU](#).
32. Мельников Д. Ю., Камарова Т. А. Современные условия занятости и баланс «работа-дети» // Наукосфера. 2023. № 12 (1). С. 349–358. DOI [10.5281/zenodo.10304497](https://doi.org/10.5281/zenodo.10304497). EDN [AXUTMS](#).
33. Стребков Д. О., Шевчук А. В. Трудовые ценности самостоятельной и организационной занятости // Социологические исследования. 2017. № 1 (393). С. 81–93. EDN [XXRRNL](#).

Сведения об авторах

Г. П. Бессокирная

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник
SPIN-код: 1426-2373

О. А. Большакова

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
SPIN-код: 8415-8760

Т. М. Караханова

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: 7189-1167

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию 16.06.2025; одобрена после рецензирования 20.07.2025; принята к публикации 15.10.2025.

Original article

DOI 10.19181/snsp.2025.13.4.7.

WORKWEEK MODES AND CITIZENS' WEEKLY RHYTHM OF DAILY ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF THEIR SOCIAL ADAPTATION

Galina Petrovna Bessokirnaya¹

Olga Aleksandrovna Bolshakova²

Tatiana Murtazaevna Karakhanova³

^{1, 2, 3}Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia

¹gala@isras.ru,

ORCID 0000-0001-7099-7772

²baolga7@rambler.ru,

ORCID 0000-0003-2501-6001

³patruhev@isras.ru,

ORCID 0000-0002-6497-9188

For citation: Bessokirnaya G. P., Bolshakova O. A., Karakhanova T. M. Workweek modes and citizens' weekly rhythm of daily activities in the context of their social adaptation. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(4):159–194. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2025.13.4.7.

Abstract. The article analyzes the influence of different workweek modes and the weekly rhythm of life on the social adaptation of the employed population. For this purpose, we used data from monitoring the daily activities and time budget of urban residents,

which is carried out at the Institute of Sociology of Federal Center of theoretical and applied sociology of the Russian Academy of Sciences. Based on the research results (from the 1970s to 2020), the applied workweek modes are considered. It has been revealed that despite the emerging variety of workweek modes, a 5-day workweek remains predominant for employees. It is shown that the indicators of time use by employees on working and non-working days vary depending on the working week mode (“five-day” or “other workweek modes”) and gender status. 5days workweek has certain adaptive advantages for both men and women. A 4day workweek provides the best time and resource opportunities for restorative and developmental activities, which, however, is not the same as the best realization of these opportunities. An analysis of time usage indicators in the group of entrepreneurs and the self-employed found that their time budget does not differ in a higher degree of tension, more active leisure time and a more developmental component compared to the time budget of employees. Both during the five-day and other workweek modes, employees have identified the same days of the highest level of working capacity, namely Tuesday, Wednesday, Thursday and Monday, which “joined” them. Such a configuration of weekly working capacity for men is justified to fit into the space of a 4-day workweek. Indicators of satisfaction of working citizens with the use of time in the fields of work, everyday life and recreation also vary depending on the mode of work and gender status. It is suggested that the choice of a working week regime other than “five days” for a certain part of workers (even under less favorable working conditions) is a factor that allows them to achieve a work-family balance in their daily activities. Job satisfaction and life satisfaction are higher in the group of entrepreneurs and the self-employed, which allows us to consider these new forms of employment as potentially effective ways for citizens to adapt to the new social reality.

Keywords: workweek modes, time use, types of daily activities, weekly rhythm of daily activities, employees, entrepreneurs and the self-employed, social adaptation

REFERENCES

1. Patrushev V. D. The time budget of industrial workers [Byudzhnet vremeni trudyashhixsya promy'shlenny'x predpriyatij]. In: T. V. Ryabushkin, G. V. Osipov, eds. *Soviet sociology (Dynamics of social processes in the USSR): in two volumes, Vol. 2.* Moscow: Nauka; 1982. P. 164–172. (In Russ.).
2. Ivankov A. I. The five-day working week and the use of free time [Pyatidnevnyaya rabochaya nedelya i ispol'zovanie svobodnogo vremeni] In: V. D. Patrushev, ed. *Problems of extra-curricular activities of workers.* Moscow: ISI AN SSSR; 1976. P. 206–215. (In Russ.).
3. Patrushev V. D. The influence of working hours and the working week regime on the structure of the time budget [Vliyanie prodolzhitel'nosti rabocheho vremeni i rezhima rabochej nedeli na strukturu byudzheta vremeni] In: V. D. Patrushev, ed. *Time of the population: the dynamics of its use.* Moscow: Institut sociologii RAN; 1992. P. 79–93. (In Russ.).
4. Popov A. D. The problem of the transition to a five working week days in the USSR: Government, society and public discussions in the 1960s. *Scientific Bulletin of the Crimea=Nauchny'j vestnik Kry'ma.* 2021;(6):1–13. (In Russ.). DOI [10.24412/2499-9911-2021-635-9](https://doi.org/10.24412/2499-9911-2021-635-9).
5. Patrushev V. D., ed. *The budget of the time of industrial workers (methodological recommendations and research materials) [Byudzhnet vremeni trudyashhixsya promy'shlennosti (metodicheskie rekomendacii i materialy' issledovaniya)]* Moscow: ISI AN SSSR; 1984. 136 p. (In Russ.).

6. Patrushev V. D., ed. Working and free time (materials of the study of the city's population): in two books, Book 2 [Rabochee i svobodnoe vremya (materialy' issledovaniya naseleniya goroda). Kniga 2]. Moscow: ISI AN SSSR; 1987. 259 p. (In Russ.).
7. Robinson J. P., Andreyenkov V. G., Patrushev V. D. The rhythm of everyday life. How Soviet and American citizens use time. Boulder, San Francisco, London: Westview press; 1989. 148 p. ISBN 0-8133-7576-2.
8. Patrushev V. D., Petrukhina L. A. The length of the working week, the labor regime in industry and their changes during the 1950–80 years [Prodolzhitel'nost' rabochej nedeli, rezhim truda v promy'shlennosti i ix izmenenie v techenie 1950–80 godov] In: V. D. Patrushev, ed. Labor, life and rest of workers (dynamics of time indicators for the 1960s and 80s). Moscow: Institut sociologii RAN; 1990. P. 63–74. (In Russ.).
9. Anisimov R. I. Dynamics of employment in Russia (2018–mid-2023). *Sociological Studies=Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2024;(1):73–84. (In Russ.). DOI [10.31857/S0132162524010078](https://doi.org/10.31857/S0132162524010078).
10. Kapelyushnikov R. I., Zinchenko D. I. Digital forms of employment in the Russian labor market. Part I: Distant employment. *Monitoring public opinion: economic and social changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'kono micheskie i social'ny'e peremeny'*. 2024;(6):157–181. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2024.6.2654](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2654).
11. Kapelyushnikov R. I., Zinchenko D. I. Digital forms of employment in the Russian labor market. Part II: Platform employment. *Monitoring public opinion: economic and social changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'kono micheskie i social'ny'e peremeny'*. 2025;(1):107–129. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2025.1.2782](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2782).
12. Dyachenko V. E., Voronkova O. V. Four-day work week: economic consequences of the transition. *Integration of science and production=Integraciya nauki i proizvodstva*. 2019;(6):44–47. (In Russ.).
13. Vedenina A. S. Transition to a four-day work week: pros and cons. *Economics and management: problems, solutions=E'konomika i upravlenie: problemy', resheniya*. 2022;3(1):101–112. (In Russ.). DOI [10.36871/ek.up.p.r.2022.01.03.013](https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2022.01.03.013).
14. Andrianovskaya I. I. On the issue of introducing a four-day working week. *Education and Law=Obrazovanie i pravo*. 2024;(10):435–440. (In Russ.). DOI [10.24412/2076-1503-2024-10-435-440](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-10-435-440).
15. Shutin V. V., Grigorieva N. Yu. Analysis of optimization of business processes and transition to a shorter working week. *Science of the present and the future=Nauka nastoyashhego i budushhego*. 2023;(3):49–54. (In Russ.).
16. Zolotov S. A. Labor motivation of workers by the usage of flexible regime of the working hours. *Kazan Economic Bulletin=Kazanskij e'konomicheskij vestnik*. 2019;5(43):69–76. (In Russ.).
17. Bobkov V. N., Veredyuk O. V. Working hours in Russia: employment models and choice factors. *Economic and social changes: facts, trends, forecast=E'konomicheskie i social'ny'e peremeny': fakty', tendencii, prognoz*. 2019;12(5):109–123. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2019.5.65.7](https://doi.org/10.15838/esc.2019.5.65.7).
18. Kozyreva P. M., Nizamova A. E., Smirnov A. I. Work day duration dynamics in the post-Soviet era. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2024;(5):27–38. (In Russ.). DOI [10.31857/S0132162524050021](https://doi.org/10.31857/S0132162524050021).
19. Labor force, employment and unemployment in Russia (based on the results of sample surveys of the labor force). 2024: Stat.issue. Moscow: Rosstat; 2024. 152 p. (In Russ.).
20. Labor and employment in Russia. 2023: Stat.issue. Moscow: Rosstat; 2023. 180 p. (In Russ.).

21. Patsiorkovsky V. V. Self-employment is the response of a part of the economically active population to the crisis of standard labor relations. *Population=Narodonaselenie*. 2020;23(1):88–103. (In Russ.). DOI [10.19181/population.2020.23.1.8](https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.8).
22. Karpov R. E. The nature of self-employment in Russia. *Modern problems of linguistics and methods of teaching Russian in higher education institutions and schools=Sovremenny'e problemy' lingvistiki i metodiki prepodavaniya russkogo yazy'ka v vuze i shkole*. 2022;(39):791–794. (In Russ.).
23. Vilisova M. L., Shershova E. V. Study of self-employment in Russia: Current state and development prospects. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law=Vestnik Altajskoj akademii e'konomiki i prava*. 2021;(5-1):18–24. (In Russ.). DOI [10.17513/vaael.1682](https://doi.org/10.17513/vaael.1682).
24. Pokida A. N., Zybunovskaya N. V., Gazieva I. A. Development of self-employment in the modern labor market. *Economic development of Russia=E'konomicheskoe razvitie Rossii*. 2022;29(1):56–63. (In Russ.).
25. Gavrilenko A. V. Self-employment of the population of the Moscow region: a sociological dimension. *Social policy and Sociology=Social'naya politika i sociologiya*. 2021;20(4):53–63. (In Russ.). DOI [10.17922/2071-3665-2021-20-4-53-63](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-4-53-63).
26. Troitskaya M. S., Yasitnikova A. I., Prophokov A. N. Areas of activity of the self-employed in the Russian Federation. *Bulletin of the Academy of Management and Production=Vestnik Akademii upravleniya i proizvodstva*. 2023;(2):92–99. (In Russ.).
27. Intersectoral recommendations on the development of rational work and rest regimes [Mezhotraslevy'e rekomendacii po razrabotke racional'ny'x rezhimov truda i otdy'xa]. Moscow: E'konomika; 1975. 134 p. (In Russ.).
28. Strebkov D. O., Shevchuk A. V. The trap of flexible employment: how a non-standard work schedule affects the work-life balance of freelancers. *Monitoring public opinion: economic and social changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e pereмены'*. 2019;(3):86–102. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2019.3.06](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.06).
29. Shevchuk A., V. Krasilnikova A. V. The impact of non-standard work schedules on work-life balance (the case the European Social survey in Russia). *The Journal of Social Policy Studies=Zhurnal issledovanij social'noj politiki*. 2019;17(2):223–236. (In Russ.). DOI [10.17323/727-0634-2019-17-2-223-236](https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-223-236).
30. Babyshev V. Yu., Barysheva G. A., Chang N. T. B., Binh D. T. Impact of the nature of employment on the quality of working life. *Bulletin of Tomsk State University. Economy=Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. E'konomika*. 2021;(54):170–188. (In Russ.). DOI [10.17223/19988648/54/9](https://doi.org/10.17223/19988648/54/9).
31. Ledovich T. S., Zatsarinina A. V. Assessment of alternative forms of employment and adaptation processes in the personnel management system. *Bulletin of the Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus (theory of economics and management of the national economy) Economic sciences=Vestnik instituta družby' narodov Kavkaza (teoriya e'konomiki i upravleniya narodny'm khozyajstvom). E'konomicheskie nauki*. 2022;1(61):61–68. (In Russ.).
32. Melnikov D. Yu., Kamarova T. A. Modern employment conditions and work-children balance. *Naukosphere=Naukosfera*. 2023;12(1):349–358. (In Russ.). DOI [10.5281/zenodo.10304497](https://doi.org/10.5281/zenodo.10304497).
33. Strebkov D. O., Shevchuk A. V. Work values of self-employment and organizational employment. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2017;1(393):81–93. (In Russ.).

Information about the Authors

G. P. Bessokirnaya

Candidate of Economics,
Senior Researcher
ResearcherID: **T-9819-2018**
Scopus Author ID: **6504478999**

O. A. Bolshakova

Candidate of Sociology,
Senior Researcher
ResearcherID: **T-6194-2018**

T. M. Karakhanova

Candidate of Economics,
Leading Researcher
ResearcherID: **U-1727-2018**
Scopus Author ID: **6503934394**

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 16.06.2025; approved after reviewing 20.07.2025; accepted for publication 15.10.2025.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ АДАПТИРОВАННОСТИ К РИСКОГЕННОМУ КОНТЕКСТУ СРЕДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОБЩЕРОССИЙСКОГО РЕПРЕЗЕНТАТИВНОГО ОПРОСА)

Елена Викторовна Шлыкова

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

shly-ev@yandex.ru,

ORCID 0000-0002-2875-271X

Для цитирования: Шлыкова Е. В. Социальное самочувствие взрослого населения России как показатель адаптированности к рискогенному контексту среды (по материалам общероссийского репрезентативного опроса) // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 4. С. 195–211. DOI 10.19181/snsp.2025.13.4.8. EDN VIJSWS.

Аннотация. Исходным для анализа в статье является представление об уникальности переживаемой российским обществом адаптивной ситуации, вызванной необходимостью взаимодействовать с рискогенным контекстом среды, формируемым длительным воздействием витальных рисков. Обобщение результатов мониторинговых замеров социального самочувствия и характера тревожности выявило противоречивые тенденции в состоянии адаптированности населения России, определяемые как адаптивная асимметрия. На базе методологических положений полипарадигмальной концепции системы жизненного ориентирования личности сформирована объяснительная модель специфики процесса адаптации к рискогенному контексту. Автор исходит из положения, что в основе адаптивных механизмов в рискогенных средах лежит выбор способа взаимодействия с риском, а именно – между принятием возможного ущерба в ожидании последующего успеха или избеганием ущерба из-за опасения неудачи. Эмпирической проверке подвергается гипотеза о «роли» выбора способа взаимодействия с риском как фактора успешности/неуспешности адаптации и способствующего/препятствующего адаптивной асимметрии в обществе. На основе данных общероссийского репрезентативного социологического опроса осуществлён сравнительный анализ целевых групп, различающихся позициями в отношении выбора способа взаимодействия с риском, по расширенному для рискогенных сред комплексному показателю социального самочувствия. Показано, что выбор активного освоения неопределённости через поиск в рискогенной среде новых возможностей для роста собственного благополучия и личностного развития является фактором повышения адаптированности населения и снижения адаптивных асимметрий в обществе.

Ключевые слова: рискогенный контекст, жизненная среда, неопределённость, статус безопасности, способы взаимодействия с риском, адаптивная асимметрия, социальное самочувствие, адаптированность

Введение

Современный контекст повседневной жизнедеятельности российского общества обуславливается следующими друг за другом *принципиально новыми* социально значимыми вызовами: пандемия коронавируса сменяется специальной военной операцией, беспрецедентным санкционным давлением, противостоянием с коллективным Западом, вынужденным ускоренным импортозамещением и глобальным переустройством миропорядка. Следствием указанных чрезвычайных событий выступают скорость, глубина, разнонаправленность и вариативность изменений, формирующих жизненную среду, сущностной чертой которой является высокая степень неопределённости – как на уровне общественной системы в целом, так и отдельных её компонентов, в том числе населения России.

Накопленная и опубликованная к настоящему моменту социологическая эмпирическая информация позволяет выявить и описать специфические особенности сложившейся ситуации, её отражения в сознании населения России и роли в формировании жизненной среды российского общества.

В отношении неопределённости наблюдаются существенные различия в показателях массовых умонастроений в период кризисов 2009, 2014, 2016 гг., в годы пандемии коронавируса и начиная с весны 2022 г. Результаты сравнительного анализа данных общероссийского мониторинга, проводимого Институтом социологии ФНИСЦ РАН, показывают, что в предшествовавшие кризисные периоды в массовом сознании фиксировалась в основном нейтральная в отношении возможного развития событий неопределённость, в настоящее время в российском обществе стала складываться «негативная неопределённость», связанная с ожиданием ухудшения ситуации [1, с. 251]. В этих условиях наблюдается доминирование чувства тревожности у значительного числа россиян [2, с. 329] и рост специфических страхов различной природы [3, с. 314–315].

Тревожность и страхи в массовом сознании традиционно рассматриваются как реакция на наличие источника негативного воздействия, а именно – опасности и риска. Результаты обобщающего анализа годовых отчётов «Национального индекса тревожностей» – ежеквартального рейтинга тревог россиян, рассчитываемого на основе анализа материалов СМИ и социальных сетей¹ за 2020–2024 гг. и двух кварталов текущего года, показывают резкую смену «тревожного поля» в первом квартале 2022 г.: из повестки дня ушли риски пандемии и связанные с ней события, несмотря на то что уровень заболеваемости оставался ещё достаточно высоким, и актуализировались риски, связанные с проведением СВО на Украине. «Суммарный медиа индекс тревожности

¹ Национальный индекс тревожностей // КРОС : сайт. 2025. URL: <https://www.cros.ru/ru/> (дата обращения: 18.09.2025).

в 2022 году вырос более чем в два раза по сравнению с 2021 годом – с 9 790,27 до 21 394,68, что объясняется более напряжённой повесткой в целом. При этом в 2021 году суммарный индекс тревожности вырос на 71% по сравнению с 2020 годом – с 5 734,78 до 9 790,27, что было связано преимущественно с повесткой пандемии коронавируса»¹. Резкий подъём тревожности в массовом сознании характерен для начала обоих чрезвычайных событий, однако начало СВО вызвало значительно более высокий рост напряжённости в обществе по сравнению с первым годом пандемии коронавируса.

При этом в период пандемии на верхних позициях рейтинга тревожностей наряду с рисками коронавируса регулярно оказывались и «обычные» для нашего общества факторы (рост цен, уровень зарплат, увеличение числа тяжких преступлений и пр.). Начиная с весны 2022 г. до конца 2024 г. события на фронтах, атаки беспилотников, диверсии, ядерная эскалация, возможный военный конфликт с НАТО, ситуация в зоне КТО (Курск, Белгород), угрозы терактов неизменно занимали первые места рейтинга тревожностей, лишь иногда уступая их повседневным ситуационным факторам². С начала 2025 г. наблюдается некоторое снижение тревожности в этом направлении, однако факторы, связанные с проведением СВО, всё ещё остаются в десятке основных.

Устойчивый характер наблюдаемых факторов тревожности указывает на повышенную рискогенность контекста жизненной среды современного российского общества, детерминированную витальными рисками военных действий и террористических атак, которые, по данным наших многолетних исследований, в относительно спокойные годы вызывали тревожность у пренебрежительно малой доли респондентов из разных выборочных совокупностей. Можно утверждать, что рискогенный контекст жизненной среды населения России, формируемый длительным влиянием витальных рисков, не имеет аналогов в жизни абсолютного большинства россиян. Такая жизненная среда создаёт уникальную адаптивную ситуацию, детерминированную отсутствием опыта адаптации к подобному рискогенному контексту.

Вследствие формирования уникальной адаптивной ситуации, как правило, происходят изменения адаптационных стратегий, появление новых моделей и способов социальной адаптации, актуализация латентных факторов и ресурсов, влияющих на успешность и тип адаптации, и все эти процессы связаны с динамикой и состоянием *социального самочувствия* – *основного показателя адаптированности населения к сложившейся жизненной среде*.

Результаты мониторинговых эмпирических замеров динамики социального самочувствия населения России за достаточно длительный период развития российского общества указывают на противоречивые тенденции в состоянии социального самочувствия, присущие текущему моменту времени. С одной стороны,

¹ Национальный индекс тревожностей. Выводы исследования // КРОС : сайт. 2025. URL: https://www.cros.ru/ru/exploration/anxiety_part_detail/4053/ (дата обращения: 18.09.2025).

² Национальный индекс тревожностей. Исследования // КРОС : сайт. 2025. URL: <https://www.cros.ru/ru/exploration/anxiety/> (дата обращения: 18.09.2025).

ухудшение целого ряда показателей, характеризующих социальное самочувствие населения России, непосредственно после начала чрезвычайного события (как пандемии коронавируса, так и СВО) и довольно быстрый их возврат в прежнее состояние с тенденцией к постепенному росту являются «одними из наиболее убедительных признаков устойчивости адаптационных процессов» [4, с. 19]. С другой стороны, в последние годы наблюдается рост страха перед неопределённостью будущего и сохраняется относительно высокий уровень тревожности в обществе [3, с. 314–315], а массовое сознание россиян характеризуется хотя и не исключительным (радикальным), но экстремальным состоянием [2, с. 321].

Интерпретация выявленного противоречия в рамках социологии адаптаций позволяет утверждать, что определённая часть населения России в настоящий момент переживает состояние *адаптивной асимметрии* – «рассогласованности адаптивного поведения и адаптивного сознания» [5, с. 217], и это указывает на незавершённость процесса социальной адаптации к сложившемуся рискогенному контексту. Длительные адаптивные асимметрии требуют особого напряжения адаптационных ресурсов и быстро их истощают, что порождает ситуацию кризиса адаптации, не позволяя успешно завершить восстановление нарушенного равновесия со средой. Проявляющаяся общая тенденция, безусловно, по-разному отражается в сознании и поведенческих практиках различных социальных групп, поскольку группы обладают разными адаптационными возможностями.

Актуальной научной задачей становится обоснование факторов и условий для успешной адаптации к рискогенному контексту среды, для снижения адаптивной асимметрии в обществе и поиск критериев дифференциации населения России по проявленности склонности к кризису адаптации.

Свой вклад в решение поставленной задачи автор видит в анализе связи социального самочувствия населения России с особенностями выбора способа «освоения» неопределённости при взаимодействии с рискогенным контекстом жизненной среды.

Методологическая основа и исходные положения исследования

Дальнейший анализ строится на положениях, верифицированных в процессе многолетних эмпирических исследований социальной адаптации к условиям риска и неопределённости коллегами по научной проблематике, включая автора статьи.

Рискогенный контекст среды нарушает базовую потребность в безопасности, тем самым определяя особенности процесса адаптации. Целью адаптации в такой среде становится формирование нового статуса безопасности социальных субъектов, адекватного изменяющимся условиям среды. Процесс адаптации к рискогенному контексту может быть успешным тогда, когда адаптант достигает определённого статуса безопасности, основанного на высоких оценках удовлетворения этой базовой потребности. В рискогенных средах субъективная оценка безопасности входит в число факторов, определяющих социальное

самочувствие и, следовательно, уровень адаптированности к соответствующему контексту. В связи с этим для комплексного анализа адаптированности к рискогенной среде становится необходимым включение оценки безопасности в показатель социального самочувствия.

В рискогенной среде, характеризующейся высокой неопределённостью, а значит, непредсказуемостью исходов социальных действий и процессов, адаптация требует затрат ресурсов не только на достижение желаемых результатов, но и на учёт потенциальных, часто скрытых рисков. Базовым компонентом формирования адаптационных механизмов и стратегий становится «освоение» неопределённости через выбор способа взаимодействия с рискогенным контекстом среды.

Методологической основой поиска объяснительной модели адаптированности к рискогенному контексту жизненной среды населения России в исследовании послужит положение *полипарадигмальной концепции системы жизненного ориентирования личности*¹ о выборе стратегии действий. В основе взаимодействия со средой в ситуациях с «мультивариантным исходом» лежит «рациональный выбор стратегии действий», основанный на «субъективной ценности (значимости, полезности) того или иного исхода, разрешения проблемной ситуации и институционально-нормативного контекста этой ситуации» [6, с. 158].

В рискогенной среде «мультивариантность исхода» действий и процессов обуславливается двойственной природой риска как потенциальной возможности выигрыша или ущерба и предполагает выбор между принятием возможного ущерба в ожидании последующего успеха или избеганием ущерба из-за опасения неудачи. Методологические положения полипарадигмальной концепции системы жизненного ориентирования личности позволяют сформулировать утверждение, что этот выбор основывается на принципиально разной рациональности, формирующей разные стили поведения и приводящей к разным результатам, и, по сути, представляет собой *выбор способа взаимодействия с риском, лежащий в основе адаптивных механизмов в рискогенных средах* и может быть критерием дифференциации населения для эмпирического анализа особенностей социальной адаптации.

В предшествующем исследовании, опираясь на данные опроса населения России по репрезентативной общероссийской выборке², удалось выделить три целевые группы, различающиеся позициями выбора действий в ситуации адаптации к современному российскому контексту. Первую группу составляют те,

¹ Полипарадигмальная концепция системы жизненного ориентирования личности разработана и апробирована А. В. Мозговой применительно к средам с неопределённостью и ситуациям с мультивариантным исходом [6].

² Исследование «Личное будущее и будущее страны в массовых представлениях россиян в 2014–2024 гг.: динамика, факторы изменений, влияние на социальное поведение» (рег. номер 124091200014-0) проведено в октябре 2024 года при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований (руководитель проекта – академик РАН, доктор социологических наук М. К. Горшков).

кто, принимая решение действовать, пытается избежать ущерба, то есть риска потерь, вторую – те, кто ориентируется на возможные преимущества, несмотря на риск ущерба, в третью группу вошли респонденты, которые не заявили своей чёткой позиции¹.

Сравнительный анализ целевых групп по представлениям о жизненных перспективах, индивидуальному ресурсному потенциалу и практикам планирования собственной жизни позволил установить, что лежащая в основе выбора способа взаимодействия с риском личностная установка может выполнять как защитную функцию, так и функцию развития через приобретение новых возможностей и ресурсов, а уклонение от выбора указывает на несформированность личностной установки на взаимодействие с риском, что определяет отсутствие основы для выстраивания механизма адаптации в рискогенной среде [7].

Интерпретация полученных результатов дала возможность «выйти» на гипотезу о том, что выбор способа взаимодействия с рискогенным контекстом среды может стать фундаментом формирования разных адаптивных механизмов (развитие, защита, реверсия или уход²), влияющих на успех адаптации. Проверить эту гипотезу в рамках одной статьи не представляется возможным, она требует масштабного изучения и дополнительных эмпирических данных, которыми в настоящий момент автор, к сожалению, не располагает. Однако исследование «роли» выбора способа взаимодействия с риском как фактора адаптированности, то есть успешности/неуспешности адаптации, и фактора, способствующего/препятствующего адаптивной асимметрии в обществе, представляется продуктивным на первом этапе запланированного углублённого изучения.

Для этого осуществим сравнительный анализ групп «избегающих риска (возможного ущерба)», «рискующих ради новых возможностей, не взирая на вероятность ущерба» и «уклонившихся от выбора позиции» по комплексному показателю социального самочувствия для рискогенных сред.

Результаты

Прежде всего представим социально-демографический профиль изучаемых целевых групп, ставший результатом подробного эмпирического анализа и обоснования в предыдущем исследовании.

«Избегающие риска» – преимущественно женщины, в возрасте от 45 лет и старше, рядовые работники торговли и сферы бытового обслуживания, относящиеся к низкодоходной группе.

«Рискующие ради новых возможностей» – респонденты обоих полов, преимущественно молодые (до 29 лет) с тенденцией плавного снижения к 45 годам

¹ Для дальнейшего анализа группы условно были названы «избегающие риска (возможного ущерба)», «рискующие ради новых возможностей, не взирая на вероятность ущерба» и «уклонившиеся от выбора позиции» (их доли в выборке составляют 44,0, 35,4 и 20,6% соответственно). Подробнее процедуру формирования целевых групп см.: [7].

² Используем понятия Л. В. Корель [5, с. 270–273].

и резкого снижения к более старшему возрасту, со средним и высоким уровнем образования, входящие в профессиональные группы предпринимателей, самозанятых и имеющих семейный бизнес, рабочих высокого разряда и специалистов с высшим образованием, имеющие среднемесячный доход выше двух медиан.

«Уклонившиеся от выбора позиции» – респонденты обоих полов, преимущественно пожилого возраста (66 лет и старше), не имеющие профессионального образования, из профессиональной группы рабочих низкого разряда, а также не имеющие работу, относящиеся к нижней среднедоходной и низкодоходной группам (подробнее см.: [7]).

Как уже отмечалось, **социальное самочувствие** рассматривается как показатель адаптированности, отражающий уровень комфортности в среде и характеризующий внутреннее состояние адаптанта, определяемое удовлетворённостью его социальных потребностей. В такой интерпретации измерение социального самочувствия опирается на субъективную оценку.

Для анализа социального самочувствия за основу принят апробированный многолетними исследованиями показатель, включающий три взаимосвязанных компонента: «удовлетворённость и стабильность существования, статусно-престижная идентичность, самооценка состояния здоровья» [8, с. 25]. Для рискогенной среды показатель социального самочувствия дополним субъективной оценкой личной безопасности, включающей оценку удовлетворённости потребности в безопасности и уровня тревожности как составляющей эмоционально-психологического состояния. Как показывает практика, именно такая субъективная оценка отражает статус личной безопасности [9].

Имеющиеся данные позволяют осуществить сравнительный анализ **удовлетворённости и стабильности существования** целевых групп по самооценкам удовлетворённости жизнью в целом, жизненных перспектив и чувств, испытываемых в отношении будущего.

Рассчитаем индекс удовлетворённости жизнью по формуле:

$$I_{\text{уж}} = (a + 0,5b - c) \div (a + b + c),$$

где «а» – количество респондентов, поставивших высокие оценки тому, как складывается их жизнь в целом, «b» – количество респондентов со средними оценками удовлетворённости жизнью, «с» – с низкими. Значения индекса изменяются в диапазоне от +1 до –1. Положительные значения указывают на удовлетворённость жизнью, и чем ближе величина этих значений к +1, тем выше её уровень. Отрицательные значения индекса указывают на неудовлетворённость жизнью: чем ближе величина этих значений к –1, тем больше респонденты не удовлетворены тем, как складывается их жизнь.

В группах избегающих риска и ориентирующихся на новые возможности значения индекса одинаковы, равны рассчитанному по массиву в целом и составляют 0,6. В группе уклонившихся от выбора индекс значительно ниже – 0,4. Рассчитанные значения индекса позволяют утверждать, что уровень удовлетворённости жизнью избегающих риска и рискующих ради новых возможностей

выше среднего, в отличие от группы уклонившихся от выбора позиции в отношении способа взаимодействия с риском.

О своём будущем респонденты из всех целевых групп задумываются в равной степени, чуть более половины в каждой группе делают это регулярно, около трети – иногда. Вместе с тем наблюдаются значимые различия¹ целевых групп по оценкам их личных жизненных перспектив (см. табл. 1) и чувствам, испытываемым в отношении будущего (см. рис. 1).

Таблица 1

Оценка личных жизненных перспектив на ближайший год в целевых группах, 2024 г., %

Название группы	Характер оценки		
	Жизнь улучшится	Жизнь ухудшится	Останется без изменений
Избегающие риска	17,7	29,2	53,1
Рискующие ради новых возможностей	26,9	19,2	53,9
Уклонившиеся от выбора позиции	12,4	30,3	57,3

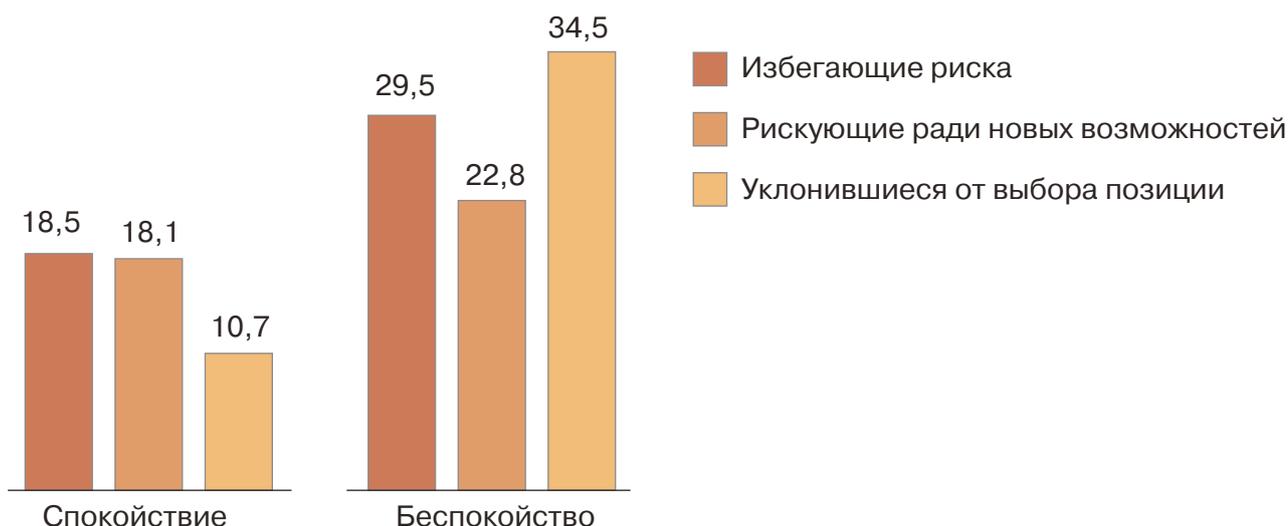

Рис. 1. Оценка противоположных чувств в отношении собственного будущего, 2024 г., % (доля в каждой целевой группе)

Чуть более половины респондентов в каждой из целевых групп считают, что их жизнь в ближайшем будущем не изменится, что соответствует доле по массиву в целом (54,2%). Ориентирующиеся на возможности значимо больше остальных ожидают улучшения собственной жизни и меньше – ухудшения. Наименее оптимистичными в оценках личных жизненных перспектив оказались респонденты, уклонившиеся от выбора позиции в отношении способа взаимодействия с риском.

¹ Выводы о наличии или отсутствии статистически значимой взаимосвязи между переменными и экстраполяция полученной информации на генеральную совокупность основаны на расчётах хи-квадрата Пирсона, о силе связи – на расчётах коэффициента сопряжённости (уровень доверия – 95%).

Оценки избегающих риска приближены к средним по массиву, однако в ожидании ухудшения собственной жизни они схожи с группой уклонившихся от выбора.

Доли оценок таких чувств о собственном будущем, как уверенность, надежда, страх и отчаяние, в целевых группах существенно не различаются и соответствуют долям в массиве (15,0, 30,1, 3,9 и 1,5% соответственно). Статистически значимая связь позиции по выбору способа взаимодействия с риском зафиксирована с оценками противоположных чувств – спокойствия и беспокойства.

Респонденты, уклонившиеся от выбора позиции, значительно больше остальных чувствуют беспокойство в отношении собственного будущего и меньше – спокойствие. Представленные доли этих чувств в группе значимым образом отличаются от соответствующих долей в других целевых группах и от значений по массиву в целом. Ориентирующиеся на новые возможности значительно меньше чувствуют беспокойство за собственное будущее. Оценки избегающих риска амбивалентны: по спокойствию за собственное будущее в процентных пунктах они схожи с ориентирующимися на возможности, а по беспокойству – ближе к группе уклонившихся от выбора позиции.

Следующим компонентом социального самочувствия, включённым в анализ, выступает **статусно-престижная идентичность**, которую будем анализировать по самооценкам материального положения и его динамики, а также самооценкам социального статуса.

На рисунке 2 представлены сводные данные по замерам материального положения и его динамики.

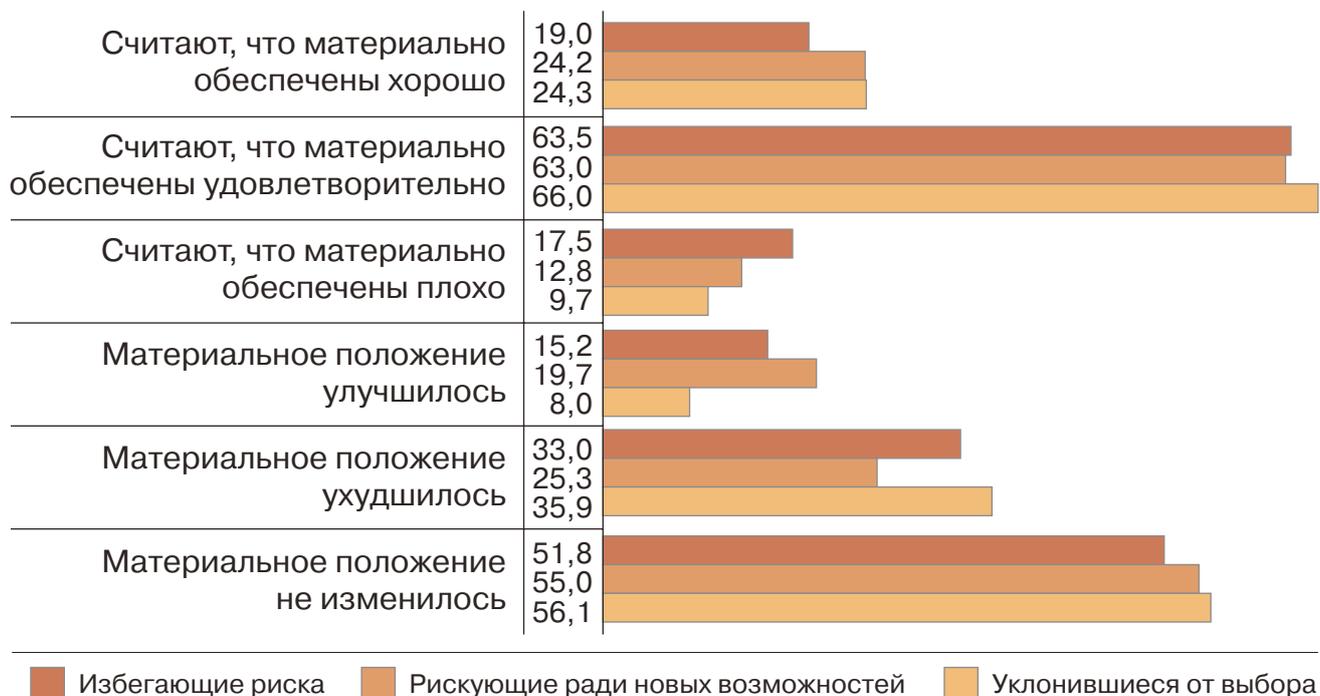

Рис. 2. Самооценки материального положения и его динамики в целевых группах, 2024 г., %

Статистически значимые различия между самооценками материального положения и его динамики с позицией относительно выбора способа взаимодействия с риском не обнаружены. Отметим склонность к позитивным оценкам динамики своего материального положения ориентирующихся на новые возможности, а избегающих риска и уклонившихся от выбора позиции, напротив, к негативным.

Для оценки социального статуса в ходе опроса респондентам предлагалось отнести себя к тому или иному социальному слою общества и определить основания сделанного выбора. Респонденты из всех целевых групп оказались единодушны в выборе критериев определения социального слоя, к которому они относят сами себя. В таблице 2 представлены результаты ранжирования этих критериев по величине долей их выбора в целевых группах.

Абсолютное большинство респондентов из всех целевых групп главным основанием для отнесения себя к тому или иному социальному слою считают уровень доходов, остальные критерии оказались значительно менее важными. По сути, мы будем анализировать самооценки социального статуса целевых групп по классической шкале «богатства – бедности», принятой к измерению социального самочувствия (см. табл. 3).

Обнаружены статистически значимые различия между позициями выбора способа взаимодействия с риском и самооценками социального положения по уровню доходов. Респонденты из всех целевых групп склонны относить себя к средним социальным слоям. Однако ориентирующиеся на новые возможности чаще остальных относят себя к их верхней части, уклонившиеся от выбора – к нижней. Кроме того, доля относящих себя к низшим слоям общества в группе уклонившихся от выбора позиции выше по сравнению с другими целевыми группами и существенно превышает соответствующую долю в массиве (7,7%). Распределение долей избегающих риска амбивалентны: по процентным пунктам применительно к верхней части средних слоёв они ближе к уклонившимся от выбора позиции, к нижней – равноудалены от значений остальных групп.

Таблица 2

Распределение критериев отнесения себя к тому или иному социальному слою по величине долей выборов, % (доли выборов критерия во всех целевых группах)

Величина/диапазон значений долей выборов критерия	Критерии
Свыше 80	уровень доходов
31–50	уровень имущества и богатства; уровень образования и квалификации
11–30	престиж профессии, должности в обществе; возможность проводить отпуск, досуг; возможность пользоваться качественными медицинскими услугами
До 10	возможность бывать в разных странах мира; объём властных полномочий

Таблица 3

Распределение респондентов из целевых групп по социальным слоям в соответствии с уровнем доходов: самооценки, 2024 г., %

Название группы	Характеристики социальных слоёв				
	Верхние слои	Верхняя часть средних слоёв	Средняя часть средних слоёв	Нижняя часть средних слоёв	Низшие слои
Избегающие риска	0,3	9,3	55,4	27,2	7,8
Рискующие ради новых возможностей	1,8	14,5	57,3	22,1	4,3
Уклонившиеся от выбора позиции	0,7	6,1	48,1	31,8	13,3

Важнейшим компонентом социального самочувствия является **состояние здоровья**. Как хорошее состояние своего здоровья оценивают 30,0% избегающих риска, 41,3% ориентирующихся на новые возможности и только 19,9% уклонившихся от выбора позиции в отношении способа взаимодействия с риском. Полученный результат ожидаем и обусловлен возрастными различиями представителей целевых групп. Как было показано выше, в группе уклонившихся от выбора, в отличие от остальных групп, преобладают респонденты старших возрастов. Здоровье, являясь естественным ресурсом, с возрастом истощается, что не может не влиять на оценку его состояния. Чтобы исключить влияние возрастного фактора, в анализ включена самооценка состояния здоровья как индивидуального ресурса, измеряемая через его достаточность для решения актуальных жизненных задач, в том числе адаптации (см. табл. 4).

Таблица 4

Самооценки достаточности здоровья для решения актуальных жизненных задач в целевых группах, 2024 г., %

Название группы	Уровень достаточности здоровья			
	Хватает	Скорее хватает	Скорее не хватает	Не хватает
Избегающие риска	23,3	38,5	25,0	13,2
Рискующие ради новых возможностей	31,1	46,0	17,5	5,4
Уклонившиеся от выбора позиции	16,4	38,0	27,7	17,9

Зафиксированы статистически значимые различия выбора позиции в отношении способа взаимодействия с риском и самооценок достаточности здоровья для решения актуальных жизненных задач, то есть для успешной адаптации. Сопоставление высоких и низких оценок в целевых группах указывает на достаточное для решения насущных задач состояние здоровья у ориентирующихся на новые возможности и недостаточное у избегающих риска и уклонившихся от выбора позиции.

Расширенный для рискогенных сред показатель социального самочувствия включает **субъективную оценку личной безопасности**, которую будем измерять через ощущение личной безопасности и уровень тревожности.

По средним оценкам ощущения безопасности целевые группы схожи между собой. Значимые различия наблюдаются применительно к позитивным и негативным оценкам. Относительно безопасно ощущают себя 31,1% рискующих ради новых возможностей, 20,3% избегающих риска и 16,4% уклонившихся от выбора позиции. Недостаток безопасности ощущают 5,4% ориентирующихся на возможности против 13,1% и 17,9% в остальных группах соответственно. Полученные результаты позволяют утверждать, что базовая потребность в безопасности удовлетворена только у респондентов, рискующих ради новых возможностей.

Как уже отмечалось, тревожность в массовом сознании выполняет сигнальную функцию незащищённости от негативного воздействия рискогенного контекста среды, а пороговое значение безопасности определяется уровнем тревожности в сознании социальных субъектов. Тревожность в повседневном психологическом состоянии преобладает у 49,5% уклонившихся от выбора позиции, у 41,6% избегающих риска и у 35,0% ориентирующихся на новые возможности. Сравнительный анализ со средним значением по массиву показывает, что в первых двух группах уровень тревожности значимо выше, в третьей – ниже, чем по массиву в целом.

Результаты анализа связи выбора позиции в отношении способов взаимодействия с риском и субъективной оценки безопасности позволяют говорить о сформированности на момент опроса статуса безопасности только в одной из целевых групп – рискующих ради новых возможностей.

Подводя итог результатам осуществлённого эмпирического анализа, составим сводную таблицу «проявленности» вошедших в анализ компонент социального самочувствия, в отношении которых зафиксирована статистически значимая связь с выбором способа взаимодействия с риском. Для этого продемонстрируем наличие/отсутствие детерминант хорошего социального самочувствия в целевых группах (см. табл. 5)

В целом наличие всех рассматриваемых детерминант хорошего социального самочувствия в группе *рискующих ради новых возможностей* указывает на высокий уровень адаптированности этих респондентов к рискогенной среде и сформированный статус безопасности, адекватный сложившимся условиям. Выбор позиции, ориентированной на готовность рискнуть ради поиска новых возможностей, не взирая на вероятность ущерба, является фактором успешной адаптации и ассоциируется с выбором механизма адаптации-развития, когда адаптант конструктивно относится к общественным изменениям, готов к корректировке жизненных целей и (или) средств их достижения [5, с. 270].

Избегающие риска характеризуются рассогласованием детерминант социального самочувствия. Сочетание достаточно высокого уровня удовлетворённости жизнью с повышенной тревожностью, неудовлетворённой потребностью в безопасности и склонностью к негативным ожиданиям в отношении

Таблица 5

Характер проявленности детерминант хорошего социального самочувствия
в целевых группах

Детерминанты хорошего социального самочувствия	Наличие/отсутствие детерминанты в группах		
	Избегающие риска	Рискующие ради новых возможностей	Уклонившиеся от выбора позиции
Удовлетворённость жизнью выше средней	+	+	—
Позитивные оценки жизненных перспектив	—	+	—
Спокойствие за собственное будущее	±	+	—
Самооценки социального статуса выше средних	±	+	—
Хорошее состояние здоровья	—	+	—
Потребность в личной безопасности удовлетворена	—	+	—
Низкий уровень тревожности	—	+	—

собственного будущего указывает как минимум на незавершённость процесса адаптации к рискогенному контексту среды. Такой профиль адаптированности ассоциируется с квазиадаптацией, когда процесс выстраивания потерянного равновесия со средой имитируется, а в реальности не приводит к достижению адаптивной цели [5, с. 398]. Кроме того, наблюдаемое несоответствие оценок удовлетворённости жизнью практически полному отсутствию других признаков адаптированности в сознании респондентов рассматриваемой целевой группы указывает на то, что сделавшие выбор в пользу избегания риска являются социальной базой адаптивной асимметрии в обществе.

Отсутствие детерминант хорошего социального самочувствия в группе *уклонившихся от выбора позиции* свидетельствует о том, что неосуществлённый выбор способа взаимодействия с риском в ситуации адаптации к рискогенному контексту среды определяет неадаптированность и может являться критерием выявления в обществе дезадаптантов.

Заключение

Сегодня российское общество переживает период сбывшихся прогнозов классика отечественной социологии риска О. Н. Яницкого, который, концептуализируя «эпоху турбулентности» в развитии мирового сообщества в целом и российского общества в частности, утверждал, что состояние критической (или чрезвычайной) ситуации может становиться «неустранимым моментом современной фазы» общественного развития [10, с. 6]. Подтверждением тому

служит череда абсолютно новых для нашего общества чрезвычайных событий высокой степени рискогенности, формирующих контекст жизненной среды, вызывающих её слабо предсказуемые изменения. Процесс социальной адаптации к таким условиям усложняется отсутствием адаптивного опыта, а значит – характеризуется несформированными адаптационными механизмами и неапробированными стратегиями.

Перед научным сообществом стоит актуальная и ответственная задача изучения комплекса факторов, обуславливающих особенности процессов адаптации в современной России, которое должно быть направлено на углубление научного знания об опыте успешной адаптации с дальнейшим закреплением его на практике через социологическое обеспечение эффективных управленческих решений в сфере социального управления и социальной политики.

Речь идёт, прежде всего, о необходимости выявления и обоснования новых тенденций в процессе формирования адаптационных механизмов, позволяющих населению адекватно воспринимать перемены и оперативно реагировать на происходящие изменения, что в том числе означает – выбирать наиболее эффективные способы преодоления неопределённости, приводящие к росту адаптированности в рискогенной среде.

В статье предпринята попытка поиска «точки опоры» при выстраивании взаимодействия с изменяющейся под воздействием рискогенного контекста средой. Одним из факторов успешной адаптации выступает выбор активного освоения неопределённости через поиск в рискогенной среде новых возможностей для роста собственного благополучия и личного развития, причём как на «входе» в адаптационный процесс, усиливая адаптивность [7], так и на «выходе», повышая адаптированность населения и снижая адаптивные асимметрии в обществе.

В целом в руках адаптантов и социальных институтов, призванных способствовать социальной адаптации, оказывается новое *средство адаптации*, имеющее социально-психологическую природу, направленное на «формирование типа личности, готовой к любым переменам, к пребыванию в меняющихся условиях и средах, в том числе к действиям в критических обстоятельствах» [11, с. 73–74].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.] ; отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова ; ФНИСЦ РАН, Институт социологии. М. : Издательство «Весь Мир», 2022. 284 с. ISBN 978-5-7777-0898-4. DOI [10.55604/9785777708984](https://doi.org/10.55604/9785777708984). EDN [GJITZD](https://edn.ras.ru/GJITZD).
2. Российское общество и вызовы времени. Книга седьмая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.] ; отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова ; ФНИСЦ РАН, Институт социологии. М. : Издательство «Весь Мир», 2024. 352 с. ISBN 978-5-7777-0927-1. EDN [OYVDFP](https://edn.ras.ru/OYVDFP).
3. Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.] ; отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова ; ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Москва: Издательство «Весь Мир», 2025. 352 с. ISBN 978-5-7777-0969-1. EDN [SKXDAR](https://edn.ras.ru/SKXDAR).

4. Козырева П. М., Смирнов А. И. Как меняют жизнь россиян чрезвычайные события: новые вызовы и устойчивость адаптации // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 2. С. 9–27. DOI [10.19181/snsp.2025.13.2.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.1). EDN [NVQFNK](#).
5. Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики / Л. В. Корель. Новосибирск : Наука, 2005. 423 с. ISBN 5-02-032352-7. EDN [QODTJX](#).
6. Мозговая А. В. Идентификация, оценка и адаптация к риску в условиях неопределённости // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 4. С. 151–165. DOI [10.19181/snsp.2019.7.4.6808](https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6808). EDN [WHBFAU](#).
7. Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Адаптация к меняющейся социально-политической среде: детерминанты установки на отношение к риску // Россия реформирующаяся : ежегодник. 2025. № 23. С. 357–396. DOI [10.19181/ezheg.2025.12](https://doi.org/10.19181/ezheg.2025.12). EDN [NIRSVL](#).
8. Козырева П. М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков / П. М. Козырева. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2004. 320 с. ISBN 5-88790-109-8. EDN [MEVMWP](#).
9. Шлыкова Е. В. Субъективная оценка личной безопасности как показатель адаптированности к рискогенной среде // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 3. С. 56–75. DOI [10.19181/socjour.2018.24.3.5993](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5993). EDN [MAKRVJ](#).
10. Яницкий О. Н. Социология критических состояний общества: теоретические и методические проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4 (08). С. 5–24. EDN [TBWLSX](#).
11. Яницкий О. Н. Адаптация как вечная проблема // Власть. 2016. Т. 24, № 4. С. 68–74. EDN [TQTUAB](#).

Сведения об авторе

Е. В. Шлыкова

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [2432-5258](#)

Статья поступила в редакцию 16.11.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 01.12.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.4.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.8).

THE SOCIAL WELL-BEING OF THE RUSSIAN ADULT POPULATION AS AN INDICATOR OF ADAPTABILITY TO THE RISK-GENERATING CONTEXT (ON A REPRESENTATIVE NATIONWIDE SURVEY)

Elena Viktorovna Shlykova

Institute of Sociology of FCTAS RAS

Moscow, Russia

shly-ev@yandex.ru,

ORCID [0000-0002-2875-271X](https://orcid.org/0000-0002-2875-271X)

For citation: Shlykova E. V. The social well-being of the Russian adult population as an indicator of adaptability to the risk-generating context (on a representative nationwide survey). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(4):195–211. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.4.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.8).

Abstract. The starting point for the analysis is the idea that the adaptive situation experienced by Russian society is unique, as it is caused by the need to interact with the risk-generating context, which is formed by the long-term exposure to vital risks. The generalizing analysis of monitoring measurements of social well-being and the specificity of anxiety has revealed contradictory trends in the state of the Russian population adaptation, which are defined as adaptive asymmetry. Based on the methodological principles of the poly-paradigm conception of the individual's life orientation system, an explanatory model has been developed to describe the specific features of the adaptation process to the risk-generating context. The author assumes that adaptive mechanisms in risk-generating context are based on the choice of how to deal with risk, namely, whether to accept potential damage in anticipation of subsequent success or to avoid damage out of fear of failure. The hypothesis about the "role" of the choice of how to interact with risk as a factor in the success or failure of adaptation and in promoting or hindering adaptive asymmetry in society is empirically tested. Based on data from an all-Russian representative sociological survey, a comparative analysis of target groups with different positions on how to interact with risk is conducted using an expanded measure of social well-being for risk-generating context. It has been shown that the choice of actively mastering uncertainty through the search for new opportunities in a risk-generating context to increase one's own well-being and personal development is a factor in improving the adaptability of the population and reducing adaptive asymmetries in society.

Keywords: risk-generating context, living environment, uncertainty, safety status, ways of interacting with risk, adaptive asymmetry, social well-being, adaptability

REFERENCES

1. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., eds. Russian society and challenges of the time. Book six. Moscow: Ves' Mir; 2022. 284 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0898-4. DOI [10.55604/9785777708984](https://doi.org/10.55604/9785777708984).
2. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., eds. Russian society and challenges of the time. Book seven. Moscow: Ves' Mir; 2024. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0927-1.
3. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., eds. Russian society and challenges of the time. Book eight. Moscow: Ves' Mir; 2025. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0969-1.
4. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. How emergency events change the lives of Russians: new challenges and the stability of adaptation. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(2):9–27. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.2.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.1).
5. Korel L. V. Sociology of adaptation: questions of theory, methodology and methods [Sociologiya adaptacij: Voprosy' teorii, metodologii i metodiki]. Novosibirsk: Nauka; 2005. 423 p. (In Russ.). ISBN 5-02-032352-7.
6. Mozgovaya A. V. Identifying, evaluating, and adapting to risks in an atmosphere of uncertainty. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2019;7(4):151–165. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2019.7.4.6808](https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6808).
7. Mozgovaya A. V., Shlykova E. V. Adapting to a changing socio-political environment: determinants of risk attitudes. *Russia in Transition*. 2025;(23):357–396. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2025.12](https://doi.org/10.19181/ezheg.2025.12).

8. Kozyreva P. M. Adaptation processes and the evolution of Russians' social well-being at the turn of the 20th and 21st centuries [Processy' adaptacii i e'voljuciya social'nogo samochuvstviya rossiyan na rubezhe XX–XXI vekov]. Moscow: Centr obshhechelovecheskix cennostej; 2004. 320 p. (In Russ.). ISBN 5-88790-109-8.
9. Shlykova E. V. Subjective assessment of personal security as an indicator of adaptation to a risky environment. *Sociological Journal=Sociologicheskij zhurnal*. 2018;24(3): 56–75. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2018.24.3.5993](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5993).
10. Yanitsky O. N. Sociology of critical states of society: theoretical and methodological problems. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2014;4(08):5–24. (In Russ.).
11. Yanitsky O. N. Adaptation as a perpetual problem. *Power=Vlast'*. 2016;24(4):68–74. (In Russ.).

Information about the Author

E. V. Shlykova

Candidate of Sociology,

Leading Researcher

ResearcherID: [I-5428-2016](https://orcid.org/0009-0001-5428-2016)

Scopus AuthorID: [56153620300](https://orcid.org/0009-0001-5428-2016)

The article was submitted 16.11.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 01.12.2025.

ВОЗМОЖНОСТЬ, РЕСУРС, БРЕМЯ: РОЛЬ ВРЕМЕНИ В ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ

Анна Александровна Эндрюшко

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Институт Китая и современной Азии РАН,
Москва, Россия,
anna.endryushko@mail.ru,
ORCID 0000-0002-1358-1145

Для цитирования: Эндрюшко А. А. Возможность, ресурс, бремя: роль времени в интеграции мигрантов // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 4. С. 212–229. DOI 10.19181/snsp.2025.13.4.9. EDN WOZCGI.

Аннотация. Статья посвящена изучению роли времени в процессах интеграции мигрантов. Работа продолжает предыдущий этап исследования, выполненный на количественных данных, и направлена на раскрытие механизмов влияния времени. На основе 32 полуструктурированных глубинных интервью с мигрантами из Азербайджана, имеющими различный миграционный «стаж» (от 5 до более 20 лет), анализируется то, как время связано с аспектами интеграции, рассмотренными в предыдущей статье, опубликованной во втором номере журнала за 2024 год, – профессиональным статусом, межэтническим взаимодействием, языковыми навыками, качеством жизни, структурой идентичностей, транснационализмом. Анализ текстов интервью осуществлялся методом открытого кодирования с выделением подкатегорий, отражающих индивидуальные стратегии интеграции во времени. Результаты исследования демонстрируют, что влияние времени на интеграцию носит нелинейный и многомерный характер. В профессиональном продвижении и межэтническом взаимодействии оно выступает преимущественно фоном для реализации личных стратегий, слабо детерминируя изменения. В языковой интеграции и улучшении качества жизни наблюдается кумулятивный эффект, при котором время создаёт возможность для улучшений, но не гарантирует их. В транснациональных практиках и структуре идентичностей время трансформирует характер связей, а не их интенсивность – происходит переход от бытовой вовлечённости к символическим формам связи и формированию сложной, многослойной идентичности. Осмыслена роль времени в миграционных процессах как возможности, ресурса или бремени – в зависимости от жизненных обстоятельств и личной агентности мигрантов. Теоретический вклад статьи заключается в переосмыслении времени не как внешнего детерминанта, а как социально конструируемой категории, в которой мигранты становятся активными субъектами, управляющими своими временными нарративами. Исследование подтверждает, что успешная интеграция – результат не автоматического эффекта времени, а взаимодействия длительного пребывания с системой личных и структурных условий.

Ключевые слова: миграция, интеграция мигрантов, время, темпоральность, долгосрочная миграция, циркулярная миграция, идентичность, транснационализм

Введение

Данная статья продолжает исследование роли времени в процессах интеграции мигрантов. Предыдущая работа по этой теме опубликована в журнале «Социологическая наука и социальная практика» в 2024 году [1]. Первый этап исследования, основанный на количественных данных, показал, что длительность проживания в стране приёма положительно коррелирует с такими параметрами интеграции, как языковые навыки и качество жизни. В то же время профессиональная интеграция и межэтнические контакты оказались слабо зависимыми от временного фактора, а динамика транснациональных связей и идентичностей продемонстрировала нелинейный, волнообразный характер. Основным выводом заключался в том, что время как объективный показатель (количество лет проживания) не является достаточным условием прогресса в интеграции. Его влияние опосредуется «соответствующими условиями» (образование, мотивация, ресурсы), что делает связь между временем и интеграционными процессами многоуровневой и неоднозначной.

Дальнейшее развитие этой проблематики требует обращения к качественной перспективе, поскольку время в миграционном опыте проявляется не только как объективный параметр, но и как субъективная категория. Мигранты не просто фиксируют количество прожитых лет, но и придают этому времени определённые смыслы, включают его в свои жизненные стратегии и используют как ресурс или ограничение. Именно качественная методология позволяет выявить, каким образом субъективные аспекты времени – ожидания, планы, оценка прошлого и проекции будущего – влияют на интеграционные траектории.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы дополнить количественный анализ качественными данными, позволяющими раскрыть механизмы влияния времени на интеграцию. По этой причине исследование опирается на тот же набор аспектов интеграции, что и количественная часть, – для обеспечения методологической согласованности и возможности триангуляции.

Статья представляет собой попытку соединить объективное и субъективное измерения времени в исследовании интеграции. Если в предыдущей работе ставился вопрос «что именно происходит с интеграцией мигрантов по мере увеличения длительности проживания?», то в данной акцент смещается на вопрос «почему это происходит?». Такой подход позволяет приблизиться к более целостному пониманию роли времени, рассматривая его не только как хронологическую переменную, но и как социально осмысленную категорию, встроенную в индивидуальные траектории.

Теоретические основания: время и темпоральность в миграционных исследованиях

Долгое время миграция рассматривалась преимущественно как пространственное явление – процесс пересечения границ, сопряжённый с культурными,

языковыми и социальными барьерами [2, р. 234]. В последние десятилетия усилился интерес к темпоральному измерению миграции, что позволило сформировать отдельное направление исследований.

Одним из первых системных подходов к проблеме стала пространственно-временная концепция шведского географа Т. Хагерстранда [3, 4]. Его «география времени» рассматривает социальные процессы как последовательность событий в координатах времени и пространства. Центральными элементами являются «временной путь» (жизненный цикл индивида от рождения до смерти) и «станции» (места фиксации, например – дом или работа), в которых пересекаются социальные траектории. Хагерстранд выделил три группы ограничений, препятствующих любым видам активности, включая миграцию: 1) ограничения возможности – недостаток ресурсов (финансовых, физических, социальных); 2) связанные ограничения – необходимость координации действий с другими людьми (например, с семьёй); 3) регулирующие ограничения – нормативные и институциональные барьеры (законы, визовые правила, миграционные квоты). Таким образом, акцент делается не только на перемещении как таковом, но и на том, какие возможности оно открывает или закрывает для людей.

Более детализированную концептуализацию предложил С. Квернер, выделивший восемь типов «времен миграции» [5]. Они сгруппированы в три кластера: 1) практические времена: странное (*strange*), гетерономное (*heteronomous*) и асинхронное (*asynchronous*) – отражают начальный этап адаптации и связаны с решением насущных проблем; 2) выразительные времена: вспоминаемое (*remembered*), коллажное (*collage*) и лиминальное (*liminal*) – указывают на развитие рефлексивности и амбивалентности миграционного опыта; 3) долгосрочные временные режимы: кочевое (*nomadic*) и диаспоральное (*diasporic*) время – характеризуют устойчивые транснациональные практики и переосмысление идентичности в долгосрочной перспективе. Модель Квернера помогает показать, как временные переживания мигрантов трансформируются от первичной адаптации к символическому освоению двойственного положения.

Позже М. Гриффитс, А. Роджерс и Б. Андерсон предложили всесторонний теоретический обзор [6], акцентировав внимание на неопределённости, дизъюнкции и двусмысленности миграционного времени. Авторы вводят понятие «сложных времен миграции» (*complex temporalities*), подчёркивая, что мигранты часто живут в состоянии «ожидания», «зависания» или «приостановленного будущего», особенно в условиях временных виз, неясного правового статуса или циклической миграции. Эти состояния становятся частью повседневной реальности, формируя особые временные режимы, которые невозможно описать через линейные модели интеграции.

Особый пласт исследований касается правовых и политических измерений времени. Введены понятия «государственной темпоральности» и «бюрократического времени» [7], описывающие, как иммиграционные режимы структурируют жизненные траектории мигрантов. Незаконность зачастую является результатом нарушения именно временных правил (сроков виз, разрешений

на работу и пр.). Более того, государства сами дифференцируют мигрантов: для одних категорий время ожидания может быть ускорено (высококвалифицированные специалисты, бизнес-иммигранты, соотечественники) [8], для других – растянуто на годы [9]. Это формирует не только правовые различия, но и линии напряжённости между «долгосрочными» и «краткосрочными» мигрантами, между разными миграционными волнами [10; 11].

Подобно тому, как транснационализм стремится преодолеть границы национальных государств, темпоральные подходы пересматривают представления о линейности миграции [12]. Миграция понимается не как одноразовое решение, а как динамичный процесс, где временность и постоянство переплетаются: «временные» мигранты нередко задерживаются на десятилетия, а «постоянные» принимают решение о возвращении. Здесь особое значение приобретают такие темы, как временная социализация в новом обществе (новые формы переживания времени), специфика свободного времени мигрантов [13; 14].

В российском контексте вопросы темпоральности представлены в работах О. Е. Бредниковой, анализирующей субъективное восприятие времени трудовыми мигрантами из Средней Азии. Ею предложен концепт «мобильного субъекта», чья жизнь протекает в режиме «сиюминутного времени» [15; 16]. Важный вклад в развитие тематики также внесла М. С. Савоскул, показав роль длительности проживания в формировании разных волн миграции. Автор отмечает, что этнические группы с давними диаспоральными связями (в частности, армяне и азербайджанцы) демонстрируют более высокую степень интеграции, что связано с их длительным пребыванием и институционализированным присутствием в России [17].

Наконец, проблематика времени тесно связана и с концепцией транснационализма. Т. Файст различает два типа транснациональных образований: транснациональные родственные группы, для которых характерно временное сохранение связей (часто прекращающихся после воссоединения семей или смерти первых мигрантов) и транснациональные сообщества (такие как диаспоры), поддерживающие устойчивые связи на протяжении поколений [18]. Для первых наблюдается обратная связь между временем, интеграцией и ослаблением транснационализма, для вторых такой зависимости не выявляется.

Итак, ключевая теоретическая установка данной статьи основана на представлении о времени как о многомерной категории, включающей объективные и субъективные измерения. С одной стороны, время структурируется государственными институтами и социальными ограничениями, с другой – переживается мигрантами как личный и коллективный опыт. Интеграция в этом контексте предстаёт не линейным процессом, а результатом взаимодействия разных темпоральных режимов: бюрократического, социального и субъективного. Такой подход позволяет соединить макроуровень институционального регулирования и микроуровень индивидуальных траекторий, раскрывая сложные и неоднозначные формы влияния времени на миграцию и интеграцию.

Данные и методология

Эмпирическую основу исследования составляют данные полуструктурированных интервью с мигрантами (на примере выходцев из Азербайджана), проведённых автором в 2019 году. Общая выборка для данного исследования составила 32 интервью: 15 информантов ранее участвовали в количественном этапе исследования – 2017 год [1, с. 151–152], остальные 17 привлечены с применением метода «снежного кома». Возраст информантов варьировался от 23 до 65 лет. Основная часть – мужчины (26 человек), что отражает гендерную структуру трудовой миграции из Азербайджана (по данным опроса 2017 года, женщины составляли лишь 19%). Интервью проводились в Москве и ближнем Подмосковье (Одинцово, Люберцы, Красногорск, Химки) в формате личных встреч и видеозвонков по WhatsApp. С согласия респондентов они были записаны, затем дословно транскрибированы.

Под мигрантами в данном исследовании понимаются лица, родившиеся вне России и проживающие на её территории постоянно или временно, включая тех, кто уже получил гражданство. В отличие от количественной части исследования, где респонденты группировались по длительности проживания (до 5 лет, 5–10 и более 10 лет), в качественном анализе временной параметр рассматривается как *динамическая ось нарратива*, а не фиксированная категория. Вместе с тем для аналитического удобства и выявления возможных паттернов мы условно разделили информантов на две группы по длительности проживания: до 10 лет (10 информантов) и более 10 лет (22 информанта). Это разделение выбрано не произвольно. Во-первых, оно приближается к порогу, используемому в международных исследованиях интеграции (например, в работах OECD) для обозначения перехода к «долгосрочному проживанию». Во-вторых, наши эмпирические данные также указывают, что именно после 10 лет проживания мигранты принимают решения о получении гражданства, покупке жилья, воссоединении семьи или карьерном переосмыслении – то есть совершают действия, свидетельствующие об «укоренении». Дополнительно внутри группы «старожил» (живущих более 10 лет) выделена когорта «мигрантов первой волны» (8 информантов), приехавших в 1990-е гг. (после 1992 года), чей опыт формировался в уникальных условиях постсоветской трансформации. Все они на момент исследования – граждане РФ. Эта подгруппа представляет особый интерес с точки зрения анализа долгосрочных эффектов времени и трансформации идентичности. Дополнительно респонденты классифицированы по типам миграционных стратегий: долгосрочные мигранты (не покидающие РФ год и более – 23 человека) и циркулярные (проводящие в России не более года – 9 человек).

Анализ проводился методом открытого кодирования с опорой на обоснованную теорию [19]. Гайд интервью включал блоки вопросов о профессиональной траектории, условиях жизни, языковых практиках, межэтнических взаимодействиях, транснациональных связях и идентичностях. На первом этапе применялось открытое кодирование по этим аспектам интеграции. На втором

этапе для каждой категории были выделены подкатегории, отражающие индивидуальные стратегии влияния времени в интеграции.

Следует отметить несколько *ограничений исследования*. Во-первых, сосредоточение на одной страновой группе мигрантов и одном регионе исследования ограничивает возможности широких обобщений. Во-вторых, гендерный «перекос» может снижать «видимость» женского миграционного опыта. Эти ограничения учитываются при интерпретации результатов, которые рассматриваются как аналитически значимые, а не статистически обобщаемые.

Результаты

Результаты анализа глубинных интервью представлены в трёх блоках, сгруппированных в соответствии с силой связи между длительностью проживания и интеграционными показателями, выявленной в количественном исследовании [1]. Последовательность изложения выстроена по принципу перехода от факторов с относительно слабой и линейной зависимостью от временного фактора к факторам со сложной, нелинейной динамикой. Это позволяет последовательно раскрыть как инерционные, так и трансформирующиеся аспекты интеграционного процесса.

1. Профессиональные траектории и межэтнические контакты: углубление в «нулевые» взаимосвязи

Анализ на количественных данных показал слабую связь между длительностью проживания и прогрессом в профессиональном статусе. Интервью подтверждают этот результат: время в данном случае играет скорее роль стабилизирующего фона, чем фактора прямого влияния. Оно фиксирует занятость, расширяет или сужает возможности, но не гарантирует профессионального роста. Можно выявить несколько устойчивых траекторий, связывающих профессиональную интеграцию и длительность проживания, каждая из которых демонстрирует разное отношение к временному фактору.

Первая траектория связана с опорой на земляческие или этнические («диаспоральные») сети. Мигранты начинают трудовую деятельность через родственников или земляков: «*брат привёл*», «*знакомый позвал*». Как правило, это сферы с низким порогом входа: торговля, транспорт, общепит. Такие связи не гарантируют устойчивости во времени, особенно при нестабильном правовом положении. Так, информантка 3 (5 лет в РФ) занимается «*случайными работами по знакомству*» в сфере домашних услуг, сталкиваясь с отказами при попытках легального трудоустройства. Однако и высококвалифицированная занятость может зависеть от сетей. Информант 2 (6 лет в РФ, менеджер фармкомпаний) подчёркивает: «*Только через знакомых. Просто так найти – даже в "Пятёрочке" не факт, что меня возьмут*». Информантка 17 (более 20 лет в РФ) получила высшее образование в РФ, но не смогла устроиться учителем

самостоятельно: «Я, наверно, школ 20 обошла и везде мне отказывали... Просто отказывали, и в одном сказали: вот вы нерусская, плюс вы не светленькая, и у вас имя какое-то странное». В итоге ей удалось устроиться в университет, «но через связи и через азербайджанцев».

Вторая траектория представляет собой постепенную автономизацию и профессиональный рост, вплоть до открытия собственного дела. В этом случае мигранты с накоплением опыта (со временем) осваивают российский рынок труда, переходят к предпринимательству или карьерному продвижению. Их трудовая деятельность фактически не зависит от земляческих или родственных связей. Так, информант 1 (15 лет в РФ) прошёл путь от рядового консультанта отделения банка до фрилансера и владельца бизнеса, анализируя рыночные механизмы, логистику и целевую аудиторию, а не личные связи. Ярким примером успешной интеграции в сегмент высококвалифицированных работников является информант 18 (14 лет в РФ), карьера которого развивалась от консультанта в салоне связи до управляющего IT-менеджера в этой же компании. Он приехал с хорошим знанием русского языка, наличием высшего образования, опирался на личные силы и мотивацию.

Для таких мигрантов время выступает как ресурс накопления компетенций и капитала. Часто они создают бизнесы, ориентированные на «этнические ниши» (торговля, общественное питание), но уже с профессиональным управлением и глубоким пониманием культурного контекста. Респондент 1 торгует не просто продуктами, а продуктами с «*исторической родины предков*», у него не просто вино, а «*настоящее грузинское вино*», не просто ткемали, а «*настоящий ткемали*»¹. Информанты 22 и 30 (более 25 лет в РФ, «первая волна») также заняты в сфере торговли, владеют несколькими точками.

Легализация бизнеса зависит от правового статуса самого мигранта. Если у граждан РФ и владельцев ВНЖ проблем не наблюдается, то, например, информант 8 (циркулярный мигрант около 8 лет)² ввиду отсутствия устойчивого правового положения (не имеет патента) оформил ИП на свою сотрудницу, местную жительницу. В его случае время и наличие мотивации не компенсировало юридическую маргинализацию.

Третья траектория может быть обозначена как «профессионализация этничности», когда мигранты строят карьеру, опираясь на свою культурную специфику, превращая её в ресурс. Например, информант 6 живёт в РФ 18 лет, но сознательно не оформляет гражданство – он публицист и медиаактивист, посвятивший себя «азербайджанскому вопросу». Информант 5 (17 лет в РФ) – журналист, эксперт по российско-турецким отношениям, демонстрирует пример транснациональной профессионализации. Информантка 4 (8 лет

¹ Родители информанта – этнические азербайджанцы родом из Грузии, переехали в Азербайджан, оттуда в Россию.

² Здесь и далее подобная запись означает, что мигрант не проживает в РФ постоянно, приезжает на некоторый срок на работу, возвращаясь домой, на протяжении того периода, который указан в записи в скобках. Этот период считается его «миграционным стажем».

в РФ) – хореограф, работает в российском государственном культурном центре, её нашли «через посольство», что иллюстрируют переход от земляческих связей к профессиональному «брендингу».

Выделенные траектории – не автоматический процесс, а результат выбора и активных действий. Информант 1 пришёл к предпринимательству из-за низкой зарплаты на прежнем месте работы (сначала он работал по найму), отсутствия карьерного роста и неудовлетворённости: «Ждал, ждал, никак не дождался [повышения]». Это высказывание выражает не просто мотивацию к карьерному росту, но и внутреннее переживание времени как пустого, застывшего ожидания. Другие информанты, даже при длительном проживании, остаются в сферах с высокой неустойчивостью. Например, информант 7 в циркулярной миграции около 20 лет, остаётся в сфере неформальных перевозок и сезонной торговли ввиду собственного неустойчивого правового положения.

Время становится значимым в зависимости от того, видит ли мигрант в нём потенциал для действия. В случае циркулярной миграции фиксация занятости в низкоквалифицированных сферах может являться осознанной стратегией и, соответственно, показателем автономности. Например, информантка 10 (циркулярная мигрантка более 20 лет) постоянно меняет работу в неформальном секторе (общепит, торговля). Её цель – заработок ради образования и благополучия детей на родине. Работа воспринимается как временная помощь, а интерес к легализации или карьерному росту отсутствует.

Таким образом, время – необходимое, но недостаточное условие для профессионального роста. Оно становится значимым лишь тогда, когда сочетается с устойчивым правовым статусом, образованием и личной мотивацией. В противном случае время закрепляет существующие ограничения, а не преодолевает их.

Динамика межэтнических контактов также демонстрирует слабую связь со временем, определяясь в большей степени личными предпочтениями и жизненными обстоятельствами. Анализ позволил выявить несколько устойчивых стратегий коммуникации.

Преимущественно замкнутые сети, ориентированные на общение с родственниками и соотечественниками. Информант 7 (циркулярный мигрант около 20 лет) утверждает, что среди его друзей «90% – азербайджанцы», а информантка 3 (5 лет в РФ) заключает, что «круг общения – другие мигранты из Азербайджана». Эта стратегия характерна как для циркулярных, так и для долгосрочных мигрантов разной длительности проживания, что указывает на её независимость от времени.

Формирование гетерогенных сетей взаимодействия, обусловленное работой в смешанных коллективах или учёбой в России. Они складываются не постепенно во времени, а ситуативно, в ответ на конкретные жизненные условия. Информант 1 (15 лет в РФ) подчёркивает: «У меня интернациональный круг общения в силу [учёбы в] РУДН». В бизнесе он готов нанимать людей любой национальности. Информантка 17 (более 20 лет в РФ) работает в российском вузе,

поэтому её коллеги главным образом местные жители. Смешанные контакты также могут быть связаны с семейным контекстом. Информант 2 (6 лет в РФ) родился в многонациональной семье, теперь его ближайшие друзья – русский и украинец, а девушка – молдаванка.

Избирательный подход к контактам, когда межэтническое общение выстраивается вокруг определённых условий. Например, информант 7 (циркулярный мигрант около 20 лет) общается только с русскими, которые приняли ислам и разделяют его религиозные ценности. Информант 12 (более 25 лет в РФ, «первая волна») использует территориальный принцип: *«У каждого свой круг, я общаюсь с бакинцами, там разные, армяне есть, русские, евреи... но выходы из Баку»*.

Важно отметить, что заявления вроде *«у меня всякие друзья есть, есть русские и т. п.»* носят поверхностный характер. Более глубокий анализ показывает, что межэтнические связи чаще остаются профессиональными или «дежурными». Обсуждение тем брака детей (в частности, нежелание отдавать их замуж или женить на представителях другой национальности) и семейных ценностей выявляет сохраняющуюся культурную дистанцию между мигрантами и принимающим большинством (этническими русскими). Эти культурно-поведенческие паттерны, сформированные личным опытом информантов, не могут не влиять на характер их межэтнических взаимодействий.

Ещё одно препятствие для межэтнических контактов – воспринимаемая дискриминация. Информанты отмечают, что сталкивались с нетерпимостью в первые годы миграции¹. Длительное проживание способствовало нормализации повседневных взаимодействий и снижению остроты восприятия бытовой ксенофобии. Как отмечает информант 5 (17 лет в РФ): *«Я научился не реагировать, просто игнорировать»*.

Профессиональный статус и межэтнические контакты образуют сферы интеграции, в которых время выступает не прямой причиной изменений, а платформой для накопления ресурсов и реализации стратегий. Прогресс в этих областях становится возможным лишь при сочетании длительного проживания с другими критически важными условиями: устойчивым правовым статусом, образованием, личной мотивацией и благоприятным социальным контекстом.

2. Языковые навыки и качество жизни:кумулятивный эффект

Языковые навыки и качество жизни демонстрируют более очевидную связь со временем, однако эта динамика носит не механический, а кумулятивный характер.

Для информантов, получивших школьное образование в советский или ранний постсоветский периоды (старше 30 лет), русский язык изначально

¹ Это могло быть связано и с общей общественной напряжённостью, межэтническими конфликтами в России в 2010–2015 гг. (такими, как беспорядки на Манежной площади в 2010 году или в Бирюлёво в 2013 году).

не является барьером, а выступает ресурсом интеграции¹. Информант 1 (15 лет в РФ) констатирует: *«Мы русскоязычные... в Азербайджане неофициально второй язык русский»*. Схожие установки демонстрирует информант 5 (17 лет в РФ): *«Русский язык и русская культура открыли мне мир... я мечтал жить в Москве»*. Информантка 4 (8 лет в РФ) также подчёркивает: *«Я русскоязычная. Я и русскую школу там [на родине] закончила»*.

При этом в Азербайджане наблюдается тенденция к дерусификации (например, переход на латиницу). Для мигрантов «первой волны» – это шаг к отдалению от родного языка (они теряют письменные навыки) и даже изначальный побудительный мотив переезда в Россию: *«Я учился в школе, в садике, в техникуме, всё у меня происходило на русском. Возвращаться на родину – была латынь, я и писать не мог на латыни...»* (информант 21, более 25 лет в РФ, «первая волна»).

Русский язык становится доминирующим в публичной и профессиональной сферах, в то время как родной сохраняется в приватном, семейном общении. Информант 7 (циркулярный мигрант около 20 лет) отмечает: *«Люди, когда разговаривают, они переводят на свой язык и отвечают на русском. Я и мыслю по-русски»*. Эта фраза – не просто констатация владения языком, а рефлексия о глубокой трансформации, которая заняла годы постоянного использования языка в повседневной жизни.

Азербайджанский язык в семейном кругу сохраняется как осознанная стратегия поддержания этнокультурной идентичности: *«Я специально говорю с детьми на азербайджанском, чтобы они не забыли язык»* (информант 6, 18 лет в РФ). Информант 1 (15 лет в РФ) дома говорит по-азербайджански, но с друзьями-соотечественниками – по-русски, читает и ведёт профессиональную деятельность исключительно на русском языке. Это указывает на диглоссию, управляемую контекстом: язык становится маркером социальной роли, а не этнической принадлежности.

Время не столько учит языку, сколько способствует его интериоризации и функциональному перераспределению. Этот процесс – пример кумулятивного эффекта времени, при котором ежедневное использование языка постепенно меняет когнитивные и поведенческие установки.

В качестве ключевого индикатора качества жизни рассматривались жилищные условия. Можно выделить две основные модели, связанные со временем и типом миграции.

«Транзитное» жильё – аренда, совместное проживание, временное безвозмездное размещение у родственников и знакомых². Это характерно для начальных этапов миграции (до 10 лет), а также для циркулярных мигрантов любого стажа. Жильё в этом случае воспринимается как бремя и источник финансовой нестабильности. Информантка 3 (5 лет в РФ) живёт у знакомых, что

¹ Почти все интервью были проведены на грамотном русском языке. Лишь у двух информантов наблюдался заметный акцент, у одной информантки уровень владения русским (субъективно, на взгляд автора) можно оценить как «удовлетворительный».

² Сюда же можно отнести проживание на территории работодателя, в том числе в строительных вагончиках. Однако среди наших информантов таких не было.

свидетельствует о крайней степени уязвимости. Информант 7 (циркулярный мигрант около 20 лет) арендует квартиру с отцом, деля расходы.

В редких случаях транзитное жильё может быть следствием внешних шоков. Например, информант 1 (15 лет в РФ) в начале миграции имел собственное жильё (совместно с отцом), которое было утрачено вследствие криминального давления. В итоге он живёт в съёмной квартире с братом, копит на ипотеку, но отмечает, что это крайне сложно.

В других случаях аренда при большом стаже проживания (15–20 лет) указывает на структурные барьеры (высокие цены, нестабильный доход) или отсутствие долгосрочных планов на «укоренение». Ряд респондентов с опытом проживания более 15–20 лет (информанты 8, 9, 10, 15) продолжают жить в режиме циркулярной миграции, без ориентации на покупку жилья в России.

«Укоренённое» жильё – покупка собственной квартиры или доступ к семейному жилью (через брак или ресурсы родителей). Например, информант 6 (18 лет в РФ) не оформляет гражданство, но имеет собственную квартиру: «У меня есть своё жильё. Это необходимо – чувствовать стабильность». У информанта 2 (6 лет в РФ) отец купил квартиру в новостройке, что стало важным ресурсом для всей семьи: «Это поможет мне получить гражданство». Информантка 4 (8 лет в РФ) вышла замуж за гражданина России, что обеспечило ей доступ к семейному жилью.

Переход от аренды к собственности – ключевой рубеж в интеграции. Этот переход может происходить как постепенно (в результате накопления капитала), так и скачкообразно (в результате изменения семейных обстоятельств). Жильё здесь выступает не только как экономический, но и как символический индикатор интеграции. Покупка квартиры становится символом того, что «наконец всё сложилось» (информант 26, более 25 лет в РФ, «первая волна»). Такие нарративы содержат оценку прожитого времени как периода преодоления, где годы интерпретируются как путь от нестабильности к укоренённости. Время увеличивает вероятность такого перехода, но не гарантирует его.

В сферах языка и качества жизни временной фактор проявляет себя наиболее отчётливо, но его действие носит кумулятивный и опосредованный характер. Языковые практики трансформируются в сторону функционального доминирования русского языка, однако этот процесс нелинеен и начинается ещё до миграции. В жилищной стратегии время создаёт возможности для перехода от «транзитного» существования к «укоренению» через покупку жилья, однако реализация этой возможности блокируется структурными барьерами (высокие цены на недвижимость, нестабильный доход) и избранной миграционной стратегией (отсутствием планов на постоянное проживание).

3. Динамика разрывов: трансформация транснационализма и идентичностей во времени

Анализ количественных данных показал, что транснациональные связи и структура идентичностей демонстрируют не линейную, а волнообразную

динамику во времени. Пик транснационализма приходится на 5–10 лет проживания, после чего наблюдается снижение. Качественные интервью подтверждают эту закономерность и раскрывают её механизмы: время ведёт к усложнению и стратификации связей.

При долгосрочной миграции до 10 лет, а также при циркулярной стратегии характерен транснационализм с активной бытовой вовлечённостью: регулярные поездки на родину, ежедневное общение через мессенджеры и систематическая материальная поддержка родственников. Этот период характеризуется также высоким эмоциональным включением и стремлением сохранить привычный социальный контекст. Информант 2 (6 лет в РФ): *«Регулярно езжу, активно общаюсь с друзьями»*. Информантка 4 (8 лет в РФ): *«Езжу каждое лето к маме, общаемся по видеочату ежедневно»*. Информантка 3 (5 лет в РФ): *«Связь сильная – я только недавно уехала»*.

С течением времени (проживание более 10 лет), или при переходе от циркулярной стратегии к долгосрочной миграции, интенсивность связи снижается, но это не линейный процесс. Происходит качественная трансформация: материальная помощь становится более точечной – по событиям (при болезни, строительстве дома), а не систематической, личные визиты становятся более редкими.

Наблюдается переход к более символическим и менее ресурсоёмким формам транснационализма – потреблению новостей и ностальгической связи с культурным наследием. Информант 1 (15 лет в РФ) констатирует: *«Не был 8 лет. Связь – через новости и материальную помощь»*. У информанта 5 (17 лет в РФ) транснационализм приобретает форму тоски по необратимым изменениям: *«Испытываю ностальгию по "старому" Баку, но не принимаю новый»*. В отдельных случаях, как у информанта 6 (20 лет в РФ), связь профессионализируется: *«Моя работа и есть связь с Азербайджаном»*.

Примечательным феноменом является устойчивость «мифа о возвращении» – установки на потенциальный отъезд в случае улучшения условий в Азербайджане, характерной для всех информантов, даже «первой волны». Информант 28 (более 25 лет в РФ, «первая волна») заявляет: *«Все! Все бы уехали. Думаете, от хорошей жизни все тут?»*. Однако анализ жизненных траекторий показывает, что данная установка функционирует скорее как элемент коллективной идентичности, компенсирующий ощущение культурной дистанции, нежели как реальный миграционный план.

Транснационализм не ослабевает – он трансформируется. Временная динамика выражается не в линейном снижении его интенсивности, а в изменении качества: от бытовой и материальной вовлечённости – к символической и культурной. Спад в количественных данных связан с тем, что там фиксируются преимущественно практические проявления (поездки, звонки), игнорируются символические и профессиональные формы вовлечённости. Это создаёт иллюзию «отдаления», тогда как на самом деле идёт переход от прямого участия к рефлексии.

Структура идентичностей демонстрирует наиболее рельефную связь со временем, проявляющуюся в постепенном усложнении и стратификации.

Этническая идентичность сохраняется как непоколебимое ядро самовосприятия, независимо от длительности проживания. Все информанты подчёркивают свою принадлежность к азербайджанскому народу. «Конечно, я горжусь. Я всегда говорил, что я азербайджанец, никогда не скрываю» (информант 2, 6 лет в РФ). Эта идентичность не ослабевает с годами, напротив, она становится ещё более рефлексивной. Однако с течением времени может возрасти эмоциональная дистанция по отношению к стране исхода, что выражается в ремарках типа «Я там уже чужой» (информант 7, циркулярный мигрант около 20 лет).

Гражданская идентичность – «россиянин» – формируется постепенно. Она возникает не автоматически с получением гражданства, а через длительное погружение в общественно-политическую жизнь, эмоциональную привязанность. Информант 1 (15 лет в РФ): «Гражданин России уже давно, и мне нужно знать, что здесь происходит». Использование слова «давно» – не просто указание на хронологический срок, а моральный аргумент: длительность пребывания легитимизирует чувство принадлежности. Он участвует в онлайн-опросах московских властей, болеет за российские команды, для него «россиянин на первом месте». При этом его этническая идентичность не исчезает – она наслаивается, образуя гибрид. Информант 5 (17 лет в РФ) актуализирует советскую идентичность как основу общероссийской: «Я советский человек... я считаю себя россиянином». Однако российская идентичность для мигрантов не универсальна. Информант 6 (18 лет в РФ) сознательно отказывается от гражданства и не чувствует себя россиянином, поскольку его профессиональная деятельность основана на критике российской политики в отношении «диаспор».

Локальная идентичность («москвич») часто формируется быстрее, чем гражданская. Принадлежность к городу возникает через комфорт, знакомство с пространством, личные истории. Информантка 4 (8 лет в РФ) отмечает, что Москва из «города-мечты» превратилась в место, где она чувствует себя «своей». Информант 5 (17 лет в РФ) апеллирует к когнитивной составляющей этой идентичности: «Звание "москвич" нужно заслужить глубоким знанием города». Эта идентичность менее идеологизирована, но высоко ценится – она символизирует успешное укоренение в повседневной жизни.

Структура идентичности у мигрантов демонстрирует сложную, иерархическую и динамическую природу, где этническая идентичность остаётся стабильным ядром, а гражданские и локальные идентичности формируются постепенно, во взаимодействии со временем и средой. Даже циркулярные мигранты с длительным опытом миграции обладают элементами российской идентичности – они знают город, понимают правила, участвуют в экономике. Таким образом, время усиливает многослойность идентичности, но не разрушает её этнического основания.

Обсуждение и выводы

Вопрос о роли времени в процессах интеграции мигрантов может казаться очевидным: чем дольше человек живёт в принимающей стране, тем более

он «встраивается» в её экономику, культуру и общество. Наше исследование демонстрирует, что время – необходимое, но не достаточное условие этого процесса. Связь между временем и интеграцией не является универсальной. Время само по себе не гарантирует прогресс в интеграции: его влияние оказывается неоднородным, опосредованным и во многом производным от других факторов. Анализ выявляет три различных режима действия временного фактора на разные аспекты интеграции.

В профессиональной сфере и межэтническом взаимодействии время слабо связано с положительными изменениями: карьерный рост и расширение социальных сетей зависят от наличия правового статуса, образования и активного использования возможностей. В этих областях время может выступать лишь как фон, на котором реализуются или, напротив, блокируются стратегии мигрантов, но не как движущая сила этих изменений.

Языковые навыки и качество жизни демонстрируют более выраженную положительную динамику, обусловленную кумулятивным эффектом повседневного опыта: постоянное использование русского языка приводит к его когнитивной интериоризации, а постепенное накопление ресурсов позволяет улучшать жилищные условия и достигать большей стабильности. Однако и здесь время действует не автономно, а в симбиозе с экономическими возможностями, семейными обстоятельствами и намерениями укорениться.

Наиболее сложная, волнообразная динамика наблюдается в сфере транснационализма и структуры идентичностей: здесь время не ведёт к простому ослаблению связей с родиной или «замене» одной идентичности другой, а способствует их качественной трансформации – от бытовой вовлечённости к символическим практикам, рефлексивному сосуществованию в двух мирах. Эта динамика свидетельствует о том, что временные процессы в миграции нельзя сводить к хронологии. Они требуют интерпретации как множественных темпоральностей, в которых мигранты одновременно живут в режимах ожидания, компенсации, наслоения и рефлексии.

Важно отметить, что для тех, кто долгие годы находится в стране приёма без гражданства или в режиме циркулярной миграции, время может стать также источником бремени и представления об упущенных возможностях. Бюрократические процедуры по поддержанию легального статуса (оформление патентов, РВП, ВНЖ) отнимают значительные временные, финансовые и психологические ресурсы, которые могли бы быть направлены на профессиональный рост или личное развитие. Длительное пребывание в роли циркулярного мигранта может приводить к возникновению глубокого чувства потери: *«Я упустил время, сейчас мне 55 с лишним лет уже, я в своё время не подумал... Думал, что это всё временно – я поработаю и поеду к себе. Я и там [на родине] упустил шанс свой, и тут не стал гражданином, это моя ошибка»* (информант 7, циркулярный мигрант около 20 лет). Такие нарративы раскрывают темпоральную травму миграции – когда годы, проведённые в стране пребывания, осмысливаются как несправедливо потраченные (потерянное жильё, сорванные карьерные планы, неполучение гражданства, невозможность самореализации).

Теоретически данное исследование вносит вклад в переосмысление времени в миграции не как внешнего детерминанта, а как социально конструируемой категории, которая становится ареной агентности, смыслового освоения и управления жизненными траекториями. Вместо линейной модели «чем дольше – тем лучше» предлагается более сложная картина, в которой время может «работать», «не работать» или «двигаться волнами» – в зависимости от того, как мигрант его переживает, использует и интерпретирует.

Применение длительности проживания как классификаторного критерия в исследованиях интеграции требует рефлексивного подхода. С одной стороны, временные рубежи (например, 5, 10 или 15 лет) могут служить аналитическими ориентирами, помогающими структурировать сравнение и выявлять общие тенденции, особенно в количественных исследованиях. Однако качественные данные демонстрируют, что сами по себе хронологические интервалы не являются достаточным объяснением изменений. Один и тот же срок проживания может сопровождаться совершенно разными жизненными траекториями. Деление по времени релевантно при их операционализации как возможных точек поворота (переход к предпринимательству, покупка жилья, получение гражданства и т. д.). Так, в нашем исследовании порог в 10 лет оказался релевантным потому, что именно к этому моменту у информантов складываются условия для принятия решений о закреплении. Следовательно, деление мигрантов по длительности проживания должно быть лишь первым шагом в анализе, за которым должно следовать углубление в смыслы, стратегии и контексты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES

1. Эндрюшко А. А. Длительность проживания и интеграция мигрантов: (не)очевидные взаимосвязи // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 2. С. 147–168. DOI [10.19181/snsp.2024.12.2.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.7). EDN YOWZWA. [Endryushko A. A. Duration of residence and integration of migrants: (non-)obvious interrelationships. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(2):147–168. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.2.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.7)].
2. King R., Thomson M., Fielding T., Warnes T. Time, Generations and Gender in Migration and Settlement // *The Dynamics of International Migration and Settlement in Europe* / Ed. by R. Penninx, M. Berger, K. Kraal. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2006. P. 233–268.
3. Hagerstrand T. Space, time and human conditions // *Dynamic Allocation of Urban Space* / Ed. by A. Karlqvist, L. Lundqvist, F. Snickars. Farnborough : Saxon House, 1975. P. 3–12.
4. Hagerstrand T. Diorama, path and project // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 1982. Vol. 73, № 6. P. 323–339. DOI [10.1111/j.1467-9663.1982.tb01647.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9663.1982.tb01647.x).
5. Cwerner S. The Times of Migration // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2001. Vol. 27, № 1. P. 7–36. DOI [10.1080/13691830125283](https://doi.org/10.1080/13691830125283).
6. Griffiths M., Rogers A., Anderson B. Migration, Time and Temporalities: Review and Prospect. COMPAS, 2013. 31 p.
7. Cwerner S. Faster, Faster and Faster: The Time Politics of Asylum in the UK // *Time and Society*. 2004. Т. 13, № 1. С. 71–88. DOI [10.1177/0961463X04040747](https://doi.org/10.1177/0961463X04040747). EDN JTTHHN.

8. Robertson S. Cash Cows, Backdoor Migrants, or Activist Citizens? International Students, Citizenship, and Rights in Australia // *Ethnic and Racial Studies*. 2011. Vol. 34, № 12. P. 2192–2211. DOI [10.1080/01419870.2011.558590](https://doi.org/10.1080/01419870.2011.558590).
9. Dauvergne C., Marsden S. The ideology of temporary labour migration in the post-global era // *Citizenship Studies*. 2014. Vol. 18, № 2. P. 224–242. DOI [10.1080/13621025.2014.886441](https://doi.org/10.1080/13621025.2014.886441).
10. Singh S., Cabraal A. Indian Student Migrants in Australia: Issues of Community Sustainability // *People and Place*. 2010. Vol. 18, № 1. P. 19–30.
11. Yeoh B., Lin W. Chinese Migration to Singapore: Discourses and Discontents in a Globalizing Nation-State // *Asian and Pacific Migration Journal*. 2013. Vol. 22, № 1. P. 31–54. DOI [10.1177/011719681302200103](https://doi.org/10.1177/011719681302200103).
12. Robertson S. The Temporalities of International Migration: Implications for Ethnographic Research. Institute for Culture and Society Occasional Paper Series. 2014. Vol. 5, № 1. DOI [10.4225/35/57a969210f1a0](https://doi.org/10.4225/35/57a969210f1a0).
13. Golden D. Belonging through Time: Nurturing National Identity among Newcomers to Israel from the Former Soviet Union // *Time and Society*. 2002;11(1):5–24. DOI [10.1177/0961463X02011001001](https://doi.org/10.1177/0961463X02011001001).
14. Worby E. Address Unknown: The Temporality of Displacement and the Ethics of Disconnection among Zimbabwean Migrants in Johannesburg // *Journal of Southern African Studies*. 2010. Vol. 36, № 2. P. 417–431. DOI [10.1080/03057070.2010.485792](https://doi.org/10.1080/03057070.2010.485792).
15. Бредникова О. Е. «Время для временных»: особенности измерения времени для трудовых мигрантов из Средней Азии в Россию // *Антропология интердисциплинарности: тезисы международной научной конференции «Второй Томский антропологический форум» (Томск, 11–13 октября 2018 г.)* / Отв. ред. Д. А. Функ, И. В. Нам. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. С. 6–7. EDN [ZAICDR](https://doi.org/10.1177/0961463X02011001001). [Brednikova O. E. “Time for the temporary”: features of time measurement for labor migrants from Central Asia to Russia. In: Funk D. A., Nam I. V., eds. *Anthropology of interdisciplinarity: abstracts of the international scientific conference “The Second Tomsk Anthropological Forum”* (Tomsk, October 11–13, 2018). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta; 2018. P. 6–7. (In Russ.)].
16. Бредникова О. Е. Мобильная занятость мобильного субъекта // *The Journal of Social Policy Studies*. 2020. Т. 18, № 4. С. 705–720. DOI [10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720](https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720). EDN [YCCCBY](https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720). [Brednikova O. E. Mobile employment of a mobile subject. *The Journal of Social Policy Studies*. 2020;18(4):705–720. (In Russ.). DOI [10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720](https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720)].
17. Савоскул М. С. Стратегии адаптации этнических мигрантов в локальных сообществах // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2011. № 5 (105). С. 103–112. EDN [OPGTIH](https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720). [Savoskul M. S. Adaptation strategies of ethnic migrants in local communities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'nye peremeny*. 2011;(5):103–112. (In Russ.)].
18. Faist T. Transnational social spaces out of international migration: evolution, significance and future prospects // *Archives Européennes de Sociologie*. 1998. Vol. 39, № 2. P. 213–247.
19. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / А. Страусс, Дж. Корбин ; пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 256 с. [Strauss A., Corbin D. *Basics of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques*. Moscow: Editorial URSS; 2001. 256 p. (In Russ.)].

Сведения об авторе

А. А. Эндрюшко

кандидат социологических наук,
научный сотрудник,
старший научный сотрудник
SPIN-код: 4458-5876

Статья поступила в редакцию 06.10.2025; одобрена после рецензирования 25.10.2025;
принята к публикации 17.11.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.4.9](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.9)

OPPORTUNITY, RESOURCE, BURDEN: THE ROLE OF TIME IN MIGRANT INTEGRATION

Anna Alexandrovna Endryushko

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Institute of China and Contemporary Asia of RAS,
Moscow, Russia

anna.endryushko@mail.ru,
ORCID [0000-0002-1358-1145](https://orcid.org/0000-0002-1358-1145)

For citation: Endryushko A. A. Opportunity, resource, burden: the role of time in migrant integration. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025; 13(4):212–229. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.4.9](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.9).

Abstract. The article examines the role of time in migrant integration processes. This study continues a previous research stage based on quantitative data and aims to uncover the mechanisms through which time exerts its influence. Drawing on 32 in-depth semi-structured interviews with migrants from Azerbaijan with varying migration backgrounds (from 5 to over 20 years), it explores how time is linked to aspects of integration covered in the previous article: professional status, interethnic interaction, language skills, quality of life, identity structures, and transnationalism. The analysis was conducted using the open coding method, with the identification of subcategories reflecting individual integration strategies over time. The results demonstrate that the influence of time on integration is non-linear and multidimensional. In professional advancement and interethnic interaction, time acts primarily as a backdrop for the implementation of personal strategies, weakly determining changes. In language integration and quality of life improvements, a cumulative effect is observed, whereby time creates the opportunity for improvement but does not guarantee it. In transnational practices and identity structures, time transforms the nature of ties rather than their intensity – shifting from everyday involvement to symbolic forms of connection and the formation of a complex, multi-layered identity. The role of time in migration processes is conceptualized as an opportunity, a resource, or a burden, depending on life circumstances and migrants' personal agency. The theoretical contribution of the article lies in rethinking time not as an external determinant, but as a socially constructed category in which migrants become active agents managing their own temporal narratives. The

research confirms that successful integration is not an automatic outcome of time elapsed, but rather the result of the interaction between long-term residence and a system of personal and structural conditions.

Keywords: migration, migrant integration, time, temporality, long-term migration, circular migration, identity, transnationalism.

Information about the Author

A. A. Endryushko

Candidate of Sociology,

Researcher,

Senior Researcher

ResearcherID: [H-8504-2018](#)

Scopus AuthorID: [57208757763](#)

The article was submitted 06.10.2025; approved after reviewing 25.10.2025; accepted for publication 17.11.2025.

НАУКА И ВЫСШАЯ ШКОЛА ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ: СТРАТЕГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ИТОГАМ НАУЧНО- ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)

Наталья Николаевна Зарубина¹
Дарья Николаевна Карпова²
Татьяна Дмитриевна Капитоненкова³

^{1, 2, 3} Московский государственный институт
международных отношений МИД России,
Москва, Россия

¹ n-zarubina@yandex.ru,

ORCID 0000-0001-8120-3376

² d.karpova@inno.mgimo.ru,

ORCID 0000-0003-4859-7822

³ t.kapitonenkova@inno.mgimo.ru,

ORCID 0009-0005-0071-7372

Для цитирования: Зарубина Н. Н., Карпова Д. Н., Капитоненкова Т. Д. Наука и высшая школа перед вызовами современности: стратегии и перспективы развития (размышления по итогам научно-практической конференции) // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 4. С. 230–237. DOI 10.19181/snsp.2025.13.4.10. EDN VZKNDK.

Аннотация. Современная наука и высшее образование переживают глубокие трансформации под влиянием цифровизации, глобализации и геополитических вызовов. Эти процессы меняют структуру научной деятельности и формируют новый эпистемический ландшафт, в котором российская наука сталкивается с вызовами неравного доступа к международным научным ресурсам. В этих условиях особенно актуальны поиски альтернативных моделей организации знания, основанных на междисциплинарном синтезе и учёте национального культурного контекста.

Ключевые слова: академическая среда, суверенизация науки, научное наставничество, волонтерство, неоструктуризация, парадигмальный сдвиг, академическая дружба

Современный мир характеризуется глубокими трансформациями и высокой динамикой социальных изменений, которые затрагивают если не все, то почти все области человеческой деятельности, включая науку и высшее образование. Глобализация, цифровизация, изменение моделей получения и трансляции

© Зарубина Н. Н., 2025

© Карпова Д. Н., 2025

© Капитоненкова Т. Д., 2025

знания, инспирированное геополитически глобальное неравенство в сфере производства знания, в целом растущее давление на академические свободы формируют новый контекст функционирования научно-образовательной системы. Подводя итоги 2024 года, участники ежегодной конференции на базе кафедры социологии МГИМО МИД России «Российское научное и образовательное сообщество перед вызовами современности: стратегии и перспективы развития» рассматривали эти принципиальные вызовы, с их позиций анализировали современное состояние российской науки и высшего образования и искали ответы на них.

Глобальные проблемы российской науки и образования

С. А. Хлыновская и А. А. Изгарская (СО РАН) подчеркнули, что в современном глобализированном мире наука перестала быть автономной сферой, превратившись в важнейший элемент геокультурных процессов. Авторы обратили внимание на тот факт, что, согласно данным исследований, около 78% всех цитирований в социально-гуманитарных науках приходится на журналы, издаваемые в странах «ядра» миросистемы (США и государствах ЕС). При этом российские исследования представлены в топ-квартиле (Q1) всего в 12% случаев, что красноречиво свидетельствует о периферийном положении отечественной науки в глобальном эпистемическом пространстве.

Нечёткие на сегодня перспективы суверенизации науки и образования отметил и С. А. Кравченко (МГИМО), выделив наиболее важные проблемы, с которыми столкнулось научное сообщество. В их числе необходимость создания ряда метапарадигм, интегрально включающих в себя социальное, естественнонаучное и гуманитарное знание, содержащих национально-культурный стержень. Необходимо переходить к собственным социологическим теориям и подходам, а не заимствовать западные, а также к меж- и постдисциплинарным парадигмам, нацеленным на синергийный характер сложностей новой России [1].

Трансформации научного знания и института науки в современных условиях: кризис экспертизы и новый коллективизм

Деформации **экспертных функций науки** подчеркнул И. В. Катерный (МГИМО). В современном эпистемическом ландшафте наблюдается парадоксальная ситуация: с одной стороны, наука продолжает оставаться важнейшим источником достоверного знания, с другой – её авторитет сталкивается с беспрецедентными вызовами. Как отмечают многие исследователи, мы живём в эпоху так называемой антиэкспертной революции, когда традиционные механизмы производства и легитимации научного знания подвергаются системной девальвации. Возможно, с этим связана и проблема воспроизводимости результатов многих исследований, что также подрывает доверие к науке и экспертную значимость в современном обществе. Это не может не сказаться

на **восприятии учёными своего места в обществе и профессионального благополучия**. Как отметила А. В. Носкова (МГИМО), проведённое учёными МГИМО МИД России исследование показало, что среди основных факторов профессиональной самореализации на первое место выходит удовольствие от содержания работы (66% респондентов), тогда как такой традиционный для научной среды мотив, как вклад в развитие науки, занимает лишь четвертую позицию в рейтинге приоритетов¹.

Проблему **оценки эффективности и продуктивности научно-исследовательской деятельности** рассмотрел А. Л. Темницкий (МГИМО). Согласно полученным в ходе ранее проведённого исследования данным, продуктивность научной деятельности сегодня оценивается не только через традиционные наукометрические показатели, такие как количество публикаций и индекс Хирша, но и через более широкий спектр критериев. Как показывают глубинные интервью с учёными, многие исследователи связывают свою эффективность с практической пользой работы – будь то влияние на государственные решения, развитие бизнес-процессов или создание новых образовательных программ. Кроме того, значительная часть респондентов акцентирует внимание на теоретическом вкладе, подчёркивая важность разработки новых концепций и методологий. Таким образом, продуктивность оказывается многомерным понятием, выходящим за рамки формальных показателей. В то же время нельзя отрицать, что индекс Хирша остаётся одним из наиболее распространённых инструментов оценки научной деятельности. Любопытно, что молодые учёные в возрасте 29–39 лет, несмотря на потенциально дискриминирующий характер индекса, относятся к нему более позитивно, чем их старшие коллеги [2]. Вероятно, это связано с тем, что для начинающих исследователей наукометрические показатели остаются одним из немногих доступных способов подтвердить свою «состоятельность». А. Л. Темницкий также рассмотрел проблему **неравномерного распределения ресурсов и возможностей среди учёных**, известную как эффект Матфея. В числе факторов, способных смягчить проявление эффекта Матфея, А. Л. Темницкий выделяет, во-первых, институциональную принадлежность: учёные, работающие в институтах РАН, демонстрируют более высокие показатели продуктивности по сравнению с теми, кто занят в вузах. Во-вторых, значимым предиктором оказывается уровень дохода – исследователи, зарабатывающие более 80 тысяч рублей, имеют заметно лучшие наукометрические

¹ Данная работа ведётся уже на протяжении четырёх лет и включает как количественные, так и качественные методы исследования. В 2022–2024 гг. были последовательно проведены онлайн-опросы научных сотрудников, серия фокус-групп с преподавателями вузов и сотрудниками НИИ, а также глубинные интервью с представителями научного сообщества. Всего в исследовании приняли участие 536 респондентов, что позволяет считать полученные данные репрезентативными. В ходе исследования был разработан оригинальный методический инструментарий для оценки профессионального благополучия: учитывались как субъективные показатели (удовлетворённость профессиональной деятельностью, оценка престижа профессии, самооценка эффективности), так и объективные параметры (статусная позиция, исследовательская активность, профессиональные достижения).

результаты. В-третьих, продуктивность напрямую связана с развитостью профессиональных сетей: активное сотрудничество с российскими и зарубежными коллегами существенно повышает публикационную активность.

Таким образом, была подчеркнута значимость ещё одной **трансформации современного института научных исследований – существенное усиление их коллективного характера**. Современный учёный – это уже не одинокий искатель истины, а участник группы со сложными горизонтальными и вертикальными связями, ориентированный на достижение поставленной исследовательской цели. Проблематика формирования научных коллективов и сообществ была затронута рядом участников конференции. Н. Н. Зарубина (МГИМО), на основе результатов качественного исследования, говорила о значимости образования неформальных локальных сообществ учёных, которые образуются на основе общих мировоззренческих установок и стилей взаимодействия, разделяемых этических позиций. Не будучи институционализированными, подобные сообщества оказывают существенное влияние на профессиональную среду, как отмечают информанты, принадлежность к таким кругам определяет доступ к научным мероприятиям, участию в проектах и грантах, публикациям и другим ресурсам, причём критерии включения носят неформальный характер. В отличие от научных школ, объединённых общей методологией, или «невидимых колледжей», сфокусированных на конкретных исследовательских проблемах, спонтанные группировки формируются вокруг мировоззренческого единства. Важной функцией таких неформальных объединений является поддержание этических стандартов научной работы. Они действуют как своеобразные «этические сообщества» в мертоновском понимании, транслируя нормы научной честности и ответственности. При этом конкретное содержание этих норм может существенно различаться между разными кругами – то, что в одной группе считается недопустимым (например, «накрутка» количества цитирований), в другой может восприниматься как норма. Однако неформальные группировки учёных имеют и дисфункциональные аспекты. Их закрытый характер создаёт барьеры для исследователей с альтернативными взглядами, способствуя их исключению из научной коммуникации.

Проблематике **неформальных отношений внутри академического сообщества – академической дружбы** – посвятила своё выступление Е. Л. Башманова (Курский государственный университет). Исследования выявляют две принципиально разные исторические типологии научной дружбы: духовную (неинструментальную), восходящую к традициям древнегреческих учёных, ценящую общение как таковое, и прагматическую (инструментальную), характерную для древнеегипетской научной школы и ориентированную на взаимную выгоду. Эти модели, как показывают современные исследования, продолжают сосуществовать и в нынешней академической среде. Особого внимания заслуживает положение академической дружбы в структуре современных научных сообществ. Анализ работ А. И. Пригожина [3] показывает, что она занимает промежуточное положение между строгими формальными отношениями, регламентированными должностными инструкциями, и неформальным

социально-психологическим общением. Такой промежуточный статус, с одной стороны, создаёт определённые сложности для исследования, но с другой – открывает новые возможности для научного поиска.

Однако, при всей значимости коллективных исследований и межличностных отношений в современных научных практиках, в российском научном сообществе обозначается **проблема научного наставничества как ключевого механизма воспроизводства и развития научного потенциала страны**. В рамках конференции были представлены результаты исследования состояния научного наставничества в России, проведённого Российским научно-исследовательским институтом экономики, политики и права в 2023 году (И. М. Фадеева). Авторы этого проекта выявляют ряд критических тенденций в области научного наставничества. Так, по данным исследования, с 2010 по 2022 год наблюдается снижение исследовательского потенциала страны, выраженное в сокращении числа аспирантов и докторантов. Пожалуй, одной из самых заметных проблем является сокращение числа научных руководителей. По данным РИЭПП, за период с 2015 по 2023 год количество научных руководителей аспирантов снизилось более чем на треть (36,3%). Это создаёт дополнительную нагрузку на оставшихся научных руководителей и негативно сказывается на качестве подготовки научных кадров [4].

Высшее образование в контекстах технологических и институциональных трансформаций: новый парадигмальный сдвиг?

Ещё одной чрезвычайно важной сферой деятельности учёных является высшее образование: большинство современных учёных совмещают преподавательскую деятельность с научными проектами, а также занимаются исследованиями различных институциональных, педагогических, психологических и прочих проблем высшего образования. По мнению многих представителей науки, высшее образование находится в турбулентном состоянии и нуждается в кардинальном пересмотре. Этот сдвиг, приобретающий парадигмальный характер, обусловлен изменениями рынка труда, востребованностью человеческого потенциала качественно нового типа, для которого базовыми становятся не приобретённые навыки и компетенции, а **способность к постоянному приобретению новых**. В этой связи профессор С. А. Барков (МГУ им. М. В. Ломоносова) высказал мнение о необходимости разработки институциональной матрицы системы образования.

О **смене образовательной парадигмы в сторону личностного потенциала** рассуждал В. А. Ясвин (МГИМО). Под личностным потенциалом подразумевается процесс саморегуляции, который помогает личности преодолеть навязчивое воздействие внутренних импульсов и внешних давлений и прокладывать путь в изменчивом мире, руководствуясь своими целями и смыслами (Д. Леонтьев). Кроме того, личностный потенциал – это так называемый «внутренний заряд», включающий целеустремлённость, оптимизм, жизнестойкость,

умение делать оптимальный выбор и адаптироваться к разным условиям. Такой потенциал позволяет преодолевать трудности, справляться с жизненными вызовами и реализовывать свои потребности, желания и мечты.

Одним из решений проблемы «стратегической неопределённости» становится развитие **агентности**, т. е. способности индивида к активному преобразованию окружающей реальности [5]. Теоретической рамкой осмысления агентности молодёжи становится, по мнению П. С. Сорокина (НИУ ВШЭ), **концепция неоструктуризации**, под которой понимается изменение логики эволюции социальных структур, когда они в большей степени начинают зависеть от индивидуальной агентности, не детерминированной этими структурами, т. е. новая интерпретация агентности предполагает действие, оказывающее влияние на структуры в недетерминированном ими направлении. Эмпирические данные исследования, на которое ссылался П. С. Сорокин, свидетельствуют о высокой степени проявления агентности среди студенческой молодёжи в России [6]. Одним из проявлений такой агентности является волонёрская деятельность или, как отмечает сам П. С. Сорокин, **социальный активизм** как форма *созидательного инициативного действия*.

В заключении подчеркнём, что в контексте данных вызовов считаем важным предложенные стратегии для модернизации академической и образовательных сфер: развитие национальных научных школ, интеграция междисциплинарных исследований, укрепление открытых академических сообществ и реформа образования через инновационные форматы обучения. Основные приоритеты – повышение устойчивости институтов, переход к независимым от западных метрик стандартам и создание экосистемы, объединяющей науку, образование и принципы социальной ответственности. Эти меры направлены на обеспечение технологического суверенитета, культурной самобытности и долгосрочного развития России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. На переломе веков: социодинамика российской культуры : [монография] / М. К. Горшков, С. Н. Комиссаров, О. И. Карпунин ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН. 2022. 703 с. ISBN 978-5-89697-390-4. EDN [ZNLAIZ](#).
2. Темницкий А. Л. Мотивация и проблема продуктивности научной деятельности российских учёных / А. Л. Темницкий // Социологические исследования. 2024. № 3. С. 28–43. DOI [10.31857/S0132162524030033](#). EDN [EYDOID](#).
3. Пригожин А. И. Методы развития организаций. М. : МЦФЭР, 2003. 864 с. ISBN 5-7709-0198-5.
4. Ильина И. Е., Фадеева И. М. Исследование роли наставничества в науке как фактора научно-технологического развития // Управление наукой и наукометрия. 2023. Т. 18, № 4. С. 544–577. DOI [10.33873/2686-6706.2023.18-4.544-577](#). EDN [PRNQFS](#).
5. Сорокин П. С. Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 103–114. DOI [10.31857/S013216250022927-2](#). EDN [YXWUEK](#).
6. Сорокин П. С., Редько Т. Д. Современные исследования агентности в сфере образования: систематизация ключевых понятий и разработок // Вопросы образования. 2024. № 1. С. 236–264. DOI [10.17323/vo-2024-18131](#). EDN [VUHDOK](#).

Сведения об авторах

Н. Н. Зарубина

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры социологии
SPIN-код: 3651-5181

Д. Н. Карпова

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии
SPIN-код: 6410-1458

Т. Д. Капитоненкова

преподаватель, научный сотрудник
SPIN-код: 9633-3891

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 22.08.2025; одобрена после рецензирования 02.10.2025;
принята к публикации 17.11.2025.

Brief scientific information

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.4.10.

SCIENCE AND HIGHER SCHOOL FACING THE CHALLENGES OF MODERNITY: STRATEGIES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Natalya Nikolaevna Zarubina¹

Darya Nikolaevna Karpova²

Tatyana Dmitrievna Kapitonenkova³

^{1,2,3} Moscow State Institute of International Relations,
Moscow, Russia

¹ n-zarubina@yandex.ru,

ORCID 0000-0001-8120-3376

² d.karpova@inno.mgimo.ru,

ORCID 0000-0003-4859-7822

³ t.kapitonenkova@inno.mgimo.ru,

ORCID 0009-0005-0071-7372

For citation: Zarubina N. N., Karpova D. N., Kapitonenkova T. D. Science and higher school facing the challenges of modernity: strategies and prospects for development. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(4:)230–237. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2025.13.4.10.

Abstract. This paper emphasizes that modern science and higher education are undergoing profound transformations under the influence of digitalization, globalization, and geopolitical challenges. These processes are changing the structure of scientific activity and shaping a new epistemic landscape in which Russian science faces challenges of unequal access

to international scientific resources. In these conditions, the search for alternative models of knowledge organization based on interdisciplinary synthesis and consideration of the national cultural context is especially relevant.

Keywords: academic environment, sovereignty of science, scientific mentoring, volunteering, neostructuring, paradigm shift, academic friendship.

REFERENCES

1. Gorshkov M. K., Komissarov S. N., Karpuhin O. I. At the turn of the century: sociodynamics of Russian culture. Moscow: FNISC RAN; 2022. 703 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-390-4.
2. Temnitskiy A. L. Motivation and the problem of productivity of scientific activity of Russian scientists. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2024;(3):28–43. (In Russ.). DOI [10.31857/S0132162524030033](https://doi.org/10.31857/S0132162524030033).
3. Prigozhin A. I. Methods of organization development. Moscow: MCFER; 2003. 864 p. (In Russ.). ISBN 5-7709-0198-5.
4. Ilina I. E. Research on the role of mentoring in science as a factor in scientific and technological development. *Science Management and Scientometrics=Upravlenie naukoy i nauko-metriya*. 2023;(18):544–577. DOI [10.33873/2686-6706.2023.18-4.544-577](https://doi.org/10.33873/2686-6706.2023.18-4.544-577).
5. Sorokin P. S. The problem of “agency” Through the prism of the new reality: state and directions of development. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2023;(3):103–114. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250022927-2](https://doi.org/10.31857/S013216250022927-2).
6. Sorokin P. S., Redyko T. D. Contemporary research on agency in education: systematization of key concepts and developments. *Educational Studies=Voprosy obrazovaniya*. 2024;(1):236–264. (In Russ.). DOI [10.17323/vo-2024-18131](https://doi.org/10.17323/vo-2024-18131).

Information about the Authors

N. N. Zarubina

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor
ResearcherID: [I-4213-2017](https://orcid.org/0009-0001-4213-2017)
Scopus AuthorID: [25724036000](https://orcid.org/0009-0001-4213-2017)

D. N. Karpova

Candidate in Sociology,
Associate Professor
Scopus AuthorID: [57205266411](https://orcid.org/0009-0001-57205266411)

T. D. Kapitonenkova

Lecturer, Research Associate

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 22.08.2025; approved after reviewing 02.10.2025; accepted for publication 17.11.2025.

БЛАГОДАРНОСТИ РЕЦЕНЗЕНТАМ

РЕДАКЦИЯ ВЫРАЖАЕТ БЛАГОДАРНОСТЬ ВСЕМ ЭКСПЕРТАМ,
ВЫСТУПИВШИМ РЕЦЕНЗЕНТАМИ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ,
ПОСТУПИВШИХ В 2025 ГОДУ

Аксёновой Ольге Владимировне
Андреевской Анне Владимировне
Атласкирову Альберту Руслановичу
Бараш Раисе Эдуардовне
Беляевой Людмиле Александровне
Богданову Владимиру Сергеевичу
Ворониной Наталье Сергеевне
Воронковой Ольге Алексеевне
Галиндабаевой Вере Валериевне
Григорьевой Ксении Сергеевне
Гурко Татьяне Александровне
Епихиной Юлии Борисовне
Журавлёвой Ирине Владимировне
Зборовскому Гарольду Ефимовичу
Зубок Юлии Альбертовне
Козыревой Полине Михайловне
Кузнецову Игорю Михайловичу

Латовой Наталии Валерьевне
Латову Юрию Валерьевичу
Мерзлякову Андрею Александровичу
Назарову Михаилу Михайловичу
Подлесной Марии Александровне
Проказиной Наталье Васильевне
Селивёрстовой Нине Анатольевне
Смирнову Александру Ильичу
Слободенюк Екатерине Дмитриевне
Татаровой Галине Галеевне
Теву Денису Борисовичу
Тихоновой Наталье Евгеньевне
Тыкановой Елене Валерьевне
Чепуренко Александру Юльевичу
Чумикову Александру Николаевичу
Шиловой Валентине Александровне
Шлыковой Елене Викторовне

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Сетевой научный журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Эл № ФС77-85089 от 31 марта 2023 года
ISSN 2413-6891

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)

Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор – Горшков М. К.

Заместитель главного редактора-ответственный секретарь – *Мозговая А. В.*

Заместитель главного редактора – *Кравченко С. А.*

Заведующая редакцией – *Зорина А. Е.*

Редакторы:

Зеленская О. Ю., Камышан В. В., Савоськина А. П.

Технический редактор: *Ломантёрова С. И.*

Оригинал-макет; вёрстка: *Щербов М. Ю.*

Журнал «Социологическая наука и социальная практика» включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1. Белый список. Уровень 1; индексируется в WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Электронная почта редакции: mozgovai@yandex.ru

Телефон редакции: 8 499 120-82-57. Факс редакции: 8 495 719-07-40

Официальный сайт журнала: <https://www.socnp.ru>

2025. Том 13, № 4. Дата выхода в свет 29.12.2025.

№ 4, 2025
ТОМ 13

ISSN 2413-6891

**Социологическая
наука
и
социальная
практика**

Москва, 117218, ул. Кржижановского,
д. 24/35, к. 5, e-mail: snsp@isras.ru
тел. 8 499 125-00-79
<http://www.socnp.ru>